

У $\frac{178}{110}$

СИЛИН.

21 178
110

Проф. Н. Д. СИЛИН

**КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА
ЭМИССИОННОГО БАНКА
И УСТОЙЧИВАЯ ВАЛЮТА
(АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ БАНК)**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

**ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКФ СССР
МОСКВА**

1928

21 178
110

Проф. Н. Д. СИЛИН

**КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА
ЭМИССИОННОГО БАНКА
И УСТОЙЧИВАЯ ВАЛЮТА
(АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ БАНК)**

**ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ**

**ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКФ СССР
МОСКВА**

1928

Гублнт № 143. (Вологда).

Тираж 2000 экз.

Заказ № 465.

2022530737

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое издание этой книги вышло в 1913 году.¹ Для настоящего издания я счел необходимым не только восполнить изложение использованием новейшей литературы (поскольку она в наших условиях могла мне быть доступной) и историческим обзором следовавших за 1912 годом явлений, но и совершенно переработать всю книгу от начала до конца, стремясь устранить недостатки ее первого издания, которые вполне мною сознавались. При этом я старался принять во внимание замечания научной критики, в большинстве, впрочем, благосклонно отнесшейся к моему исследованию.

Вряд ли нужно в настоящее время оправдывать привлечение внимания интересующихся экономическими вопросами читателей к деятельности Австро-Венгерского Банка. Указание Кнаппа, что именно на примере Австрии лучше всего изучать денежное дело и его развитие, никогда не звучало так современно, как в условиях настоящего момента. Практика Австро-Венгерского Банка по охране устойчивости валюты, его знаменитая девизная политика, в сильнейшей степени содействовала пересмотру существовавших до тех пор представлений о наилучшей организации денежной системы и если не породила, то, несомненно, сделала популярною идею так называемой «валюты с золотым ядром»; пример Индии исторически оказался, конечно, менее влиятельным. Между тем, обстановка послевоенного времени заставила целый ряд стран (в том числе и Советский Союз) искать выхода из порожденного войною расстройством денежных систем в установлении и поддержании «стабилизированных» валют на началах, характеризующих вышеуказанную идею; по справедливому замечанию одного из новейших исследователей (Махлюпа), стабилизированные валюты послевоенного времени представляют собою не что иное как «валюты с золотым ядром». В довоенной Австро-Венгрии подобная система действовала долговременно (18 лет) и с успехом; естественно подвергнуть ее внимательному изучению.

Вероятно, более необходимо предпослать нашему изложению следующее замечание. Для понимания валютной политики Австро-Венгерского

¹ Н. С и л и н—Австро-Венгерский Банк. Исследование по вопросу об отношениях между центральным эмиссионным банком и государством. М. 1913. Для настоящего издания это заглавие пришлось заменить другим.

Банка, проводившейся им в течение десятилетий, непосредственно предшествующих войне, изложение истории этого Банка с момента его возникновения не только не является излишним, но представляет собою даже самую настоятельную необходимость. Как читатель увидит из нашего изложения, особенности валютной политики Австро-Венгерского Банка были порождены его прошлым: пережитые в течение XIX века австрийскою денежною системой злключения и роль в них, сыгранная Банком,—с одной стороны, а с другой—вызванная этим критика его деятельности и ставившиеся ему задачи определили собою тот образ действий Банка, которому суждено было оказать существенное влияние на господствующие представления об организации денежных систем. Постепенно назревавший в Австро-Венгрии конфликт между Банком и общественным мнением, пройдя через разные стадии, создал, наконец, положение, из которого его валютная политика естественно вытекала. Нужно совершенно недооценивать значение валютной организации предвоенной Австро-Венгрии, нужно рассматривать относящиеся в ней события и мероприятия просто как необъяснимую и непонятную «странность» для того, чтобы сказать, как покойный И. И. Кауфман (Бумажные деньги в Австрии, Спб., 1913 г., стр. 142): «Останавливаться на толках и спорах того времени не стоит. Шума было много и в ученой литературе, и в парламентах, и в прессе»... Этот «шум» был шумом той кузницы, в которой ковались новые формы денежной организации; значение этих форм (как увидим) иногда, может быть, и преувеличивалось, но они, как показано было дальнейшими событиями, несомненно имели за собою будущее.

Автор.

6 сентября 1927 г.
г. Москва.

ГЛАВА I

Центральный Банк до - мартовской Австрии

Первый год XIX века застал габсбургские земли в условиях того же патриархального политического и экономического строя, который был характерным для них в течение предшествовавшего столетия: реформы Марии-Терезии и Иосифа II не внесли в сущности в этот строй особенно глубоких изменений. Государственное устройство и управление были основаны на началах абсолютизма, обратившего права местных провинциальных собраний (ландтагов), например, в области утверждения налогов, в простую формальность; в Венгрии существовала средневековая аристократическая конституция, но правительство избегало созыва сейма. Долгое время все нити управления должны были объединяться только в руках императора; лишь в XIX веке было создано нечто в роде совета министров (государственная конференция). В строгом соответствии с этими порядками финансовое состояние государства держалось в глубокой тайне; государственная роспись не подлежала опубликованию. Между тем положение австрийских финансов в течение XVIII века бесповоротно ухудшалось.

В основе расстроенного состояния австрийского государственного хозяйства лежала узость его податного базиса. Привилегии высшего сословия выражались не только в правах дворян на крестьянский труд (барщина—Robot), оброки или выкупные платежи и не только в их политических правах (участие в ландтагах, а в Венгрии—в сейме), но распространялись и на область налогов, в которой дворянство пользовалось различными льготами вплоть до полной свободы от обложения (впрочем, последнюю находим лишь в Венгрии). В виду этого налоги падали преимущественно на менее состоятельных. При этом податное дело было лишено какой бы то ни было системы: прямые налоги не имели связи между собою, так как вводились в разное время, в моменты особого обострения нужды в средствах, и страдали серьезными недостатками в организации; налоги на потребление часто падали на предметы первой необходимости. Поступления от таких налогов не могли быть увеличены в минуту нужды; но эта податная организация не обладала и способностью к постепенному развитию по условиям существовавшего экономического строя, окруженного неподвижной рамой цеховой организации промыслов, запретительной таможенной системы и изъятий от мобилизации земельной собственности. Кроме того, целый ряд налогов не распространялся на Венгрию, привлечение которой к большему участию в бремене государственных расходов могло быть

произведено лишь с соблюдением конституционных форм, по возможности избегавшихся правительством; австрийские провинции были отделены от Венгрии таможенной чертой, главное назначение которой состояло в том, чтобы уравновесить свободу Венгрии от косвенных налогов, но которая в то же время тяжело стесняла хозяйственный оборот.

Истощение податных источников, весьма легкое при таких условиях, заставило государственную власть вступить на путь накопления долгов. Так как помощь придворных банкиров, долго бывших ее главными кредиторами, была по необходимости ограниченной по размерам и, кроме того, обходилась слишком дорого (процент колебался от 12 до 20%), была еще в начале XVIII века выдвинута мысль о создании кредитного учреждения, которое, развивая активные банковские операции, стягивало бы к себе средства населения и вместе с тем могло бы оказать поддержку и государству. В этих целях был учрежден (в 1703 году) *Banco del giro*, которому вследствие бедности страны капиталами пришлось дать форму государственного банка; рассчитывали укрепить государственный кредит перенесением на этот банк ответственности по государственным долгам, уплата которых, как и оказание помощи государству в затруднительных случаях, были на него официально возложены. Попытка оказалась, разумеется, тщетной: поддержать государственный кредит при помощи банка, средства которого стоят в полном распоряжении государства, было невозможно. Пришлось передать *Banco del giro* городу Вене (1705 г.). Первое время это принесло выгоду государственному кредиту: та часть государственных займов, которая выпускалась под гарантией городского банка, пользовалась большим доверием населения, чем другие займы.¹ Но полномочия правительства и в данном случае погубило дело: в первое время после передачи банка Вене его услуги государству ставились в зависимость от заключения соглашений между банком и правительством; но постепенно эти соглашения обратились в простую формальность, и государственная власть стала эксплуатировать банк в своих интересах; в конце концов (в 1769 г.) управление банком и совсем перешло в руки гоф-камеры (министерства финансов).

Неудача попытки реорганизовать и укрепить государственный кредит с помощью венского городского банка заставила правительство подумать о более прямом использовании последнего путем дарования банку эмиссионной функции. Право эмиссии было дано банку в 1762 году, но сумма выпущенных тогда банковских билетов была невелика, и они скоро исчезли из обращения. Правильный выпуск этих билетов—«банкоцеттелей»—начался с 1771 года. Так как в Австрии с 1753 года существовала т. н. «конвенционная» (в силу конвенции с Баварией) серебряная валюта, банкоцеттели были разменны на серебро; их мельчайшею купюрой было 5 гульденов (гульден, или флорин, к. м.—«конвенционная монета»)—имел чистое содержание серебра в 11.6945 граммов и составлял на наши деньги 65 коп.).

¹ H a u e r. Beiträge zur Geschichte der österr. Finanzen. Wien, 1848. Стр. 122.

Банкоцеттели выпускались от имени Венского банка, который с 1769 года стал государственным, так что и билеты его являлись государственными кредитными билетами. Но до 1793 года выпуск их производился с осторожностью, сумма их в обращении была невелика (в 1772 году она составляла 1,45 млн., а в 1793 г. 27,52 млн. гульденов), разменность на серебро сохранялась, и курс стоял на паритете. Однако, уже в царствование Иосифа II в государственном бюджете появился дефицит, ставший характерной чертой государственного хозяйства Австрии в течение целого столетия, и, конечно, австрийские финансы не могли выдержать бремени тех требований, которые были к ним предъявлены наступившею с 90-х годов эпохой войн с Францией: в 1793—98 г.г. все государственные доходы составили 451 млн. гульд., а государственные расходы за тот же период (включая военные) достигли 808 млн.¹ Как естественно было ожидать, правительство использовало стоявший в его распоряжении эмиссионный аппарат венского банка: если в первое десятилетие этого периода возрастание обращения банкотеттелей еще держалось в некоторых пределах (оно возросло с 27,52 млн. в 1793 г. до 377,12 млн. в 1805 г.), то наступившая вслед за тем эпоха неудачных войн с Наполеоном увеличила это обращение в чрезвычайной по тому времени степени: в июле 1811 года оно составляло 1.060,80 млн. гульд. Уже с 1791 года размен банкотеттелей стал обставляться затруднениями, а в 1797 г. он и совсем прекратился; в 1800 году был введен принудительный курс и выпущены мелкие купюры (в 1—2 гульд.); незадолго перед введением этой меры началось обесценение банкотеттелей и исчезновение звонкой монеты из обращения. В табсбургских землях установилось бумажно-денежное хозяйство.

Обесценение банкотеттелей прогрессировало возрастающим темпом, и лаж на серебро поднялся с 3% в январе 1799 года до 782% в январе 1811 года, так что к этому времени банкотеттели упали до 10% своей номинальной ценности. Рост цен и расстройство народного хозяйства и государственных финансов выдвигали теперь на первый план задачу внесения порядка в денежное обращение, и нельзя сказать, чтобы австрийское правительство не посвящало этой задаче усиленного внимания уже с самого начала периода денежного расстройства: оно пыталось бороться с развитием лажа запрещением скупки и вывоза серебряных монет, старалось поддержать курс банкотеттелей путем биржевых операций с иностранными векселями (любопытно, что эти начатки девизной политики вызвали резкую критику), регулировало товарные цены, создавало специальные фонды для извлечения банкотеттелей из обращения, наконец, обращалось к кредитным операциям. Но все было напрасно в виду постоянного действия трех вызывавших рост денежного обращения факторов — недостатка средств для полного покрытия даже обыкновенных расходов, настоятельности военных потребностей и невозможности провести финансовые реформы, несовместимые

¹ Fr. Leiter. Die Entwicklungstendenz des österr. Staatshaushaltes. Wien, 1909. Стр. 8.

с существовавшим политическим строем: откладывавшиеся для упорядочения денежного обращения средства употреблялись на нужды армии (1806 г.), а попытки реформ наталкивались на сопротивление привилегированных сословий и опасения правительства поколебать принцип абсолютизма (1806, 1809 и 1810 г.г.).

Поражение 1809 года, сопровождавшееся необходимостью уплатить Наполеону контрибуцию в 200 млн. гульденов, довершило расстройство денежного обращения, так что возникли даже опасения полной нуллификации банкнотеллей. Президент гоф-камеры (министр финансов) граф О'Доннель выступил с обширным планом девальвации: банкнотеллей должны были быть заменены новыми билетами в отношении 3 к 1, при чем новые билеты оставались также неразменными и только подлежали постепенному извлечению на средства особого фонда, получавшиеся от проектированного поимущественного налога и от продажи недвижимых имуществ государства и духовенства. План этот встретил сопротивление и не был осуществлен; заменивший умершего О'Доннеля граф Валлис в своем докладе императору от 4 октября 1810 года характеризовал создавшееся положение такими словами: «Состояние финансов — ужасное; затруднения увеличиваются со дня на день; крушение финансов, видимо, приближается гигантскими шагами».

Девальвация была проведена патентом 20 февраля 1811 года на несколько иных началах: банкнотеллей подлежали обмену на новые «выкупные билеты» (Einlösungsscheine) в отношении 5 к 1; обмен этот производится в течение года; сумма выкупных билетов в обращении не должна превосходить 212,1 млн. гульд.; эти новые билеты остаются неразменными, но должны быть проведены мероприятия с целью постепенного извлечения их из обращения (надеялись все-таки обратить на эту цель имущества духовенства). Главная надежда возлагалась, кажется, на количественное уменьшение суммы бумажных денег в обращении, что, по расчетам Валлиса, должно было поднять их ценность. Действительно, в результате этой меры масса банкнотеллей, составлявшая 1.060,8 млн. гульд., заменилась выкупными билетами на сумму в 208,7 млн. гульд.; но уже один тот факт, что выкупные билеты выпускались взамен банкнотеллей в отношении одного к пяти, между тем как в это время за один серебряный гульден давали 8½ гульденов банкнотеллями, означал признание обесцененными и выкупных билетов. Скоро обесценение это вновь стало прогрессировать, так как война 1813 года дала толчок к возобновлению инфляции; обещание патента 20 февраля не увеличивать суммы выкупных билетов в обращении было обойдено таким образом, что выпускавшимся на нужды войны новым денежным знакам хотели дать иной характер: они должны были только антиципировать для покрытия текущих военных расходов будущие государственные доходы и поэтому получили наименование «антиципационных билетов». Но так как эти антиципационные билеты были точно так же неразменны и снабжены принудительным курсом, как билеты выкупные, то они слились с ними в единую массу, и обе категории бумажных денег подверглись одинаковому обесценению; название «венская валюта», прилагавшееся собственно к выкупным билетам,

заменившим собою цеттели Венского банка, было распространено обращением и на билеты антиципационные. Количество бумажных денег обоих этих видов в обращении составляло в декабре 1813 года 295,5 млн. гульд., а курс их тогда равнялся 184 бумажным гульденам за 100 серебряных; 1 июня 1816 г. сумма бумажных денег в обращении была уже 678,7 млн. гульденов, а курс — 304 гульденов в. в. (венской валютой) за 100 гульденов к. м. (конвенционной монетой).¹

Окончание наполеоновских войн дало возможность Австрии подумывать об устранении всей той финансовой и экономической неурядицы, в условиях которой ей пришлось жить в течение предшествовавших десятилетий: чрезвычайным военным расходам наступил конец, а доходы государства должны были возрасти в результате территориальных приобретений и получения военного вознаграждения от противника. Но внести порядок в государственные финансы при том упадке государственного кредита и той неустойчивости в государственных доходах, которые являлись следствием обесценения денег, было невозможно; бывший с 1813 года президентом гоф-камеры граф Филипп Стадион решил начать реформу с урегулирования денежного обращения. Неудачный опыт валлисовской девальвации, уменьшившей номинальную сумму находившихся в обращении бумажных денег в пять раз, но не помешавшей их обесценению, должен был убедить правительство в том, что обеспеченность новых средств обращения может быть достигнута лишь при двух условиях: если их ценность будет поддерживаться не обещанием погашения, а более реальным способом — разменом их на звонкую монету, и если при этом они не будут выпускаться в таком непомерном количестве, что обеспечивающий разменность их запас звонкой монеты окажется недостаточным. Выпуск новых билетов должен был поэтому стоять в строгом соответствии с потребностями обращения; отсюда следовал тот вывод, что новые билеты должны выпускаться лишь в строго-коммерческих кредитных операциях, т. е. что их эмиссия должна быть поручена кредитному учреждению, обслуживающему не государственные нужды, а потребности оборота. На этой почве вновь ясно выступила та мысль, к которой австрийское правительство пришло еще в XVIII веке под влиянием деятельности правительственного Banco del Giro, и которая выдвигалась также и «планом» О'Доннелля, предлагавшего вручить надзор над эмиссией независимой от правительства комиссии, состоящей из выбранных некоторыми общественными группами членов; согласно этой мысли, выпуск кредитных билетов следует изъять из рук государственной власти, имеющей слишком много побуждений к его чрезмерному расширению, и вручить его независимому учреждению. Таким образом дело шло об учреждении частного, независимого от правительства эмиссионного банка.

¹ См. к этому Hauer, цит. соч.; Beer. Die Finanzen Oesterreichs-Prag, 1877, стр. 17—24, 54, 66 и сл.; статья Mensi в Oesterreich. Staatswörterbuch von Mischler und Ulbrich, 2-te Aufl., Wien, 1906 г.; Hargreaves, Restoring currency standards, London, 1926 г., стр. 73—92; Эпштейн. Бум. деньги в Италии, Австрии и С. Шт. М. 1895; И. И. Кауфман. Бум. деньги в Австрии, Спб., 1913, стр. 4—14.

31 января 1816 года Стадион представил Францу I проект соответствующих мероприятий, предпослав этому проекту следующие соображения: «Внимательное рассмотрение всех последствий существования бумажных денег показывает, что существующая у нас система денежного обращения столь же ошибочна, сколь и вредна, и что она может быть оправдана только как результат роковой необходимости. Искусственные денежные знаки необходимы во всяком достигшем известной степени развития государстве, но они могут исполнять свою задачу только при соблюдении известных условий; поэтому следует исходить из того принципа, что денежное обращение должно быть основано на металлических деньгах, а рядом с последними должны быть поставлены искусственные денежные знаки; эти денежные знаки будут удерживаться в обращении без помощи принудительного курса—только вследствие своего кредита—и будут служить для оживления обращения и для восполнения его недостатков. Переход должен совершиться не быстро и не внезапно, но медленно и постепенно, чтобы подлежащие исполнению меры не нарушили бы ничьих прав и не создали бы для кого-нибудь прибыли или убытка в зависимости от простого случая».

Самый проект состоял в следующем. Все бумажные деньги должны быть извлечены из обращения путем добровольного представления их публикою к размену, при чем владельцам их дается возможность обменивать бумажные деньги частью на разменные на металл билеты нового банка, частью на облигации государственного долга; размен должен совершаться не по курсу бумажных денег, но и не по номинальной ценности их: ценность их должна быть принята в размере, несколько превышающем курс, что, очевидно, должно было побудить публику представлять бумажные деньги к размену. Размен вверяется новому банку, который учреждается государством; банк этот получает право эмиссии банковых билетов, но так как последние выпускаются прежде всего для удовлетворения потребности, возникшей в результате деятельности государства (для размена бумажных денег), то правительство вносит в банк для обеспечения банковых билетов известную сумму в звонкой монете (предполагалось внести 47,62 млн. гульд., ожидавшихся от военной контрибуции). Ценность билетов должна была поддерживаться на паритете со звонкою монетою, во-первых, благодаря обеспечению их разменности этой внесенной правительством суммой, а, во-вторых, требованием их при взносе некоторых налогов государству. Но так как, с другой стороны, выпуск банковых билетов предполагалось сделать впоследствии независимым от потребностей государства и связать его с коммерческими операциями, открывается подписка на акции банка—в целях передачи последнего частному обществу. Взносы по каждой акции должны делаться частью в конвенционной монете, частью в бумажных деньгах; первая поступит для увеличения металлического запаса банка, а последние передаются банком государству для уничтожения в обмен на $2\frac{1}{2}\%$ государственные облигации, для погашения которых учреждается особый фонд, ежегодно дотируемый одним миллионом гульденов к. м., вносимым государством.

1 июня 1816^г года появились три императорских патента, первый из которых («главный патент») объявлял об учреждении нового эмиссионного кредитного учреждения—«Привилегированного Австрийского Национального Банка»—и поручал ему извлечение из обращения бумажных денег венской валюты; второй патент («банковский») содержал постановления о деятельности Банка и управлении им впредь до окончательного его конституирования; наконец, третий указывал те налоги и сборы, которые должны вноситься в звонкой монете или в билетах нового банка (это прежде всего таможенные сборы, а также промысловый и личный налоги в немецких провинциях).

По главному патенту, новый Банк должен был: 1) выпускать банковые билеты, «которые в снабженной для этого средствами разменной кассе могут, по требованию предъявителя, во всякое время размениваться, по их полной ценности, на металлическую монету» (конвенционную); 2) учитывать солидные векселя и иные коммерческие обязательства; 3) если в течение его деятельности размеры его средств допустят расширение операций, выдавать ссуды под недвижимость при условии полного их обеспечения (§ 7).

Извлечение бумажных денег из обращения должно было осуществляться путем добровольного представления этих бумажных денег Банку, при чем владельцы их могли выбирать два способа: 1) первый способ состоял в прямом обмене бумажных денег на банковые билеты, причем, и однако, только $\frac{2}{7}$ номинальной суммы своих бумажных денег владелец их получал банковыми билетами, на остальные же $\frac{5}{7}$ ему выдавались 1%-е государственные облигации (§ 13); 2) вторым способом была покупка акций нового Банка: по каждой акции должно было внести 200 фл. к. м. металлической монетой и 2.000 фл. в. в. бумажными деньгами (§ 10). Оба способа обмена были выгодны для держателей бумажных денег, курс которых в момент появления патентов стоял на уровне 304 гульд. в. в., за 100 гульд. к. м.: при первом способе за каждые 140 гульд. в. в. выдавалось 40 гульденов б. в. (банковой валютой, т.-е. в банковых билетах, которые, как разменные, были равноценны конвенционной монете) и, кроме того, 1%-я облигация номинальной ценностью в 100 гульденов, имевшая курс никак не ниже 20 гульденов, так что в результате 100 гульд. к. м. приравнивались только $233\frac{1}{2}\%$ гульд. в. в.; при втором способе обмен был выгоден потому, что Банк передавал полученные им в виде взносов по акциям бумажные деньги государству в обмен на $2\frac{1}{2}\%$ -е облигации той же номинальной ценности, что, при курсе бумажных денег в 304 за 100, давало около $7\frac{1}{2}\%$ на внесенную в бумажных деньгах сумму (эти $2\frac{1}{2}\%$ -е облигации подлежали погашению по курсу 50, так что здесь 200 фл. в. в. приравнивались 100 фл. к. м.). Целью предоставления таких крупных выгод держателям денежных знаков венской валюты было стремление инициаторов закона обеспечить успех проводившейся девальвации без принудительного вмешательства в хозяйственный оборот. Главный патент предписывал уничтожать извлеченные из обращения бумажные деньги и содержал обещание не выпускать более в обращение бумажных знаков с принудительным курсом.

Банковый патент вверял руководство Банком временному правлению, которое назначалось правительством, но должно было готовить переход Банка в руки частного общества (§§ 1, 2 и 6). Операции Банка в этом втором патенте были подвергнуты более детальной регламентации. Из относящихся сюда постановлений видно, что в тот переходный период, в течение которого Банк должен был действовать на началах банкового патента, средства Банка должны были получаться от эмиссии билетов купюрами от 5 до 1.000 гульденов (§§ 17 и 18), активной же операцией Банка должен был быть учет векселей и иных коммерческих обязательств солидных торговых фирм, при чем размеры этой активной операции были патентом регулированы, хотя, впрочем, не вполне определенно: именно, было сказано, что сумма выпускаемых для учетной операции банковых билетов должна стоять в соответствии с тем металлическим фондом, который будет получен Банком специально из части взносов по акциям, вносившейся в конвенционной монете; фонд этот должен был составить 10 млн. фл. к. м. (50 тыс. акций по 200 фл. к. м.), но так как отношение между металлическим запасом и эмиссией не было установлено, понятие «фонда учетной операции» оставалось не очень ясным (§§ 25—28).¹ Что касается ипотечной операции, то к ней Банк мог перейти только тогда, когда вполне разовьет другие операции и будет обладать достаточным запасом монет (§ 30).

Эти постановления об операциях носили явно выраженный предварительный характер: дело шло о том, чтобы уже теперь—до окончательного конституирования Банка—закрепить за выпуском его билетов характер эмиссии настоящих банкнот, выпускаемых для кредитования торгового оборота; поэтому никаких других операций, кроме эмиссионной и учетной, патентом не вводилось, так как более точное определение круга деятельности Банка откладывалось до его полной организации. Зато большое внимание было посвящено патентом той стороне дела, которая должна была укрепить доверие населения к банковым билетам. Оба патента предписывали обмен этих билетов на конвенционную монету (§ 14 главного и § 18 банкового патентов), и были приняты меры для составления нужного для этой цели металлического запаса Банка: по главному патенту (§ 15) государство (в виду поручения Банку извлекать бумажные деньги из обращения) передает Банку суммы, получаемые, на основании договоров, от других держав, т. е. контрибуцию—главным образом с Франции; увеличению этого запаса должны были служить также те 10 млн. гульд. к. м., которые, как уже указано, должны были поступить как металлическая часть взносов по акциям, и, наконец, суммы, которые будут поступать в конвенционной монете от государства в погашение переданных Банку 2½%-х государственных облигаций. Во всех этих постановлениях было три

¹ В одной из самых основательных работ о до-мартовском Банке Zugschwerdt, *Das Bankwesen und die priv. öst. Nationalbank*, Wien, 1855, (стр. 104) высказано ошибочное предположение, будто бы право эмиссии было дано Банку только настолько, насколько было нужно для извлечения государственных бумажных денег.

слабых стороны. Во-первых, патенты не устанавливали никакого соотношения между металлическим запасом Банка и суммой его билетов, могущей быть выпущенною в обращение; банковый патент ограничивался лишь предписанием состоящему при Банке правительственному комиссару наблюдать за «полным» покрытием банковых билетов (§§ 44—47), а также возложением на акционеров ограниченной ответственности за обеспеченность этих билетов (§ 41). Во-вторых, металлический запас оказывался слишком слабым: при самых счастливых обстоятельствах он мог составить в ближайшее время лишь немногим более 57—58 млн. гульд. к. м., так как военное вознаграждение должно было дать 47,62 млн., взносы по акциям при успешном ходе подписки — 10 млн. гульденов, а 2½%-е облигации подлежали лишь медленному погашению (для погашения как этих облигаций, так и тех 1%-х облигаций, которые выдавались предъявителям бумажных денег, был образован погасительный фонд, получавший ежегодную дотацию от правительства в 1 млн. гульд., идущую в размере $\frac{4}{5}$ на погашение именно последнего вида облигаций—§§ 31 и 32). Все это объясняется тем оптимистическим представлением, которое Стадони и его сотрудники составили о будущих результатах своей реформы: они, по-видимому, не ожидали настоячивых представлений бумажных денег венской валюты к размену на банковые билеты и государственные облигации, полагая, что уже одно обещание такого размена будет достаточным для поддержания их курса, и что извлечение их из обращения совершится постепенно. Наконец, третьей слабой стороной указанных постановлений явилось связанное с передачею известных сумм Банку от государства возникновение некоторой постоянной связи между первым и последним.

В банковый патент был включен ряд других постановлений, предназначенных для поддержания положения банковых билетов в обращении. Банк получил исключительную монополию выпуска банковых билетов во всей Австрийской империи (§ 35); билетам этим даны свойство законного средства платежа, податное обеспечение и кассовый курс (§ 19), при чем государство обязалось не предъявлять к размену поступающих в его кассы билетов (§ 36); в обеспечение билетов была положена специальная ипотека на все горные промыслы государства (§ 35); это последнее постановление шло даже слишком далеко, так как мало вязалось с частным характером банковых билетов. Наконец, Банк получил монопольное право учреждения отделений и учетных контор по всей империи (§ 37).

Стремление отнять у эмиссии ее служебную функцию по отношению к государственным нуждам и построить ее на новых началах требовало охранения независимости нового эмиссионного учреждения. Правительство не желало, однако, предоставить Банк всем опасностям вполне самостоятельного существования; поэтому банковый патент объявляет Банк частным учреждением, находящимся под охраною государства (§ 42). Но опеку над Банком не хотели проводить слишком далеко, так как это подорвало бы в корне всю реформу, стремившуюся основать денежное обращение на новой, обособленной от государственного

кредита опоре. В виду этого Банк не только должен был работать с частным капиталом, но и управление им, по его конституировании, вверялось акционерам (§ 6). Представитель государства (комиссар), состоящий при Банке, имел ограниченные полномочия: он обязан был наблюдать лишь за соблюдением устава, да еще за проведением в жизнь собственных мер банковского правления (§ 44), но не за целесообразностью этих мер и не за их соответствием государственному интересу. В остальном отношения между Банком и государством должны были базироваться на специальных соглашениях Банка с министерством финансов (§ 48).

Банковый патент вводил и некоторую гласность в операции Банка, требуя, чтобы последний сводил каждые полгода свои балансы и затем публиковал результаты во всеобщее сведение (§ 14).

Правительство ожидало от капиталистов проявления живого интереса к Банку; на деле оказалось не то: под влиянием, повидимому, опытов прошлого владельцы капиталов были склонны относиться к Банку с недоверием, и подписка на акции шла чрезвычайно вяло. Правда, необходимое для передачи Банка частному обществу число акций (1.000, по § 6 банкового патента) было к концу июля 1816 г., наконец, подписано, но в дальнейшем подписка сильно замедлилась, и 18 января 1818 года, когда временное правление передавало дело новому, была оплачена только 5.781 акция (из 50 тысяч).

Иное течение принял обмен бумажных денег на банковые билеты и 1%-е облигации. Чтобы избавиться от обесцененных меновых знаков, каждый стремился воспользоваться выгодными условиями, которыми этот обмен был обставлен. В результате Банк очень скоро попал в неблагоприятное положение: в обмен на приносимые бумажные деньги он выдавал банковые билеты, которые должен был разменивать, а между тем предназначенные для покрытия банковых билетов суммы металла поступали очень медленно: подписка на акции не оправдала ожиданий, а внесение в Банк обещанных государственных сумм правительство должно было рассрочить соответственно постепенности, с которою поступало военное вознаграждение в его собственные кассы (по данным Цугшвердта, правительство за все время деятельности временного правления внесло в Банк только 12,3 млн. в конвенционной монете и 10 млн. гульд. в банковых билетах). В то же время натиск публики на кассы Банка быстро вышел за пределы простых требований о размене бумажных денег на банковые билеты: недоверие ко всякого рода бумажным средствам обращения настолько прочно укоренилось в Австрии, что банковые билеты стали усиленно предъявляться к размену на звонкую монету: Беер рассказывает, что из 13 млн. гульд. банковых билетов, выпущенных в первые недели деятельности Банка, 11 млн. тогда же были представлены к размену.

При таких условиях операция извлечения бумажных денег, установленная планом Стадиона, не могла продолжаться долго. Ограничения размена бумажных денег на банковые билеты и облигации начались уже менее чем через неделю после издания патентов: 6 июня ограничена сумма бумажных денег, принимаемая для размена от одного лица

(7 тыс. фл.); 8 августа размен был обусловлен подачею письменных требований, которые удовлетворялись поочередно, а 18 августа размен бумажных денег в Банке был и совсем прекращен. Стадионовская реформа, в сущности, потерпела крушение: не удалось вызвать ни интереса капиталистов к новому Банку, ни доверия публики к выпускавшимся им билетам.

После этого извлечение бумажных денег из обращения некоторое время производилось Банком путем покупки их на бирже, но патент 29 октября 1816 г. совсем порвал с планом Стадиона, предписав заключить для этого извлечения государственный заем. От прямого обмена бумажных денег Банк был отстранен (но второй способ извлечения — внесение бумажных денег по акциям — был сохранен и на дальнейшее время). Всего в период деятельности временного правления Банком было извлечено из обращения бумажных денег на 52,3 млн. фл. в. в. (из них 5,7 млн. поступило по акциям, а 46,5 млн. было обменено на банковые билеты и 1%-е облигации),¹ т.-е. менее одной двенадцатой части суммы их, находившейся в обращении. После некоторого улучшения в июне и июле, курс их вновь начал падать с августа.

Учетная операция была начата Банком в январе 1817 года (по ставке сначала в 9%, а затем, после постепенного снижения, — в 5%). При передаче дела временным правлением правлению частного общества сумма билетов Банка, находившихся в обращении, составляла 7.920.270 фл. в., металлический запас — 5.757.760 фл. к. м. и портфель — 3.514.915 фл. к. м.;² для покрытия банковых билетов положение было благоприятным, но объяснялось это в значительной степени тем, что билеты туго принимались обращением, и поэтому не было особых стимулов к расширению эмиссии.

От кратковременного периода деятельности временного правления Банк унаследовал незначительность металлического запаса, довольно тесную связь с государством и слабое развитие активных операций. Теперь, когда он был освобожден от выполнения задачи, состоящей в извлечении бумажных денег, смысл его существования заключался главным образом в новой организации эмиссии, именно в построении ее на принципах банковского кредитования,

Согласно §§ 9, 11 и 12 банкового патента 1816 г., как только будет подписано 1.000 акций, временное правление Банка должно

¹ См. офиц. издание *Die Nationalbank seit ihrer Gründung*, Wien, 1861, стр. 7—8.

² Там же, стр. 13 (Кауфман, цит. соч., стр. 20, приводит несколько иные цифры, но мы сочли нужным положиться на цифры, опубликованные официально). Кроме этого офиц. издания, для первых лет деятельности Банка см. книги Hauer'a, Beer'a, Zugschwerdt'a. Эпштейна и Кауфмана, цитированные выше, а также тексты патентов и след. работы: Born, *Die Finanzielle Heranziehung der Zentralnotenbanken durch den Staat*, Leipzig, 1907, (стр. 42); Lucam, *Die öst. Nationalbank und ihr Verhältnis zum Staate*, Wien, 1861 (стр. 5); Tschurn, *Die Entwicklung des Verwaltungsorganismus der öst.-ung. Bank*, Wien, 1906, и анонимную брошюру *Die öst. Nationalbank und ihre Zukunft*, Frankfurt am M. 1750 (стр. 6—7).

было организовать выбор акционерами комитета для выработки и обсуждения наказа о дальнейшем управлении Банком и о ведении его операций. Но неудача Банка в деле извлечения бумажных денег настолько изменила положение, что составлять упомянутый наказ, отправляясь от начал, установленных патентами 1 июня, не имело смысла; поэтому комитет акционеров занялся в первую очередь составлением не наказа, а самого устава Банка. На запрос комитета министр финансов уведомил его, что в дальнейшем размен бумажных денег будет совершаться самим государством, на банк же возлагается обязанность регулирования денежного обращения; что касается до содействия правительству по извлечению бумажных денег, то оно будет зависеть от доброй воли Банка, т.-е. от того, найдет ли Банк это для себя выгодным. Размен бумажных денег не был упомянут в уставе 15 июля 1817 года, и с Банка была снята всякая обязанность в этом отношении.

Сняв с Банка обязанность по извлечению бумажных денег, новый устав, с другой стороны, лишил это учреждение некоторых особых преимуществ, данных ему патентами 1 июня в связи с возложением на него этой государственной функции. Давая Банку привилегию для ведения эмиссионно-банкового дела на 25 лет (§ 58), устав 1817 года стремился, однако, гарантировать народное хозяйство против того, чтобы это частное учреждение не стало обслуживать экономические интересы страны слишком слабо. § 16 устава давал Банку право эмиссии билетов (которые Банк, попрежнему, должен был разменивать на конвенционную монету), но уже не предоставлял ему эмиссионной монополии; государство даже прямо сохранило за собою возможность даровать право эмиссии и другому учреждению, если Национальный Банк не откроет достаточного количества филиалов (§ 46). Оставшись законным средством платежа и сохранив кассовый курс, билеты Банка лишились некоторых особых привилегий, данных им патентами 1 июня: в уставе уже ничего не говорится ни об обязательстве государства не предъявлять эти билеты к размену, ни об обеспечении их специальной ипотекой. Попрежнему, устав неопределенно предписывал «полное» покрытие билетов (без указания, в чем именно должно состоять это «полное» покрытие).

Новый устав окончательно придал Банку форму частного предприятия. Размер акционерного капитала Банка оставлен без изменений (60 млн. фл. к. м.), но число акций увеличено с 50 до 100 тысяч, так что сумма взноса по каждой акции должна была составлять впредь 100 фл. к. м. и 1.000 фл. в. р. (§ 1). В обмен на передаваемые государству бумажные деньги, внесенные по акциям, Банк попрежнему получал от государства 2½%-е облигации, не подлежащие отчуждению и погашаемые правительством (по курсу 50) в течение 36 лет путем ежегодной передачи Банку 500.000 фл. к. м. (§§ 2 и 3); таким образом долг остается непогашенным вполне даже ко времени истечения привилегии Банка, и устав признает возможным в этом случае prolongировать существование привилегии на срок более долгий, чем 25 лет (§ 58). Нормальный дивиденд должен составлять 5%; если он превышает этот размер, половина излишка поступает акционерам, половина же

обращается в резервный фонд (§ 11). Уставом приняты меры к обеспечению независимости Банка: управление им вверено правлению, избираемому акционерами и вполне ответственному перед ними за свои действия, а постоянный надзор над правлением — комитету акционеров. Но, положив такую тяжесть на одну чашку весов, устав счел нужным создать противовес с другой стороны: являющийся председателем правления управляющий Банком назначается императором (по уставу — на два года, но в 1820 г. должность управляющего сделалась пожизненной) (§§ 28 и 32—35); затем, введение самостоятельности банкового управления было соединено с усилением надзора государственной власти и притом надзора уже не только за соблюдением закона, но и за ненарушимостью государственных интересов; правительственный комиссар получил совещательный голос во всех делах Банка и право приостанавливать исполнение всех тех мер последнего, которые он найдет не соответствующими уставу или государственному интересу (§§ 38—40).

Отношения между Банком и государством получили свободный характер: Банк может предпринимать какие-либо операции в пользу государства лишь при условии соглашения с последними, т. е. Банк примет на себя только те обязанности, какие захочет (§ 41). Лишь очень немногие меры Банка нуждались в утверждении государства (выбор правления, повышение ссудного, — но не учетного, — процента выше 6%, и отчуждение государственных обязательств, переданных Банку взамен бумажных денег); в остальном было только сказано, что, если Банку понадобится содействие государства, он может обратиться к министру финансов (§ 42). Но обладание нереализуемыми и подлежащими лишь медленному погашению облигациями государства сохранило связь Банка с интересами государственного казначейства.

Устав 15 июля 1817 г. обладал еще одной характерной чертой, имевшей большое значение для последующей истории Банка: он придал организации Банка олигархический характер. Выборы правления и представительство интересов акционеров, по этому уставу, находились в руках не общего собрания акционеров, но постоянного комитета их, который притом не избирался акционерами, а попросту составлялся из ста наиболее крупных акционеров, так что более мелкие владельцы акций лишались всякого влияния на ход банковского управления. Тот же характер носят и постановления об операциях Банка. Кроме эмиссионной, устав предоставил Банку ведение депозитной, учетной и ссудной операций, но к учету допускались только снабженные тремя подписями векселя, выписанные на суммы не менее 300 фл. и непременно подлежащие оплате в Вене (§ 14), вклады на текущий счет принимались лишь от акционеров и притом только от акционеров, живущих в Вене (§ 15, но эти ограничения, по § 18, не относились к вкладам на хранение); список бумаг, под которые могли выдаваться ссуды, был ограничен лишь государственными облигациями (кроме того, могли выдаваться, по § 19, ссуды под золото и серебро, а при увеличении средств Банка — и под недвижимость).¹ В связи с олигархическим

¹ Операции текущих счетов и ипотечная так и не были начаты Банком за все время действия устава 1817 г.; зато с 1818 г. Банк начал развигивать не упомянутую в уставе переводную операцию.

характером организации Банка стояло следующее обстоятельство: постановление § 37 устава, по которому Банк был обязан публиковать во всеобщее сведение свои балансы и отчеты, осталось мертвой буквой: никаких сведений о деятельности Банка вплоть до революции 1848 г. на публиковалось.

Однако, освобождение Австрийского Национального Банка от обязанности обменивать бумажные деньги оказало чрезвычайно благоприятное влияние на доверие публики к самому Банку и к его билетам: очевидно, до тех пор население опасалось, что осуществление этой обязанности доведет Банк до необходимости выпустить чрезмерное количество билетов в обращение. По рассказу Цугшвердта, уже до издания нового устава прекращение Банком обязательного обмена бумажных денег отразилось усилением сбыта его акций. Когда с начала 1818 года стал действовать новый устав, билеты Банка приобрели большую популярность в населении: они не только охотно принимались, но значительные суммы металлических денег стали приноситься в Банк для обмена на банковые билеты, и металлический запас Банка сильно возрастал (в конце 1818 г.—19,2 млн. фл. к. м., в конце 1919 г.—33,0 млн. фл. к. м. при наличности билетов в обращении в 43,7 млн. фл. б. в.). Впрочем, это наблюдалось только до 1820 г., когда, как увидим далее, обрисовались перспективы значительного роста эмиссии.

Но уже раньше этого обнаружилось обстоятельство, заставившее правление Банка призадуматься: операции Банка развивались весьма медленно, а главнейшая из них, учетная, даже сокращалась (портфель составлял к 31 декабря 1818 г. 6,6 млн., к 31 декабря 1919 г.—1,9 млн., к 31 декабря 1920 г.—1,6 млн. фл.); в этом нельзя не видеть последствия ограничения круга клиентов Банка крупными торговцами и промышленниками Вены. Между тем подписка на акции, как выше указано, оживилась: к концу 1818 г. было подписано 22,9 тысяч, к концу 1919 г.—50,6 тыс. акций. Для возрастающих вследствие этого средств Банка (депозитная операция до 1820 г. не производилась), при слабом развитии активных операций, не предвиделось достаточного помещения, а между тем доход от операций приходилось делить между все большим количеством акций. Правда, Банк далеко не развив еще всей той деятельности, которая была возложена на него уставом: так он не открывал (до 1847 г.) отделений в провинции (кроме касс для размена билетов и производства переводной операции); но крупные капиталисты Вены, составлявшие постоянный комитет и правление, не были особенно озабочены удовлетворением потребностей провинции и, конечно, уже не согласились бы взять на Банк риск и расходы, связанные с открытием отделений. Возможно, что открытия последних не удалось бы все-таки избежать, если бы не было иного выхода для увеличения доходов Банка, но выход для олигархической группы руководителей Банка, стоявшей близко в высшим правительственным кругам, нашелся очень легко.

В собрании комитета, происходившем 17 января 1920 года, управляющий Банком сообщил, что правление, вследствие все возрастающего

сбыта акций и вследствие трудности выгодно поместить увеличивающийся наличный запас Банка, вынуждено вступить в переговоры с министром финансов, результаты которых, несомненно, устранят беспокойство и гарантируют Национальному Банку постоянную и обеспеченную доходность его имущества. В докладе, прочтенном в следующем году, управляющий Банком говорил: «Как бы ни было желательно, наблюдая стремление всех классов и сословий вверить их капиталы Национальному Банку, заключить, что доверие к этому учреждению прогрессирует, тем не менее правление Банка именно этим самым обстоятельством вынуждается направить свое внимание на то, не могут ли, вследствие слишком быстрого роста металлического запаса Банка, уменьшиться, хотя бы и временно, получаемые акционерами доходы, и как достичь расширения прибыльных операций Банка в соответствии с увеличением его фонда. Поэтому прежде всего оно обсудило вопрос, не следует ли Банку допустить временный перерыв во взносах по акциям, и, решив этот вопрос с утвердительным смыслом, оно, после тщательного рассмотрения способов увеличения банковых доходов путем расширения его операций, признало, что самый подходящий и наиболее соответствующий назначению эмиссионного банка способ состоит во вступлении в более близкую деловую связь с государством». Поэтому, — продолжает доклад, — правление и выразило правительству свое желание, чтобы Национальному Банку были вверены государством такие операции, (согласные с уставом и организацией Банка), которые могут дать надежду на увеличение доходов этого учреждения.¹

Итак, правление Банка, побуждаемое беспокойством об уменьшении доходов, само просило государственную власть о возложении на Банк таких операций, которые должны были надолго тесно связать его с государством; правление шло в этом отношении по привычному пути, так как уже и до тех пор $\frac{5}{6}$ нормального дивиденда акционеров (25 гульденов на акцию) вносились государством в виде процентов по переданным Банку, взамен бумажных денег, облигациям. Что касается до правительства, то для него предложение Банка могло быть только выгодным, так как оно означало отказ от дальнейшего извлечения бумажных денег через посредство выпуска акций (это извлечение совершалось по слишком высокому курсу в 200 фл. в. в. за 100 фл. к. м., тогда как курс бумажных денег в действительности был более низким) и позволяло использовать помощь Банка в деле извлечения этих денег по их действительному курсу; между тем помощь эта была правительству нужна, так как государственный кредит оставался в неблагоприятном положении, и заем 1818 года был заключен на тяжелых условиях. Нотой 29 февраля 1920 г. министерство финансов известило Банк о тех мерах, которые принимаются для размена бумажных денег, и предложило правлению, если оно найдет это соответствующим интересам Банка, содействовать этим мерам.

¹ См. Vortrag des Gouverneurs der priv. öst. Nationalbank an dem löblichen Bankausschuss in seiner Versammlung von 17 Januar 1820, стр. 11, и Vortrag etc. von 15 Jänner 1821, стр. 4.

3 марта 1820 года было заключено соглашение между Банком и государством, имевшее чрезвычайно важные последствия для дальнейшей истории этого кредитного учреждения. По этому соглашению, Банк обязался производить, за счет государства, размен бумажных денег по курсу 100 фл. к. м. за 250 фл. в. в. и употреблять на эту операцию как выпускаемые им банковые билеты, так и иные свои свободные средства. Сумма бумажных денег в обращении определена в 450 млн. фл. в. в., и для размена их надо было затратить 180 млн. фл. к. м. (или б. в.). Правительство же, с своей стороны, обязалось: 1) взять в свои руки невыпущенные еще 49,3 тысячи акций по цене в 610 фл. за акцию, всего на 30 млн. фл. к. м., 2) погасить остаток $2\frac{1}{2}\%$ облигаций на сумму в 23 млн. фл. к. м. и 3) увеличить металлический запас Банка в той мере, в какой это нужно для обеспечения выпускаемых Банком в указанной операции билетов, а также доставить Банку покрытие остальной части возникающего вследствие этой операции требования Банка к правительству; для этого оно обязалось а) передать Банку немедленно 10 млн. фл. к. м., затем же, по мере хода извлечения бумажных денег и возникновения у Банка потребности в деньгах,—еще 30 млн. фл.; б) на остальные 140 млн. фл. передать Банку 4% облигации и в качестве добавочного залога еще 5% облигации (по одной 5% облигации в 100 фл. за каждые 70 фл. к. м.) и в) погашать этот 140-миллионный долг уплатой ежегодной ренты в 1.400.000 гульд., возрастающей путем прибавления процентов на погашенные уже облигации.

Таким образом Банк добился осуществления своих стремлений: он получил увеличение дохода—в виде процентов по переданным ему государственным облигациям—и избавился от необходимости выпустить свои акции и дробить таким образом дивиденд (по акциям, оставленным за правительством, выдача дивиденда была отсрочена). Несколько курьезно то, что в своем докладе комитету управляющий Банком характеризовал эту передачу акций правительству как «достижение Банком полного конституирования»; в том же докладе отмечались соблюдение независимости Банка и полная солидность всей начинаемой им для государства операции.¹

Но в действительности последний результат мог вызвать сомнения. Для извлечения бумажных денег нужно было затратить всего 180 млн. фл., при чем, конечно, значительнейшая, подавляющая часть этой суммы могла быть получена лишь путем увеличения эмиссии. Между тем государство не доставляло Банку для этой эмиссии достаточного покрытия: из обещанных им Банку сумм уплатами в металлических монетах должны были быть 40 млн. фл., назначенные на увеличение металлического запаса; часть других взносов (часть платежа по акциям, погашение $2\frac{1}{2}\%$ -х облигаций, ежегодная рента в погашение 140-миллионного долга), как можно было ожидать, также могла поступить в металле, так что все увеличение металлического запаса (в конце 1819 года он составлял 33 млн.) могло достичь, как указывалось

¹ Vortrag etc. von 15 Jänner 1821, стр. 5—6.

в цитированном докладе управляющего, 60 млн. фл. к. м. (надо было, однако, помнить, что из этой суммы получение 30 млн. могло наступить только в будущем). В этом не было бы большой беды, если бы непокрытые металлом билеты получили то покрытие, которое все эмиссионные банки доставляют своим билетам, не обеспеченным металлическим запасом, находящимся в подвалах Банка, т.-е. если бы они получили краткосрочное и легко реализуемое покрытие. Но вместо этого государство передавало Банку очень медленно погашаемые и совершенно неотчуждаемые 4⁰/₀-е облигации; правда, довольно своеобразно, государство выдало по тому же долгу еще и другой долговой документ — 5⁰/₀-е облигации, — и последние при некоторых условиях могли отчуждаться, но, как всякому совершенно ясно, реализация ценных бумаг на такие большие суммы могла бы совершаться лишь постепенно, во избежание катастрофического падения их курса. Таким образом, даже если принять во внимание то, что та часть государственных взносов, которая не поступила бы в металлических монетах, должна была принести в Банк его собственные билеты и таким образом сократила бы несколько их обращение, все же значительная сумма поступающих в обращение в обмен на бумажные деньги билетов должна была иметь лишь нереализуемое покрытие (в действительности дело оказалось еще худшим, так как государство не выполнило всех постановлений соглашения 3 марта). Поэтому эмиссия банковских билетов, совершавшаяся для извлечения бумажных денег на основании соглашения 3 марта, могла быстро создать затруднения для Банка в деле размена этих билетов на металл. Если этого не произошло, то лишь вследствие особых причин, которые не помешали, однако, тому, что соглашение 3 марта в конце концов тяжело отразилось на делах Банка.

Благоприятные обстоятельства, устранившие непосредственную опасность, состояли в следующем. Удачный выбор курса обмена бумажных денег на банковые билеты, который был близок к действительному курсу венской валюты, повел к тому, что размен бумажных денег пошел далеко не так быстро, как можно было ожидать. С другой стороны, наступивший вслед за наполеоновскими войнами период долгого мира извлек из политической и экономической жизни Австрии от резких толчков, которые могли бы забросить семя недоверия и к банковским билетам. По внешности же дела Банка обстояли вполне благополучно: работа его развивалась, доход акционеров возрастал, курс акций поднимался, никаких затруднений при размене билетов на металл не ставилось. Правда, отношение между металлическим запасом и суммой билетов, находившихся в обращении, становилось все менее благоприятным, но сведения об этом держались правлением в строгой тайне не только от публики, но даже от комитета акционеров (в явное нарушение устава и наказа). По всем этим причинам билеты Банка в течение почти трех десятилетий пользовались полным доверием, которое, по справедливому замечанию одного из писавших об этой эпохе, было «слепым»; Банк переживал один из тех периодов, «когда люди, кажется, совершенно забывают, что банковые билеты могут быть предъявлены

к размену на серебро».¹ Укреплению доверия, при вышеуказанных политических условиях, содействовала и та связь с государством, в которую Банк был вовлечен соглашением 3 марта: пока существовало доверие к финансовой и экономической жизни Австрии, к ее «неисчерпаемым ресурсам», на которые любила ссылаться гоф-камера, до тех пор было твердым убеждение, что государство не допустит крушения Банка или обесценения его билетов. Ясно, что это имело и обратную сторону, и что потрясение государственного кредита должно было немедленно отзываться возбуждением недоверия к Банку.

Став в столь близкие отношения к государству, Банк, как видно, связал себя с последним; государство воспользовалось этим для получения от него значительных ссуд, вследствие которых он стал все больше и больше терять характер того независимого эмиссионного учреждения, которое проектировалось Стадионом; Банк стал «обществом государственных кредиторов, ведущих наряду с этим и банковые операции». Дело в том, что соглашение 3 марта 1820 г. повлекло за собою ряд других соглашений Банка с государством. Прежде всего, в скором времени выяснилось, что государству, бюджет которого продолжал страдать дефицитами, а кредит был настолько слаб, что помещение займов приходилось растягивать на продолжительные сроки, оказалось трудным выполнить постановления соглашения 3 марта; 10 млн. к. м. в металлический запас Банка оно внесло, уплатило 23 млн. фл. и по 2½%-м облигациям, но от приобретения акций Банка решило отказаться. Правление охотно пошло на это, так как опасалось, что правительство, под давлением финансовых затруднений, перейдет к быстрому отчуждению переданных ему акций и тем окажет давление на их курс; притом опасность усиления влияния правительства на Банк, повидимому, также вызывала неприятные для дирекции толки.² Поэтому 18 октября 1821 года было заключено новое соглашение, по которому 49.379 акций, переданных в предшествовавшем году правительству, переходили обратно в собственность Банка (с тем, чтобы выпуск их мог совершиться лишь с оплатою каждой акции 610 фл. к. м.). Это отразилось благоприятно на курсе акций: до тех пор он хотя и повышался, все же стоял ниже выпускной цены, составлявшей сначала 600, затем 610 фл.; в январе 1819 г. курс составлял 494 фл., в январе 1820 г. — 553 фл., но как раз в конце октября 1821 г. он превысил выпускную цену, достигнув 621 фл.; крупные дивиденды гнали этот курс все выше, и в конце 1822 г. он достиг 943 фл. Стремление воздерживаться от всего, что могло бы задержать это повышение курса акций, заставляло Банк отказываться от предложения к подписке тех 49 тыс. акций, которые теперь оставались за ним, хотя потребность в выпуске этих акций все увеличивалась. К концу 1822 г. Банк разменял на свои билеты уже довольно значительную сумму старых бумажных денег, именно 190 млн. фл. в. в. (из 450 милл. фл. в. в.); на этот размен он затратил сумму в 76 млн. фл.

¹ См. Zugschwerdt, стр. 245; Die Nationalbank und ihre Zukunft, стр. 12.

² Vortrag etc. vom 14 Jänner 1822, стр. 4.

в значительной степени используя и свою эмиссию. Металлическое покрытие банковых билетов ухудшалось (см. таблицу далее); оно могло бы быть усилено путем выпуска указанных акций, но правление отказывалось от этого выпуска, мотивируя этот отказ следующими соображениями: «даже значительный подъем курса акций, наступивший в 1822 году, не может еще считаться крайним пределом, которого этот курс может достичь при солидности учреждения и тех прибылях, которые оно получает. С другой стороны, эта высокая цена акций еще слишком мало укрепилась, чтобы правление могло предпринять выпуск акций на ее основе. Во всяком случае правление должно остерегаться того, чтобы применение этого средства, увеличив фонд Банка и число участников в прибылях этого учреждения, не уменьшило, хотя бы временно, теперешнюю долю акционеров в доходе».¹

Правительство, которое не могло не видеть, что Банк начинает запутываться, предложило Банку следующую комбинацию: оно доставит добавочное металлическое покрытие для растущей эмиссии банковых билетов, если Банк будет извлекать остающиеся бумажные деньги из обращения, не требуя от государства оплаты возникающего отсюда государственного долга процентами. Банк, находя, что «общая выгода согласуется здесь с интересом учреждения, призванного к деятельности на общую пользу»,² на это согласился, и 30 ноября 1822 г. было подписано новое соглашение, по которому государство обязалось в течение 1823 — 1826 годов уплатить Банку отдельными взносами 30 млн. гульд. к. м. для увеличения металлического запаса, но взнос погасительной ренты по 4%-м облигациям был отсрочен до 1837 года, а те средства, которые Банк в будущем обратит на извлечение бумажных денег, должны были считаться беспроцентной ссудой государству. Таким образом в 1827 г. должно было сложиться следующее положение: из тех 180 млн. фл., которые государство должно было передать Банку для извлечения 450 млн. фл. в. в., должны были к этому времени быть уплачены 70 млн. фл. металлической монетой (40 млн. фл. к. м. по соглашению 3 марта 1820 г. и 30 млн. фл. к. м. по новому соглашению); затем, Банку уже были переданы 4%-е обязательства на 60 млн. фл. к. м.; вместе это составляло 130 млн. фл. к. м.; остальные 50 фл. к. м. и должны были составить беспроцентную ссуду государству. Погашение всего оставшегося государственного долга Банку, достигавшего 110 млн. фл. к. м. (процентного на сумму в 60 млн. фл. и беспроцентного на 50 млн. фл.), должно было начаться с 1837 года; иначе говоря, поскольку Банк мог прийти к необходимости выпустить для извлечения бумажных денег банковые билеты на сумму свыше 70 млн. фл. б. в., он имел для превышающего эту сумму выпуска покрытие лишь в требованиях к государству, которые должны были начать погашаться только через 10 лет, — положение, с точки зрения правильной эмиссионной политики, конечно, совершенно недопустимое.

¹ Vortrag etc. von 13 Jänner 1823, стр. 5.

² Там же.

Но Банк пошел и на предоставление беспроцентной ссуды, так как с того же года перед ним открылись перспективы новых операций для государства, которые должны были доставить ему новые доходы даже и по окончании извлечения бумажных денег из обращения. Принимая меры для урегулирования финансового управления, правительство пришло к мысли использовать Национальный Банк для борьбы со своими кассовыми дефицитами и антиципации своих текущих доходов. По соглашению 22 февраля 1822 года Банк обязался принимать к учету ассигновки государственной центральной кассы, выдававшиеся последнею на приходные кассы, находившиеся в Вене и в провинции. Так как фиск страдал не только от кассовых, но и от действительных дефицитов, министерство финансов, как только открылся этот источник дешевого кредита, было самым ходом дел натолкнуто на самое широкое использование этого источника с постоянною пролонгацией уже полученных по этой статье ссуд. Каждый год возобновлялось соответствующее соглашение, каждые три месяца истекшие ассигновки заменялись новыми, учетный процент постепенно понижался (сначала он был общим—в 5%, в 1823 г. понижен до 4%, в 1834 г.—до 3%), а сумма допускаемых к учету ассигновок увеличивалась. Постоянная пролонгация этих государственных долговых обязательств делала и их неподходящим материалом для учетной операции эмиссионного банка, но правление и в этом вопросе прикрыло положение флером тайны, не показывая в балансах Банка цифру учета ассигновок и даже включая их в рубрику «учтенных коммерческих бумаг».

С этого времени центр тяжести в деятельности Банка был перенесен на операции, производившиеся в интересах государства. Доход от процентов по государственному долгу, возникшему в результате обмена бумажных денег, и от процента, получавшегося Банком при учете ассигновок центральной кассы, составлял большую часть получавшейся Банком прибыли, благодаря этим операциям сильно возраставшей. К сожалению, мы не можем выделить доход Банка от учета ассигновок из общего дохода его по учетной операции, но то обстоятельство, что этот общий доход от учетной операции начинает возрастать с 1825 г., когда государство стало представлять к учету все большие суммы ассигновок, указывает, что большая часть этого общего дохода шла из этого источника. Доходы Национального Банка составляли:

Г о д ы.	Весь доход (млн. фл.).	Доход от учетной операции (млн. фл.).	Проц. по гос. дол- гу всл. обмена бум. денег (млн. фл.).	Дивиденд в проц. на капит.
1818	0.6	0.2	0.2	7.8
1819	1.6	0.1	0.8	6.3
1820	2.5	0.1	1.3	7.3
1821	2.3	0.1	1.9	8.1
1822	3.6	0.1	2.2	9.8
1823	3.4	0.2	2.3	9.8
1824	3.4	0.1	2.3	10.0
1825	3.7	0.6	2.2	10.6
1826	4.0	0.8	2.2	11.0

Годы.	Весь доход (млн. фл.).	Доход от учетной операции (млн. фл.).	Проц. по гос. дол- гу всл. обмена бум. денег (млн. фл.).	Дивиденд в проц. на капит.
1827	3,7	0,8	2,2	11,3
1828	3,5	0,8	2,2	10,5
1829	3,5	0,5	2,2	10,5
1830	3,8	0,9	2,2	11,1
1831	4,1	1,0	2,3	11,6
1832	3,9	0,9	2,2	11,3
1833	3,8	0,7	2,2	11,1
1834	3,4	0,5	2,2	10,1
1835	3,7	0,9	2,2	11,0
1836	4,4	1,5	2,2	13,0
1837	4,2	1,4	2,2	12,6
1838	4,3	1,5	2,1	12,6
1839	4,9	2,1	2,1	14,6
1840	5,2	2,3	2,1	14,8 ¹

Обеспеченный доходами, вытекающими из операций, которые он проводил для государства, Банк крайне слабо развивал свои коммерческие операции. Даже те узкие рамки, в которые была поставлена учетная операция уставом 1817 года, оказались слишком широкими для политики правления: по крайней мере, тогда настоятельно утверждалось, что к учету принимались векселя лишь от небольшого количества крупных фирм, стоявших близко к правлению Банка. Учетный процент был скоро понижен (до 1829 года он составлял 5%, в указанном году установлена ставка в 4%), но это понижение не сопровождалось расширением учетной операции; это вызвало нарекания на Банк, что он держит низкий процент в интересе тех привилегированных фирм, которые одни допускались к получению в нем кредита. До 1835 г. весь рост учетной операции приходится отнести на счет учета ассигновок государственной кассы, как видно из следующих данных. Учетная операция (без учета ассигновок центральной кассы) по балансовым остаткам на 31 декабря каждого года составляла (в млн. фл.): в 1818 г.—6,5, 1819 г.—1,9, 1820 г.—1,6, 1821 г.—7,3, 1822 г.—2,6, 1823 г.—4,4, 1824 г.—3,2, 1825 г.—5,6. Затем, до 1835 г. портфель Банка (опять-таки не считая ассигновок) не поднимался выше последней из указанных цифр (1826 г.—5,0, 1827 г.—1,2, 1828 г.—1,8, 1829 г.—3,6, 1830 г.—4,9, 1831 г.—2,6, 1832 г.—3,2, 1833 г.—5,6, 1834 г.—4,0). Впрочем, этот результат не всегда должен быть поставлен в вину политике правления; так, падение вексельного портфеля в начале 30-х годов было вызвано наступившими в это время затруднениями в экономической жизни страны. Банк сначала был этим мало обеспокоен; он даже с удовлетворением констатировал, что за 1831 год дивиденд, несмотря на неблагоприятную конъюнктуру, повысился, и что «этот приятный результат был достигнут без расширения обычного ведения дел, без обращения к чрезвычайным средствам, только в определенном кругу существовавшей и до сих пор деятель-

¹ Die Nationalbank seit ihrer Gründung, стр. 42.

ности». ¹ Однако, в 1832—34 г.г. дивиденды стали падать, и это осталось, повидимому, не без влияния на решение правления расширить операции для борьбы с угнетением хозяйственной жизни страны. ² С 1835 г. коммерческий вексельный портфель начал увеличиваться: он составлял 31 декабря 1835 г.—9,1, 1836 г.—19,5, 1837 г.—10,5, 1838 г.—26,4, 1839 г.—30,4 и 1840 г.—31,3 млн. фл. Ставка была понижена в 1834 г. до 3%.

Почтительно сравнить с приведенными выше скромными цифрами коммерческого портфеля Банка деятельность его по учету ассигновок государственной кассы; цифры, указывающие на наличность этих ассигновок в портфеле Банка к 31 декабря каждого года (начиная с 1822 г., когда учет этих ассигновок начался), свидетельствуют, что в этой области Банк был гораздо более деятелен; вот эти данные в млн. фл.:

1822	1,5	1832	20,0
1823	—	1833	10,0
1824	3,0	1834	18,0
1825	17,7	1835	30,0
1826	19,8	1836	30,0
1827	17,0	1837	30,6
1828	20,0	1838	34,6
1829	21,8	1839	33,2
1830	20,0	1840	31,9
1831	21,9	1841	32,4

Ссудная операция развивалась сильнее, чем учетная, но и в этой области политика Банка вызывала сомнения и порицания, как, например, в 1823 и 1826 г.г., когда недостаток денег на рынке побудил Банк выдавать ссуды под свои собственные акции, что явилось нарушением устава, допускавшего ссуды только под государственные бумаги, и притом нарушением его в интересах акционеров Банка. Но и ссудная операция в конце концов стала развиваться вяло, а с 1825 г. ломбард Банка, вначале превышавший портфель его, стал отставать от последнего и уменьшаться даже абсолютно. По балансовым остаткам на 31 декабря ссудная операция составляла в млн. фл.:

1818	4,7	1830	10,9
1819	15,7	1831	10,1
1820	16,7	1832	10,4
1821	8,9	1833	12,2
1822	14,4	1834	7,4
1823	12,6	1835	9,9
1824	14,8	1836	8,4
1825	12,6	1837	5,6
1826	9,9	1838	7,5
1827	7,5	1839	11,4
1828	3,4	1840	17,4
1829	6,3	1841	14,5

Таким образом, чисто коммерческие операции Банка отступили на задний план по сравнению с более легкими и более доходными сделками с государством; между тем, население, повидимому, нуждалось

¹ Vortrag etc. vom 9 Jänner, 1832, стр. 3.

² Vortrag etc. vom 12 Jänner, 1835, стр. 3.

в услугах Банка, как доказывало развитие его второстепенных операций, в которых Банк шел в большей степени навстречу потребностям страны: так операция вкладов на хранение, по балансовым остаткам, поднялась с 1,5 млн. на 31 декабря 1820 г. — до 76,0 млн. на 31 декабря 1840 г., переводная — с 0,4 млн. на 31 декабря 1818 г. — до 34,7 млн. на 31 декабря 1840 г.

Но самым худшим в положении Банка было бесповоротное понижение металлического обеспечения банковых билетов. До издания нового устава Банка (в 1841 г.) последний извлек из обращения уже почти всю сумму бумажных денег в. в., находившуюся в обращении: именно к этому времени Банком было извлечено бумажных денег на 437,5 млн. фл. в. в. (из 450 млн. фл.; из остальной суммы 6,5 млн. должны считаться утерянными и никогда не были предъявлены к размену, извлечение же остальных 6 млн. фл. растянулось до 1857 года, когда бумажные деньги венской валюты признаны окончательно не имеющими силы). Для этой операции государство передало Банку 70 млн. фл. металлической монетой, и, кроме того, до издания нового устава, Банк затратил на эту операцию 105 млн. фл. к. м. (или б. в.) из собственных средств. Фактически он выдавал за бумажные деньги не только банковые билеты, но и металлическую монету; главное же то, что банковые билеты, начиная с 1820 года, стали часто предъявляться в Банк к размену с целью вывоза металла за границу: так как платежный баланс Австрии оставался пассивным, то периоды увеличения металлического запаса Банка совпадали только с моментами заключения иностранных займов, когда улучшение вексельных курсов позволяло расширить его запас, но, как только взносы по займу прекращались, вексельные курсы становились неблагоприятными, и являлась потребность в вывозе серебра за границу путем получения этого металла из Банка в обмен на банковые билеты. Таким образом, в то время как сумма билетов в обращении благодаря операциям, производимым для государства, все время росла, металлический запас Банка колебался с тенденцией к уменьшению; как легко понять, предъявление билетов к размену, сильно влиявшее на слабый и редко возрастающий металлический запас, не могло серьезно задержать поспешно растущую массу билетов в обращении. Относящиеся сюда данные (в млн. фл.) таковы:

	Металлический запас.	Банк. бил. в обрац.	Отн. зап. к сумме бил. в обращении.
1818	19,2	26,7	1 : 1,3
1819	33,0	43,7	1 : 1,3
1820	29,4	51,9	1 : 1,7
1821	18,4	34,8	1 : 1,8
1822	19,0	48,2	1 : 2,5
1823	15,5	51,0	1 : 3,2
1824	22,0	68,0	1 : 3,0
1825	19,0	82,1	1 : 4,3
1826	14,7	82,3	1 : 5,5
1827	20,0	87,3	1 : 4,3
1828	22,3	95,6	1 : 4,2
1829	21,8	107,5	1 : 4,9
1830	17,5	111,2	1 : 6,3

	Металлический запас.	Банк. бил. в обращ.	Отн. зап. к сумме бил. в обращении.
1831	12,7	123,9	1 : 9,7
1832	22,6	119,8	1 : 5,3
1833	31,8	125,0	1 : 3,9
1834	39,0	135,7	1 : 3,4
1835	34,6	151,1	1 : 4,3
1836	25,2	153,7	1 : 6,0
1837	31,8	146,1	1 : 4,5
1838	30,1	166,9	1 : 5,3
1839	23,4	166,5	1 : 7,1
1840	15,5	167,0	1 : 10,4

Устав не определял никакого отношения металлического запаса к сумме билетов в обращении, но, предписывая постоянную разменность банковых билетов, составители его, конечно, имели в виду, что металлический запас не должен падать ниже того отношения, которое и в те времена признавалось нормальным для производящих размен эмиссионных банков; действительно, именно это отношение, которое, как известно, составляет минимум 1:3, указывалось в качестве желательного еще в проекте Стациона об учреждении Национального Банка.¹ Как мы видим, к 1840 г. о таком металлическом покрытии уже давно не могло быть и речи, и отношение было несравненно более неблагоприятным.

В течение двух десятилетий Банк как бы сделал круг и теперь вновь приближался к исходному пункту, от которого он отправился: основанный с той целью, чтобы, в качестве частного, независимого учреждения коммерческого кредита, урегулировать денежное обращение на началах, соответствующих потребностям оборота, он, под давлением своей олигархической организации и существовавших политических условий, вовлекаясь в обслуживание государственных нужд и перешел к выпуску необеспеченных ни металлом ни банковым покрытием средств обращения. Обе стороны чувствовали опасность положения, и нужно сказать, что сам Банк имел в этом отношении более здравые взгляды, чем правительство. В 1826 г. он даже выговорил себе у правительства право делать представления последнему, если состояние Банка потребует уменьшения кредита, открытого государству (однако, он не воспользовался этим правом). Но правительство стремилось идти по иному пути. Оно, правда, изредка принимало меры для увеличения за свой счет металлического запаса Банка (так было в тяжелом 1831 г., когда под влиянием неблагоприятного платежного баланса этот запас особенно сильно упал), но чувствовало, что это лишь паллиативы. Действительным средством могло быть лишь сокращение выпуска и обращения банковых билетов, но государственная власть, при своем затруднительном финансовом положении, не могла решиться на ограничение тех операций Банка, которые производились в интересах государства. Поэтому правительственная власть (император и Министры) обратила внимание на наступившее с 1835 г. расширение коммерческих активных

¹ Веер, цит. соч., стр. 90—91.

операций Банка и выдвинула идею ограничения его учетной операции и повышения процента. Банк высказался против этого и был поддержан в этом отношении президентом гоф-камеры бароном фон-Эйхгофом, который развил целую программу сокращения военных расходов, реформы налогов и погашения долга Банку по учету ассигновок государственной кассы.¹

Тогда Эйхгоф был смещен (1840 г.), и урегулирование вопроса было поручено новому президенту гоф-камеры барону Кюбеку. Последний полагал, что имеются три средства для исправления создавшегося положения, но из них первое—уплата государственного долга Банку—неосуществимо без проведения широких финансовых реформ, о которых при данных условиях нельзя думать, а второе—реализация оставшихся у правления акций—нежелательно, так как нанесет сильный удар их курсу (достигшему в это время 1.600—1.700 фл.). Переходя к рассмотрению третьего средства, Кюбек указывал, что ошибка его предшественников состояла в недостаточно бдительном надзоре за Банком: раз уже вступили на путь постоянного получения ссуд из этого учреждения, то надо было подумать о «меркантильной стороне дела» т.-е. о том, чтобы положение Банка и обеспеченность его билетов при этом не ухудшались, и в этих целях следить за коммерческой деятельностью Банка, ограничивая, в частности, учетную операцию. Только таким образом можно достичь того, что отношение суммы банковых билетов, находящихся в обращении, к металлическому запасу будет двигаться в определенных границах (относительно этих границ требования Кюбека были очень скромны: он удовлетворялся отношением 1:6 $\frac{2}{3}$).

Кюбек и действительно обратился к правлению с предложением ограничить учетную операцию; после некоторого сопротивления Банк должен был уступить (ограничение учета было достигнуто без изменения процента, путем прямых переговоров с клиентами). Затем государственным кассам было предписано передавать Банку накопившиеся в них запасы монеты в обмен на его билеты; Кюбеку удалось даже несколько сократить долг Банку по учету ассигновок и иных государственных бумаг (31 декабря 1840 г. тех и других находилось в портфеле Банка на 31,9 млн., 1841 г.—на 32,4 млн., 1842 г.—на 23,7 млн. фл.). Поступление металла от государственных касс и меры, принятые самим Банком в 1840 г. (закупка слитков), увеличили металлический запас Банка, и отношение этого запаса к сумме билетов в обращении улучшилось, но самая сумма билетов в обращении сократилась весьма немного: металлический запас Банка составлял 15,5 млн. фл. в конце 1840 г. и 39,9 млн. фл. в конце 1841 г., а сумма билетов в обращении—167 млн. фл. в конце 1840 г. и 166,6 млн. в конце 1841 г. (отношение в 1841 г. составило 1:4.). Последнее обстоятельство всего

¹ Некоторая, очень небольшая часть долга казны Банку до 1841 г. была уплачена; так, хотя на извлечение бумажных денег Банк затратил из собственных средств 105 млн. фл. б. в., долг казны Банку по этой операции составлял в конце 1840 г. только 94,3 млн. фл.; долг по учету ассигновок (к которым прибавились и еще некоторые государственные бумаги) тогда же составил 31,3 млн. фл. Были и еще некоторые мелкие долги государства Банку (ссуда 1838 г. в 3 млн. фл.).

лучше доказывало, что министерство финансов, под давлением обстоятельств, направило свои усилия на борьбу не с главной причиной зла.¹

Те же идеи Кюбек постарался провести и при пересмотре банкового устава. Правление Банка еще в 1839 г. обратилось к правительству с просьбой о возобновлении истекшей привилегии, и правительство согласилось на это под тем условием, чтобы в устав были внесены нужные изменения. С тех пор как Кюбек стал президентом геф-камеры, характер этих изменений устава вполне определился, очевидно, главной целью пересмотра стало усиление надзора государства за политикой Банка вообще и за развитием его учетной и ссудной операций в частности—в целях ограничения чрезмерного выпуска билетов и поддержания достаточного покрытия их металлом. Новый устав, вступивший в силу 28 октября 1841 г., продлил привилегию Банка на 25 лет, т.-е. до конца 1866 года; он оставил без изменения ряд постановлений первого устава, но в некоторые параграфы внес существенные изменения. Прежде всего уставом 1841 г. были утверждены все сделанные с 1817 года отступления от старого устава, большею частью имевшие в виду выгоду акционеров. Так в § 1 теперь уже не указывалось размера акционерного капитала, числа акций и суммы взноса на акцию, но просто говорилось: «Потребный до сих пор для развития операций и для достижения целей Национального Банка фонд образован». ² Если впоследствии окажется необходимым, Банк обязан увеличить свой фонд в нужных размерах». Таким образом, Банк уже не принуждался к выпуску удержанных правлением 49.379 акций; опасения правления за доходы Банка были приняты во внимание. Точно так же и § 9 утвердил происшедшее уже изменение в установлении дивидендов: по старому уставу, обыкновенный дивиденд составлял 30 гульденов на акцию, а излишек должен был делиться пополам, так что половина его обращается на супердивиденд, а половина поступает в резервный фонд; новый устав утвердил вошедший в практику уже с 1821 года обычай, по которому часть, идущая в супердивиденд, определяется комитетом акционеров. Выбор помещения резервного фонда предоставлен теперь, в противоположность старому уставу, правлению Банка (§ 10; по уставу 1817 г., половина фонда должна помещаться в бумаги государственного долга). § 11 устава 1841 года принимает те нововведения, которые Банк со времени издания устава 1817 г. внес в область операций, именно в этом параграфе, среди других операций Банка (текущих счетов, вкладов на хранение, учетной и ссудной), упомянута и переводная, и зато исключено упоминание об ипотечной (которая при старом уставе так и не была начата).

Постановления нового устава, касавшиеся организации Банка, были проникнуты тою мыслью, что усиление правительственного влияния на

¹ Для периода деятельности Банка при уставе 1818 г. главными источниками являются, кроме цитированных докладов правления, *Die Nationalbank seit ihrer Gründung*, цифровые данные) и работы *Zugschwerdt's*, *Beer's*, *Кауфмана*, а также статья *Zuckerkanndel* в третьем издании словаря *Конрада*.

² Акционерный капитал Банка составлял в это время 30.372.600 гульд. и был получен выпуском 50.621 акции.

Банк должно предотвратить дальнейшее злоупотребление раздачей кредита и гарантировать улучшение обеспеченности банковых билетов. Права акционеров были урезаны: правление Банка, по § 31 устава, уже не выбирается комитетом акционеров, но назначается императором из списка кандидатов, предлагаемого комитетом. В пользу этого назначаемого правления были ограничены права комитета, бывшего единственным представительством акционеров: в § 37, при перечислении прав комитета, было устранено постановление старого устава требовать от правления объяснений о состоянии и употреблении средств Банка. Было опущено и то постановление устава 1817 г., которое требовало от управляющего Банком обладания известным количеством акций; теперь, стало быть, являлось возможным назначить на пост управляющего какого-нибудь чиновника, совершенно постороннего для Банка. Но этого мало: правительственное влияние на Банк было расширено еще двумя мерами. Во-первых, правительственный комиссар (теперь «гоф-комиссар») не только сохранил все свои права, дарованные ему уставом 1817 года, но получил еще право и обязанность надзора за достаточным покрытием билетов Банка (упомянутые в патенте 1 июня 1816 года, но опущенные в уставе 1817 г.); кроме того, была еще создана должность второго комиссара для надзора за коммерческими активными операциями Банка. Второю мерою было постановление § 44 устава, по которому утверждение министерства финансов было необходимо для введения в силу постановлений Банка, касающихся целого ряда вопросов, а именно—увеличения акционерного капитала, изменений отношения металлического запаса к сумме билетов, чрезвычайного усиления металлического запаса, изменений учетного и ссудного процентов, установления супердивидендов, помещения резервного фонда, чрезвычайного созыва комитета акционеров и открытия филиалов Банка. Это было нововведением, так как старому уставу такое значительное ограничение свободы действий Банка было совершенно чуждым. Зато § 38 повторил то постановление старого устава, которое на практике оказалось совершенно бессильным, именно предписание о публикации балансов Банка.

Так как теперь признавалось, что билетов Банка в обращении и так слишком много, новый устав дал Банку эмиссионную монополию без тех оговорок, которые имелись в прежнем уставе (§ 14). § 15 предписывал разменность банковых билетов и содержал, кроме того, следующее новое постановление: «На правлении Банка лежит поэтому обязанность от времени до времени устанавливать такое отношение выпуска билетов к запасу монет, которое может вполне обеспечить исполнение им этой обязанности» (т.-е. обязанности к размену). Впрочем, определенного отношения между металлическим запасом и суммой билетов, находящихся в обращении, все-таки не было установлено; это понятно, так как закрепить существовавшее тогда отношение (к концу 1840 г.—1 : 10,4) не было никакого смысла, а увеличение металлического запаса требовало, прежде всего, выплаты правительством долга Банку, по которой правительство не хотело и не могло взять на себя обязательство. Вследствие этого постарались как-нибудь обойти этот

жгучий вопрос об увеличении запаса и предоставили совместным усилиям правления и комиссара создать (каким именно способом—это не было вполне ясно) достаточное металлическое покрытие,—по крайней мере такое, какого только можно было достичь при данных условиях.

Законодатель надеялся достичь того, что это покрытие будет становиться все выше благодаря сокращению неосмотрительного выпуска билетов в коммерческих операциях; при этом имелось в виду улучшить обеспечение и той части билетов, которая не покрыта металлом, так как «банковое» покрытие должно было состояться из бумаг лучшего качества. В этих целях устав усиливает строгость предписаний относительно коммерческих операций Банка: правление должно определять размер сумм, назначенных для учетной и ссудной операций, а новый второй комиссар «должен наблюдать за учетной и ссудной операциями, относительно допустимости представляемых (к учету или залогу) ценных бумаг, беспристрастия в даровании кредита и точного соблюдения предписаний правления о назначенном для этих операций фонде». В виду введения ограничений в учетной операции, учетная монополия Банка была совершенно уничтожена: § 47 нового устава говорит просто, что Банк уполномочен к открытию отделений во всей империи для одной или нескольких операций, при чем отделениям давались те же права, что и самому Банку. Принимая меры к сокращению выпуска билетов, устав 1841 г. стремился дать толчок к развитию операции текущих счетов, которая могла бы дать Банку иной источник средств. По старому уставу, эта операция велась только для акционеров Банка—ограничение, которое затормозило ее развитие; теперь текущие счета могли открываться для всех, и операция эта была восполнена введением инкассирования векселей для владельцев этих счетов.

Таковы были меры, которые государство сочло нужным принять для улучшения положения Банка и для устранения опасностей, грозивших денежному обращению. Сразу бросается в глаза, что главные причины зла не были устранены: управление Банком попрежнему было ограничено тесным кругом крупных акционеров, и кредитным сделкам Банка с государством не было поставлено никаких препятствий, что являлось теперь даже еще более опасным, чем прежде, так как одна из договаривающихся сторон—правление—попала под полное воздействие другой—правительства. Не было принято никаких мер для ускорения уплаты государственного долга Банку. Положение Банка должно было продолжаться ухудшаться, так как правительство было не в силах отказать от постоянного обращения к помощи Банка, а Банк, связанный с правительством еще более, чем прежде, стал еще менее способным ему сопротивляться. Таким образом меры, предписанные уставом 1841 г., били мимо цели, и дальнейшее развитие деятельности Банка не могло значительно уклониться от прежнего пути.

Однако, в первые годы после издания устава 1841 года в положении Банка было заметно некоторое улучшение, объяснявшееся, впрочем, вовсе не влиянием постановлений этого устава. Действительными причинами наступившего улучшения явились два обстоятельства. Во-первых, как мы могли уже заключить из всего вышесказанного, правительство

вообще и министерство финансов в частности к 40-м годам сознали уже всю опасность того положения, в которое Банк был поставлен всем ходом событий в два предшествующие десятилетия. Из этого еще вовсе не следует, чтобы гоф-камера была в состоянии совершенно отказаться от использования Банка в интересах казны; дело было просто в том, что, испуганное возможностью полного расстройтва Банка и денежного обращения, министерство финансов в первые годы действия нового устава соблюдало некоторую осторожность в своих отношениях с Банком. Кюбек попытался насколько возможно сократить обращение к Банку за средствами для покрытия дефицитов, стараясь вместо учета ассигновок в Банке прибегать к государственным займам. Учет ассигновок в Банке сократился, так что в 1843—46 г.г. кредит, предоставленный государству соглашениями с Банком об учете ассигновок, не был использован в полном размере. К 31 декабря каждого года в портфеле Банка находилось ассигновок центральной кассы:

в 1840 г.	на 31,9 млн. фл.	в 1844 г.	на 20,0 млн. фл.
» 1841 »	» 32,4 » »	» 1845 »	» 20,0 » »
» 1841 »	» 23,4 » »	» 1846 »	» 20,0 » »
» 1843 »	» 20,0 » »		

Но уже в 1847 г., под влиянием излагаемых ниже обстоятельств, сумма ассигновок в портфеле Банка поднялась до 45 млн. фл.

Другим благоприятным для Банка обстоятельством было выгодное для Австрии положение расчетного баланса в течение первой половины сороковых годов. Возлагать надежду на это улучшение расчетного баланса было, впрочем, нельзя, так как и теперь оно создавалось, главным образом, внешними займами, которые могли заключаться лишь при обещании крупной их оплаты; некоторую роль сыграла и постройка железных дорог, которая, при высоком уровне частного процента в Австрии, привлекала в страну иностранные капиталы. Последовал прилив серебра, сопровождавшийся увеличением металлического запаса Банка и значительным улучшением условий покрытия банковых билетов. В конце каждого года эмиссионное положение Банка было следующим:

На 31 дек.	Металл. зап. (млн. фл.).	Бил. в обращении (млн. фл.).	Отнош. запаса к сум. билетов.
1841	39,9	166,6	1 : 4,1
1842	58,2	173,4	1 : 2,9
1843	67,3	179,3	1 : 2,6
1844	88,9	197,7	1 : 2,2
1845	95,1	214,7	1 : 2,2
1846	86,9	213,6	1 : 2,4
1847	70,2	218,9	1 : 3,1

Важную роль в этом улучшении покрытия играло и то обстоятельство, что обмен бумажных денег в. в., как нам известно, приближался уже к концу, и ежегодно приходилось извлекать эти деньги из обращения уже на небольшие суммы.

Таким образом, два явления (сокращение ссуд государству и улучшение платежного баланса), носившие совершенно случайный и временный характер и вовсе не созданные постановлениями устава 1841 г.,

укрепили положение Банка; но именно вследствие случайности этих явлений такое укрепление не могло быть прочным. Тем не менее в течение первой половины сороковых годов все обстоятельства точно нарочно складывались так, чтобы усыпить опасения за судьбу центрального эмиссионного учреждения. Рука об руку с укреплением положения Банка происходило новое возрастание его доходов, упавших было под влиянием постановлений нового устава; этот устав вначале, действительно, вызвал сокращение учетной операции, но затем общее оживление экономической жизни, связанное с вышеупомянутым подъемом железнодорожного строительства, повело к новому расширению учета. Состояние учета и ссуд на 31 декабря каждого года составляло (в млн. гульд.):

	Учет векселей (без ассигн. центр. кассы).	Ссуды под ценные бумаги.
1840	31,3	17,4
1841	14,3	14,5
1842	15,0	13,7
1843	21,1	9,7
1844	20,9	9,9
1845	30,0	12,6
1846	39,7	14,6
1847	43,6	10,1

Развивались и другие операции Банка: по переводной операции суммы переводов в течение года поднялись с 34,7 млн. в 1840 г. до 65,2 млн. в 1847 г.; в 1842 г. была начата операция текущих счетов, обороты по которым составляли в 1842 г. 68,2 млн. фл., в 1847 г.—184,1 млн. фл.; только операция вкладов на хранение, после небольшого подъема, вернулась к прежнему уровню (76,4 млн. в 1847 г., на 31 дек.). В 1847 г. было открыто первое отделение Национального Банка—в Праге. Доходы Банка, сократившиеся на некоторое время, опять стали подниматься; дивиденд составлял (в процентах на капитал; в скобках дан процент дивиденда на средний курс акций): в 1841 г.—13,3 (5,0), 1842 г.—11,6 (4,2), 1843 г.—11,5 (4,1), 1844 г.—12,3 (4,5), 1845 г.—12,0 (4,4), 1846 г.—13,8 (5,2), 1847 г.—14,6 (5,5).

Внешняя картина казалась в высокой степени утешительной: с виду Банк укреплялся и процветал. Размен государственных бумажных денег, потребовавший столько времени и усилий, приходил уже к концу, металлический запас Банка возрастал, покрытие билетов металлом улучшалось, учетная операция развивалась, доходы росли. Поверхностному наблюдателю слишком легко было прийти к выводу, что все обстоит благополучно. На самом же деле Австрийский Национальный Банк совсем не мог считаться здоровым эмиссионным учреждением: опасная гангрена разъедала его организм и ставила его существование на волосок от гибели.

В самый год издания нового устава (1841 г.), Банк едва не платился за свою, столь тесную в течение предыдущих десятилетий, дружбу с крупными фирмами; банкротство трех крупных фирм, поль-

зовавшихся кредитом в Банке, едва не увлекло за собою последний.¹ Но главное зло, как уже указывалось, состояло в бесповоротном нарушении одного из важнейших принципов банковской деятельности: активы Банка не соответствовали его пассивам. Банком была выпущена в обращение крупная сумма подлежащих размену по предъявлении банковых билетов, притом непрестанно возрастающая. Между тем Банк не обладал нужными для размена средствами, так как значительную часть его активов составляли нереализуемые государственные бумаги, обеспечивающие долг государства Банку. Этот долг, созданный обменом бумажных денег и ссудами Банка государству, погашался чрезвычайно медленно и составлял огромные (сравнительно) суммы, как видно из следующей таблицы, показывающей развитие государственного долга Банку со времени основания последнего до революционного 1848 г. (в млн. гульд. к. м.):

В конце года.	По 2½ и 4% гос. облигац.	По беспро- центи. гос. облигац.	Прочий долг (учет ассигн. и проч.).	Весь долг государства Банку.
1818	10,4	—	—	10,4
1819	23,7	—	—	23,7
1820	34,2	—	—	34,2
1821	47,7	—	—	28,0
1822	57,0	—	1,5	39,7
1823	57,0	—	—	47,0
1824	57,0	—	3,0	57,5
1825	57,0	—	17,	72,2
1826	57,0	5 0	19,8	81,8
1827	57,0	13,0	17,0	87,0
1828	57,0	21,0	20,0	98,0
1829	57,0	27 0	21,8	105,9
1830	57,0	31,0	20,0	108,0
1831	57,0	33 0	21,9	112,8
1832	57,0	37,0	20,0	114,0
1833	57,0	37,0	10,0	104,0
1834	57,0	39,0	18,0	114,0
1835	57,0	41,0	30,0	128,0
1836	57,0	41,0	30,0	128,0
1837	55,4	43,0	30,6	219,1
1838	53,8	43,0	34,6	131,4
1839	52,1	44,0	33,2	129 3
1840	50,3	44,0	31,9	126,3
1841	48,5	45,0	32,4	125,9
1842	46,5	45,0	23,4	114,9
1843	44,5	46,0	20,0	110 5
1844	44,5	43,9	20,0	108,5
1845	42,4	43,9	20,0	106,3
1846	42,4	41,6	20,5	104,6
1847	40,1	41,6	45,0	126,7 ²

Существование столь большого государственного долга Банку и переполнение банковского портфеля долгосрочными облигациями государства в корне подрывали ликвидность эмиссионного учреждения. Между

¹ См. Vortrag etc. 10 Jänner 1842, стр. 4, и Zugschwerdt, назв. соч., стр. 231.

² Общий итог госуд. долга в 1821—25 годах сокращен за счет имевшегося тогда вклада государства в Банке.

тем о более быстром погашении долга не могло быть и речи. Казна попрежнему страдала от хронического недостатка в средствах. Как и до 1840 года, дефициты продолжали переходить из одной государственной росписи в другую,¹ а расходы часто неожиданно возрастали вследствие общего беспорядка и отсутствия единства в управлении: как только началось революционное движение в Италии, военное министерство совершенно перестало считаться с заявлениями гоф-камеры о недостатке денег в государственных кассах. С другой стороны, государственное хозяйство стояло на той же мертвой точке, что совершенно исключало возможность поднятия доходов казны; проекты реформ, выработанные Кюбеком, не получали дальнейшего движения: после долгих проволочек он получал их назад неутвержденными или решительно отклоненными. Управление империей теперь находилось в руках назначенной для объединения деятельности министров государственной конференции, которая была настроена чрезвычайно враждебно ко всяким изменениям в существовавшем порядке вещей; во главе ее стоял эрцгерцог Людвиг, дядя неспособного императора Фердинанда, считавший наилучшим разрешением вопроса о реформах—откладывание их в долгий ящик (*«liegen lassen ist die beste Erledigung»*, говорил он); двое других членов конференции—государственный канцлер Меттерних и гоф-канцлер (министр внутренних дел) Коловрат—были заняты постоянным соперничеством и интригами друг против друга, что уже само по себе мешало принятию каких-либо решительных мер. При таком положении дела не только нельзя было думать о проведении финансовых реформ и об энергичном погашении государственного долга Банку, но было несомненно, что правительство при первых замешательствах снова поторопится использовать последний в своих целях. То улучшение в положении Банка, которое наблюдалось в течение первой половины 40-х годов, было поэтому построено на песке, и это весьма скоро обнаружилось.

В 1846 г. в Италии и Галиции началось политическое брожение; в то же время произошло несколько крупных банкротств за границей. Этого оказалось достаточным, чтобы положить конец экономическому оживлению в Австрии: курсы железнодорожных акций стали падать, начались даже банкротства. Это повлекло за собою два последствия: с одной стороны Банку пришлось расширить ссудную операцию для предупреждения паники (выдача ссуд составила в 1844 г. 38,2 млн. фл., в 1845 г.—75,6 млн., в 1846 г.—80,7 млн., в 1847 г.—67,8 млн. фл.) и увеличить сумму билетов в обращении, а с другой—отлив иностранных капиталов повлек за собой уменьшение металлического запаса (см. таблицу выше). И как раз в это время правительство вновь сделало набег на кассы Национального Банка. Опасаясь кредитного кризиса, оно решило принять меры для поддержания курса железнодорожных акций; для этого в 1846 году Кюбек основал кредитную кассу, которая должна была закупать эти акции на бирже. Но так как казна

¹ Дефициты составляли в 1841—45 г. в среднем ежегодно 15,8 млн. гульд., в 1846 г.—21,8 млн., в 1847 г.—50,6 млн. (данные Чернига, приводимые Кауфманом, стр. 49).

страдала от недостатка средств (в 1847 г. дефицит составил 50 млн. фл.), а заключение займа не дало достаточных поступлений, министерству финансов ничего не осталось, как снова расширить (в 1847 г.) учет ассигновок кассы в Национальном Банке: в конце 1847 г. этих ассигновок в портфеле Банка оказалось на сумму вдвое большую, чем в конце предшествовавшего года.

Из изложенного ясно, что благоприятное положение Австрийского Национального Банка в середине 40-х годов было в сущности иллюзией. Правда, обеспечение его билетов металлом было в это время не слишком далеким от того, что считается в практике эмиссионных банков допустимой нормой: даже в конце 1847 г. сумма банковых билетов в обращении превышала металлический запас Банка только в 3,13 раза. Однако, не могло быть и речи о краткосрочном и легко-реализуемом покрытии той части билетов, которая оставалась за вычетом суммы металлического запаса из суммы билетов, находившихся в обращении. Из 218 млн. гульд. находившихся в обращении банковых билетов, 70 млн. было покрыто металлом и около 58 млн.—коммерческими бумагами, вся же оставшаяся сумма банковых билетов, т.е. около 90 млн. гульд., имела единственным покрытием долгосрочные и нереализуемые обязательства государства, находившиеся в руках Банка, на общую сумму в 126,7 млн. гульд. к. м. Между тем, если при полной обеспеченности эмиссионного банка массовое предъявление его билетов к размену является чем-то чрезвычайно маловозможным, то это объясняется именно всеобщей уверенностью в том, что эти билеты в достаточной степени покрыты металлом и легко-реализуемыми краткосрочными коммерческими бумагами. Австрийский Национальный Банк пробовал поддерживать такую уверенность публики в его полной солидности тем, что держал свое положение в глубокой тайне. Но это средство было хорошо до тех пор, пока в публике не зародилось подозрение относительно достаточной обеспеченности банковых билетов; но при первом серьезном испытании появление таких подозрений было неизбежно, и тогда должно было обнаружиться, что Банк не в силах справиться с разменом своих билетов.

Таким образом, попытки правительства улучшить состояние Банка не привели к решительным результатам; эмиссионное положение Банка не было обеспеченным. Между тем наступил грозный 1848 год.¹

¹ Для истории Банка в 1841—47 г.г. см. цитированные уже выше источники. Много любопытных сведений можно найти в общеисторических работах, особенно у Friedjung'a, Oesterreich von 1848 bis 1860. 1908. Особенно стр. 6—7, 15—16 и др.).

ГЛАВА II

Борьба с денежным расстройством и реформа Банка

Несмотря на тайну, покровом которой Национальный Банк окружал состояние своих дел, о связи его с государством ходили темные слухи; в виду этого наступившее в 1848 г. потрясение государственного кредита должно было немедленно отразиться на Банке. Курс австрийских ценных бумаг упал, как только пришли известия о событиях в Париже (конец февраля 1848 г.); дальнейший удар государственному кредиту был нанесен революциями в Австрии и Италии, за которыми вспыхнула война на Апеннинском полуострове (5%-е облигации государства, курс которых в конце 1847 г. стоял на 103, к концу февраля 1848 г. упали до 92, а в марте—до 60). Австрийские государственные бумаги, помещенные за границей, стали массами отсылаться на родину, и серебро начало отливать из империи. Вспомнив чрезвычайное расширение эмиссии Банка в течение последних десятилетий, публика стала чувствовать опасение, что наличного запаса в Банке скоро не хватит для размена его билетов; в виду строго соблюдавшейся тайны относительно действительного покрытия билетов, никто хорошо не знал, до какой степени обеспечен размен последних, и все подозревали возможность самых неблагоприятных комбинаций. В связи с этим начавшееся в результате ухудшения платежного баланса предъявление билетов Банка к размену грозило принять лихорадочный характер. Правление было напугано этим внезапным штурмом на разменные кассы Банка; как за якорь спасения, ухватилось оно теперь за столь долго отвергавшуюся мысль о гласности: оно надеялось, что выяснение истинного отношения металлического запаса к сумме выпущенных билетов может успокоить публику (мы видели, что к началу 1848 г. металлический запас составлял еще почти треть этой последней суммы). В виду этого было решено приступить к ежемесячному публикованию достаточно подробных балансов, а пока Национальный Банк напечатал (6 марта 1848 г.) в газетах сообщение, в котором слуху о возможном наступлении затруднений в размене «противопоставлялись» данные о состоянии Банка на 29 февраля 1848 года.

Состояние Банка, по этому сообщению, было следующим:

АКТИВЫ:		ПАССИВЫ:	
конвенцион. монета		банковые билеты в	
(отчеканенная)	65,0 млн. фл.	обращении	214,1 млн. фл.
учтенные цен. бум.		сальдо счетов джиро	1,9 » »
(со сроком в 5—95		акционерн. капитал	30,3 » »
дней)	86,2 » »		
залогн, внесенные в			
обеспечение ссуд,			
подлежащих уплате в течение 90 д.	12,6 » »		
обеспечен. гос. долг	81,3 » »		
гарантирован. ссуда			
Венгрии	1,0 » »		
Итого		Итого	
246,4 » »		246,4 » »	

Результат этого сообщения вышел совершенно обратным тому, на который рассчитывало правление. Оно думало подчеркнуть величину своего металлического запаса, а также размеры и краткосрочность коммерческого, «банкового» покрытия билетов (скрыв, впрочем, то, что половину «учтенных ценных бумаг» составляют нереализуемые ассигновки государственной центральной кассы). Но и того, что было опубликовано, было достаточно для возбуждения недоверия публики: стало ясным, что металлическое и банковое покрытие, находящееся в Банке, не может обеспечить размен его билетов, и что часть этих билетов покрыта требованиями к государству, о которых в сообщении было глухо сказано, что они «обеспечены» (hypothecirt), но как они обеспечены—это осталось неизвестным публике и возбуждало справедливые подозрения. Требования размена банковых билетов не только не ослабели, но усилились, особенно после бурных революционных дней 14 и 15 марта; к концу марта металлический запас Банка понизился на 12 млн. гульд. и продолжал уменьшаться, несмотря на изданные 2 и 4 апреля циркуляры, запрещающие вывоз золотых и серебряных монет за границу. Правление Банка увидело необходимость принять решительный образ действий: оно напомнило правительству о государственном долге Банку и о неизбежности принятия каких-либо мер для более действительного обеспечения размена банковых билетов.

Но в чем могли бы состоять такие меры? Казалось, здесь наступил тот случай, который был предусмотрен соглашением 1820 года: Банк нуждался в увеличении своего металлического запаса и, следовательно, имел право реализовать 50/-е государственные облигации, переданные ему в качестве дополнительного обеспечения по государственному долгу. Но курс этих облигаций уже сильно упал (они были переданы Банку по курсу 70; а в описанное время котировались по 56), и попытка выпустить их на рынок, при тогдашнем положении государственного кредита, привела бы к такому падению курса этих облигаций,

да и курса других государственных бумаг, что от этой мысли благо-разумнее всего было совсем отказаться. О возвращении же Банку тех сумм, которые государство было должно ему за извлечение бумажных денег и по учету кассовых ассигновок, не могло быть и речи. Средств у государства совсем не было: революция шла полным ходом и исклю-чала не только успешность внутренних займов, но и правильное по-ступление налогов; вследствие потрясения кредита и стеснения между-народного рынка были немыслимы и займы внешние. В конце концов, вместо того, чтобы помогать Банку, правительство не имело перед собою иного выхода, как прибегнуть к тому же Банку за помощью. Назначенный (в апреле 1848 г.), вместо Кюбека, министром финансов Краус должен был призвать на помощь весь свой многолетний адми-нистративный опыт для того, чтобы, доставая деньги то здесь, то там, выпутываться из того затруднительного положения, в которое попали государственные финансы. Единственным местом, где министерство фи-нансов могло теперь получить сколько-нибудь достаточную сумму, остался только Национальный Банк. И вот, в то самое время, когда Банк, переживавший серьезное потрясение, обратился к государству с указанием на необходимость обеспечить размен его билетов, прави-тельство с своей стороны прибегло к Банку, требуя у него ссуды в 30 млн. фл. Считаясь, однако, с настояниями Банка, правительство предлагало при этом увеличить обеспечение его билетов, но, конечно, не могло доставить ему ничего, кроме нереализуемых залогов; Банк понимал, что это его не спасет, и согласился на требование прави-тельства лишь под тем условием, что будет заключен заграничный государственный заем для увеличения его металлического запаса.

20 апреля 1848 года было опубликовано новое сообщение Банка, возмещавшее, что министерство финансов, для доставления Банку воз-можно большего обеспечения его требований к государству и полного укрепления его кредита, передало правлению на сумму в 42 млн. гульд. новое покрытие этих требований в виде залога казенных соля-ных копей в Гмундене, оцененных, по их чистому доходу (3,9 млн. фл. в год), в 80 млн. фл., и, кроме того, еще 32 млн. гульд. в 5%-х государственных облигациях (сообщение умалчивало о том, что под это обеспечение Банк выдал государству новую 4%-ю ссуду в 30 млн. гульд.). Далее, в сообщении Банка говорилось, что он немедленно от-правляет уполномоченного за границу, чтобы приобрести там благород-ный металл для усиления монетного запаса. Обещанный Банку заем должен был осуществиться в такой форме: ему предоставлялось выпу-стить от имени государства краткосрочные (погашаемые через 4, 8 и 12 месяцев) обязательства, оплачиваемые 5, 5½ и 6%, на сумму максимум в 30 млн. гульд. Обязательствам этим, составившим потом в течение долгого времени обычную форму текущего долга австрийского казначейства, официально было дано название «обеспеченных частич-ною ипотекою свидетельств» (Partial-Hypothekar-Anweisungen), так как они были назначены для возвращения только-что указанной ссуды Банка государству и должны были заменить одного кредитора—Банк—другим—иностранными капиталистами, на требование которых переходило

тогда то же обеспечение — соляные копи (частичная ипотека); в публике эти обязательства получили название «солеваренных билетов» (Salinenscheine).

Все это, конечно, не только не улучшило, но должно было даже ухудшить положение Банка, так как эмиссия его, вследствие выдачи государству новой ссуды, возрастала; расчет на привлечение иностранных капиталистов к приобретению обеспеченных соляными копиями обязательств оказался ошибочным, и обязательства эти большею частью остались в кассах Банка. Дело свелось только к тому, что расширенная эмиссия получила и расширенное обеспечение, которое, однако, было несколько не лучше прежнего: продажа новых 5%-х облигаций была не более возможна, чем продажа старых, что же касается до соляных копей, то, несмотря на их высокую ценность, они обладали, как залог, тем же недостатком: они были совершенно нереализуемы. Доверие к билетам Банка несколько не укрепилось, и требования размена их на металлы все возрастали, повышаясь скачками в зависимости от политических событий; к концу апреля металлический запас Банка, составлявший в начале года 70 млн., опустился до 35 млн. гульд. и в течение мая продолжал быстро падать (18 мая — в день отъезда императора из Вены — Банком было выдано серебра на 940 тыс. гульд.).¹

Положение Банка становилось все тревожнее, и все более выяснялась неизбежность принятия каких-либо экстраординарных мер. Первая попытка к спасению металлического запаса Банка была сделана официальными корпорациями (гильдиями) торговцев и промышленников Вены: 21 мая они опубликовали заявление о твердом решении их членов принимать банковые билеты по их полной номинальной ценности во всех платежах, которые им предстоит получить. Перед глазами представителей гильдий стоял, очевидно, пример торговцев и банкиров Лондона, выступивших с подобным же заявлением в 1797 году, уже после того, как размен билетов Английского Банка был остановлен; тогда это заявление сыграло известную роль в деле сохранения устойчивой ценности английской валюты вплоть до 1808 года, но в Англии тогда не было недостатка в людях, которые понимали, что этот успех вышеуказанного заявления не в малой степени обусловлен и осторожностью в эмиссионной политике.² В Австрии эта попытка поддержать доверие к билетам Национального Банка не имела серьезных последствий: распатанное положение Банка стало слишком известным, чтобы требования о размене могли прекратиться; отразиться же благоприятно на курсе билетов после приостановки их размена указанное заявление не могло, как вследствие крайней тревожности момента, так, в особенности, и в виду последовавшего вскоре выпуска государственных бумажных денег.

¹ Kramar. Das Papiergeld in Oesterrich seit 1848. Wien, 1885. Стр. 7. Притом билеты Банка были вытеснены из Венгрии, где революционное правительство даже запретило их обращение.

² T. Baring. Further Observations on the establishment of the Bank of England. 1797. Стр. 10—11.

В то же время Банк, потеряв всякую надежду на возврат выданных государству ссуд и видя перед собою опасность близкого банкротства, обратился к правительству с просьбой защитить его от полного крушения. Результатом был министерский приказ 22 мая (подтвержденный затем патентом 2 июня) 1848 года, который, успокаивая общественное мнение ссылкой на успешность принятых для обеспечения размена мер и на то, что «в скором времени следует ожидать увеличения металлического запаса Банка», ввел, тем не менее, в виду «бурного натиска на разменные кассы и быстрого, нарушающего всякие расчеты отлива монеты», следующие временные («на то время, пока продолжают современные чрезвычайные обстоятельства») меры: он позволял Банку проводить ограничения в размене его билетов и вместе с тем установил для последних принудительный курс, («... каждый обязан принимать во всех платежах билеты привилегированного Австрийского Национального Банка по их полной номинальной ценности. Если уплата должна быть произведена в монете определенного вида, то предоставляется выбору должника уплатить в монете этого вида или в билетах, по их ценности на эту монету в момент уплаты»).¹

В тот же день правление объявило, что будет принимать к размену билеты только на суммы, не превышающие 25 флоринов; следовательно, размен был ограничен только билетами мелких купюр. Но как это объявление, так и самый приказ 22 мая были только первыми шагами к полной приостановке размена; этими мерами уже признавалась неспособность Банка поддерживать этот размен в дальнейшем, а голословное и несоответствовавшее истине утверждение приказа о предстоящем увеличении металлического запаса, конечно, не могло никого разуверить в этой неспособности. Действительно, в ближайшие же дни размен был совсем прекращен, и банковые билеты, снабженные принудительным курсом, стали бумажными деньгами. В день появления приведенного министерского приказа (22 мая) был сделан и еще один шаг в сторону установления бумажно-денежного обращения: отлив металла за границу лишил обращение менее крупных денежных знаков, и для предотвращения затруднений в обороте был предписан выпуск банковых билетов в 1 и 2 гульд. (до тех пор мельчайшую купюрой этих билетов было 5 гульденов).

Снятие с эмиссии той узды, которую налагала на нее обязанность Банка к размену своих билетов, заставило его в большей мере, чем прежде, считаться с натиском иного рода: Национальный Банк оставался в сущности почти единственным источником кредита в стране,

¹ Таким образом, для оплаты сделок, заключенных на металлическую монету, принудительный курс билетов установлен не по их номинальной ценности, а по их курсу на монету. Очевидно, этим хотели удержать монету в обращении, разумеется, безуспешно, так как это являлось полумерой (общий принудительный курс был установлен по номинальной ценности). Надо заметить, что, по уставу 1841 г. (§ 15), никто не принуждался принимать банковые билеты в частном обращении (следовательно, они были лишены данного им в 1816 г. свойства законного средства платежа, при существовании которого отказываться от приема билетов нельзя во всех случаях, кроме сделок заключенных на монету определенного вида).

и на него сыпался град требований о ссудах. Положение его было, в самом деле, затруднительным. «Банк был осажден со всех сторон требованиями о ссудах», рассказывает современник. «Он должен был доставить деньги,—за обыкновенные проценты, за низкие проценты, без процентов,—для ремесленников, для промышленности, для торговли, для акционерных обществ, для сберегательных касс, для общин, для национальной гвардии. Пренебрегая своим кредитом и обеспеченностью банкового фонда, он должен был удовлетворять эти требования за немногими исключениями».¹

Впрочем, нормальные активные операции Банка в течение революционного года понизились: коммерческие учет и ссуды упали с 53,8 млн. гульд. на 31 декабря 1847 г. до 45,2 млн. 31 декабря 1848 г. Зато росли выдачи чрезвычайного характера, консолидировавшиеся в виде государственного долга Банку. Началось с того, что, под гарантией государства, Банк ссудил 2 млн. гульд. на нужды ремесленников в Вене и другие цели. Затем последовали ссуды уже прямо для государственных целей: 1 октября Банк был вынужден открыть государству беспроцентный кредит на 6 млн. гульд., а к концу октября приступить к учету новых 5%-х кассовых ассигновок; 9 декабря, наконец, было заключено соглашение, по которому Банк обязался выдать государству, сроком на год, новую беспроцентную ссуду под залог железнодорожных акций и сооружений. К концу 1848 г. кредиты, открытые Банком государству по этим ссудам, не были еще использованы целиком; тем не менее государственный долг Банку вырос со 126,7 млн. гульд. (31 декабря 1847 г.) до 178,6 млн. гульд. (31 декабря 1848 г.), т.-е. на 52 млн. за один год. Вместе с тем положение Банка было совершенно расстроено: его металлический запас упал к 31 декабря 1848 г. до 30,4 млн. гульд. (с 70,3 млн.), а сумма его билетов в обращении, несмотря на бурные предъявления их к размену в течение весенних месяцев, все же выросла за год с 218,9 до 222,9 млн. гульд., так что отношение между металлическим запасом и суммой находящихся в обращении билетов составило 1 к 7,32. Но расстроен был не один Банк; в полный хаос погрузилось и вообще денежное обращение страны: серебряная валюта была потеряна, металл исчезал из обращения, и все обороты предстояло теперь совершать при помощи неразменных бумажных денег, которыми стали банковые билеты. Между тем эти меновые знаки начали обесцениваться еще до прекращения размена: уже в марте, как только колебалось доверие к Банку, появился лаж на серебро, который с тех пор повышался, хотя и с некоторыми колебаниями. Курс 100 фл. серебром на венской бирже во флоринах банковской валюты составлял в 1848 г.: в марте—101—101⁵/₈, в апреле—101¹/₂—107, в мае—106—112, в июне—112—117, в июле—111—116¹/₂, в августе—106—116¹/₄, в сентябре—107—109, в октябре—108¹/₄—111, в ноябре—109—112, в декабре—110¹/₂—112⁵/₈.²

¹ «Die Nationalbank und ihre Zukunft», стр. 16.

² См. издание Австро-Венгерского Банка—«Die Agio-Reserve der öst.-ung. Bank». Wien. 1898. Стр. 220.

Вполне понятно, что при наступлении политического кризиса как кредитный рынок, так и различные общественные группы обратились за поддержкою к центральному эмиссионному банку, который по самой идее должен служить «позвоночным столбом» существующей в стране системы кредита. Разочарование публики было велико, когда она увидела, что Банк совершенно не подготовлен к выполнению этой задачи, так как механизм его уже расстроен долголетней связью с государственной казной. В 1848 году Банку впервые пришлось встретиться с резкою критикой его действий, которую можно рассматривать как зародыш атмосферы некоторого общественного недоверия, окружавшей его деятельность и в последующее время и сыгравшей, как увидим, известную роль в его дальнейшей истории. Появившиеся в течение революционного года брошюры и газетные статьи упрекали Банк в недальновидной политике, в стремлении к высоким дивидендам и в вытекавшей из этого чрезмерной уступчивости перед требованиями государства; некоторые шли так далеко, что требовали отнятия у Банка его эмиссионной привилегии в виду обнаружившихся неспособности и корыстолюбия этого учреждения.¹ Банк отвечал на это указанием, что в его неподготовленности к событиям 1848 года виновато государство, не доставлявшее Банку достаточного обеспечения по тем ссудам, которые оно получало с 1820 года; что же касается до кредитной поддержки, оказанной государству в 1848 г., то к условиям этого периода, по мнению Банка, обычные критерии были неприменимы: дело шло о спасении государства, и Банку ничего не оставалось делать, как подвергать риску свой кредит и интересы денежного обращения во имя высшей цели.²

Впрочем, по этому последнему пути Банку пришлось идти и дальше, несмотря на то, что революционный кризис скоро миновал. Совершившийся в октябре 1848 г. перелом в сторону реакции не означал возвращения к «домартовскому» режиму патриархального абсолютизма, считавшегося с привилегиями сословий и отдельных частей империи: теперь речь шла об установлении все нивелирующего господства бюрократии, опиравшегося на военную силу. Этот новый режим стремился устранить аристократические привилегии и привлечь таким образом на свою сторону крестьянство и буржуазию; с другой стороны, подавив все национальные движения, он желал провести в империи централистическую организацию. В состав образованного 28 ноября реакционного министерства Шварценберга вошли представители среднего класса, выдвинутые революцией и постепенно перешедшие в правительственный

¹ Dr. Dinstl Sen. Finanzplan mit Auflösung der privileg. öst. Nationalbank etc., Krems, 1848, особ. стр. 7 (здесь утверждается, между прочим, что монополия эмиссии противоречит и конституции, нарушая принцип общего равенства); см. также статью в «Wiener Zeitung» от 19 декабря 1848 г. В 1848 г. дивиденды Банка были еще довольно высокими: 10,83% на капитал и 5,35% на средний курс акций (который, впрочем, понизился).

² См. исходившую от правления Банка брошюру «Die österr. Nationalbank», Wien, 1848 г. (мы цитируем по Крамаржу), а также доклад правления за 1848 г. (Vortrag etc. vom 8 Jänner 1849).

лагерь (Бах, Брук). Они взяли в свои руки дело реформ, которые, без содействия народных представителей, должны были укрепить центральную власть. Реформы эти коснулись и финансовой области: вся система косвенных налогов и государственных монополий была распространена на Венгрию, таможенная линия между Венгрией и другими провинциями была уничтожена, установлен общеперсский таможенный тариф, в котором запретительная система заменена умеренным протекционизмом; с другой стороны, проведены некоторые реформы и в прямом обложении (введен подоходный налог).

Но государственное хозяйство не пришло в равновесие: Италию и Венгрию держали в повиновении только силою, поддерживая в этих странах многочисленную армию, и поэтому значительно выросли военные расходы; при таком чрезвычайном усилении расходов финансовые реформы не могли дать выхода из бюджетных затруднений. Дефицит составлял: 81,5 млн. гульд.—в 1848 г., 153,9 млн.—в 1849 г., 71,5 млн.—в 1850 г., 71,2 млн.—в 1851 г., 79,6 млн.—в 1852 г. и 83,0 млн.—в 1853 г. Между тем революции и войны так потрясли государственный кредит, что рассчитывать на помещение займа можно было лишь при условии принятия на себя государственным казначейством тяжелых жертв. В этих обстоятельствах в период окончания венгерской кампании 1849 года правительство решило обратиться к выпуску государственных бумажных денег. Поводом для этого послужил недостаток разменных денежных знаков в обращении. Исчезновение серебряной и даже медной монеты повело к тому, что оборот пользовался искусственными средствами обращения: банковый билет в 1 гульд. разрывали на две и даже на четыре части и пользовались половиной билета как денежным знаком в 30, а четвертью—как денежным знаком в 15 крейцеров; торговцы и промышленники сами выпускали билеты ценностью от 1 до 20 крейцеров и даже монеты из разных металлов—меди, олова, цинка,—а также из дерева и стекла. Легко можно представить себе весь тот хаос, который благодаря этому водворился в обращении: «не было ни валюты, ни денег, ни общего измерителя ценностей». ¹ Приступив к регулированию этой части денежного обращения, правительство воспретило выпуск денежных знаков частными лицами и приступило (по указу 24 июня 1849 года) к выпуску государственных «монетных билетов» в 6 и в 10 крейцеров. Но, вступив на этот путь, правительство легко пошло по нему и дальше, начав—в нарушение патента 1816 года—выпускать бумажные деньги и более высоких купюр—от 1 до 50 флоринов; к ним присоединились еще получившие свойство денежных знаков бумаги разных видов государственного текущего долга. К концу 1850 г. было выпущено в обращение 134,2 млн. гульд. государственных бумажных денег; из них 46 млн. находилось в кассах Национального Банка. На положении Банка все это должно было крайне тяжело отозваться: Банк был обязан принимать государственные бумажные деньги в свои кассы, как свои собственные билеты; вследствие этого, требования Банка к его должникам

¹ См. статью Ernst'a «Geld» в Oesterr. Wörterbuch von Mischler und Ulbrich, 2-te Auflage, стр. 263.

погашались часто внесением государственных бумажных денег, так что сумма его билетов, находившихся в обращении, с погашением этих требований не уменьшалась, и обеспеченность этих билетов не увеличилась. С другой стороны, возрастал государственный долг Банку, так как находившихся в кассах последнего бумажные деньги являлись требованием Банка к государству.

После того, как в 1849 г. была подавлена и венгерская революция, начатые министерством Шварценберга преобразования должны были распространиться, наконец, и на ту область, урегулирование которой было особенно трудно, — на область денежного обращения и на санирование Австрийского Банка. Действительно, последовавшее за этим десятилетие было ознаменовано рядом попыток урегулировать то и другое, при чем попытки эти — как вследствие трудности самой проблемы, так иногда и в результате случайных внешних причин — в конце концов оказывались постоянно неудачными. При этом дело вовсе не обстояло так, что одна потерпевшая неудачу попытка была бы немедленно оставляема, чтобы уступить место другой, носящей совсем иной характер: часто мы имеем дело с переходными периодами, в течение которых принимались всякие половинчатые и корректирующие меры. Вследствие этого картина отношений между Банком и государством получилась чрезвычайно сложная. Проф. И. И. Кауфман дает удачную характеристику того периода этих отношений, который приходится на двадцатилетие 1848—1866 годов: «На нем, главным образом, сосредоточивается интерес, потому что оно представляет пример, единственный в своем роде, таких отношений между правительством и эмиссионным банком, каких никогда и нигде, кроме Австрии, не видели. Одна из самых замечательных сторон этих отношений заключается в их необычайной запутанности. Отношения эти образовали длинную цепь, которой отдельные звенья постепенно возникали, вызываемые событиями, быстро следовавшими одно за другим, поэтому ранее, чем удавалось распутать узлы, образовавшиеся от предшествовавших событий, новые события вызвали возникновение новых звеньев в виде узлов, спутанных с прежними узлами. Вследствие этого и самая цепь с ее отдельными звеньями превратилась в огромный клубок, в котором разбираться очень трудно».¹

Первая попытка урегулировать положение была начата еще в 1849 г. в виде осуществления целой программы мероприятий, выработанных министром финансов Краусом. Краус, опытный и осторожный чиновник с логическим умом и кунктаторским характером, вполне последовательно установил, что, источник зла заключается в общем расстройстве государственного хозяйства, и что прежде всего следует принять меры к устранению дефицита; далее, что этой цели нельзя достичь быстро, и поэтому весь процесс урегулирования должен проходить постепенно, что уже и первые достигнутые в этом отношении успехи позволят извлекать мало-по-малу государственные бумажные деньги из обращения,

¹ И. И. Кауфман. Бумажные деньги в Австрии. СПб. 1913 г. Стр. 47—48.

что в свою очередь должно отразиться улучшением их курса. Также постепенно нужно было, по мнению Крауса, урегулировать и положение Национального Банка: упорядочение государственного хозяйства должно состоять, между прочим, и в том, чтобы отказаться от позаймствований в Банке и заменить их доходами из других источников, в том числе и от займов; существующий же долг государства Банку нужно объединить, назначить оплату его одинаковым процентом, обеспечить его и постепенно уплатить — по мере упорядочения государственного бюджета. С другой стороны, металлический запас Банка должен быть увеличен путем выпуска удержанных до сих пор правлением Банка акций, а освобождение банковских средств от эксплуатации их со стороны государства позволит Банку расширить его коммерческие активные операции и таким образом содействовать подъему народного хозяйства, развитие которого создаст базис для обращения банковых билетов, тем более, что государственные бумажные деньги к тому времени будут уже окончательно изъяты.

Программа Крауса встретила живую критику, в особенности со стороны всех тех, кто думал, что более верным путем урегулирования положения будет более быстрый способ действий, и что поэтому следует начать с упорядочения денежного обращения. В таком смысле высказалась созданная по инициативе Крауса в начале 1850 года комиссия, в которой участвовали представители разных общественных кругов; так полагал и состоявший тогда председателем государственного совета Кюбек, противопоставивший системе Крауса свою собственную программу. По мнению Кюбека, следовало слить воедино оба вида бумажных средств обращения — государственные бумажные деньги и банковые билеты — и заключить заем для извлечения из обращения тех и других (в два года можно будет извлечь их на 240 млн. гульд.); принятие на себя государством ответственности по банковым билетам погасит долг государства Банку, и последний сможет перейти к развитию своих коммерческих операций при помощи билетов нового типа. Что касается до правления Банка, то и оно не поддержало Крауса, хотя уже и по другим соображениям: оно протестовало против выпуска удержанных за ним акций и требовало уплаты государственного долга Банку и извлечения государственных бумажных денег из обращения.¹

Но Краус начал проводить в жизнь свою систему еще до всего этого обсуждения. Уже патент 28 июня 1849 года объявил, что правительство не будет более обращаться к Австрийскому Национальному Банку за средствами на государственные нужды; на последние должны быть обращены поступления от нового внутреннего займа и от выпуска 3% обязательств государственного казначейства; избытки поступлений от этих кредитных операций, а также контрибуция, которая должна была поступить от Сардинии, подлежат передаче Банку на погашение его ссуд государству.

¹ Спор между Краусом и Кюбеком и др. изложен у Веер'а, стр. 215—229, и у Friedjung'a, стр. 248—249. Отражением взглядов правления в значительной степени явилась уже цитированная нами анонимная брошюра «Die Nationalbank und ihre Zukunft» (Wien, 1850), особ. стр. 22, 26, 28 и 30.

6 декабря 1849 г. было заключено с Банком соглашение, которое должно было осуществить предположения министра финансов относительно объединения различных видов государственного долга Банку и точного определения способов уплаты этого долга. Впрочем, не весь долг был охвачен соглашением: старые долги по извлечению бумажных денег в. в. и по учету ассигновок центральной кассы (всего на 128,4 млн.), а также мелкие ссуды, выданные разным лицам и учреждениям под гарантией государства (всего на 2,6 млн. гульд.), были оставлены в стороне. Напротив, полученные государством ссуды более позднего происхождения (именно антиципационное позаймствование из Банка при выпуске ассигновок центральной кассы в 1842 г., а также процентные и беспроцентные ссуды 1848 и 1849 г.г.), всего на сумму в 96,9 млн. фл., были этим соглашением соединены в единый долг, оплачиваемый 2%-ми. Уплата этого долга была регулирована следующим образом: первые 60 млн. гульд. погашаются на средства, которые должны быть получены от 4½%-го государственного займа (подписка была открыта 22 сентября 1849 г.) следующие 24 млн.— из военного вознаграждения от Сардинии, и, наконец, уплата последних 12,9 млн. должна быть определена не более, чем через год.

Так началось проведение в жизнь проектов Крауса и обещаний патента 28 июня. Установленные соглашением платежи, действительно, производились: до конца 1849 г. Банк получил из 4½%-го займа 33½ млн., а из контрибуции—6 млн.; объединенный долг уменьшился до 57,3 млн., а к концу 1850 г.— до 24,4 млн. гульд.¹ Тем не менее радикального улучшения в положении Банка не наступало; это в значительной степени объяснялось существованием государственных бумажных денег, все более и более заполнявших кассы Банка; в этих бумажных деньгах вносилась и часть поступлений от займа, так что в руках Банка один вид государственных обязательств сменялся другим (бумажными деньгами). Между тем операции Банка расширялись, и его эмиссия, столь плохо обеспеченная, продолжала возрастать (билетов в обращении в конце 1848 г. было 222,9 млн., 1849 г.—250,4 млн., 1850 г.—255,3 млн.). Банковые билеты продолжали обесцениваться, разделяя в этом отношении судьбу государственных бумажных денег; в 1849 г. 100 гульд. сер. котируются: в январе—111½—112½, в декабре—109—114, а в 1850 г. в январе—111—113, в декабре—126½—132. Таким образом лаж все повышался, и надежды Крауса на то, что при помощи кредитных операций удастся скоро поддержать курс бумажных денег, не оправдывались; с другой стороны, погашение государственного долга Банку взносами государственных бумажных денег давало слишком мало надежд на восстановление валюты.

Нельзя не признать, что кунктаторская политика Крауса потерпела неудачу. Правда, государственный долг Банку уменьшился

¹ Прочий долг государства Банку продолжал погашаться уплатой погасительной ренты на основании соглашения 30 ноября 1822 г.; кроме того, в 1851 г. был уменьшен на 20 млн. долг государства по учету ассигновок, для чего был сделан новый выпуск билетов, обеспеченных соляными копейками («Die priv. öst. Nationalbank seit ihrer Gründung», стр. 19).

(в конце 1848 г. он составлял 178,6 млн., в конце 1849 г.—189 млн., в конце 1850 г.—150,4 млн., в конце 1851 г.—121,6 млн. гульд.); несколько улучшилось и положение его в смысле обеспеченности его билетов металлом, как показывает следующая таблица:

К концу года.	Металл. запас в млн. фл.	Сумма банковых бил. в обращ. (млн. фл.).	Отнош. запаса к сумме бил.
1848	30,4	222,9	1 : 7,32
1849	30,0	250,4	1 : 8,34
1850	32,3	255,3	1 : 7,91
1851	42,8	215,6	1 : 5,95

Но общее упорядочение государственного хозяйства затягивалось вследствие роста военных расходов и слабости государственного кредита, выпуск государственных бумажных денег возрастал (к концу 1849 г. их было выпущено в обращение 71,1 млн., к концу 1850 г.—134,2 млн., к концу 1851 г.—180,3 млн.), и обесценение как этих бумажных денег, так и банковых билетов продолжалось. Тогда Краус пошел на отступление от своей первоначальной программы; вместо окольного пути воздействия на положение Банка и на денежное обращение путем упорядочения государственного хозяйства и государственного долга он обратился к прямой борьбе с обесценением денег. Патент 15 мая 1851 года установил предельную сумму в 200 млн. гульд., сверх которой государственные бумажные деньги не могут выпускаться, и предписал извлечение этих денег из обращения при помощи нового 5%-го займа. Но заем этот не имел успеха, а безденежье казны заставило обратить поступления от него на другие цели. В связи с этим патент 15 мая оказал лишь мимолетное влияние на курс бумажных денег: в 1851 г. курс 100 фл. сер. составлял в январе—129—131½, в феврале—129¼—131, в марте—129½, в апреле—131½—134, в мае—125½—133⅞, в июне—124—128¼, в июле—116¾—124½, в августе—118¼—120⅜, в сентябре—117¾—122¼, в октябре—119—124, в ноябре—124¼—129¼, в декабре—120—129½.

Краус, видевший крушение своей системы, пришел к выводу, что виною этому является спекуляция, производимая на средства, получаемые от Национального Банка, доказательство чему министр видел в расширении учетной операции последнего (учетная операция состояла: за 1848 г.—346 млн. гульд., за 1849 г.—330,8 млн. гульд., за 1850 г.—326,8 млн., за 1851 г.—349,5 млн.). Поэтому, в ноте от 31 октября 1851 г., Краус предложил Банку принять меры к ограничению его активных операций (на 31 декабря каждого года коммерческие учет и ссуды составляли: в 1848 г.—45,2 млн., в 1849 г.—47,0 млн., в 1850 г.—57,5 млн., в 1851 г.—60,5 млн.). Правление отвечало на это, что при бумажно-денежном обращении в 360 млн. небольшое сокращение этого обращения, миллиона на четыре, не может иметь значения; зло заключается, по мнению правления, не в вексельном портфеле, а в государственных бумажных деньгах и в государственном долге Банку. Хотя, в сущности говоря, этот ответ (вероятно, намеренно) искажал значение, придававшееся министром финансов сокращению

активных операций Банка, но в целом он делал правильный намек на неудачу всей политики Крауса.

Преемник Крауса, Баумгартнер, наученный этим опытом, решил действовать быстрее: он проектировал ряд крупных кредитных операций, при помощи которых можно было бы покрыть дефицит, извлечь бумажные деньги и уплатить долг Банку; именно, в течение пяти лет должно было быть реализовано путем займов 400 млн. гульд., из которых 150 млн. обращается на покрытие дефицитов 175 млн.—на извлечение бумажных денег и 75 млн.—на уплату важнейшей части долга Банку. В то же время Баумгартнер предполагал продолжать унификацию долга государства Банку и настаивал на необходимости увеличить металлический запас последнего путем выпуска остающихся акций, от чего, по его мнению, следовало ожидать подъема курса билетов, а затем и возможности возобновить размен; Банк же, со своей стороны, по проекту Баумгартнера, должен был вознаградить себя за выпуск акций развитием своих активных операций, которое будет облегчено урегулированием денежного обращения (доклады Баумгартнера от 16 апреля 1852 г. и от 5 апреля 1853 г.).

Проведение этой программы в жизнь началось соглашением 23 февраля 1853 г., по которому были объединены в одно требование все долги государства Банку, кроме долга за извлечение бумажных денег в.в., именно остаток долга, объединенного Краусом 6 декабря 1849 г. (7½ млн. гульд), долг по учету кассовых ассигновок (37 млн.) и находившиеся в кассах Банка билеты казначейства и государственные бумажные деньги (27,2 млн. гульд.). Обеспечением этого долга, составившего вместе 71,7 млн. гульд., признаны были соляные копи Гмундена, Аусзее и Галлейна, а уплата его началась немедленно из средств, полученных от займа, так что долг этот уменьшился к концу 1852 г.—до 61 млн., а к концу 1853 г.—до 55 млн. гульд.

Но тем не менее проект Баумгартнера потерпел такую же неудачу, как и планы его предшественника: дефицит не только не уменьшался, но возрастал (он составлял: в 1852 г.—79,6 млн., в 1853 г.—83,0 млн., в 1854 г. 157,1 млн. и в 1855 г.—158,3 млн. гульд.), и общее экономическое положение страны было угнетенным (безработица и застой в торговле), так что для реформ в области финансов и денежного обращения момент был мало благоприятен. Баумгартнеру пришлось ограничиться гораздо менее широкими мерами, чем он предполагал в апреле 1852 года, именно лишь увеличением акционерного капитала Банка во-первых, и объединением бумажно-денежного обращения, во-вторых.

В мае 1853 г. комитет акционеров Банка был вынужден, наконец, согласиться на выпуск акций, и в течение 1853 и 1854 годов все эти акции, числом 49.379, были реализованы по курсу 800 фл., что должно было принести в Банк 39.503.200 гульд. (почти все акции были разобраны прежними акционерами). Это дало Банку средства для увеличения его металлического запаса, но самое увеличение последнего происходило медленно, между тем как сумма банковых билетов, находившихся в обращении, возрастала очень быстро, во-первых, вследствие расширения активных операций Банка и, во-вторых, в результате

следующей проведенной Баумгартнером меры. В результате нового соглашения государства с Банком (23 февраля 1854 г.) все государственные бумажные деньги должны были представляться в Национальный Банк для обмена на его билеты. Обмен этот пошел очень быстро, и к концу 1855 года бумажно-денежное обращение Австрии состояло только из одних банковых билетов. Вследствие этой замены государственных бумажных денег банковыми билетами должен был создаться новый долг государства Банку; этот долг, по вышеупомянутому соглашению 1854 г., правительство обязалось погашать уплатою 10 млн. гульд. в год, внесение которых обеспечило своими таможенными доходами.

Летом 1854 г. Баумгартнер попытался решительным ударом упорядочить денежное обращение. Патент 26 июня 1854 г. предписал крупный «национальный заем» в 300—500 млн. гульд., имевший главной целью восстановление валюты. Поступления от этого займа должны были передаваться Банку в таких размерах, чтобы весь государственный долг последнему уменьшился к 24 августа 1858 года до 80 млн. гульд. С другой стороны, на Банк возлагалась обязанность возобновить размен его билетов в момент, который будет указан министром финансов по соглашению с правлением.

Но эти предположения остались невыполненными: средства, полученные от национального займа, были истрачены не на регулирование валюты, а на оккупацию дунайских княжеств и другие военные расходы. План Баумгартнера потерпел окончательное крушение, и в Австрии осталась существовать бумажная валюта. Но теперь все бумажно-денежное обращение страны состояло из билетов Национального Банка, неразменных, обесцененных и сильно колебавшихся в курсе (в 1854 г. 100 фл. сер. котировались: в январе— $116\frac{5}{8}$ — $127\frac{3}{8}$, в марте— $130\frac{1}{2}$ — $146\frac{1}{2}$, в сентябре— $115\frac{1}{4}$ — $119\frac{3}{8}$, в декабре— $124\frac{1}{8}$ — $128\frac{1}{2}$). Поэтому вопрос о регулировании денежного обращения опять совершенно слился с вопросом об уплате государственного долга Банку, составлявшего в млн фл.:

В конце года	Долг за извлечение бум. денег в. в.		Другие долги.	Весь долг
	процентный	беспроцентный		
1848	40,1	39,2	99,2	178,6
1849	37,5	40,2	111,2	189,0
1850	37,5	37,6	75,1	150,4
1851	34,8	37,6	49,2	121,6
1852	34,8	34,8	61,0	130,6
1853	31,9	34,8	55,0	121,7
1854	31,9	31,7	230,5	294,2 ¹

¹ См. «Die Nationalbank seit ihrer Gründung», в цитир. месте. Долг по извлечению бум. денег в. в. погашался уплатою ежегодной ренты. В рубрику «другие долги» входят долги по учету ассигновок, по ссудам 1848 и 1849 и все прочие; в 1852 г. долги этой рубрики увеличились вследствие консолидации требований Банка по гос. бум. деньгам, выпускавшимся в 1849—1853 г.г. и состоявшим в его кассах (в цифры предшествовавших годов эти требования не входили); в 1854 г. долги этой рубрики увеличились вследствие обмена гос. бум. денег на банковые билеты; этот последний прирост долга погашался уплатою 10 млн. в год, и, наконец, в уплату всего долга должны были вноситься поступления от национального займа.

Долг этот необходимо было уплатить, чтобы обмен банковых билетов был возможен, так как теперь билеты эти были настолько мало обеспечены металлом, что нельзя было и думать о восстановлении размена:

В конце года	Металл. запас (млн. фл.)	Сумма бил. в обращ. (млн. фл.)	Отношение за- паса к сумме билетов.
1852	43,2	194,9	1:4,5
1853	44,8	188,3	1:4,4
1854	45,2	383,4	1:8,4

Эта слабая обеспеченность билетов стала еще более резкой как вследствие замены государственных бумажных денег банковыми билетами, так и вследствие расширения операций Банка, связанного с осуществлением некоторых проектов Баумгартнера и с выпуском акций Банка. Доходы акционеров последнего к началу 50-х годов сократились (дивиденд, составлявший в 1847 г. 14,67% на капитал, в 1848—1851 г.г. лишь несколько превышал 10%), и Банк стремился к открытию новых источников дохода. В 1851—54 г.г. он открыл целый ряд филиалов в провинции (до 1851 г. у него был только один филиал, а к 1855 г.—9) и принял ряд мер для расширения учетной операции: воспользовавшись проведенною в 1850 г. реформой австрийского вексельного права, Банк добился права принимать к учету векселя, акцептированные и вне Вены, а также снабженные только двумя (а не тремя, как требовалось раньше) подписями; минимальная сумма принимаемого к учету векселя в 1853 г. понижена с 300 до 100 фл. Все это открыло доступ в Банк векселям гораздо более широкого круга лиц, чем раньше: не только провинциальные векселя, но и векселя более мелких торговцев и промышленников имели теперь шансы быть принятыми в портфель Банка. Поэтому учетная операция стала развиваться, и учет коммерческих векселей скоро заменил для Банка операции по учету ассигновок государственной центральной кассы. На 31 декабря каждого года состояние активных операций Банка было следующим:

В конце года.	Учет ассигновок центр. кассы.	Учет векселей.	Ссуды.
1848	50,0	30,7	14,4
1849	50,0	31,7	15,3
1850	50,0	37,5	20,0
1851	39,5	45,5	15,0
1852	—	36,3	17,7
1853	—	53,4	23,8
1854	—	73,2	48,1 ¹

Развивались и другие операции Банка, за исключением депозитной (переводная операция составила: за 1848 г.—63 млн., за 1854 г.—149,2 млн., операция джиро: за 1848 г.—121,2 млн., за 1854 г.—224,3 млн.; по состоянию депозитов на 31 декабря 1848 г.—87,3 млн., на 31 декабря 1854 г.—83,1 млн. гульд.).

¹ «Die Nationalbank seit ihrer Gründung», стр. 40. Понижение портфеля в 1852 г.—результат известного нам воздействия Крауса на правление Банка.

В Крымской войне Австрия не принимала участия, но занятие дунайских княжеств, имевшее значение демонстрации против России, потребовало мобилизации армии и крупных расходов. Эти события, как мы указали, помешали погашению государственного долга Банку. До октября 1855 г. было обменено бумажных денег на банковые билеты на сумму в 149,6 млн., за что Банк получил от государства 10 млн. гульд. из таможенных доходов и 92,4 млн. от национального займа (государство осталось должно Банку за обмен новых бумажных денег 44,2 млн. гульд.). Но в то же время (в нарушение обещаний патента 28 июня 1849 г.) правительство вновь обратилось в Банк за деньгами на военные расходы; Банком было выдано в 1854 г.—80 млн. под обеспечение облигациями национального займа и в 1855 г.—20 млн. гульд. под залог других государственных бумаг, всего 100 млн. гульд. (так наз. *Interimal Vorschüsse*). Таким образом, долг государства Банку в сущности не уменьшился, между тем как именно от погашения этого долга зависело разрешение вопроса об урегулировании положения Банка и всей денежной системы.

Тогда была сделана третья попытка подготовить восстановление валюты. Назначенный в 1855 г. министром финансов Брук выдвинул новую программу мер; человек, перешедший в правительственный лагерь после революции, homo novus в правящих сферах, он имел претензии на более широкий размах мысли, чем его посевшие в канцеляриях предшественники. Основная идея его состояла в том, что расстройство денежного обращения должно быть устранено укреплением доверия к банковым билетам, которое поднимет их курс. До сих пор достижению этой цели мешали два обстоятельства—переполнение каналов обращения бумажно-денежными знаками и недостаточная обеспеченность банковых билетов. Первое зло может быть устранено дальнейшим развитием операций Банка, которое будет содействовать подъему народного хозяйства и сделает необходимою для обращения всю массу находящихся в его каналах билетов. Второе зло, малая обеспеченность билетов, обязано своим существованием государственному долгу перед Банком, дающему слишком недостаточное обеспечение для эмиссии; нужно сделать это обеспечение более солидным и притом таким, которое позволило бы Банку (постепенно, так как имелось в виду не увеличивать затруднений государственной казны) повышать его металлический запас и таким образом готовить размен. Исходя из этой мысли, Брук признал наилучшим средством для разрешения вопроса обеспечение государственного долга Банку недвижимыми имуществами государства, назначенными к продаже; повторяя ошибку Джона Ло, он ожидал блестящих результатов уже от одного покрытия банковых билетов недвижимыми имуществами. Работая в том же направлении, мысль его и в области расширения банковских операций искала возможности связать активную деятельность Банка с обеспечением ее залогом частной недвижимости, особенно в виду того, что землевладение, освобожденное теперь от лежащих на нем до 1848 года пут, в тот момент особенно нуждалось в кредите. Поэтому Брук после некоторого колебания пришел к выводу о необходимости открытия ипотечного отделения при Национальном

Банке (не связывая, впрочем, деятельности этого отделения с эмиссией билетов).¹

Эти предложения были осуществлены в октябре 1855 года посредством трех мероприятий.

Во-первых, 12 октября 1855 г. Банку дано право открыть особое отделение для ипотечного кредита (оно было открыто 1 июля 1856 года), выдававшее ссуды закладными листами; выпуск последних ни в каком случае не должен был стоять в связи с увеличением количества билетов в обращении и поэтому не мог вредить способности банковых билетов размениваться на металл; новое отделение представляло из себя как бы особый ипотечный банк, состоящий при эмиссионном банке для увеличения доходов последнего (как увидим далее, открытие этого отделения было связано с увеличением акционерного капитала) и для содействия подъему народного хозяйства (согласно основной идее Брука).²

Во-вторых, открытием нового отделения государство воспользовалось для того, чтобы увеличить акционерный капитал Банке и таким образом усилить его положение (часть этого увеличения капитала, как предполагалось, должна была пойти на увеличение металлического запаса Банка): 24 октября 1855 г. правительством был декретирован новый выпуск 50.000 акций Банка по выпускной цене в 700 фл. к. м. или 708—798 фл. б. в. (в последнем случае—с оплатой лажа); акционерный капитал Банка таким образом повысился с 69.875.000 (100 тыс. акций) до 104.875.000 гульд. (150 тыс. акций).

В-третьих, 18 октября 1855 года было заключено новое соглашение правительства с Банком. По этому соглашению, долг государства Банку по обмену бумажных денег—как венской валюты (60,9 млн.), так и новых (44,2 млн.)—должен был погашаться на основе ранее заключенных соглашений (1822 и 1854 г.г.), остальные же долги,—именно долг, объединенный соглашением 23 февраля 1852 года (55 млн.), и долг по т. н. *Interimal Vorschüsse* (временным ссудам) 1854 и 1855 г.г. (100 млн.),—всего на 155 млн. гульд., были объединены в единый беспроцентный долг, в обеспечение которого

¹ См. его доклад императору от 16 июля 1856 г. (у Веер'а; стр. 262—263). Взгляды Брука нашли защиту и обоснование в вышедшей тогда обширной работе J. B. Zugschwerdt'a: *Das Bankwesen und priv. österr. Nationalbank*. 1855). Но Цугшвердт, защищая необходимость покрытия эмиссии недвижимыми имуществами (стр. 332 и 353—354), идет еще дальше Брука, предлагая связать и ипотечную операцию с эмиссией билетов; по его мнению, устранить нереализуемость ипотечного обеспечения эмиссии—дело законодательства (стр. 40). См. также его брошюру *Die neuen Bank-massregeln* (Wien, 1856), особ. стр. 36.

² Ипотечное отделение Австрийского (потом Австро-Венгерского) Банка просуществовало до закрытия Банка в 1920 году. В течение короткого времени, по уставу 1863 г., Банк имел право выдавать ипотечные ссуды банковыми билетами и употреблять свои закладные листы на покрытие выпущенных билетов. Это было отменено уставом 1878 г., и с тех пор на ипотечную операцию Банк не мог употреблять ни одного гульдена выпускаемых им билетов; приобретать свои закладные листы с тех пор он мог только на средства резервного фонда и той части акц. капитала, которая не связана в ссуде государству, в банковых зданиях и тому подобных помещениях.

государство передало Банку свои недвижимые имущества (леса), оцененные в 156,4 млн. гульд. Банк мог управлять этими имуществами и получать с них доходы, обращая последние на погашение обеспеченного таким образом долга; в тех же целях погашения последнего он получил право отчуждать эти имущества и погашать долг из выручки от отчуждения их, при чем ему предписывалось начать и продолжать отчуждение как можно скорее. В случае недостаточности вырученной суммы для погашения долга министерство финансов обязалось погасить остаток долга из общих государственных средств.

Переданные Банку по этому соглашению недвижимые имущества государства, занимавшие огромную площадь, разумеется, не могли быть проданы сразу: отчуждение могло происходить лишь в течение продолжительного периода, и потому соглашение 18 октября надолго отсрочило окончательное погашение государственного долга Банку. Для государства это соглашение было очень выгодным, так как сильно уменьшало ежегодные платежи процентов по долгу перед банком: именно, сумма ежегодного платежа интересов по 2%-му долгу 1852 г. и 4%-м временным ссудам 1854 и 1855 г.г. составляла 5,1 млн. фл., между тем как все камеральные имущества вместе давали не более $3\frac{1}{8}$ млн. фл. ежегодного дохода. Но если государство выиграло, то для Банка дело обстояло иначе, так как приток средств от государственных имуществ мог быть лишь медленным: за период, превышавший три года, Банк получил от этого источника только 8,2 млн. фл. Итак, значение договора 18 октября состояло вовсе не в ускорении уплаты государственного долга Банку; согласно плану Врука, дело шло главным образом о том, чтобы, в виду невозможности погасить государственный долг быстро (за недостатком средств у государства), по крайней мере как можно лучше обеспечить этот долг и платежи по нему. Однако, такого рода обеспечение, какое было дано соглашением 18 октября, с точки зрения техники эмиссионно-банкового дела представлялось более, чем недостаточным, так как страдало все тем же недостатком, как и прежние государственные залоговые, — трудной реализуемостью.

Впрочем, проведенные Вруком и его предшественниками мероприятия имели все-таки заметное влияние на улучшение положения Национального Банка. Если передача Банку недвижимых имуществ могла увеличить стоящие в его распоряжении средства, а вместе с тем и его металлический запас, лишь весьма постепенно, то двукратное (в 1853 и 1855 г. г.) увеличение его акционерного капитала в ближайшие же годы отразилось значительным повышением металлического запаса. Устранение государственных бумажных денег и настойчивые стремления упорядочить государственный долг Банку привели в конце концов к тому, что уже со второй половины 1855 г. лаж стал понижаться: курс 100 фл. серебром на венской бирже составлял в январе 1855 г. — $125\frac{3}{4}$ — $128\frac{1}{2}$, в июле — $119\frac{5}{8}$ — 124, в декабре — $109\frac{1}{8}$ — 112, в апреле 1856 г. — $101\frac{1}{4}$ — $102\frac{3}{4}$ (во вторую половину 1856 г. он несколько повысился и в декабре составлял $106\frac{1}{2}$ — $107\frac{1}{4}$). Это позволило Банку на довольно выгодных условиях купить серебро на суммы,

полученные от выпуска акций (в звонкой монете по последним в 1855—56 г. поступило лишь около 3 млн. гульд.). Но сумма банковых билетов в обращении (как, впрочем, и соответствовало плану Брука) не сокращалась, так как в результате проведенных мероприятий операции Банка в середине 50-х г. г. испытывали значительное расширение, и в своем стремлении улучшить покрытие своих билетов Банк избегал сокращать кредит, ссылаясь на интересы торговли и промышленности и на напряженное состояние отдельных пользовавшихся кредитом предприятий. Даже тогда, когда осенью 1855 года первые признаки кризиса, шедшего из Америки, сказались на австрийском рынке, Банк считал нужным встретить кризис расширением учетной операции: учетный и ссудный проценты были повышены (с 4 до 5%) только к концу сентября. Кризис миновал для Австрии довольно благополучно, и Национальный Банк имел возможность выступить даже в красивой роли спасителя иностранных денежных рынков от потрясений: ссудой из своего серебряного запаса он пришел на помощь серьезно страдавшему от кризиса Гамбургу. Среди активных операций Банка особенно расширилась в 50-х годах ссудная—вследствие увеличения с 1849 г. количества государственных ценных бумаг и дешевизны открывавшегося Банком под эти бумаги кредита. Состояние важнейших счетов Банка на 31 декабря каждого из указанных ниже годов было следующим:

В конце года.	Металл. зап. (млн. фл.)	Сум. бил. в обращ. (млн. фл.)	Отн. зап. к сумме билетов.	Учет (млн. фл.)	Ссуды (млн. фл.)	Ипот. опер. (млн. фл.)	Депозит (млн. фл.)
1855	51,8	396,7	1:7,6	86,7	79,0	—	82,3
1856	91,8	399,1	1:4,9	84,7	86,6	1,6	88,7
1857	102,8	402,6	1:3,9	79,6	86,2	13,8	96,0
1858	103,5	388,5	1:3,7	76,7	77,1	36,8	112,9

На сокращении учетной операции с 1856 года отразилось повышение процента. Однако, обороты по переводной операции и по операции джиро упали (по первой—со 154,0 млн. в 1855 г. до 94,9 млн. в 1858 г., а по второй, за тот же срок,—с 244,4 до 31,8 млн.); на последнюю повлияло введение сбора с представляемых на инкассо векселей.

Приняв меры по укреплению положения Банка, Брук считал возможным сделать решительные шаги к восстановлению металлической валюты. В разбираемый нами период в особенности выступили некоторые явления, усиленно толкавшие австрийское правительство в этом направлении. В своем стремлении установить всемогущество бюрократии, опирающейся на централизованный административный аппарат, это правительство искало опоры в особенности в централистически настроенной крупной и средней буржуазии, которую оно противопоставляло федералистическому и державшемуся за старые привилегии дворянству; за потерю политической свободы оно желало компенсировать свою предполагаемую союзницу внутри страны—экономическим подъемом (в связи с чем стояло, между прочим, и его стремление расширить операции Национального Банка), а во внешних отношениях—поддержанием престижа и влияния Австрии в Италии и Германии. Так как, несмотря на

изменение таможенной политики, попытки войти в цолльферейн оказались неудачными, Брук попробовал противопоставить таможенному объединению германских государств с Пруссией во главе, угрожавшему отделить Австрию от Германии в хозяйственном отношении, объединение Австрии с германскими государствами—в другой, но также хозяйственной области—в области монетной системы. Произошедшее в середине XIX века увеличение добычи золота позволяло надеяться, что переход к золотой валюте и ее удержание окажутся более легкими, чем по отношению к серебряной валюте; поэтому Австрия предложила германским государствам положить в основу общей монетной системы золото, но эта идея не имела успеха (насколько ничтожно было количество золота в самой Австрии, видно из того, что 31 декабря 1855 г. в металлическом запасе Национального Банка, составлявшем 51.881,0 тыс. гульд., золота было только на 5,7 тыс. гульд.).

24 января 1857 года между Австрией и странами германского таможенного союза был подписан монетный договор, по которому в договаривавшихся странах сохранялась чистая серебряная валюта, которая, однако, сводилась к одинаковой основе. Для проведения этого договора в Австрии патент 27 апреля 1857 года преобразовал действовавшее до тех пор законодательство о серебряной денежной единице: теперь из кельнской марки чистого серебра должно было чеканиться не 20, а 21 гульден (или из килограмма чистого серебра не 85⁵/₇, а 90 гульденов), так что 1 гульден к. м. должен был равняться 1 гульдону 5 крейцерам новой валюты, получившей, по указу 19 сентября того же года, название «австрийской валюты» (а. в.).¹

Договор 24 января предписал восстановление металлической валюты в тех из договаривавшихся стран, в которых существовало бумажно-денежное обращение: «ни одно из договаривающихся государств не имеет права выпускать бумажные деньги с принудительным курсом или допускать выпуск их, если не приняты меры, чтобы они во всякое время и по каждому требованию предъявителя обменивались на полноценную серебряную монету. Существующие теперь в этом отношении исключения должны быть устранены самое позднее к 1 января 1859 г.» (ст. 22). Для осуществления этого постановления в Австрии обстоятельства складывались теперь довольно благоприятно: обеспечение банковых билетов металлом, как указано выше, в 1855—58 годах значительно улучшилось, а прогрессирующее погашение государственного долга Банку открывало в этом отношении утешительные виды и на будущее. Именно, государственный долг Банку составлял (в млн. гульд.):

В конце года.	Долг по извлечению в. в		Долг, обесп. недвижи- мыми иму- ществами.	Иные требо- вания Банка.	Весь долг.
	процентный.	беспроцент.			
1855	28,7	31,7	155,0	37,7	253,1
1856	28,7	28,4	152,5	3,1	212,7
1857	25,2	28,4	150,1	—	203,7
1858	25,2	25,2	95,2	—	145,7

¹ Сделки на металлическую монету были разрешены 7 февраля 1856 г.

Эти обстоятельства давали основание для принятия решительных мер по восстановлению размена банковых билетов на серебро. Императорский указ 30 августа 1857 года предписал, чтобы с 1 ноября того же года Банк выпускал свои билеты исключительно на новую, «австрийскую», валюту, купюрами в 1.000, 100 и 10 фл. а. в., и разменивал их в своей главной кассе в Вене на полноценную серебряную монету (обращавшиеся до тех пор билеты тех же купюр, обозначенные на к. м., должны быть обменены в соответствующем патенту 27 апреля 1857 г. отношении на новые билеты а. в.). При этом, впервые в истории Австрийского Банка, вышеупомянутым указом было точно определено покрытие находящихся в обращении банковых билетов, именно установлено металлическое покрытие (серебром, а частью, с утверждения министра финансов, и золотом) по крайней мере в одну треть с тем, чтобы остальная часть находящихся в обращении билетов была покрыта учтенными или заложенными на основании устава кредитными документами.

Таким образом Бруку удалось провести восстановление размена банковых билетов. Но все это относилось лишь к билетам высших купюр; между тем в обращении находились еще билеты купюр более мелких, именно в 5, 2 и 1 фл. б. в., всего на сумму 139,1 млн. гульд. Указ 30 августа предписал уменьшить сумму таких мелких билетов в обращении до 100 млн. гульд., но не распространил на них ни постановлений о разменности, ни постановлений о покрытии. Оставление в обращении этих неразменных и покрытых почти исключительно требованиями к государству билетов некоторые считали «крупнейшей ошибкой Брука»;¹ в действительности, при тогдашнем состоянии Банка и государственных финансов, у Брука не оставалось иного выхода, но во всяком случае это было ахиллесовой пятой созданной им системы, и эта ахиллесова пята скоро дала себя знать (указ 26 декабря 1858 г., заменивший эти мелкие купюры прежней валюты билетами в 1 флорин а. в. и сокративший сумму их до 100 млн. гульд. а. в., не изменил существа дела, так как все-таки не распространил на эти мелкие билеты постановлений указа 30 августа о покрытии и размене билетов).

Размен билетов высших купюр начался с 6 сентября 1858 г., т.-е. за два месяца раньше срока (1 ноября). По балансу на 30 августа, в обращении находилось билетов всего на 389,6 млн. фл. б. в., в том числе билетов высших купюр на 250,4 млн. гульд. б. в., или 263,0 млн. на новую «австрийскую» валюту. Металлический запас Банка составлял 108,8 млн фл. а. в., а портфель и ломбард его—151,8 млн фл. а. в.; иначе говоря, металлический запас стоял к сумме билетов крупных купюр в отношении 1:2,3, а обеспечение краткосрочными и легко-реализуемыми бумагами почти целиком покрывало всю непокрытую металлом сумму подлежащих размену билетов (151,8 млн. против 154,2 млн). Но все это находившееся в столь благоприятном положении покрытие относилось, как сказано, только к крупным билетам (в 1000,

¹ A. Wagner. Die Herstellung der Nationalbank. Wien, 1862. Стр. 27.

100 и 10 флор.). Что касается до билетов мелких купюр, то их было в обращении на 139,1 млн. флор. б. в., а покрытие их состояло из 56,6 млн. государственного долга за извлечение венской валюты и 148 млн. государственного долга, обеспеченного недвижимыми имуществами; иначе говоря, эти мелкие билеты не имели ни металлического ни банкового покрытия.

Размен билетов продолжался до конца года без перерывов и имел два последствия: с одной стороны, лаж стал сильно падать и к концу года почти исчез (в течение большей части 1857 г. курс 100 ф. серебром колебался между 104 и 105, в январе 1858 г. составлял $105\frac{3}{8}$ — $106\frac{3}{4}$, в сентябре, т. е. в том месяце, в котором начался размен,— $102\frac{1}{2}$ — $102\frac{7}{8}$, в декабре— $100\frac{1}{4}$ — $100\frac{5}{8}$), но, с другой стороны, начал таять металлический запас Банка. К концу года сумма крупных билетов, находившихся в обращении, не сократилась, а выросла (благодаря произведенному, в силу указа 26 декабря, обмену мелких купюр на крупные): теперь из общей суммы находившихся в обращении билетов ($388\frac{1}{2}$ млн. фл. «австрийской» валюты) билетов крупных купюр было на $288\frac{1}{2}$ млн. фл. а. в., металлический же запас составлял $103\frac{1}{2}$ млн. ф. а. в., а учтенные и заложенные бумаги— $153\frac{1}{2}$ млн. фл. а. в., иначе говоря, все металлическое и банковское покрытие состояло всего 257 млн. фл. а. в.

Правление Банка еще в декабре 1858 г. обратилось к правительству с указанием, что Банк, если он будет ограничен одними собственными средствами, скоро лишится возможности продолжать размен. Врук поспешил принять меры к скорейшему погашению государственного долга; не имея в государственной кассе наличных средств, он решил осуществить это передачей Банку ценных бумаг, но на этот раз не долговых документов самого государства, а наоборот—бумаг, представляющих требования государства к его должникам, притом относительно быстро погашаемые: по соглашению 26 декабря 1858 г., Банку были переданы требования государства к железнодорожным обществам, которым оно продало свои железные дороги (они подлежали погашению до 1 ноября 1864 г.), и выкупные свидетельства, выпущенные при уничтожении, по закону 4 марта 1849 г., помещичьих прав, всего на сумму 53,0 млн фл. (что было сочтено погашением соответствующей части долга, объединенного 18 октября 1855 года).

Хотя в комитете акционеров эта мера не вызвала энтузиазма, все же передача этих бумаг обещала Банку доставить ему—если не сразу, то по крайней мере в течение немногих лет—известные средства, которые помогли бы ему укрепить его положение (увеличением металлического запаса). Если прибавить к этому шедшее своим порядком периодическое погашение остальной части государственного долга, то можно было бы надеяться, что расстройству денежного обращения и хозяйственной жизни империи видится конец. Но еще раз все рушилось; когда (в конце апреля 1859 г.) началась война в Италии, о продолжении размена нечего было и думать. Приказ министра финансов от 29 апреля 1859 г. «временно» освободил Банк от обязанности разменивать билеты на серебро (в действительности обязанность

эмиссионного банка в Австрии к размену его билетов так и не была с тех пор восстановлена). За этим последовали новые ссуды Банка государству:

1. По указу 29 апреля, Национальному Банку поставлено в обязанность выдавать государству ссуды под облигации объявленного тогда же к подписке 200-миллионного займа; для этого Банк должен был выпускать билеты купюрой в 5 фл. а. в., получившие кассовый и принудительный курс, но покрытые только облигациями указанного займа; в течение войны государство получило таким образом от Банка 133 млн. гульд. а. в. из 2⁰/₀.

2. В силу императорских повелений 19 апреля и 26 мая Банк должен был передать государству в несколько приемов ссуду из своего металлического запаса в 20 млн. гульд. а. в., беспроцентно и под залог внешнего займа в 3 млн. ф. ст., заключенного в феврале 1859 г.

Это повело к значительному увеличению государственного долга Банку; в конце 1849 г. долг этот составил 300,1 млн. фл. а. в. (именно, долг за извлечение венской валюты—49,2 млн., долг, покрытый государственными имуществами,—97,9 млн. и новый долг 1859 года—153,0 млн. гульд.). Об уплате этого долга не могло быть и речи: государственные кассы были истощены (дефицит в 1859 г. достигал 84¹/₂ млн. гульд.), а государственный кредит так низко пал, что всякая попытка обратиться к нему, не давая средств, вызывала только глубокое уныние у населения, предвидевшего рост податного бремени без всякого улучшения государственных финансов. Эмиссионное положение Банка было совершенно расстроено: при металлическом запасе в 80,1 млн. гульд. а. в. сумма билетов в обращении, несмотря на падение активных операций (на 31 декабря 1859 г. учет векселей составлял 35,1 млн., ссуды под ценные бумаги—55,6 млн.), выросла до 466,7 млн., так что металлическое покрытие равнялось лишь около ¹/₆ эмиттированной суммы. Обесценение банковых билетов возобновилось и все возрастало (уже в мае 1859 г. курс 100 фл. сер. составил 138,20—153, 20, по окончании войны он понизился, но 6 декабря 1859 г. равнялся 122,90—125,10, а в декабре 1860 г. — 138,15 — 144,15).

Брук, видевший крушение всей своей системы, сделал последние, отчаянные усилия, чтобы сколько-нибудь упорядочить положение казны и Национального Банка. Он решил выпустить выигрышный заем (12 марта 1860 года) в 200 млн. гульд. для уплаты долга Банку и покрытия чрезвычайных расходов; но подписка не шла: едва удалось собрать 76 млн., и уплаты Банку не были произведены.¹ Тогда Брук попытался по крайней мере уменьшить государственный долг Банку: по соглашению 1 апреля 1860 года, для уплаты части возникшего в 1859 г. 2⁰/₀-го долга, составлявшего в общем 133 млн., Национальному Банку были переданы в собственность ценные бумаги упразднен-

¹ Denkschrift über das Papiergeldwesen der öst.-ung. Monarchie. Verfasst im k. k. Finanzministerium. Wien, 1892. Стр. 13. Die Nationalbank seit ihrer Gründung, стр. 32.

ного погасительного фонда (опять железнодорожные и земельные облигации), на действительную сумму в 34,0 млн. фл., так что новый 2%-й долг уменьшился до 99 млн. Следовательно, государственный долг снова уплачивался не деньгами, но погашаемыми в течение некоторого времени ценными бумагами. Выпустивший в обращение банковые билеты почти на полмиллиарда и скорее обремененный, чем обеспеченный, трудно-реализуемыми залогами и имуществами, Национальный Банк не мог помочь реформе денежного обращения. Финансовое крушение режима пятидесятых годов трагически отразилось на судьбе министра финансов: Брук покончил с собой.

За 1860 год положение Банка не улучшилось. Правда, государственный долг несколько уменьшился: против 300 млн. в предшествовавшем году он составил к концу 1860 года 257 млн. (именно старый долг—45,1 млн., долг, покрытый государственными имуществами,—92,8 млн.; 2%-й долг 1859 г.—99 млн., серебряная ссуда 1859 г.—20 млн. гульд.); уменьшение произошло вследствие ежегодных взносов по старому долгу, поступлений от недвижимых имуществ и осуществления договора 1 апреля. Но из 474,8 млн. фл. билетов, находившихся в обращении, только 89,1 млн. были покрыты гульден за гульден металлом, только 112,40 млн. имели действительное банковое покрытие (портфель составил 31 декабря 1860 г. 58,1 млн., ломбард—54,2 млн.), а 257 млн. имело только нереализуемое покрытие (в том числе и переданную Банку нереализованную часть выигрышного займа в сумме 123 млн. гульд.). Постановления указа 1858 года, по которым билеты в 10, 100 и 1.000 фл. могли выпускаться только в сумме, не превышающей тройную сумму металлического запаса, были давно нарушены: отношение между металлическим запасом и суммой всех выпущенных билетов составляло 1:5,32, отношение его к сумме крупных купюр (322,3 млн.)—1:3,6. Билеты были сильно обесценены (в 1861 г. лаж доходил до 50%).

Такое состояние Банка теперь уже не могло быть скрыто от общественной критики, тем, более, что представители общества были призваны к законодательной работе. Финансовые затруднения 1859 г. (особенно неудача 111-миллионного займа этого года) заставили корону дать конституцию, сначала основанную на федералистических и сословных началах («октябрьский диплом» 20 октября 1860 г.), затем—централистическую, построенную на принципе представительства интересов («февральский патент» 26 февраля 1861 года); вопросы финансового и эмиссионно-банковского законодательства были подчинены ведению рейхсрата. Между тем, общественное недовольство банковской политикой все возрастало и приводило к требованию коренных реформ в организации и управлении Национального Банка. В то время как министерство финансов и правление Банка организовали борьбу с расстройством денежного обращения применением паллиативов (в роде безрезультатной попытки сократить учетную и ссудную операции повышением 28 сентября 1860 г. обоих процентов до $5\frac{1}{2}\%$), общественное мнение уже решительно высказывалось за изменение самых основ банковской политики.

Резко прорвавшееся еще в 1848 году недовольство широких общественных кругов политикой Национального Банка продолжалось, хотя и в заглушенном состоянии, существовать в течение всего периода реакции 50-х годов. Жалобы на пристрастность правления в раздате кредита достигли, наконец, такой степени, что после кризиса 1856 года само правительство вынуждено было потребовать от Банка, чтобы чрезмерно широкий кредит, открывавшийся в Банке некоторым крупным фирмам, был ограничен.¹ Но еще больший удар общему доверию к Банку наносило слишком далеко идущее подчинение его всем воздействиям правительства. В период реакции правящие круги перестали стесняться в эксплуатации Национального Банка, при чем иногда эта эксплуатация производилась прямо в частных интересах. Имеются основания утверждать, что в пятидесятых годах были нередки случаи прямых нарушений устава в интересах влиятельных лиц и фирм. В особенно крупных размерах наблюдалось это при Бруке, который, по выражению одного из депутатов рейхсрата в 1862 году, привык смотреть на всех представителей кредитных учреждений, как на своих приказчиков, и не делал в этом отношении исключения и для управляющего Национальным Банком. В заседаниях комитета акционеров в начале 60-х г.г. указывалось, что в этот период были случаи получения высокопоставленными или влиятельными лицами ссуд из Банка не только независимо от согласия правления, но и без ведома последнего; еще в 1861 году во главе списка ломбардных должников Банка стоял один из самых богатых членов императорского дома, получивший долгосрочную (следовательно, противоуставную) ссуду в 3 млн. гульд. Теми же выгодами пользовались и некоторые фирмы, которым удавалось получить поддержку в высших сферах: так во второй половине пятидесятых годов одна венская фирма (Arnstein und Eskeles), дела которой были расстроены, обратилась к Бруку с просьбой дать ей ссуду в несколько миллионов гульденов из кассы Национального Банка. Министр вошел в переговоры только с управляющим Банка, и без ведома правления фирма получила ссуду в 3 млн. гульд., представив совершенно противоуставное покрытие, именно соло-векселя; между тем эта фирма скоро обанкротилась.²

Когда в начале 60-х годов общественное мнение получило возможность высказаться, началось горячее обсуждение вопросов банковской политики в печати, при чем все сходилось в признании того, что корень зла лежит в чрезмерно тесной связи между правительством и Банком, доходящей до полного подчинения последнего первому. Даже в среде комитета акционеров, в руках которого легально находился контроль над управлением Банком, образовалась оппозиция, руководимая несколькими свободомыслящими адвокатами; ее представители настаивали на том, что слишком тесные отношения правления с правительством завели Банк на край пропасти и вынудили его к противо-

¹ Die Nationalbank seit ihrer Gründung, стр. 26.

² См. Protokoll über die Ausschussversammlung von 14 und 15 Januar 1861 г., а также Stenographische Protokolle des Abgeordnetenhauses, 1862 г., стр. 4249—4250.

уставным ссудам 1859 года; они требовали представления сделок с государством на утверждение комитета. Впрочем, представители Банка, выступавшие в печати, складывали всю вину на государство, которое по их словам, путем насилий вынудило Банк к ошибочной эмиссионной политике: в целях эксплуатации Банка оно постепенно усиливало свое влияние на это учреждение, изменяя уставы, а затем своими вымогательствами подорвало его положение; что касается до Банка, то, по мнению его сторонников, утверждение, будто бы сделки с государством принесли Банку большие выгоды, неправильно: процент, полученный Банком по ссудам, выданным государству, в среднем за 43 года составляет только $2\frac{1}{2}$.¹

Но критики Банка шли в своих утверждениях гораздо дальше, подчеркивая ту готовность, с которою акционерное учреждение шло навстречу требованиям самовластного правительства, так как осуществление этих требований приносило выгоду акционерам. Вагнер утверждал, что «государственная задача так сильно воздействовала на Банк, что уже с самого начала его погубила»; Гефкен в горячих филиппиках указывал, что опасное положение Банка было создано не только злоупотреблением властью со стороны правительства, но и политикой руководителей Банка, «прикрывавших блестящею мантией любви к отечеству свою мягкую уступчивость перед высшими сферами и неисполнение своих обязательств перед кредиторами». Редактор газеты «Presse» Цанг и публицист Фридендер в своем осуждении поведения Банка шли так далеко, что требовали даже уничтожения Национального Банка и передачи всего эмиссионного дела в руки государства.²

Однако, идеи «Presse» не могли рассчитывать на благоприятный прием ни в обществе, ни в печати, ни в парламенте: население достаточно потерпело от государственной эмиссии и не могло сочувствовать последней. Новый (с 22 апреля 1860 г.) министр финансов Игнац фон-Пленер заявил, что «ликвидация Банка при современном положении валюты была бы разрушительна и гибельна для денежного рынка и обращения, так как извлечение банковых билетов и замена их бумажными деньгами только перенесут обесценение билетов на новые бумажные деньги в еще более повышенной степени». Существование единого эмиссионного Банка, по мнению министра, — для Австрии не только финансовая и экономическая, но и политическая необходимость (для противодействия сепаратизму); «с отпадением центрального эмиссионного учреждения привыкшее к нему обращение лишится жизненного условия, которое не может быть заменено, особенно во время опасных денежных и коммерческих кризисов, разрозненными местными банками и их относительно небольшими средствами». ³ Комиссия палаты вполне согласилась в этом с министром.

¹ «Die öst. Nationalbank und ihr Verhältnis zum Staate» (Wien, 1861 г.), стр. 5—9—16—18 и 32 (эта анонимная брошюра написана Лукамом).

² A. Wagner. Die Herstellung der Nationalbank (Wien, 1862 г.), стр. 39. G. H...n. Die österreichische Finanzprobleme (Leipzig, 1862 г.), стр. 14—16; см. также J. Neuwirth. Bankakte und Bankstreit. Wien, 1874 г.

³ Beer, стр. 303.

Во всем этом обсуждении ясно наметились уже два основных требования, на которых должна была строиться банковая реформа: независимость Банка относительно государственной власти и лишение правления Банка возможности злоупотреблять эмиссией в целях увеличения банковских доходов. Первое из этих требований было введено Пленером в правительственную программу; тронная речь к рейхсрату, открытому 1 мая 1861 г., содержала между прочим следующее заявление: «вашему просвещенному и зрелому обсуждению рекомендую я проекты регулирования отношений между государством и Банком, имеющие целью прежде всего обеспечение независимости последнего».¹ Для достижения этой цели было недостаточно только реформировать устав 1842 г.: нужно было, кроме того, распутать сложные нити, связывавшие Банк с государством в результате прежних сделок между ними. В этом отношении Пленер решил совершенно отказаться от потерпевшей неудачу политики Брука, придававшего слишком большое значение количественно полному покрытию банковых билетов и недостаточно заботившемуся о реализуемости этого покрытия. По проектам Пленера, расторжение связи между Банком и государством должно было осуществиться таким образом, чтобы сразу поставить эмиссию на правильную основу; мобилизация средств покрытия и в первую очередь уплаты государственного долга Банку ставились на очередь дня. Но в согласии с общественным мнением Пленер не считал возможным на этом остановиться. Как мы видели, недоверие к самому Банку было в это время широко распространено; министр также считал нужным принять меры для предотвращения будущих расстройств денежной системы и средство для этого видел в ограничении выпуска банковых билетов: чтобы обуздать возможные злоупотребления правления Банка, было решено поставить эмиссии известные жесткие пределы. Идея стеснительного регламентирования эмиссии непокрытых металлом билетов пользовалась в это время в Австрии и Германии большой популярностью, и взоры всех рестрикционистов невольно обращались к той стране, в которой эта идея была осуществлена во всей ее строгости: подражание пилевскому акту стало лозунгом эпохи.

Изданию этого закона в Англии предшествовал пересмотр теоретических утверждений Рикардо, согласно которым восстановление размена, надлежащим образом подготовленное, способно устранить злоупотребление эмиссией.² Наблюдения над поведением Английского Банка во время кризиса 1825 г. и в 1837—1839 годах укрепили среди последователей теории Рикардо мысль о том, что выпуск хотя бы и разменных билетов, предоставленный целиком произволу Банка, несет в себе опасности для экономической жизни страны и для ее обращения. В соответствии с этим была выдвинута т. н. «денежная теория» (*surrency theory*), по которой банковые билеты, хотя бы и разменные, являются такими же деньгами, как металлические средства обращения; практическим

¹ Речь напечатана у K o l l m e r 'a (Parlament und Verfassung in Oesterreich, B. I, 1902).

² D. Ricardo. High price of bullion (Works, 1846, особ. стр. 271, 277, 287, 290).

выводом было предложение таким образом организовать эмиссию, чтобы обращение, состоящее из металлической монеты и банковых билетов, испытывало лишь такие же изменения, какие происходят при обращении чисто-металлическом, которое, по учению Рикардо, регулируется чисто автоматически (в виде отлива излишне выпущенных денежных знаков за границу в результате повышения товарных цен). Из этого вытекало требование ограничения непокрытой металлом эмиссии твердым пределом (т. н. система прямого контингентирования) и разделения Английского Банка на два департамента так, чтобы кредитный департамент мог получать из эмиссионного департамента банковые билеты только при посредстве внесения в эмиссионный департамент золота на ту же сумму и таким образом не имел бы возможности прибегать к расширению непокрытой металлом эмиссии для ведения своих операций. Большинство парламента с готовностью приняло предложенный сером Робертом Пилем в 1844 г. банковый билль, охотно соглашаясь с тем, чтобы на эмиссионное дело, злоупотребление которым создало столько потрясений, была надета «смирительная рубашка». ¹

Пилевская система настоятельно рекомендовалась Пленеру с разных сторон: еще 12 июня 1860 г. ему была подана записка, предлагавшая организацию эмиссии по английскому образцу. ² Несомненно, под этими влияниями Пленер первоначально намеревался целиком применить к Национальному Банку начала пилевского акта; в 1861 году, под особым покровительством министра финансов, была издана анонимная работа (написанная Мейером), самое заглавие которой указывает как на ее практические цели, так и на ее теоретическую зависимость от учений «денежной теории». Заглавие это гласило: «Основные принципы установления и поддержания разменной бумажной валюты в Австрии с обращением особого внимания на английский банковый акт 1844 г. и на его применимость к здешним условиям». ³ Мейер рекомендует полное применение пилевской системы не только с ограничением непокрытой эмиссии, но и с разделением Банка на два департамента. Мысль о полном перенесении в Австрию английской эмиссионной организации встретила, однако, горячую критику, — прежде всего со стороны Банка: Лукам выступил с рядом газетных статей, в которых доказывал, что положение Австрии коренным образом отлично от положения Англии в 1844 году: последняя не должна была преследовать целей восстановления валюты и покрытия дефицита и потому могла связать свою

¹ См. в особенности труды творцов «денежной теории» — Torrens, *The principles and practical operations of Sir Robert Peel's Act of 1844* (1857, особ. стр. 5—6, 31—35 и 41—55), и Lloyd (Overstone), *Tracts* (1858, особ. стр. 66—91, 244—245, 249—252, 382—387). См. также *Speeches of Sir Robert Peel on the Renewal of the Bank charter* (1844), особ. стр. 37, и *Parliamentary Debates*, vol. 75, стр. 753 и 790—791; Andreades, *History of the Bank of England* (1909), стр. 265—268 и др.; Jaffé, *Das englische Bankwesen* (1910), стр. 20.

² Эта записка потом была напечатана под заглавием *Die Neugestaltung der öst. Nationalbank* (Leipzig, 1860), см. особ. стр. 20. Gefken также высказался за систему Пилля («Finanzprobleme», стр. 76).

³ *Grundzüge für die Herstellung und Erhaltung einer convertiblen Papierwährung in Oesterreich etc.* Wien, 1861.

эмиссию. Но окончательный удар идее подражания пилевскому образцу был нанесен, повидимому, известной книгой Вагнера о денежной и кредитной теориях пилевского банкового акта. В этой книге Вагнер подвергает резкой критике основные положения «денежной теории»: ошибка этой теории состоит в принятии предпосылки чисто-металлического обращения, тогда как такой системы обращения нигде не существовало, и на всех ступенях истории денежного хозяйства достигалось сбережение металлических средств обращения при помощи пользования кредитом; в другой своей ошибке—в утверждении, что отлив металла совершается непосредственно из обращения, теория эта игнорирует наличие свободных денежных запасов, из которых большую часть и производится отлив металла, не отражаясь на обращении; наконец, неверно и утверждение, будто бы отлив или прилив металла вызывается изменением количества денег в обращении, так как здесь почти всегда действуют особые причины—изменение международных долговых отношений и платежей. Поэтому и весь акт 1844 г. не имеет смысла: изменение количества денег в обращении может лишь тогда повести к ограничению вывоза металла, когда оно имеет значение принятия мер против спекуляции, но и в этом случае результат вызывается собственно не изменением количества средств обращения, а изменением условий, на которых оказывается кредит. Вред же пилевской системы несомненен: разделение банка на два департамента ведет и к разделению его металлического запаса на две части, на более слабую из которых (ту, которая обеспечивает билеты, находящиеся в кредитном департаменте) обрушиваются все удары в случае колебаний доверия, при чем разделение это исключает возможность для подвергшейся опасности части металлического запаса получить помощь от другой части. Это обстоятельство вынуждает банк вести чрезмерно осторожную политику: искусственно уменьшенный металлический запас должен особенно усиленно охраняться, а это ведет к частым и внезапным изменениям процента, от которых страдает вся хозяйственная жизнь страны.¹

Идея полного перенесения английской эмиссионной организации на Австрию была оставлена, и из пилевской системы было заимствовано только начало прямого контингентирования эмиссии, да и это было проведено не по инициативе Пленера. Правительственный проект банковской реформы вырабатывался в течение 1861 года, пережил за это время несколько модификаций и в конце концов был основан на следующих принципах:

1. В целях реализации имеющихся средств покрытия и в целях сокращения количества билетов в обращении проводятся следующие меры:

а) погашение в течение 9 лет (до 1872 года) всего государственного долга (на 31 января 1862 г.—249,3 млн. гульд.) за исключением 80 млн. гульд., которые обращаются в постоянную ссуду государству,

¹ A. Wagner, *Die Geld und Kredittheorie der Peelschen Bankacte* (Wien, 1862), стр. 94, 96, 102, 132—135, 146—148, 178—181, 182 и 203. Достаточной гарантией против обесценения билетов Вагнер считает разменность их и сохранение их покрытия, соответствующего требованиям эмиссионно-банковской техники (металлического и банкового).

оплачиваемую 2% и имевшую значение известной компенсации государству от Банка за получение эмиссионно-банковской привилегии (ссуда в 80 млн. была меньше акционерного капитала и поэтому могла считаться выданною за счет последнего, а не за счет эмиссии, так что требование к государству не служило для покрытия билетов); залоги, обеспечивавшие ссуды государству из Банка, возвращаются последним казне и обращаются на покрытие дефицита (он составлял в 1862 г. 74,9 млн.);

б) реализация Банком переданных ему государством в погашение части долга ценных бумаг (железнодорожных и земельных облигаций), которая должна была закончиться также до 1872 года; Пленер пытался весной 1861 г. добиться этой реализации непосредственно от Банка, но последний не пожелал расстаться с пенными бумагами, дававшими ему крупный доход (действительный процент по ним составлял 5% и выше).

2. Устав Банка преобразуется на началах относительной демократизации банковского представительства и обеспечения независимости Банка от государства (права правительственного комиссара ограничиваются); сделки Банка с государством строго ограничиваются только тем, что согласуется с уставом, и чисто-комиссионными операциями; привилегия продляется на 24 года (до 1890 г.).

3. По вопросу об эмиссионной организации (размен билетов должен был восстановиться не позже 1872 года) Пленер объяснил, что он решил отказаться от пилевской системы, так как эта система ставит эмиссии слишком узкие границы, что ведет к чрезмерному повышению учетного процента и к периодическим приостановкам действия банковского закона; система покрытия должна дать Банку возможность соотноситься с изменениями потребности народного хозяйства в средствах обращения: в этих целях непокрытой металлом эмиссии не ставится сразу непереходимого предела; Банк получает возможность удовлетворять возрастающую потребность в средствах обращения, но при этом должен увеличивать отношение металлического запаса к сумме выпущенных билетов (именно, первые 330 млн. гульд. находящихся в обращении билетов, должны быть покрыты серебром по крайней мере на $\frac{1}{3}$, избыток сверх этой суммы — по крайней мере на $\frac{1}{2}$, но избыток сверх 440 млн. должен быть обеспечен серебром сполна).¹

Проекты устава, наказа и соглашения с Банком были внесены правительством 13 марта 1862 г. в палату депутатов. Избирательная система 1861 г., основанная на представительстве интересов и на возбудившей тогда столько насмешек «избирательной геометрии Шмерлинга», обеспечивала в этой палате большинство либеральной и централистической, состоявшей главным образом из немцев «конституционной партии» (Verfassungspartei); интересы движимого капитала, торговли и

¹ См. о переговорах с Банком упомянутую выше Denkschrift, стр. 16, и Веер, стр. 304—305. Речь Пленера в рейхсрате 17 дек. 1861 г. — в Denkschrift, стр. 16—17, и записка о мотивах к правительств. проектам — там же, стр. 17—18; речь Пленера в рейхсрате об этих проектах — Stenograph. Protokolle des Abgeordnetenhauses, 1862, стр. 4376—4378. Проект Пленера, соответствовавший идеям Вагнера, был вполне одобрен последним в печати (см. его «Die Herstellung der Nationalbank», особ. стр. 132—133 и 140).

промышленности имели в палате горячих представителей; вместе с тем отвращение к стеснениям и злоупотреблениям старого режима и к вмешательству государства в экономическую жизнь были ее лозунгом. Избранная палатой финансовая комиссия, на рассмотрение которой поступили правительственные проекты, касавшиеся Банка, носила тот же характер, и докладчиком ее был выбран д-р Гербст, один из вождей большинства палаты. Руководствуясь опытами недавнего прошлого, комиссия отнеслась недоверчиво как к правительству, так и к Банку. Она была склонна торопить правительство как можно скорее развязать долговые отношения с Банком: окончательным сроком погашения правительственного долга Банку и реализации Банком его ценных бумаг установлен декабрь 1866 г., а в 1867 г. должен был восстановиться размен билетов. На будущее время операции, производимые Банком в интересах государства, должны быть строго ограничены, и комиссия не желала удовлетвориться предложением правительств ввести эти операции только в рамки устава; она пошла дальше и сузила отношения между Банком и государством (кроме комиссионных операций) допущением только учета векселей для последнего. Мотивы, приводившиеся докладчиком, дышали недоверием к правительству: в особенности указывалось на опасность ломбардной операции, так как государство может представлять к залогом облигации своих еще невыпущенных на рынок займов (как было в 1859 г.) и таким образом без конца эксплуатировать эмиссию.¹ Иное дело учет векселей; один из депутатов указывал затем в палате, что вексель должен перейти в собственность государства лишь в результате естественного хода известных коммерческих сделок, и что государство, действительно, может иметь такие векселя (оратор ссылаясь на операции по продаже соли).² С другой стороны, комиссия предложила ряд изменений в правительственных проектах, которые должны были обезвредить злоупотребления эмиссионной монополией, возможные и со стороны Банка. Прежде всего, она высказалась за то, чтобы Банк был более связан в области эмиссии, и переделала правительственный проект в смысле большего приближения к пилевской системе. Как раз в это время вышла упомянутая выше книга Гефкена, в которой доказывалось, что система покрытия металлом в $\frac{1}{3}$ недостаточно обеспечивает разменность билетов (это обеспечение слишком мало при крупной сумме билетов в обращении и превосходит размеры необходимого при небольшой сумме их); комиссия приняла аргументы Гефкена и прибавила, что и вообще при системе Пленера сумма непокрытых металлом билетов в обращении может оказаться слишком большой (при обращении в 440 млн. она составит 275 млн., между тем как металлический запас будет только 165 млн.). Отвергнув систему покрытия металлом в $\frac{1}{3}$, как заставляющую во времена оживления оборота расширять без надобности обращение билетов, а во времена кризиса и предъявления билетов к размену — чрезмерно стеснять обращение (извлекая из него еще двойную сумму размененных Банком билетов), комиссия установила допустимый контингент непокрытой

¹ Stenogr. Protokolle, стр. 4405.

² Там же, стр. 4406—4407.

металлом эмиссии в 200 млн. гульд. с тем, чтобы все обращение билетов сверх этого контингента было покрыто серебром сполна. Указанный размер контингента мотивировался ссылками на 400-миллионный бюджет Австрии, к которому нужно прибавить еще провинциальные налоги и лежащие на земле повинности, на обширные размеры империи, а также на то, что уже в течение долгого времени сумма билетов в обращении не спускалась ниже 200 млн. гульд.; все это делало невероятным сильный прилив билетов в кассы Банка для размена их, пока обращение значительно не превысит этой суммы. По поводу возражений (которые в палате были высказаны самим Пленером), что система прямого контингентирования, принятая пилевским актом, лишает эмиссию эластичности, докладчик Гербст говорил, что вводить в эмиссию эластичность и не следует, так как во времена оживления экономической жизни расширение эмиссии будет вносить искусственно увеличенное процветание, которое только вредно, а в дурные времена, когда серебро востребуется из Банка, увеличение эмиссии может только еще больше затруднить положение последнего: «в такие (т.-е. дурные, беспокойные) времена банк должен ограничивать кредит». Впрочем, доклад комиссии указывал, что в крайнем случае действие банкового закона может быть приостановлено.¹

Срок привилегии банка был комиссией значительно сокращен: она должна была быть продлена только на 10 лет, т.-е. до 1875 года. Затем введены меры для борьбы со «своекорыстием» Банка: 80-миллионная ссуда должна была оставаться беспроцентной вплоть до восстановления размена и только с тех пор оплачиваться 2%-ми; прибыль Банка, стремление к увеличению которой во что бы то ни стало навлекло на правление столько нареканий, ограничивалась, по предложению комиссии, выделением известной доли ее в пользу государственной казны (именно прежде всего выдается в качестве дивиденда 6% на капитал, а из остатка $\frac{1}{4}$ поступает в резервный фонд, остальное же делится пополам между государством и акционерами).

В конце октября 1862 г. доклад комиссии начал обсуждаться палатою депутатов, которая отнеслась к нему сочувственно и, хотя и после продолжительных прений, приняла без значительных перемен. Сопротивление проекту исходило в палате от трех групп: во-первых, от инфляционистов (что вполне понятно), во-вторых, от федералистов, защищавших идею местных эмиссионных банков, и, в-третьих, наконец, от того крыла парламентского большинства, которое шло еще дальше комиссии в стремлении разорвать связь государства с Банком и обеспечить независимость последнего; с этой последней точки зрения некоторые ораторы отвергали участие государства в прибылях Банка и беспроцентность постоянной ссуды, как мероприятия, ведущие к увеличению правительственного вмешательства в дела Банка; участие в прибылях и было палатою отвергнуто.²

¹ См. G. H...n. Finanzprobleme (стр. 76 и 112—116); Stenogr. Protokolle, стр. 4215 и 4373—4375, а также стр. 4386.

² Sten. Prot., стр. 4222 — 4225, 4249 — 4250, 4288 — 4289, 4290 — 91, 4298 — 99.

Во время всего этого обсуждения Банк все время энергично отстаивал свои интересы, тем более, что ему приходилось считаться с очень резкими нападками на его политику и на слишком большую заботливость об его интересах, проявленную правительственным законопроектom. Когда были опубликованы проекты Пленера, «Presse» заявила, что они дают Банку слишком много, и окрестила их названием «финансового конкордата» (конкордат 1855 года содержал ряд уступок со стороны Австрии папскому престолу); подобные же речи относительно пленеровского плана раздавались и в палате.¹ Банк попробовал воздействовать на комиссию палаты опубликованием брошюры,² в которой он протестовал против участия государства в его прибылях и против беспроцентности постоянной ссуды, говоря, что «самым значительным вознаграждением, платимым государству Банком, всегда остается размен билетов и в связи с этим—поддержание крупного металлического запаса, не приносящее Банку процента». Характерно, что стороны не могли столкнуться относительно размеров прибыли Банка: комиссия палаты, повидимому, без достаточных оснований, считала чистый доход в 11 млн. гульд.; по указанию Банка, 11,5 млн. составляют валовой доход, из которого надо вычесть еще 3,2 млн. издержек (эта последняя цифра ближе к действительности, так как и по другим источникам в 1860 г. валовой доход Банка составлял 11,7 млн. гульд., из которых 3,1 млн. получались в виде процентов по государственному долгу).³ Когда в Банке убедились, что эти доводы не повлияли на комиссию, она представила в палату два доклада, из которых один оспаривал пригодность предложенной комиссии системы прямого контингентирования (ссылаясь на то, что эта система и в самой Англии признана уже непригодною, и что сумма контингента в 200 млн. установлена комиссией без достаточных оснований), другой же повторял доводы прежней брошюры против проектированного комиссией соглашения с Банком.⁴ В палате депутатов, однако, дирекцию Банка постигло разочарование; убедившись, что палата не обратила внимания на доводы представленных Банком брошюр, правление представило специальную записку⁵ в палату господ, в которую перешел законопроект после принятия его нижней палатой; в этой записке, наряду с некоторыми мелкими замечаниями, повторялись прежние доводы против беспроцентности 80-миллионной ссуды и против принятой системы покрытия билетов; по поводу последней записки замечала, что одною из главных задач пилевского

¹ См., напр., речь депутата Скенэ, Sten. Prot., стр. 4242—4248.

² Der Werth des Bankprivilegiums (Wien, 1862), особ. стр. 3, 11—12, 14—15 и 17—18.

³ См. Der Werth etc., стр. 14—15 и 17—18, и Die Nationalbank seit ihrer Gründung, стр. 42. Дивиденд в том же году составлял на капитал 7,67%, на средний курс акций—6,91%.

⁴ Die beantragten Aenderungen an den Statuten und dem Reglement der öst. Nationalbank (Wien, 1862); Die beantragten Aenderungen des Uebereinkommens (Wien, 1862).

⁵ Die Beschlüsse des hohen Hauses der Abgeordneten über die Bankakte (Wien. 1862).

акта является стремление устранить самостоятельность правления Банка в деле эмиссии; в принятии пилевской системы и в отказе от этой основной мысли ее заключается противоречие.

Естественная защитница всякого рода привилегий, палата господ оказалась более внимательной к этим доводам и внесла в проект палаты депутатов ряд изменений (между прочим приняла оплату 80-млн. ссуды процентами и изменение эмиссионной организации). Но в согласительной комиссии почти все предложения палаты депутатов одержали верх (кроме изменения постановления об оплате 80-млн. ссуды, некоторого добавления к постановлению о покрытии эмиссии и небольшого числа мелких поправок).

Весь банковый акт получил утверждение короны 6 января 1863 года. Новый устав дал Банку следующую организацию. Во главе его стоит правление (дирекция), состоящее из управляющего, пожизненно назначенного императором, и 14 членов, избираемых общим собранием акционеров. Членами общего собрания являются те акционеры, каждый из которых обладает по 20 акций; собрание, кроме производства выборов, принимает доклады, утверждает отчеты и дает заключения о предполагаемых изменениях в уставе и о дальнейшем существовании или роспуске банкового общества; для более близкого контроля и помощи правлению оно избирает комитет из 12 акционеров. На обязанности правительственного комиссара лежит только наблюдение за исполнением устава и регламента. Привилегия дана на 10 лет (§ 1).

Банк обладает монополией эмиссии (§ 12) и обязан к размену своих билетов (§ 13). Постановление о покрытии было сформулировано так: «Дирекция Банка должна озаботиться установлением такого отношения металлического запаса к эмиссии, какое способно обеспечить точное исполнение Банком его обязанности к размену билетов. Во всяком случае та сумма, на которую сумма находящихся в обращении билетов превышает 200 млн. гульд., должна быть покрыта серебряными монетами или слитками. Та сумма, на которую находящиеся в обращении билеты превышают металлический запас, должна быть покрыта учтенными или заложенными соответственно уставу ценными бумагами, а затем выкупленными соответственно уставу и годными для вторичного отчуждения закладными листами Банка, при чем последние, однако, не должны превышать сумму в 20 млн. гульд. и могут служить для покрытия лишь в размере $\frac{2}{3}$ их номинальной ценности. До одной четверти металлического запаса может употребляться для металлического покрытия и золото в монете и слитках, вместо серебра. Находящимися в обращении должны считаться билеты, выпущенные Национальным Банком и не вернувшиеся в его кассы». После обсуждения в согласительной комиссии к этому параграфу было прибавлено еще следующее: «Если из опыта выяснится, что установленная здесь сумма билетов, покрытых только банковым способом, недостаточна, то Банк имеет право представить министру финансов свои относящиеся сюда и обоснованные фактами предположения и потребовать согласного с конституцией обсуждения их» (§ 14).

Круг деятельности Банка, очерченный в § 20, обнимал следующие операции:

1. Учет векселей, ценных бумаг и купонов, при чем, по § 21, не было поставлено ограничений относительно суммы векселя и места оплаты его (если только в нем находится отделение Банка); Банк определяет, какие государственные бумаги или бумаги провинций (и купоны их) допускаются к учету (если они подлежат погашению не далее, чем через три месяца).

2. Ссуды под залог золота, серебра, внутренних государственных бумаг, земельных облигаций (по выкупу повинностей) и выпускаемых ипотечным отделением Банка закладных листов, а насколько позволят средства — и под акции и привилегированные облигации внутренних частных предприятий, доход которых гарантирован государством (§ 22).

3. Прием вкладов на хранение (золота, серебра, ценных бумаг и других документов) (§ 24).

4. В операции джиро прием на текущий счет денег, векселей и ценных бумаг без оплаты процентами, при чем этими суммами можно распоряжаться посредством чеков и списания на открытой для этого странице (§ 25); опасаясь, что востребования по текущим счетам могут принудить Банк расширить эмиссию, палата депутатов включила в эту статью следующее превентивное постановление: «суммы, поступающие в Банк по операции джиро, могут быть употребляемы на другие операции только в половинном размере».

5. Выдача переводных документов на свои кассы.

6. Ведение комиссионным путем операций за счет государства.

7. Извлечение из обращения истекших купонов земельных облигаций.

8. Покупка и продажа, для поддержания соответствующего соотношения между металлическим запасом Банка и суммой его билетов в обращении, золота и серебра в монете и слитках и векселей на иностранные пункты, и, наконец,

9. Выдача ипотечных ссуд по уставу 1856 года.

Но относительно операций, производимых Банком для государства, § 63 говорил: «Банк может учитывать для государства векселя согласно с уставом. Кроме этого, он может вести операции за счет государства только комиссионным путем. Требования, возникающие из такого комиссионного ведения операций, должны оплачиваться наличностью в конце каждого месяца».

Проведенное одновременно с этим соглашение государства с Банком возлагало на правительство обязанность уплатить Банку в течение 4 лет 152,3 млн. гульд. (весь долг Банку составлял 1 сентября 1852 г. 232,3 млн.), при чем на погашение должны были быть обращены выручки от реализации части выигрышного займа, находившейся в руках Банка, от продажи государственных имуществ и из других источников. Остальные 80 млн. гульд. остаются постоянной ссудой Банка государству, оплачиваемой 1 миллионом гульд. в год, но лишь тогда и настолько, когда и насколько это нужно для доведения дивиденда до 7⁰/. В течение тех же 4 лет (к концу 1866 г.) и Банк должен реализовать свои ценные бумаги (на 26 млн. гульд.).

В результате этих мер к концу 1866 года сумма билетов в обращении должна быть уменьшена так, чтобы получилось соответствующее уставу покрытие билетов. При этом должны быть совершенно извлечены из обращения билеты мелких купюр (в 5 и 1 фл.), но срок этого извлечения определяется особым законом; мельчайшей купюрой остается после этого 10 фл. а. в.

Таким образом преобразованная Австрия энергично принялась за исправление промахов до-конституционной эпохи. Политическая реформа, несмотря на избирательные ограничения, выдвинула на сцену общественные группы, для которых существование правильно руководимого Банка и твердой валюты было гораздо важнее, чем возможность использовать Банк в собственных выгодах, которою так дорожили до-реформенное правительство и привилегированные фирмы. Момент для реформ был благоприятен: корона была вынуждена финансовыми затруднениями и раздором с венгерцами опереться на либералов-централистов: министерство Шмерлинга видело в палате свою поддержку против реакционеров и федералистов и не было склонно вступать с нею в конфликт, даже когда она шла дальше него в банковом вопросе. Банк до самого конца продолжал отчаянную борьбу против акта, сокращавшего его доходы и связывавшего его инициативу, но в конце концов должен был уступить перед категорическим выражением общественной воли. В результате были точно и ясно сформулированы возрождавшие Банк реформы. В течение 4 лет должно было ликвидироваться наследие финансового беспорядка, поскольку последний касался Банка, и в 1867 году размен билетов должен был стать фактом. Организация Банка была преобразована с тою целью, чтобы вырвать управление им из рук немногочисленной и безответственной группы и передать его собранию акционеров и избираемым им комитету и дирекции (правлению). Важным нововведением явилось установление гласности в вопросе о положении Банка и его операциях: устав 1863 года обязал Банк еженедельно публиковать свой баланс: таким образом было окончательно ликвидировано сыгравшее такую роль в домартовскую эпоху соблюдение строгой тайны в делах Банка. Сделки с государством были точно определены и ограничены, а роль правительственного комиссара сведена к простому надзору за соблюдением устава; правительственное воздействие на Банк и эксплуатация его в интересах казны должны были отойти в область преданий, тем более, что теперь для пересмотра устава нужно было участие представительного учреждения. Наконец, свобода Банка в области эмиссии была значительно связана.

Если остальные вопросы впоследствии не вызвали недовольства, то последний из отмеченных пунктов должен был создать ряд хозяйственных затруднений. Устав 1862 года надел на обращение Австрии «испанские сапоги» пилевской системы. Правда, разделение Банка на два департамента, влекущее за собою особую тугоподвижность эмиссионной организации, было избегнуто, но ограничение эмиссии непокрытых металлом билетов посредством установления непреходимой границы ее ставило известный предел развитию кредитных операций Банка. В рейхсрате ожидали сокращения потребности в билетах под влиянием

развития текущих счетов и чекового обращения; но последующие события доказали, что Австрия еще не созрела до этих форм обращения. Во избежание внезапных потрясений кредитного рынка Банк должен был обеспечивать себе возможность расширения кредитных операций, когда в этом почувствуется настоящая надобность; для этого нужно было держать в обращении всегда меньшую сумму непокрытых металлом билетов, чем позволялось уставом (поддерживать резерв в билетах), т.-е. ограничивать кредит. Наконец, вполне возможным было и такое положение, когда и указанный резерв не окажется достаточным; как мы видели, комиссия палаты депутатов видела на этот случай единственный исход—законодательное вмешательство. Во время прений на все эти будущие затруднения указывал министр финансов Пленер; по издании закона австрийская реформа была подвергнута с той же точки зрения критической оценке в Германии; автор этой оценки, Отто Михаэлис, ждал исправления принятой системы лишь от благоразумной политики Банка.¹

Между тем после реорганизации Банка отношение его руководителей к акту 1863 года стало меняться. Акт этот обещал в непродолжительном времени восстановить кредит Банка, что не могло не быть привлекательным для последнего. Ограничивая эмиссию, акт стремился достичь вышеуказанной цели до известной степени автоматически, и это имело ту хорошую сторону для правления, что освобождало его от большой ответственности. Если Эшбертон говорил по поводу пилевского акта, что нелепо в деле банковской политики ставить на место свободного человеческого разума механизм, то нельзя отрицать, что для руководителей банка такая система имеет некоторые преимущества; этим отчасти объясняется то, что директоры Английского Банка постоянно держались за эту систему. В результате этого в Австрии явилась возможность новых конфликтов между дающим кредит Банком и ищущими кредита группами.

¹ O. Michaelis. Die österreichische Bankakte (Fauchers Vierteljahrsschrift für Volkswirtschaft und Kulturgeschichte, 1863, Band III). §

ГЛАВА III

Вопросы банковской формы и организации

I

По уставу и соглашению 1863 года, государство было обязано уплатить до конца 1867 года свой долг Банку, за исключением 80 млн. гульд. Обязанности Банка состояли в следующем: он должен был 1) произвести до конца 1866 года отчуждение принадлежавших ему ценных бумаг; 2) восполнить—путем выпуска 1000 акций—капитал свой до 110¹/₄ млн. (так как в уставе капитал был определен в этой сумме); 3) употребить поступающие к нему вследствие уплат государства и отчуждения ценных бумаг суммы на уменьшение количества билетов в обращении и, наконец; 4) возобновить размен билетов в 1867 году (для возобновления размена, однако, необходимо было предварительное издание особого закона).

В течение всей первой половины шестидесятых годов оба контрагента исполняли свои обязанности чрезвычайно пунктуально. Государство точно выплачивало Банку суммы, указанные в соглашении, хотя ему все время приходилось бороться с застарелой болезнью австрийского бюджета—дефицитами,¹ и хотя на этот недолгий промежуток времени (1862—1866 г.г.) выпал ряд событий, тяжело отражавшихся на денежном рынке: в 1863 г.—междоусобная война в Америке, вызвавшая мировой кризис хлопчатобумажной промышленности, и денежный кризис во Франции; в 1864 г.—датская война, первые столкновения между рейхсратом и короной, экономический кризис на внутреннем рынке; в 1865 г.—обострение конституционного кризиса; в 1866 г.—австро-прусская война. Правительству приходилось заключать займы на тяжелых условиях, но уплата в счет долга производилась аккуратно, и к концу 1866 года весь существовавший за четыре года перед этим долг был уменьшен до размеров постоянной ссуды. Именно, в конце 1862 года государственный долг Банку составлял 217,2 млн. гульд., в конце 1863 г.—186,3 млн., в конце 1864 г.—174,1 млн., в конце 1865 г.—145,8 млн., в конце 1866 г.—80 млн. гульд. а. в. (правда, в 1866 г.² был создан еще новый долг государства Банку, но этот новый долг был целиком погашен в 1867 г.).

¹ Дефициты составляли: в 1862 г.—74,9 млн. гульд., в 1863 г.—73,2 млн. гульд., в 1864 г. (война)—104,6 млн. гульд., в 1865 г.—53,9 млн. гульд. и в 1866 г. (война)—257,1 млн. гульд.

И Банк, со своей стороны, не отставал в аккуратном исполнении своих обязательств от правительства и даже шел дальше его; отчуждение ценных бумаг производилось им в более широких размерах, чем было предписано соглашением: так, в 1863 г. он продал бумаг на 13,3 млн. (вместо 5,3 млн., которые он должен был в этом году реализовать), в 1864 г.—на 6,1 млн. (вместо 2,3 млн.); остаток бумаг был реализован в 1865 и 1866 г.г. Банк, действительно, стремился укрепить свое положение восстановлением размена; он выпускал в обращение только часть возвращавшихся к нему (вследствие уплат государства и реализации бумаг) билетов и старался ограничением операций вдвинуть обращение своих билетов в рамки устава 1863 года. Сумма билетов в обращении сильно уменьшилась, и уже весною 1866 года было достигнуто металлическое покрытие, предписанное уставом (не более 200 млн. непокрытых металлом билетов). Сказанное может быть подтверждено следующими цифрами (млн. гульд. а. в.):

	Металлический запас	Банковых билетов в обращении		Учет векселей	Ссуды под обеспечение
		Всего	Непокрытых металлом.		
В конце 1862 г. . .	105,6	426,3	301,2	66,9	53,4
» » 1863 » . .	110,7	396,6	285,9	89,1	50,7
» » 1864 » . .	112,1	375,8	263,7	95,5	51,4
» » 1865 » . .	121,5	351,1	229,5	106,8	43,2
» » мая 1866 г. .	125,7	267,8	142,1	103,4	40,9
» » 1866 » . .	104,0	283,9	179,9	38,8	30,8

Увеличению металлического запаса содействовало, между прочим, то, что в январе 1863 г. Банк выпустил тысячу новых акций. Благодаря унорядочению положения Банка и обращения лаж постепенно исчезал. Еще в течение 1863 г. он поднимался, колеблясь в январе этого года между 10,7 и 15 на 100, а в декабре—между 16,8 и 21,5; затем положение стало улучшаться, и в декабре 1864 г. курс 100 серебряных гульденов составлял 117,5—121,7, в декабре 1865 г.—103,9—106,5, а в феврале 1866 г.—101,5—103,8.

Но положение государственных финансов продолжало оставаться тяжелым; заключаемые на тяжелых условиях займы обременяли казну, но не давали достаточно средств. Палата депутатов видела причину этого зла в недостаточной упорядоченности государственных расходов, и на этой почве в 1865 г. разыгрался конституционный конфликт, подготовивший уже в течение трех лет. Министерство Шмерлинга, назначенное императором, но желавшее вести либерально-централистическую политику и стремившееся поэтому опираться на конституционную партию, было в ложном положении, так как одним из лозунгов этой партии было требование ответственности министров, на что корона не считала возможным согласиться. Поэтому правительственное большинство в палате депутатов было всегда неустойчивым, а в 1863—64 годах часть конституционной партии (клуб левых) перешла в открытую оппозицию. Дело дошло до открытого разрыва между палатой и министерством как раз по случаю обсуждения финансовых вопросов. Когда, в июле

1865 года, Пленер потребовал у палаты разрешения на кредитную операцию в 116,8 млн. гульд. для покрытия дефицитов и уплаты остатков долга Банку, финансовая политика правительства была подвергнута в палате резкой критике, особенно с точки зрения нарушения парламентских прав: контрольная комиссия рейхсрата жаловалась, что министерство скрывает от нее положение текущего долга, и что в 1863 г. Пленер заключил заем без согласия рейхсрата. Палата поставила министерству на вид неправильность его поведения. Тогда корона, испуганная требованиями конституционной партии, решила порвать с центристами, опереться на федералистов и консерваторов и вступить в переговоры с венгерцами (к последнему побуждали и соображения внешней политики, именно приближавшийся конфликт с Пруссией).

27 июля 1865 г. министерство Шмерлинга было заменено министерством графа Белькреди, состоявшим из реакционно-настроенных представителей высшей аристократии. 20 сентября 1865 года появился патент, возвестивший об отсрочке действия конституции; он уполномочил правительство принимать до тех пор, пока не будет созвано представительное собрание, неотложные меры, особенно те, которые требуются финансовыми и экономическими интересами. Таким образом был восстановлен беспарламентский режим, и это отразилось на судьбе Австрийского Национального Банка. Новое правительство скоро стало испытывать еще более острые финансовые затруднения, чем прежнее, так как влиятельные на денежном рынке группы как внутри страны, так и за границей относились к нему с недоверьем; заключение займов для государства стало более трудным. Финансовые затруднения министерства Белькреди привели его в конце концов на тот путь, на котором оно должно было сойтись со все сильнее поднимавшими голову инфляционистами. Быстрое падение лаяжа в 1863—66 г.г. тяжело отразилось на многих отраслях австрийского народного хозяйства и вызвало глубокое недовольство во многих представителях сельского хозяйства, промышленности и торговли. Как свидетельствуют позднейшие исследователи,¹ эта эпоха понижения лаяжа надолго осталась в памяти заинтересованных кругов и укрепляла их нерасположение к денежной реформе. Они пытались оказать воздействие на правительство беспарламентского периода в смысле прекращения уплат Банку и отказа от сокращения суммы билетов в обращении. Министр финансов граф Лариш не решился, впрочем, нарушить соглашение 1863 г.: как в 1865, так и в 1866 г. он продолжал уплачивать долг Банку, хотя 90-миллионный заем 1865 г. был реализован по курсу 65. Но в одном направлении было сделано решительное отступление от пленеровского плана: по § 11 соглашения 1863 года, закон о возобновлении размена должен был подвергнуться обсуждению рейхсрата в 1866 году; между тем конституция была приостановлена, и рейхсрата не было; Лариш обратился к правлению Банка с указанием, что банковый акт не предписывает восстановления размена непременно с 1 января 1867 года, и

¹ Mises, Die wirtsch. Motive der österr. Valutaregulierung (в «Ztschr. für Volksw., Sozialpol. und Verw.», XVI Band, стр. 569).

что поэтому Банк не должен особенно спешить с сокращением количества билетов в обращении.¹

Первый удар акту 1863 года был нанесен. Второй последовал в 1866 г.: война с Пруссией потребовала средств, достать которые министерство Велькреди, лишенное кредита внутри страны и за границей, не могло без обращения к рудникам «австрийской Калифорнии», т.-е., попросту, к станку для печатания бумажных денег. Уже в марте распространились слухи о предстоящем выпуске государственных бумажных денег, вызвавшие подъем лажа (курс 100 сер. гульд. колебался в этом месяце между 101,5 и 106,7); нотой от 19 апреля правление Банка пыталось воздействовать на министерство для предотвращения этой меры, но нота была оставлена без ответа, и закон 5 мая 1866 года о финансовой мобилизации провел указанную меру в жизнь. Ссылаясь на государственную необходимость — с одной стороны и на необходимость шадить Банк — с другой, правительство решило искать выхода в выпуске государственных бумажных денег; закон 5 мая объявил банковые билеты в 5 и в 1 фл. государственными бумажными деньгами с принудительным курсом (при чем был предусмотрен их дальнейший выпуск — до максимальной суммы в 150 млн. гульд.); в награду за это облегчение Банк должен был выпустить и передать государству равную сумме этих мелких билетов сумму банковых билетов высших кунюр.

Военные поражения повели к дальнейшему ухудшению денежной системы. После Кениггреца был издан закон 7 июля 1866 г., которым «для приобретения нужных при военных затруднениях денежных средств и для обеспечения дальнейшего существования государственного хозяйства, расстроенного вражескими вторжениями», министру финансов открывался кредит в 200 млн. гульд., и в то же время постановлялось, что, пока обстоятельства не позволят реализовать заем или выпустить государственные билеты, Национальный Банк должен ссужать государству денежные средства по мере надобности в них, временно до суммы в 60 млн.; ссуда эта, беспроцентная и обеспеченная соляными копиями Велички, должна быть выплачена обратно банковыми билетами в течение года по заключении мира. Впредь до уплаты этой ссуды было приостановлено действие постановлений устава, несогласных с этим законом. Таким образом временно были лишены силы следующие параграфы устава: § 13 (о размене), § 14 (о выпуске непокрытых металлом билетов лишь на сумму в 200 млн. гульд.) и § 63 (о совершении для государства лишь комиссионных операций и учета векселей).

Пражский мирный договор возложил на Австрию обязанность уплатить контрибуцию, при чем взнос в 20 млн. талеров был условием, необходимым для окончания пруссаками австрийской территории. Взнос должен был производиться, разумеется, в серебре, а министерство Велькреди не могло достать 30 млн. гульд. серебром нигде, кроме Национального Банка. Но на этот раз оно не решилось нарушить устав, и в Банк были представлены векселя за подписями министра

¹ Neuwirth, Bankakte und Bankstreit, стр. 98.

финансов и консорциума банкиров; серебряная ссуда была выдана, и металлический запас Банка понизился на 30 млн.

Наконец, цепь этих мер была закончена еще одним звеном, уничтожившим последнюю надежду на урегулирование денежного обращения. По окончании войны правительству пришлось считаться с часто наступавшими требованиями о погашении обязательств текущего долга (обеспеченных соляными копиями), да и вообще финансовое положение было совершенно расстроено (достаточно указать на то, что дефицит в 1866 году вырос почти в четыре раза). В этих условиях был издан закон 25 августа 1866 года, позволивший в дальнейшем сильно расширить выпуск государственных бумажных денег; между прочим этим законом были приняты меры к тому, чтобы прилив свидетельств текущего долга из обращения механически создавал возможность расширять выпуск государственных бумажных денег в обращение для оплаты этих свидетельств. Содержание закона состояло в следующем:

1. он разрешил (кроме выпуска 5%-го займа в 50 млн.) выпустить государственные кредитные билеты купюрами в 5 и в 1 фл.—на сумму в 90 млн. гульд.;

2. он освободил правительство от обязанности вернуть Банку полученную от последнего в июле 60-миллионную ссуду непременно банковыми билетами и позволил уплатить ее государственными бумажными деньгами, при чем разрешалось эмиттировать такие деньги и в купюрах по 25 и 50 фл.;

3. он контингентировал сумму находящихся в обращении государственных бумажных денег и сумму выпущенных обязательств текущего долга на таких началах: максимум государственных билетов в обращении должно было являться 300 млн. гульд.; а максимум этих билетов вместе со свидетельствами соляных копеек—400 млн. гульд.; при чем если сумма находящихся в обращении свидетельств соляных копеек упадет ниже 100 млн. гульд., то соответственно (на недостающую до 100 млн. сумму) расширяется (хотя бы и сверх контингента в 300 млн. гульд.) выпуск государственных бумажных денег.

Результатами этого закона были, во-первых, значительное увеличение суммы государственных билетов в обращении, во-вторых, отказ от извлечения тех банковых билетов, которые были эмиттированы для выдачи государству ссуды в 60 млн., и, в-третьих, обеспечение постоянного поддержания государственных бумажных денег в обращении в зависимости от потребности в оплате обязательств текущего долга, притекающих в государственные кассы. Накануне уничтожения бумажной валюты вся валютная реформа потерпела крушение, и банковые билеты, вместо того, чтобы стать разменными, слились с государственными билетами в одну обширную категорию бумажных денег, одинаково неразменных, снабженных принудительным курсом и прогрессивно обесценивавшихся; все эти последствия стяжали закону 25 августа название «финансового Кениггреца». К концу 1866 года в обращении было 499,7 млн. фл. бумажных денег, из которых банковые билеты составляли сумму в 283,9 млн. (при металлическом запасе в 104 млн.), а государственные — 215,7 млн. фл. Курс 100 серебряных гульденов

поднялся в декабре 1866 года до 127,25 — 131,50. 31 августа правление Банка выразило министерству финансов свое сожаление о том, что закон 25 августа отнимает у Банка «еще одну, существеннейшую часть его прав, вытекающих из привилегии и договоров», и подняло вопрос о вознаграждении Банка за нарушение этих прав. Притязание это казалось тем более основательным, что выпуск государственных билетов и выдача беспроцентных ссуд понизили дивиденд его акционеров до 7,07% (в 1863 г. он составлял 7,3%, в 1864 г.—7,5%, в 1865 г.—7,5%).

7 февраля 1867 г. бесконституционный режим Белькреди, вновь надолго расстроивший валюту и потерпевший моральное крушение, окончился, и министерство вышло в отставку; 8-го его место занял кабинет барона фон-Бейста, главной задачей которого было преобразование централистической австрийской империи в дуалистическую австро-венгерскую монархию. Правление Банка продолжало и перед новым кабинетом настаивать на вознаграждении за недавние правонарушения, но с этих пор все касающиеся отношений между Банком и правительством вопросы до такой степени тесно переплелись с другими проблемами австро-венгерских отношений, споров и компромиссов, что изолированное разрешение вопроса о вознаграждении очень затруднилось.

Корона и австрийское правительство были заинтересованы в успешном окончании начатых с Венгрией переговоров об установлении дуалистической формы государственного устройства, так как разрешение этого вопроса должно было усилить внешнюю мощь страны. Так как венгерцы, в памяти которых были еще свежие события 1849 года, обнаруживали большую требовательность, то австрийские представители во время переговоров отодвигали на задний план экономические вопросы, чтобы тем легче добиться уступок в вопросах политических. Когда, в начале 1867 г., посредством известного «компромисса» (Ausgleich) с Венгрией преобразование империи в дуалистическую монархию совершилось, было установлено, что между Австрией и Венгрией должна быть заключена (затем периодически возобновляемая) таможенная и торговая уния, что в свою очередь требовало сохранения общей денежной системы. По мнению австрийского правительства, из этого единства денежной системы, а также из признания общим государственным долгом, вытекало и требование единства в эмиссионно-банковой организации, но, во избежание осложнений, которые могли бы помешать установлению дуализма, вопрос о Банке при выработке австро-венгерского договора совсем не был затронут. Обход этого вопроса облегчил заключение договора, но создал почву для всевозможных пререканий о положении и значении Банка.

Антипатия венгерцев к Австрийскому Национальному Банку создавалась под влиянием как политических, так и экономических мотивов: единство Банка, имевшего притом правление и главную контору в Вене, не мирилось с идеями о венгерской самостоятельности; кроме того, политика этого Банка определялась банковым актом 1863 года, а последний вызывал в Венгрии постоянное недовольство. Самая цель этого акта—восстановление валюты—не была популярною в аграрной стране,

видевшей в лаже (вернее—в его повышении) могущественный фактор покровительства вывозу своих продуктов. Поэтому идеи инфляционизма пользовались особым предпочтением в венгерских правящих кругах, где находили, что «венский» банковый акт свяжет Венгрию еще и в том случае, когда будет обсуждаться вопрос о получении средств для венгерского государственного хозяйства. Сам венгерский министр финансов граф Лоньай выдвигал проекты ликвидации Австрийского Национального Банка и перехода к свободе эмиссии.¹ Правда, от этих крайних требований венгерцам пришлось отказаться, но во всяком случае Венгрия постоянно затягивала все переговоры, желая добиться возможно большего влияния на Банк; австрийское же правительство и собравшийся 20 мая рейхсрат нуждались для окончательного разрешения вопроса о требованиях Банка в выяснении точки зрения Венгрии.

Скоро вслед за этим возник новый вопрос, еще более запутавший положение. В течение 1867 года, ссуды, выданные Банком во время войны, были ему возвращены, но количество государственных билетов в обращении продолжало возрастать (в декабре 1867 года всего бумажных денег в обращении было 548,1 млн., из них государственных билетов—301,1 млн., а банковых—247,0 млн. при металлическом запаса в 108,3 млн. фл.); обесценение, под влиянием экономического оживления, несколько смягчилось к концу года (курс 100 сер. гульд. в декабре—118—120,2). Но заполнение обращения государственными билетами отразилось сокращением операций Банка, хотя последний и понижал процент (1 апреля—с 5 до 4½%, 15 июня—до 4%). Дивиденд в 1867 г. далеко не достиг 7%, и для государства, согласно уставу 1863 года, явилась обязанность выплатить Банку 1 миллион гульд. вознаграждения по постоянной ссуде; миллион этот был уплачен (Венгрия внесла свою долю), но дивиденд все-таки составил только 6,5%. В отчете за 1867 г. правление Банка указывало на это понижение дохода, как на прямое следствие нарушения привилегии, и выработало проект изменений в соглашении, уставе и регламенте, имевший целью «предложить соглашение по вопросу о вознаграждении, без увеличения многочисленных затруднений настоящего момента».² Предложения Банка сводились к следующему: до полного восстановления прав Банка, состоящих в эмиссионной монополии и в связанных с этим преимуществах, вводится оплата 80-миллионной постоянной ссуды 4% в год без всяких условий (по восстановлении прав Банка это вознаграждение снова уменьшается до условного платежа в 1 миллион гульд.); в виду того, что Банк не находил достаточного помещения для своего капитала и вынужден был помещать часть его в иностранных векселях, т.-е. ссужать его чужим странам, целесообразно уменьшить основной капитал со 110 млн. до 90 млн. гульд. путем обратной выплаты

¹ Lonyay. Die Bankfrage. Budapest, 1875, стр. 110—111, 220—222 и 579—580. См. также Fr. Gaertner, Der öst.-ung. Ausgleich, 1908, стр. 1—3, и Neuwirth, Bankacte und Bankstreit, стр. 138.

² Этот проект был разработан Лукамом в записке «Vorschlag zu einer Vereinbarung bezüglich der Entschädigungsansprüche der priv. Nationalbank» etc. (Wien, 1868).

135 фл. на акцию; доля дохода, ежегодно отчисляемая в резервный фонд, должна быть понижена с 25 до 10%; наконец, должен быть расширен круг операций Банка.

Министр финансов Брестель, желая избежать острых вопросов, которые выдвинули бы потребность в новых переговорах с Венгрией, не согласился на увеличение процентных платежей по 80-миллионной ссуде, но именно по той же причине охотно пошел на расширение операций Банка, которое позволило бы государству избежать себя от необходимости ежегодно платить Банку 1 миллион гульд.¹ Вследствие этого были проведены следующие меры:

1) закон 30 июня 1868 года уполномочивал министра финансов временно изменять устав и регламент Банка; однако, и для этого понадобились переговоры с Венгрией, согласие которой было получено только в октябре;

2) на этом законе был основан приказ министра финансов 30 апреля 1868 г., позволивший Банку провести требуемое им понижение отчислений в резервный фонд и расширивший круг его операций—допущением принимать процентные вклады и оплачивать процентами текущие счета (ограничение, состоявшее в том, что Банк может обращать на свои активные операции только половину поступающих на текущий счет средств, было отменено), отменой ограничений относительно суммы принимаемого к учету векселя (раньше был минимум в 100 фл.) и относительно допущения векселей с двумя подписями лишь с добавочным залогом, наконец—расширением круга допускаемых к залому бумаг (допущены облигации провинциальных и коммунальных займов, закладные листы внутренних ипотечных банков, акции и привилегированные облигации внутренних промышленных предприятий); вместе с тем несколько изменены постановления о покрытии билетов (допущено зачисление в банковое покрытие иностранных векселей, но зато требование металлического и банкового покрытий распространено не только на билеты, но и на вклады и текущие счета);

3) закон 13 ноября 1868 г. разрешил уменьшение акционерного капитала со 110 $\frac{1}{4}$ млн. до 90 млн. гульд. (ответственность Банка по ипотечному отделению его была ограничена лишь частью этого акционерного капитала, равной $\frac{1}{10}$ части находящихся в обращении закладных листов; зато ограничено и право выдачи ипотечных ссуд с 200 до 150 млн.).

Таковы были компенсации, которых удалось добиться Банку. Курс его акций стал подниматься (в январе 1868 г.—680, в октябре—808, в декабре—при пониженной номинальной цене—677). Но состояние обращения не улучшалось: общее количество бумажных денег в обращении в конце 1868 г. составляло 574,5 млн. (государственных—298,3 млн., банковых—276,1 млн. при металлическом запасе в 108,6 млн.); лаж колебался между 11 и 17% без особенно сильной тенденции к понижению. Состояние обращения отражалось слабым

¹ См. доклад Зоммаруги (Der heutige Stand der Bankfrage, Wien, 1868, стр. 10—14) в Союзе хозяйственного прогресса.

ростом операций (в конце 1867 г. учетная операция—77,0 млн., в конце 1868 г.—81,9 млн. фр.), и дивиденд Банка за 1868 г. снова оказался ниже 7% (он составил 6,5%). Вновь возник вопрос о правительственной доплате Банку, но для разрешения этого вопроса представился ряд препятствий. Как только законами 30 июня и 13 ноября 1868 г. был разрешен вопрос о вознаграждении Банка за нарушение его привилегии, на место этого вопроса выдвинулся другой—о положении Банка в Венгрии, об ответственности последней по 80-миллионной ссуде и других связанных с этим проблемах. Целое десятилетие было наполнено австро-венгерским спором о Банке и закончилось полной реорганизацией последнего в духе дуализма. Оставив пока в стороне рассмотрение деятельности Банка при действии привилегии 1863 года, обратимся к изложению причин и хода указанного преобразования Банка на началах австро-венгерского «компромисса».

Мечта венгерцев об учреждении собственного эмиссионного банка (или, как предлагали некоторые, даже нескольких таких банков) не имела шансов на осуществление уже по одной той причине, что кредит Венгрии был очень слаб, и у нее не было денежных средств для накопления металлического запаса. Хотя невозможность учреждения самостоятельного банка выяснилась перед венгерцами не сразу, но возникшие в этой области затруднения и необходимость выиграть время для преодоления этих затруднений заставили их несколько смягчить свое отрицательное отношение к Австрийскому Национальному Банку. Умолчание о последнем в общем договоре об установлении дуализма позволяло венгерцам считать привилегию Банка не распространяющеюся на Венгрию, но, чтобы не подвергать страну экономическим потрясениям в течение переходного времени (в Транслейтании существовало 8 отделений Австрийского Банка, и обращалось большое количество его билетов), нужно было подумать об обеспечении ему возможности продолжать в этой стране свои операции. В виду этого Венгрия пошла на временное признание привилегии Банка: по соглашению 8 марта 1867 г. она обязалась не нарушать этой привилегии впредь до выработки окончательно регулирующих этот вопрос соглашений, а по соглашению 12 сентября того же года даже обязалась не допускать учреждения другого эмиссионного банка и признать за билетами Австрийского Банка принудительный и кассовый курсы, взамен чего Банк взял на себя обязанность удовлетворять настоятельные экономические потребности Венгрии (открывать отделения там, где потребует венгерское правительство, наделять их средствами соответственно потребностям торговли и промышленности и выдавать ссуды под венгерские ценные бумаги). Но оба эти соглашения были заключены только между министрами финансов обеих частей монархии, делегации же, которые согласно дуалистическому договору должны были окончательно (хотя только на известный период времени) разрешить общие финансовые и экономические вопросы, вопроса о Банке не коснулись (сессия делегаций началась 7 августа 1869 года и закончилась во второй половине сентября); это дало повод венгерцам объявить оба соглашения (8 марта и 12 сентября) утратившими силу.

На этой почве и возник австро-венгерский спор о Национальном Банке. Впрочем, надо заметить, что спор этот, разумеется, далеко не был академическим изложением противоположных «точек зрения»: он велся в течение продолжительного времени различными, сменявшими друг друга лицами, так что представители одной и той же стороны не вполне сходно смотрели на дело, и, кроме того, многое определялось здесь вопросами тактики, соответственно потребностям которой увеличивались или уменьшались требования, произносились угрозы, или делались уступки.

Венгерское правительство колебалось между мыслью об устройстве самостоятельного банка, трудность осуществления которой становилась все яснее, и проектами такого переустройства Австрийского Банка, которое обеспечило бы удовлетворение потребностей венгерских торговли и промышленности и поставило бы Банк под контроль венгерского министерства и законодательных учреждений Венгрии; пока же Банк оставался «венским», оно рассматривало этот Банк как учреждение, чуждое Венгрии и лишь терпимое в ней, как учреждение чисто-австрийское. Упоминания о возможности создать самостоятельный банк часто служили лишь угрозой, имевшей целью побудить противоположную сторону к уступкам: также и отношение к соглашению 12 сентября было не всегда одинаковым: полное отрицание за ним всякой силы сменялось иногда указанием, что Банк сам не выполняет этого договора, и отсюда выводилась необходимость последнего и для Венгрии.

Национальный Банк руководился стремлением сохранить свою эмиссионную монополию во всей монархии, не допустить уменьшения своих доходов и обеспечить правильное поступление условных взносов по 80-миллионной ссуде. Поэтому он то отвергал соглашение 12 сентября, как заключенное только между правительствами и помимо его ведома, то шел на уступки, смотря по тому, что при данных условиях являлось наиболее выгодным.

Политика австрийского правительства определялась тремя побуждениями: стремлением обеспечить выполнение банкового акта 1863 года, нежеланием взыскивать на одну Австрию все бремя обязательств, возложенных этим актом на государство, и боязнью перед серьезным конфликтом с Венгрией, который мог бы расстроить всю систему дуализма, являвшуюся залогом политической силы монархии.

Борьба началась в 1868 году по поводу упомянутых выше требований Банка о компенсациях и в особенности об уплате 80-миллионной ссуды; продолжавшаяся в течение ряда лет борьба эта выражалась в обмене многочисленными нотами, устных переговорах министров, неоднократно обсуждении вопроса о Банке в палатах обеих частей монархии и, наконец, оживленной полемике в печати; мы остановимся лишь на важнейших моментах спора. Уже в своем ответе на просьбу Брестеля выразить от имени Венгрии согласие на расширение операций Банка Лоньай дал тон последующим разногласиям, указав, что вопрос о расширении операций есть дело рейхсрата, так как Банк—учреждение австрийское, и что Венгрия оставляет за собою право дать или не давать концессию Банку для деятельности в ее пределах. Вопрос этот

кое-как уладился, но главный спор разыгрался по поводу оплаты 80-миллионной ссуды условным платежом в 1 миллион (как указано выше, дивиденд в 1868 г. опустился ниже 7%). Венгерская доля по оплате государственного долга была установлена делегациями в августе—сентябре 1879 г., при чем в список государственных долгов, по ошибке, была включена и 80-миллионная ссуда, никак не отразившаяся на размерах венгерского взноса (так как по ссуде этой не платилось ни процентов ни погашения). На этом основании Лоньай отвечал, что взнос Венгрии на оплату общего государственного долга определен и не подлежит увеличению, при чем 80-миллионная ссуда принята во внимание; поэтому Венгрия не обязана ни уплачивать установленной соглашением 1863 года субвенции Банку в 1 миллион, ни платить процентов по 80-миллионной ссуде, ни погашать ее. При этом венгерский министр отверг вообще возникновение каких-либо обязательств для Венгрии из привилегии 1863 г., так как при выработке последней не спросили ни мнения ни согласия венгерского сейма.

В виду этого отказа Венгрии участвовать в уплате взноса по ссуде, и австрийское правительство отказало Банку в пополнении дивиденда под тем предлогом, что полученный дивиденд достаточен для уменьшенного капитала. Национальный Банк вынес впечатление, что его привилегия и закон 1863 г. не считаются Венгрией имеющими в этой стране законную силу, что Банк рассматривается там как иностранное учреждение, и что его права признаются лишь временно, из соображений удобства. Между тем недостаток у Венгрии денежных средств и слабость ее кредита были хорошо известны Банку, и он только ждал случая показать ей, что его услугами нельзя пренебрегать, и что без его помощи ей не обойтись. Случай не замедлил представиться. За эпохой экономического оживления (особенно в области железнодорожного строительства) последовало летом 1869 года угнетение на рынке, особенно сильно сказавшееся в Венгрии. Будапештская торговая палата в сентябре 1869 г. обратилась к венгерскому правительству с просьбою побудить Национальный Банк к повышению дотаций его венгерских отделений, указывая, что Банк явно предпочитает перед Венгрией пилейтанские провинции. Когда венгерское правительство передало Банку эти требования, Банк (в ноябре 1869 г.) указал на препятствия для расширения его деятельности в Венгрии, вытекающие из неопределенности его положения в этой стране. В 1870 г. Банк решительно отклонил требования венгерских фирм о кредите, петицию Арадской торговой палаты и (хотя и с оговоркой) просьбу венгерского министра финансов о выдаче ссуд под залог вновь выпущенного венгерского выигрышного займа, заявив при этом опять, что не может расширять свои операции в Венгрии, пока вопрос об его положении в этой стране не будет разрешен. После того, как все попытки добиться соглашения с сохранением прежних, противоположных друг другу позиций сторон оказалась безуспешными, новый венгерский министр финансов Керкаполь объявил, что если Банк не хочет исполнять обязательств, возложенных на него соглашением 12 сентября 1867 года, то Венгрия свободна и может руководиться только собственными интересами; для

выяснения последних в 1870 г. была создана специальная анкетная комиссия.

Но результаты работ этой комиссии заставили венгерское правительство несколько изменить свою точку зрения. В анкете принимали участие представители венгерских торговых палат и других торговых и промышленных учреждений и корпораций, а также представители венгерских и австрийских банков и специалисты из парламентских, ученых и промышленных кругов. В общем как торговые палаты Венгрии, так и специалисты высказывались за изменение организации Австрийского Национального Банка с целью устранить зависимость кредитования венгерского народного хозяйства от усмотрения венского правления Банка, но в то же время большинство рекомендовало венгерскому правительству пойти на соглашение с Банком. Опубликованный в мае 1871 года доклад анкетной комиссии указывал, что сама Венгрия не может дать твердую основу кредитованию своего народного хозяйства вследствие недостатка в капиталах и кредите; во всяком случае необходимой предпосылкой для разрешения этой задачи является восстановление валюты, а эта последняя проблема может быть разрешена лишь сообща с Австрией. В виду этого на ближайшее время, именно до 1876 года, необходимо признать привилегию Австрийского Банка, заключив с ним соглашение для обеспечения венгерских интересов; если такое соглашение заключить не удастся, следует принять меры для учреждения самостоятельного венгерского эмиссионного банка (это последнее заключение доклада было не совсем последовательно в виду того, что говорилось в том же докладе выше о недостатке у Венгрии средств, но оно, конечно, имело только характер угрозы).

После длительного обсуждения этого доклада Керкапольти 2 июня 1872 года сообщил Банку условия, на которых Венгрия согласно была идти на ликвидацию конфликта: венгерское правительство брало на себя обязанность признать законно действующими в Венгрии—до конца 1876 года—банковый акт 1863 года и привилегию Банка, если Национальный Банк предоставит для обслуживания земель венгерской короны такую часть в общем своем кредитовании («дотацию»), которая соответствует отношению взносов обеих частей монархии на общие расходы (30:70). Далее министр предлагал Банку устроить в Пеште особое, зависящее только от собрания акционеров правление, круг действий которого должен быть таким же, как и у венского правления; пештское правление должно находиться под верховным надзором венгерского правительства, и этому правлению должно быть вверено распределение общей дотации между венгерскими отделениями Банка. Банк не обнаружил склонности пойти на этот компромисс, приводивший к разделению всего административного аппарата Банка пополам; переговоры окончились ничем, и венгерский министр-президент Коломан Тисса, противник дуализма и Австрии, попытался осуществить на практике мысль об учреждении самостоятельного венгерского банка.

Кризис 1873 года принес перемену во взаимных отношениях сторон: неудача Тиссы в деле учреждения венгерского банка вынудила венгерцев к большей уступчивости; с своей стороны, и Банк, давно

уже видевший бесплодность своего сопротивления, а теперь особенно вынужденный считаться с венгерским правительством (условием своего согласия на проведенную во время кризиса приостановку постановлений банкового акта о покрытии Керкапольи поставил расширение дотаций, соответственное увеличению эмиссии), решил пойти навстречу венгерцам. В течение кризиса последние часто обращались к Банку за помощью, и он охотно удовлетворял эти требования. Эпоха ограничений кредита для Венгрии окончилась, и десятилетний отчет Банка так рисует положение дотаций в 1875 году: дотации австрийских отделений для учетной операции повышены с конца 1867 г. на 28 млн. т.-е. на 103%, а венгерских—на 28,1 млн. т.-е. на 216,6%. Векселей и других обязательств было учтено в Вене на 1½ млн. (2,8%) меньше, в австрийских отделениях—на 19,6% млн. (125%) больше и в венгерских—на 21.9 млн. (250%) больше, чем в 1867 году. В ссудной операции дотация австрийских отделений поднята на 83%, венгерских—на 268%. Из ипотечных ссуд на Венгрию в конце 1875 года выпадает 54% всей суммы выданных ссуд.¹ Генеральный секретарь Банка Лукам говорит по этому поводу, что Австрийский Банк удовлетворением венгерских требований хотел сложить с себя вину за безрезультатность переговоров; но несомненно и то, что эта политика имела целью построить золотой мост для отступления венгерцев от замыслов об учреждении самостоятельного банка. Политика Банка, действительно, произвела впечатление на венгерское правительство, и в июне 1873 года Керкапольи заявил в нижней палате сейма, что Национальный Банк щедро удовлетворяет требования Венгрии, и что опасно требовать чрезмерного повышения дотаций, так как это может поощрить злоупотребления кредитом.

После этого оказалось уже возможным говорить с Венгрией не только о временном признании привилегии Банка до срока ее истечения (конец 1876 г.), но и о продлении этой привилегии на дальнейшее время. Однако, программа преобразования Банка, изложенная Керкапольи в ноте Банку от 2 июня 1872 года, отстаивалась венгерцами как *conditio sine qua non* для дальнейшего существования Банка в Венгрии. Поэтому, когда Тисса согласился, наконец, на продление привилегии Банка, он поставил необходимым условием реорганизацию последнего на началах «дуализма и равенства» (т.-е. равенства обеих стран и их граждан в управлении Банком). Окончательные переговоры шли в течение трех лет (1875—1878 г. г.), так как были связаны с пересмотром всех договорных отношений между Австрией и Венгрией.²

Затянувшиеся переговоры с Венгрией заставили несколько раз временно пролонгировать привилегию Банка, истекавшую собственно в

¹ Lucas m. Die öst. Nationalbank während der Dauer des dritten Privilegiums, Wien, 1876. Стр. 74—76.

² Австро-венгерский спор о Банке изложен с австрийской точки зрения у Neuwirth'a (Bankakte und Bankstreit, особ. стр. 168—189, 399—401 и др.), с венгерской—у Lonuay (Die Bankfrage, особ. стр. 300, 366—390, 489—490 и др.); точка зрения Банка частью освещена в цитированном выше отчете Лукама.

конце 1873 года. 23 апреля 1877 года был внесен в рейхсрат проект нового устава, выработанный обоими правительствами на основе предложений Банка, который, убедившись в невозможности сохранить старую организацию, взял на себя инициативу своего собственного преобразования; одновременно с этим было положено начало прошедшим вслед за этим ряд стадий переговоров о соглашении правительств с Банком для урегулирования вопроса о 80-миллионном долге. Внесенный министром финансов де-Претисом в рейхсрат проект устава имел главной задачей поддержание в Австро-Венгерской монархии единства банкового билета, соединенное с проведением принципов дуализма в организации банка. По этому проекту, Австрийский Национальный Банк подлежал преобразованию в Австро-венгерское банковое общество, осуществляющее все функции прежнего Банка (§ 1); общество это помещается в Вене, но имеет две главных конторы—в Вене и Будапеште (§ 2). Права акционеров осуществляются общим собранием их (при условии обладания 20 акциями—§§ 12, 14 и 15), но вместо прежнего правления (дирекции) во главе общества ставится генеральный совет (члены его, кроме управляющего Банком, избираются общим собранием—§§ 23 и 27); этот генеральный совет должен объединять деятельность Банка, ведущуюся в обеих частях монархии, устанавливая для этой деятельности общие основы (§ 25). Дирекции же создаются две—в Вене и Будапеште; каждая состоит из 8 членов—граждан соответствующей половины монархии—под председательством помощника управляющего, при чем и этот председатель должен быть в венской дирекции австрийцем, а в будапештской—венгерцем; члены дирекций выбираются частью общим собранием, частью генеральным советом. Функции дирекций состоят в распределении дотаций между отделениями,¹ определении индивидуальной кредитоспособности и назначении членов цензурных (учетных) комитетов (§§ 41—45). Государственный надзор осуществляется через двух комиссаров—по одному от каждого правительства (§ 51). Наконец, проект устава, впервые в Австрии, предлагал ввести участие государства в прибылях Банка (§ 102).

Таковы важнейшие постановления правительственного проекта; почти единственным его назначением было придать Банку дуалистическую организацию, и в остальном, если не говорить о введении участия в прибылях, правительственный проект вносил очень мало изменений в действовавший устав. Министерство Ауэршперга руководилось преимущественно стремлением поддержать достигнутые с таким трудом добрые отношения с Венгрией и в этих видах желало положить конец спорам о Банке. Поэтому политический момент заслонил в его глазах все остальные вопросы, и, несмотря на то, что в экономической деятельности Банка далеко не все обстояло благополучно, правительство не остановило своего внимания на этой стороне дела: заниматься вопросами эмиссии и кредитной политики значило бы еще более осложнять вопрос, и без того запутанный и трудно-разрешимый. В палате же проект застал крайнее смятение и путаницу политических карт. Звезда

¹ О понятии «дотаций» см. далее в этой же главе, стр. 99.

либеральной партии в то время уже заходила, как мы увидим далее,— под сильным влиянием кризиса 1873 года. Внутри этой партии неудача 1865 года и потеря популярности в 1873 году внесли полнейший разлад, деморализацию побежденных; среди представителей партии шли взаимные пререкания, и из нее выделялись новые группы, занимавшие по отношению к ней независимое положение: младолибералы (Jungen), выдвигавшие немецко-националистскую программу, венские демократы, носители антикапиталистических тенденций. Политическое поражение в борьбе за парламентаризм (в 1866 г.), а также и натиск справа заставили конституционную партию быть уступчивее по отношению к Венгрии, и в 1867 г. она примирилась с установлением дуализма. Однако, идея реорганизации Банка на дуалистических началах была встречена либералами неблагоприятно: находя, что принципу централизации и немецкому преобладанию наносится слишком много ударов, они решили (в конце 1876 года) отклонить банковский законопроект. Но, когда был внесен в палату проект 1877 г., дуалистический характер которого был несколько смягчен по сравнению с первоначальным проектом 1876 года (объединявшим под одною фирмой два в достаточной степени самостоятельных банка), в либеральной партии обнаружился новый раскол—специально по банковскому вопросу. Большинство либералов пошло на уступки. Немалую роль сыграла в этом непримиримая позиция, занятая венгерцами: по их настоянию, между банковым законопроектом и периодически заключаемым между Австрией и Венгрией договором об общих вопросах был установлен *Junctum* (связь), так что возобновление указанного договора, при отказе от реорганизации банка в духе дуализма, стало невозможным. Тогда большинство конституционной партии решило поддержать правительство в банковом вопросе. Но аргументы этого большинства, обнимавшего левый центр и часть левой, дышали унынием: указания на необходимость уступить непреодолимой силе обстоятельств, принести для этого жертвы, простирающиеся до ухудшения организации эмиссионного учреждения, и, с другой стороны, доказательства в пользу возможности для Банка и при новых условиях вести разумную политику, сопровождаемые жалобами на вторжение политических споров в чисто-хозяйственную сферу, играли большую роль в их речах. Тон в этом направлении был дан уже докладчиком большинства комиссии—Гискрой (конституц. партия);¹ дело в том, что комиссия палаты не смогла вынести одного решения по законопроекту и представила (в ноябре 1877 г.) два доклада, из которых доклад большинства рекомендовал палате принять законопроект, доклад же меньшинства предлагал отложить его обсуждение.

Огромное большинство ораторов, говоривших за принятие правительственного проекта, приняло тот же тон, как и большинство комиссии: вопрос о Банке не может быть разрешен иначе, и потому необходимо сделать уступки Венгрии (деп. Шаффер); вступление в борьбу в области государственного права и банкового вопроса чрезвычайно ухудшит финансовое и обще-экономическое положение Австрии (министр

¹ Stenogr. Protokolle des Abgeordnetenhauses, VIII Session, стр. 10.057.

де-Претис и барон Шаршмидт); уже одна неопределенность положения сильно колеблет экономическую жизнь страны, так что абсолютно нет времени выработать новые законопроекты (кавалер фон-Карнери); право Венгрии на исполнение ее угрозы, т. е. на основание самостоятельного венгерского банка,—неоспоримо, и потому «проект—единственное оружие, которое мы имеем против Венгрии, и промедление в его принятии обратится против нас же» (депутаты Гербст и Геллерих). ¹ Достоинства проекта были в особенности выукло сформулированы Нейвиртом (конституц. партия), автором двух крупных посвященных вопросу о Банке монографий. По указанию Нейвирта, проект делает большие уступки в пользу Венгрии, но по крайней мере не создает «двойного банка», как предполагалось в 1876 году; при двойном банке центр тяжести управления Банком и ведения его операций находился бы у дирекций, а общий орган не имел бы никакого значения; дирекции назначали бы чиновников, определяли бы суммы билетов, назначаемые для учета и ссуд; металлический запас был бы разделен на две части, и учетный процент не определялся бы свободно центральным органом. Всего этого нет в проекте: по последнему, дирекция будет лишь доверенным органом генерального совета и банкового общества; проектируемое правительством повышение дотации венгерским отделениям Банка не может повлечь за собою недостаток средств у австрийских филиалов его—в виду разных сроков наступления наибольшей потребности в деньгах (в аграрной Венгрии—в конце лета и начале осени, в промышленной Австрии—весной и в конце года); между тем венгерский товарооборот сулит достаточное помещение для венгерской дотации. ²

К большинству присоединились элементы, недовольные политикой банка (на почве применения рестрикционного акта 1863 г. круг таких недовольных возрастал, как увидим далее); представители их считали благом всякий удар, наносимый «банковой котерии» и мешавший ей подчинить кучке крупных финансистов интересы и требования каких бы то ни было провинций. Некоторые из защитников проекта со злорадством приветствовали уменьшение могущества венской дирекции. «Я очень хорошо понимаю,—говорил профессор Дунаевский,—что некоторые круги, именно—присутствующие здесь крупные финансисты, поднимают вопли огорчения и жалоб, потому что теперь возникает дирекция в Пеште, и их прежние вассалы становятся независимыми, но я не могу считать это злом». ³ Депутат Клинкаш выступил с осуждением Банка за его неуступчивость перед венгерцами. Банк старался путем интриг добиться от Венгрии признания его привилегии в этой стране, не заботясь о том, как это повлияет на венгерский деловой мир; примером может служить отказ городу Араду в учреждении отделения Банка; вполне понятным следствием этой политики явились теперешние требования венгерцев. По мнению Клинкаша, гораздо важнее, чем введение дуализма в Банке,—сохранение проектом старой, неоправдавшей себя системы банкового управления: должность генерального

¹ Там же, стр. 10.097, 10.138—10.146, 10.151—10.154 и 10.130—10.132.

² Там же, стр. 10.113 и след.

³ Там же, стр. 10.164.

секретаря Банка попрежнему остается постоянной, что ведет к банковому абсолютизму (Клинкош ссылаясь на слова Бэджота, что «постоянный управляющий Английским Банком был бы маленьким монархом в Сити»); абсолютному господству правления и высших служащих Банка может помешать лишь усиление государственного контроля, которое было бы вполне согласно с желаниями населения и с опытом всех банков в Европе.¹

Эти критические нотки, звучавшие в речах некоторых защитников проекта, являлись, как мы увидим далее, отражением целого движения, оппозиционного Банку: они сыграли некоторую роль уже и при выработке устава 1878 года, но в особенности должны были повлиять на его положение и его деятельность в будущем. Впрочем, большинство противников правительственного законопроекта выдвигало против последнего почти исключительно политические возражения. Состав группы этих противников проекта был крайне пестр: к ней принадлежали меньшинство либеральной партии, крайняя левая палаты (венские демократы), правая и славяне. Левые противники проекта выставляли главным образом аргументы в защиту централизации управления и гегемонии немецкой национальности: они говорили, что разделение Банка на две части повредит единству монархии и разумному управлению Банком, требующему быстроты в принятии решений, и что новый устав поведет к бесконечным раздорам как между Банком и правительствами, так и внутри самого Банка. Правая, незадолго перед тем (в 1870—73 г.г.) организовавшаяся в союз клерикально-консервативных элементов, принявший название «партии права» (Rechtspartei), напала на большинство палаты, указывая, что «уравнительное соглашение с Венгрией было сделано либералами»; она упрекала конституционную партию в принятии австро-венгерского договора и в принесении интересов Австрии в жертву венгерцам. Что касается до представителей славянских народностей, то они выступили против законопроекта из вражды к дуализму, как системе, утверждавшей преобладание немцев и мадьяр над другими народностями Австрии; с горечью вспоминая в своих речах слова Андраши, сказанные им в 1867 г. австрийским уполномоченным («пасите свои стада, а мы будем пастись свои»; по другим, это сказал Бейст представителям Венгрии), славяне осуждали дуалистическое преобразование Банка, как новый шаг к подавлению их соплеменников.

При столь обширном контингенте противников законопроекта вполне естественно, что доклад меньшинства комиссии, предлагавший отсрочить прения до момента рассмотрения общего таможенно-торгового договора с Венгрией, был встречен овацией. Докладчик Шауп (конституц. партия) указывал на политическую вредность предлагаемой банковской реформы,

¹ Там же, стр. 10.077—10.081. И по новому уставу, как и по старому, во главе Банка должен был стоять управляющий, но это высокое должностное лицо, кроме представительства, несло лишь обязанности председателя генерального совета, в руках которого собственно находилось управление Банком; исполнительным же органом по отношению к совету и, следовательно, фактическим управляющим Банка являлся генеральный секретарь его.

на ее техническую нецелесообразность и, наконец, на бессилие Венгрии осуществить ее угрозы. Затем ряд депутатов высказался в том же духе.¹ Однако, когда дело дошло до голосования, большинство палаты, уступая «непреодолимой силе обстоятельств», согласилось с большинством комиссии и приняло переход к специальным прениям. В течение этих последних политический вопрос также стоял на первом плане и заслонял собою вопросы чисто-банковской политики и организации; но палата несколько раз обращалась и к рассмотрению проблем, выдвинутых в непосредственно предшествовавшее обсуждению устава время эмиссионной и кредитной деятельностью Банка, при чем и здесь можно отметить проявления некоторой неудовлетворенности, которую широкие общественные круги около этого времени начали ощущать по отношению к деятельности реформированного в 1863 году Банка. Вопросы об усилении контроля государства над Банком с предотвращением, однако, возможности эксплуатации этого кредитного учреждения правительством в интересах казны, об участии государства в его прибылях, наконец, о средствах улучшения эмиссионной организации Банка явились темой довольно оживленного обсуждения. К прениям рейхсрата об эмиссии, происходившим в 1878 г., мы еще будем иметь случай вернуться, здесь же укажем на постановку во время этих прений некоторых организационных вопросов. Палата высказалась за назначаемость не только управляющего Банка, но и его обоих товарищей (по старому уставу, помощники управляющего избирались правлением); инициаторы этого постановления указывали на то, что выпуск Банком билетов, которым государство дало принудительный курс, оправдывает усиление государственного контроля над его деятельностью, при чем один из депутатов (известный экономист Зюсс) подчеркнул, что эта мера усилит и контроль народного представительства над сделками Банка с государством.² Сделки этого рода продолжали оставаться подозрительными в глазах палаты; в 1862 г. считалось достаточным ограничить операции, производимые Банком для государства, учетом векселей, но опыт показал, что и этим можно злоупотреблять: по указанию Нейвирта, австрийский министр занял в Банке уже при действии устава 1863 года 25 миллионов при посредстве представления к учету векселей несолидных (частные фирмы выдавали или акцептировали векселя со специальною целью доставить средства министерству финансов), и часть полученной таким образом ссуды постоянно пролонгировалась; венгерский министр на подобных же условиях занял 12½ миллионов.³ Палата приняла постановление, обусловившее принятие Банком векселей к учету для государства увеличенными кворумом (9 человек) и большинством (2/3) при соответствующем постановлении генерального совета.

Вопрос об участии государства в прибылях Банка не вызвал особых прений, и соответствовавший параграф устава (102) был принят палатой в редакции правительства. Несмотря на то, что вопрос этот мало

¹ См. доклад Шайпа, Sten. Protokolle, VIII Session, стр. 10.059—10.066, и речи многих ораторов между 10.068 и 10.159 стр.

² Там же, стр. 10.286—10.287.

³ Там же, стр. 10.365.

обсуждался, можно утверждать, что много раз указанное выше распространение недовольства Банком сыграло значительную роль в том, что эта мера так легко была принята; недаром Нейвирт указывал в своей речи, что идея участия государства в прибыли Банка, против которой поднималось много голосов в 1862 году, в 1878 году так распространилась, что против нее не слышалось возражений. Совпадение того, что эта идея стала популярной, с увеличением враждебного отношения к Банку в некоторых слоях населения не могло быть случайным, как подтверждается и историей других эмиссионных банков. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть стенографические отчеты французской палаты депутатов за те дни, которые эта палата посвящала обсуждению проектов возобновления привилегий Французского Банка. Там мы найдем громовые речи Пельтана (1892 г.) и Вивиани (1897 г.), подчеркивавших узко-эгоистический характер политики Банка¹ и ненужные стеснения в предоставлении им кредита.² Проекты, внесенные во французскую палату в 90-х годах (Рувье—в 1892 г., Кошри—в 1897 г.), имели, между прочим, целью увеличить выгоду, извлекаемую из Банка государством. До того времени Французский Банк не делал государству никакого взноса в вознаграждение за пользование эмиссионною привилегией; «вознаграждение за привилегию» ограничивалось содействием Банка государству в кассовом деле и дарованием государству постоянной ссуды (которая, впрочем, стала беспроцентной лишь в 1897 г.). Такое положение вызвало резкую критику отношений между Банком и государством, исходившую в особенности от радикалов и социалистов, настаивавших на введении участия государства в прибылях Банка. В 1897 г. Кошри предложил заставить Банк ежегодно вносить государству сумму, изменяющуюся соответственно избыточному (сверх металлического запаса) количеству билетов Банка в обращении; в своей критике этого проекта депутат Вивиани говорил: «Что дает раздел прибылей за границей, и как он производится? Первую часть прибыли относят акционерам, вторую, весьма незначительную, — отчисляют в резервный фонд, а остаток делится поровну между государством и Банком. Если применить эту систему во Франции, что тогда получится? Считая точною цифру в 24 млн., которою измеряется ежегодная чистая прибыль Банка, можно дать акционерам прежде всего $\frac{1}{3}$ прибыли, а остальное разделить между ними и государством; тогда получим, что у государства остается 8 млн. фр., несколько побольше скудного взноса в $3\frac{1}{2}$ млн. фр., предлагаемого нам г. Кошри. Существует ли какой-нибудь принцип, во имя которого можно было бы протестовать против раздела прибылей между Банком и государством? Ведь государство по отношению к Банку является не только покровителем, доставляющим ему материальную и моральную защиту и в обмен за это взимающим налог; государство прежде всего является, действительно,

¹ «Прибыли Банка повышаются каждый раз, когда понижается благосостояние Франции» (речь Мильтерана; см. Journal Officiel. Débats parlementaires. Ch. des dép. Séance du 2 juin 1892, p. 885). Пельтан доказывал это разбором всей истории Банка (там же, стр. 946—948).

² Речь Вивиани (Journal Officiel du 26 mai 1897, p. 1291).

таким покровителем, но, кроме того, по отношению к Банку, оно представляет собою нечто еще большее: мы утверждаем, что оно—хозяин (*maitre*) Банка. Но если вы не хотите идти до крайностей нашей теории, то вы, может быть, решитесь признать, что государство является, по крайней мере, членом ассоциации акционеров. Что приносит государство в этой ассоциации? Оно приносит имеющую столь огромное значение привилегию эмиссии, источник всякого богатства. А что приносят акционеры? Они приносят только жалкий капитал гарантии, не подвергающийся никакому риску, бесплодно лежащий в кассах Банка и помещенный лишь в государственной ренте. И вот этим-то акционерам вы хотите подарить полмиллиарда франков в течение 23 лет; неужели вы не признаете за государством звания члена банкового общества, имеющего право на участие в прибылях, между тем как государство, действительно, является членом этого общества, притом членом могущественным, великодушным, приносящим Банку жизнь, существование, процветание?¹ Впрочем, проект Коффи был все-таки принят и проведен в жизнь.

Обе палаты австрийского рейхсрата и венгерский сейм внесли в правительственный проект в общем незначительные изменения, и 27 июня 1878 года новый устав Банка получил утверждение императора.

Подводя итоги рассмотрению этого устава, мы должны повторить, что самым существенным его нововведением было преобразование Австрийского Национального Банка в дуалистический — «Австро-Венгерский» (употребленное в § 1 правительственного проекта выражение «банковое общество» палата депутатов заменила словами «банк», менее благоприятным для венгерского сепаратизма). В так наз. вступительном законе к уставу постановлялось, что австрийское и венгерское правительства в течение 10 лет не будут пользоваться своим правом на учреждение самостоятельного эмиссионного банка, и что привилегия Австро-венгерского Банка должна существовать с 1 января 1878 по 31 декабря 1887 г.

Общими, объединяющими учреждениями явились в Австро-Венгерском Банке общее собрание и генеральный совет. Общее собрание, состоящее из акционеров, каждый из которых владеет 20 акциями, имеет главную задачей (кроме выборов) рассмотрение и утверждение отчетов Банка. Генеральный совет стоит во главе управления Банком, он состоит из трех назначаемых императором членов (управляющего и его помощников) и 12 членов, избираемых общим собранием. Совет руководит управлением, назначает главных служащих, выносит решения об открытии отделений и дает общие указания относительно ведения операций. Единство в деятельности Банка обеспечивается существованием единого банкового билета, единым учетным и ссудным процентом (он устанавливается генеральным советом), единым регулированием покрытия билетов (наблюдение за этим покрытием лежит на обязанности избираемого генеральным советом исполнительного комитета, который и вообще в случае необходимости может принимать неотложные меры

¹ Journal Officiel, 1897, p. 1293.

по управлению Банком), и, наконец, единство это обеспечивается упомянутым правом генерального совета на общее руководство управлением.

Дуалистический элемент представлен в Банке двумя особыми дирекциями (каждая из 8 членов, избираемых общим собранием и генеральным советом) и двумя главными конторами Банка; дирекции назначают дотации своим отделениям, определяют кредитоспособность отдельных фирм и лиц и назначают цензоров. Кроме того, дуализм выразился в подчинении эмиссионно-банкового дела законодательству обеих частей монархии: для изменения устава нужно согласие обоих законодательных собраний. Таким образом принципы дуализма были вполне проведены в банковском уставе, и в этом отношении венгерцы добились осуществления своих требований; но зато другое требование венгерцев—о проведении в уставе полного равенства между обеими половинами монархии и их гражданами—осталось неосуществленным: преобладание в Банке осталось за австрийцами, имевшими большинство в общем собрании акционеров.

В остальном устав 1863 года потерпел очень мало изменений. Даже столь крупный вопрос, как организация эмиссии и система покрытия, несмотря на то, что количество противников существовавшей системы все росло, был почти совершенно оставлен в тени вследствие выступления на первый план политических споров. Важным отличием от мер, проведенных в 1863 году, был отказ банковского закона 1878 года от надежды на быстрое восстановление размена: последний не должен был производиться впредь до отмены принудительного курса государственных билетов. Но это изменение было естественным следствием событий предшествовавших двенадцати лет и диктовалось всем положением денежного обращения в монархии.

Новые законы затронули еще одну крупную область касающихся Банка вопросов, именно отношения между Банком и государством. Вслед за утверждением устава были заключены два соглашения: одно—между правительствами обеих частей монархии, другое—между этими правительствами—с одной стороны и Банком—с другой,—которыми был, наконец, разрешен спор о государственном долге Банку: составлявшая этот долг ссуда в 80 млн. была оставлена государству на все время привилегии, без всяких процентов (Банк отказался от претензий на восполнение своего дивиденда даже за 1868 год, сделав таким образом уступку в тянувшемся долго споре), но подлежала постепенному погашению посредством оставления Банку тех долей прибыли, которые должны были бы поступать государству; по истечении же привилегии, если последняя не будет продолжена на новый срок, долг государства Банку должен быть окончательно погашен (Венгрия должна была уплатить 30% погасительной суммы, хотя и с рассрочкою на 50 лет). Третье соглашение обязывало Банк назначить венгерским отделениям дотацию в 50 млн. гульд. в год и учредить в Венгрии 10 (в Австрии—5) новых отделений. Крупнейшим нововведением в области отношений между Банком и государством было постановление устава 1878 г. о введении участия государства в прибыли Банка: из чистого дохода Банка прежде всего должно было отчисляться 5% (на капитал)

в дивиденд акционеров; 10% излишка поступает в резервный фонд, после чего из оставшейся суммы дивиденд пополняется до 7%, а остаток делится пополам между государством и акционерами. В остальном отношения между государством и Банком остались без изменения: парламент не мог не констатировать, что разрыв связи между Банком и государством, проведенный в 1863 году, благоприятно отразился на положении первого, и поэтому независимость Банка и организация государственного надзора были оставлены в прежнем виде; исключением явились лишь введение назначаемости помощников управляющих и некоторое усиление строгости постановлений об условиях приема к учету векселей, представляемых государством.

II.

Одновременно с развитием событий, относившихся к австро-венгерскому спору о Банке, в эмиссионной и кредитной деятельности последнего назревали свои проблемы, для рассмотрения которых нам придется вернуться к обзору политики Австрийского Национального Банка при уставе 1863 года. Этот банковый акт преследовал, как нам известно, двойную цель: он возложил на Банк задачу приготовления условий, при которых можно было бы восстановить размен билетов на металл, и, кроме того, ввел постоянное контингентирование эмиссии с целью предотвратить злоупотребления последней. Результатом этого должна была явиться рестриктивная эмиссионная политика, проведение которой не замедлило отразиться на развитии банковских операций и на интересах clientela.

В сущности уже к 60-м годам в самой Англии выяснились недостатки не только всей созданной пилевским актом эмиссионной организации, но и, специально, принципа прямого контингентирования выпуска билетов. Уже тогда многие лица приходили к убеждению, что строгая регламентация эмиссии чрезур сильно связывает Банку руки и этим самым ведет к обострению кризисов. В 1857—58 годах сам управляющий Английским Банком Нив должен был признать, что если бы в 1857 году не получилось разрешения правительства о выпуске билетов сверх установленной законом 1844 г. нормы, Банк должен был бы приостановить размен.¹ В рассматриваемые нами десятилетия внимание английского общества было два раза привлечено к тому, что со времени издания закона 1844 года обстоятельства резко изменились, и что этот закон теперь далеко не выполняет своего назначения. Впервые это было подчеркнуто отчетом особой комиссии 1857—1858 г.г., назначенной для исследования результатов законов о банках и причин коммерческого кризиса. В докладе, представленном этой комиссией парламенту, указывалось, что «в банковом деле страны наблюдается новая черта. Акционерные банки в Лондоне, все более сильно конкурируя с банкирскими фирмами, стали накапливать в своих руках крупные депозиты, привлекая их уплатою соответствующего процента. 8 июня

¹ Report of the Select Committee appointed to inquire into the operations of Bank Acts of 1844 and into the causes of the recent commercial Distress, 1857—1858, стр. 17.

1854 года акционерные банки были допущены в расчетную палату, и скоро после этого окончательный расчет по взаимным требованиям их был перенесен на Английский Банк. Ежедневные расчеты осуществляются теперь путем перенесения по счетам, которые отдельные банки держат в этом учреждении».¹ Составители этого доклада не решились сделать тот вывод, что новая организация обращения сложилась в значительной степени под влиянием эмиссионных стеснений закона 1844 г. и представляет собою непредвиденные этим законом и обостряемые им опасности; комиссия слагает ответственность за остроту кризиса на злоупотребления отдельных банков, хотя сама же указывает при этом, что спекулянты нисколько не были стесняемы ограничением эмиссии, так как были уверены, что в критический момент действие пилевского акта будет приостановлено.²

В гораздо более ясной форме это изменившееся положение было через 15 лет очерчено В. Бэджготом в его наделавшей много шума книге „Lombard Street“ (1873 г.). Смысл и содержание этой книги состоят в указании на то, что закон 1844 года совершенно не предупредил самых жестоких потрясений кредитного рынка: закон этот имеет целью регулировать выпуск банковых билетов и устранить его опасные стороны: все внимание споривших об этом законе обращено исключительно на эмиссию, а между тем опасный пункт уже давно переместился. Обращение совершается теперь путем чеков и перенесений по текущим счетам: эти новые средства обращения представляют собою лишь способы распоряжения вкладами в депозитные банки, а все обязательства банков по этим вкладам обеспечены лишь крайне недостаточным наличным запасом Английского Банка. При обычных условиях Английский Банк может предупреждать уменьшение этого запаса, регулируя кредитный рынок посредством изменений своего учетного процента, так как рынок не может обойтись без помощи Банка. Но, когда доверие на рынке начинает колебаться, требования к банкам о возврате вкладов, а вслед за тем и требования к Английскому Банку, могут возрасти до такой степени, что Банк при его недостаточном наличном запасе будет поставлен в опасное положение. Единственной предупредительной мерой, которая может быть принята Банком, является удовлетворение нужды рынка в средствах, могущее оказаться действительным средством в борьбе с распространением недоверия; здесь-то и выступают дурные стороны акта 1844 года, ставящего препятствия для расширения эмиссии, а вместе с тем и активных операций, так что выход из затруднений дается только вмешательством государственной власти.

Итак, закон 1844 года с его механическим воздействием на обращение создал многочисленные опасности для английского кредитного рынка, а в ближайшем счете и для обеспеченности банковских билетов. Так как единственным коррективом создавшегося положения был отказ от принципов этого акта в серьезный момент, то у английских практических

¹ Там же, стр. IV—V.

² Там же, стр. XXI.

деятелей и теоретиков явилась мысль о введении в акт поправки, позволяющей отсрочивать действие этого акта при наступлении известных условий. Эта мысль, представляющая собою в сущности косвенное осуждение акта 1844 года, была выдвинута уже докладом комиссии 1857—58 г. г., подчеркнувшим, что «должны быть установлены условия, на которых может быть допущен выпуск банковых билетов во время угнетения на рынке»; впрочем, доклад отказался точнее формулировать это предложение, пока законодатель не пересмотрит всех относящихся к эмиссии вопросов.¹ В 1873 году канцлер казначейства Лоу выступил с проектом урегулирования права Банка увеличивать эмиссию за пределы, установленные законом в 1844 году; условиями такого права на увеличение эмиссии он поставил достижение учетным процентом Банка 12%, благоприятное для Англии состояние вексельных курсов и появление паники на рынке. Однако, проект этот был осужден на успех, так как было ясно, что необходимость отсрочки закона должна наступить уже при гораздо менее исключительных обстоятельствах. Как увидим далее, поставленную таким образом проблему скоро вслед за этим разрешило германское эмиссионное законодательство, оказавшее потом влияние и на регулирование эмиссии в Австро-Венгрии. В Англии же предпочли удержаться не оправдавшую себя систему пилевского акта, парализуя ее дурные последствия осторожной банковской политикой, а в критические моменты — и отказом от идеи механического регулирования эмиссии, при чем решение вопроса о своевременности такого отказа от этой идеи предоставлялось усмотрению банковского правления и государственной власти.

Этот опыт пришлось пережить и Австрийскому Национальному Банку. И он должен был после закона 1863 г. проявить заботу о том, чтобы его активные операции не приняли таких размеров, которые могли бы угрожать чрезмерным расширением эмиссии. Уже в годовом отчете за 1863 год правление указало общему собранию акционеров, что задачей Банка, в интересах спокойного перенесения трудностей переходного периода, было и остается беспрепятственное продолжение его прежних усилий, направленных к восстановлению валюты. Возобновление размена, — продолжало правление, — приблизилось еще на год, и поэтому пора «напомнить деловому миру, что Банк на пути к этой конечной цели не может удовлетворять все требования». При этом подчеркивалось, что это в особенности относится к ссудам под обеспечения, так как эти ссуды имеют тенденцию к пролонгациям, а требования по ним не обладают тою степенью реализуемости, которая необходима для обеспечения банковых билетов.

Удобнейшим средством для ограничения активных операций являлось повышение учетно-ссудного процента, и, действительно, процент, сохранявшийся Банком в течение всего того периода, который был ознаменован надеждами на быстрое возобновление размена, составлял 5% в учетной и 5½% в ссудной операциях, тогда как обычною ставкою

¹ Report of the Select Committee 1857—1858, стр. XXVI—XXVII.

в предыдущее время, в течение 23 лет (с 1833 по 1856) и совсем не изменявшаяся, было 4%. Правда, за эти первые четыре года действия устава 1863 г. Банк не прибегал к дальнейшему повышению процента, но это объяснялось особенностями тогдашнего положения Австрии: до 1868 г. экономическая жизнь этой страны шла крайне вяло, ряд неблагоприятных событий на внешнем и внутреннем рынках тяжело отражался на хозяйственной деятельности, и царила общая депрессия. Требования, предъявляемые к Банку, не были поэтому в это время очень велики, и Банк мог ограничиться поддержанием указанного процента.

Однако, регулирование эмиссии, введенное в 1863 году, заставило его провести еще одну меру по ограничению кредита, восполнившую воздействие его дисконтной политики. После того, как количество выпускаемых банком билетов было строго ограничено законом, оказалось необходимым нормировать предоставление кредита отделениями Банка, чтобы бессистемное открытие последними кредитов не привело к переходу установленной законом границы эмиссии. Выход был найден в создании системы нередко упоминавшихся выше дотаций. Дотациями назывались не те кассовые средства, которые получались каждым отделением Банка в его распоряжение, так как в состав кассовых ресурсов входили и средства, нужные для обмена банковых билетов, для оплаты переводов, переходящие суммы и пр.: отделение Банка отнюдь не имело права пользоваться для своих активных операций всем запасом своих касс; правление Банка назначало каждому отделению его дотацию, т.е. определяло границу, до которой это отделение имеет право открывать кредиты в учетной и ссудной операциях (с установлением максимального размера отдельного кредита). Дотации назначались раз в год и повышались в течение года лишь в случае заметного хозяйственного подъема, по специальной просьбе отделения; если отделение не использовало всей своей дотации, то остаток ее, по распоряжению правления, мог передаваться другому отделению. Вынужденный в 1863—1865 г.г. обращать поступающие к нему от правительства суммы на сокращение количества билетов в обращении (и на увеличение металлического запаса, а также и на приобретение иностранной валюты, которая, впрочем, по уставу 1863 года, зачислялась не в металлическое, но в банковое открытие билетов), Банк в это время должен был с крайней осмотрительностью устанавливать размер общей суммы дотаций, тем более, что нужно было оставить еще значительную часть ресурсов на долю кредитов, предоставляемых главной конторой в Вене. Даже тогда, когда в середине 60-х годов обращение банковых билетов было введено в рамки закона 1863 г., максимальной суммой, стоявшей в распоряжении Банка для дотаций и для кредитов Венской конторы, являлся контингент непокрытых металлом билетов, установленный законом, так как расширение покрытого металлом обращения требовало выпуска банкнот на увеличение металлического запаса, а собственные средства Банка (акционерный капитал) были в сущности отданы в ссуду государству. Но и контингент непокрытых билетов не мог в обычное время использоваться Банком в его активных операциях целиком: необходимость позаботиться о моментах внезапного обострения нужды рынка

в средствах, при существовавшем ограничении непокрытой эмиссии твердою цифрою и, следовательно, при отсутствии в ней всякой эластичности, заставляла Банк постоянно поддерживать непокрытую металлом сумму билетов в обращении на цифре более низкой, чем 200 млн. гульденов (сохранять т. н. «резерв банковых билетов» — *Notenreserve*, или по нашей позднейшей, неточной терминологии — «эмиссионное право»). Все это вызывало ограничение активных операций Банка, хотя последний и старался по возможности смягчить эти последствия акта 1863 г. использованием различных иных своих ресурсов (при небольшом размере средств, поступавших на его текущие счета, такими ресурсами являлась главным образом часть сумм, вносимых ему государством в уплату долга, и затем средства, освобождавшиеся им из ипотечной операции).¹

Во всяком случае Банк принимал все меры, чтобы не сокращать и по возможности даже расширять свою учетную операцию, стремясь лишь соблюдать в развитии этой операции известную осторожность. Национальному Банку было теперь и невыгодно сильно стягивать свою учетную операцию: он рисковал при этом уступить поле действия своим конкурентам, так как с шестидесятих годов в Австрии стали возникать и развиваться акционерные банки. Иным было отношение Банка к ссудной операции: уже с 1861 г. Банк стал отказывать в пролонгации ссуд и вообще направил усилия к сокращению ссуд под обеспечение. Побуждало его к этому то соображение, что ломбардные требования далеко не являются столь же подходящим покрытием для банковых билетов, как векселя: недостаточно, чтобы заложенная ценная бумага была солидной, нужно еще, чтобы она была и легко-реализуемой, что в значительной степени зависит от состояния рынка; между тем способность рынка принимать бумаги ослабляется, если Банк выступает с принудительным отчуждением последних. Кроме того, указывалось, что расширение ссудной операции идет на пользу преимущественно спекулянтам, так как торговля и промышленность не обладают таким запасом ценных бумаг, чтобы большими массами закладывать их в Банк. Представители Банка ссылались и на опыт иностранных эмиссионных банков, ограничивающих ссудную операцию 10—15% всей затраты на учет и ссуду, при чем иногда (как в прусском уставе 1845 года или в германском 1875 года) эта граница прямо устанавливается законом.¹

¹ См. десятилетние отчеты Лукама (*Lusam. Die österreichische Nationalbank während der Dauer des dritten Privilegiums. Wien. 1876, стр. 23—25*), Леонгардта (*Leonhardt. Die Verwaltung der öst.-ung. Bank 1878—1885, 1886, стр. 31—35*) и Мecenзеффи (*Mecenseffy. Die Verwaltung der öst.-ung. Bank 1886—1895, Wien, 1896, стр. 19—22*) а также Кауфман (*Бумажные деньги в Австрии*), стр. 86.

¹ Десятилетний отчет Лукама, стр. 20—22; *Neuwirth, Bankacte und Bankstreit*, стр. 100.

Следующая таблица показывает развитие коммерческих операций Австрийского Национального Банка, начиная с конца 50-х годов (в млн. гульд.):

В конце года	Учет векселей	Ссуды под цен. бумаги	Итого
1859	35,1	55,6	90,7
1860	58,1	54,2	112,3
1861	61,2	56,1	117,3
1862	66,9	54,4	121,4
1863	89,1	50,7	139,9
1864	95,5	51,4	146,9
1865	106,8	43,2	150,1
1866	38,8	30,3	69,2
1867	77,0	25,0	102,1

Таким образом, для первой половины 60-х годов может быть отмечено сдержанное развитие учетной операции и решительное сокращение операции ссудной. В 1866 году известные уже нам события, в особенности выпуск государственных бумажных денег, повели к сильному сокращению обеих главных активных операций Банка. Последний оставил свою прежнюю политику и под страхом падения своих доходов (которые, как мы уже знаем, в середине 60-х годов были ниже установленной в 1863 г. нормы) вынужден был обратиться к понижению процента: в промежуток времени с 10 декабря 1866 г. по 15 июня 1867 г. учетный процент сведен до 4%, ссудный—до 5% (понижение проводилось постепенно). Доходы Банка, как мы знаем, все-таки падали, и расширение круга действий Банка по упомянутому выше приказу 30 октября 1868 г. сопровождалось дальнейшим понижением ссудного процента (до 4½%).

Но в 1868 году началось оживление экономической жизни. Нельзя отрицать роли, которую сыграл в этом оживлении инфляционный момент; в самом деле к этому времени, благодаря начавшемуся с 1866 г. выпуску государственных бумажных денег, денежное обращение в стране сильно увеличилось, как показывают следующие данные о среднем годовом обращении (млн. гульд.):

Годы	Банковых бил.	Гос. бум. денег	Итого
1863	397,7	—	397,7
1864	386,4	—	386,4
1865	350,4	—	350,4
1866	316,8	158,3	475,1
1867	243,8	270,2	514,0
1868	245,7	297,2	542,9
1869	294,1	305,3	599,4
1870	287,8	326,2	614,0
1871	296,3	361,2	657,5
1872	309,1	375,9	685,0
1873	334,9	367,7	702,6 ¹

Однако, оживление было не вполне болезненным: примирение с Венгрией, урожай, подъем экспорта повели за собою увеличение государственных доходов, прекращение непрерывного обращения к рынку

с государственными займами и повышение курса ценных бумаг. Последствиями этого были выпуски новых ценных бумаг на рынок, оживление жел.-дорожного строительства, расширение товарооборота и подъем во многих отраслях промышленности. Как всегда бывает в такие периоды, потребность в банковском кредите стала ощущаться торговлею и промышленностью очень остро, обращения к Национальному Банку все возрастали, и обе его главные активные операции стали увеличиваться. Но уже со второй половины 1869 г. общее повышательное движение стало довольно явно принимать спекулятивный характер, и Банк стал все яснее сознавать, что кредитные учреждения обращаются к нему за переучетом своего портфеля, чтобы обратить выручку на приобретение все новых ценных бумаг, курс которых повышался, между тем как целью возникновения предприятий нередко была лишь реализация акций по непомерно-вздутой цене и распределение выигрыша от этой реализации между учредителями. Сознавая, что удовлетворение возраставших требований о кредите может повести, во-первых, к выпуску билетов, обеспеченных недостаточно солидным покрытием, и, во-вторых, к нездоровому оживлению, грозящему общим кризисом, Банк поднял в июле свой ссудный процент до 5%, а в августе учетный—до 5, а ссудный—до 5½%.

Но повышение процентов не могло остановить спекуляцию; как давно замечено, такое повышение менее эффективно воздействует на спекулянтов, чем на лиц, предприятия которых рассчитаны на нормальные условия и постоянное существование, так как люди, ведущие азартную игру, более склонны платить высокий процент. Поэтому в последующие годы спекулятивная горячка в Австро-Венгрии развивалась далее, поддаваясь известному колебательному движению в зависимости от общей конъюнктуры. Спекуляция пользовалась всяким событием, которое могло дать надежду на дальнейшее экономическое оживление и на повышение курса ценных бумаг, чтобы поднимать свои волны все выше и выше и захватывать все новые области экономической жизни. Но ежегодно, под влиянием каких-либо происшествий противоположного характера, в этом повышательном движении спекуляции обнаруживалась заминка, банки начинали сокращать кредит, увеличивалось число банкротств, и доверие начинало колебаться; тогда почти единственным источником кредита оставался Национальный Банк, и все требования о кредите обращались к нему. Вот в эти-то моменты—и притом каждый год со все большей остротой—перед Национальным Банком становилась дилемма, вытекавшая из подчинения его эмиссионной политики принципу прямого контингентирования эмиссии: отказ в кредите в эти моменты мог вызвать острый кризис, а расширение кредита наталкивалось на суровые предписания о покрытии, ставившие для эмиссии непереходимые границы.

В течение нескольких лет Австрийский Банк находил исход из этого положения в применении мелких средств увеличения своего металлического запаса и в обращении на свои активные операции некоторых доступных ему ресурсов. Когда уже в 1868 и в 1869 годах обнаружилась недостаточность т. н. резерва банковых билетов в виду растущих

требований о кредите, Банк прибег к реализации части приобретенных им иностранных векселей (девиз); приобретение последних начато им с 1865 г. (Банк тяготился бездоходностью своего металлического запаса), но, так как, по уставу 1863 г., девизы в металлическое покрытие банковых билетов не зачислялись, увеличение выпуска билетов сверх контингента оказалось возможным лишь благодаря реализации девиз (запас последних в 1866 г. достиг 43,5 млн. гульд, а к концу 1869 г. понизился до 30,5 млн.). В 1870 г. потрясение рынка было вызвано франко-прускою войною; всеобщее обращение к Банку за кредитом столкнулось с почти полным истощением резерва банковых билетов (19 июля). В то же время вследствие военных действий оказалась невозможной и реализация девиз; тогда—в виде временной меры (отмененной 11 марта 1871 г.)—было проведено зачисление девиз в металлическое покрытие билетов до суммы в 33 млн. гульд. (28 июля), что позволило распырить эмиссию; одновременно учетный процент был поднят до 6, а ссудный—до $6\frac{1}{2}$ (22 июля). 1871 год, принесший окончание войны и получение Германией крупной контрибуции, вызвал в Австро-Венгрии оптимистические надежды на прилив иностранных капиталов и был поэтому озаменован новым спекулятивным подъемом; но, когда выяснилось, что расчеты на прилив капиталов оказались ошибочными главным образом вследствие того, что расстроенная валюта монархии ставила ее в изолированное положение на рынке, вновь повторились явления предшествовавшего года, и все опять обратились к Национальному Банку, как к последней опоре кредита. Повышение учетного и ссудного процентов (на $\frac{1}{2}\%$) и реализация девиз оказались уже недостаточными, и Банк (хотя он и опасался поощрить этим развитие арбитража) был вынужден с надлежащего разрешения ввести выдачу ссуд под залог золота и серебра¹ (по уставу 1863 г., такие ссуды могли выдаваться Банком лишь по возобновлении размена); ссуды эти не получили значительного развития, но облегчили возможность расширения эмиссии.

Между тем размах спекуляции становился все более широким и сопровождался все более сильными реакциями; Банк продолжал держаться прежней политики, стараясь воздействовать на спекуляцию высоким процентом, но не отказывая в удовлетворении требований о кредите в такие моменты, когда такой отказ мог бы создать потрясения рынка. Впрочем, в конце 1871 г. и в марте 1872 г. он понизил учетный процент (с $6\frac{1}{2}$) до 6 и затем до 5%, а ссудный [(с $7\frac{1}{2}$)—до 7 и 6%] и одновременно обратил на активные операции средства своего резервного фонда, реализовав для этого привилегированные облигации общества Тейской железной дороги (на 15 млн.), служившие помещением для этих средств. Хотя в июне 1872 г. Банк вновь поднял свой учетный процент до 6, а ссудный—до 7, кредитная политика, проводившаяся им в первой половине 1872 г., навлекла на него

¹ Мера эта, как увидим далее, дала толчок постепенному преобразованию металлического запаса Банка из серебряного в золотой. См. *Mecenseiffy, Bericht über den Goldbesitz. Wien, 1898 г., стр. 76—7; Paul Pacher, Die Bank- und Valutafrage. Wien, 1872, стр. 26—32.*

обвинения в поощрении спекуляции с целью увеличения банковских доходов (дивиденд составлял в 1870 г.—8,75%, в 1871 г.—9,66%, в 1872 г.—10,73%).

Вслед за тем наступил новый и последний подъем спекуляции; по примеру прошлых лет можно было ожидать затем наступления реакции, которая должна была вызвать всеобщее недоверие и поставить всю хозяйственную деятельность страны на край пропасти, с которого увести ее могла только достаточная, хотя и осторожная раздача кредита Национальным Банком. Вопрос заключался в том, будет ли Национальный Банк обладать возможностью в этот момент расширить свой кредит,—окажутся ли опять достаточными мелкие средства, позволявшие Национальному Банку расширять его эмиссию, не выходя из границ банковского акта 1863 года, или же окончательно обнаружится невозможность выйти из затруднений, сохраняя ограничивающие эмиссию постановления устава.

Во второй половине 1872 и начале 1873 года спекулятивное движение достигло своего апогея, и уже с несомненною ясностью выступили те признаки, которые характеризовали полное вырождение экономического подъема, начавшегося в конце шестидесятых годов: как сказано выше, подъем этот в значительной степени был обязан своим возникновением политическому обновлению, урожаям и улучшению государственных финансов; однако, оживлению в значительной степени содействовал и выпуск бумажных денег, производившийся в бюджетных целях, а такого рода экономическое оживление, по известному сравнению, напоминает возбуждение, производимое в организме алкоголем, и так же, как это возбуждение, сменяется наступающим через некоторое время упадком сил.

Но, как бы то ни было, подъем курса ценных бумаг вызвал прежде всего основание ряда акционерных обществ, имевших целью удовлетворение действительных нужд страны. В их числе на первом месте стояли железнодорожные общества, затем последовало возникновение большого количества строительных обществ, задачей которых было удовлетворение сильно чувствовавшейся в Вене жилищной нужды; выпуск большого количества акций подал мысль о более разумной организации посредничества на бирже перенесением его в область ассоциации, и в этих целях стали основываться маклерские банки; за ними последовало создание многих других обществ. Ход развития спекуляции состоял в том, что основание новых обществ и деятельность старых все более отрывались от здоровой почвы. Новые предприятия, особенно строительные, стали основываться главным образом для спекуляции на собственных акциях путем усиленного вздувания их цены—в целях реализации их с большим выигрышем или передачи их посредством репортной операции маклерским банкам. Последние же обещанием высокого процента привлекали к себе мелких вкладчиков, деньги которых обращали на биржевую игру, принимая по непомерно высоким курсам ценные бумаги сомнительного качества. Таким образом, с одной стороны, в спекуляцию втягивались, через банки, все более широкие слои населения, а с другой—прибыли спекулянтов все росли, создавались богатства.

получались места и почести, и это служило приманкой для других предпринимателей, видевших, чего можно достичь соединением капиталов и широким использованием кредита. Отсюда—развитие беспредельного грюндерства, не считавшегося ни с размером средств, которые в действительности могли быть получены предприятиями, ни с финансовым положением страны, ни с возможностью конъюнктурных колебаний; хотя нередко при этом публиковались программы, которые скоро вслед за этим признавались игрою фантазии, публика стремилась принять участие в новых предприятиях, и тройная, даже десятикратная подписка на выпускавшиеся акции была обычной.¹

От открытия всемирной выставки в Вене (в мае 1873 года) ожидали еще большего оживления на бирже. Но уже в апреле начало распространяться недоверие ко многим промышленным бумагам. Начались затруднения со сбытом ценных бумаг, а вслед за этим для маклерских банков, поместивших привлеченные ими средства в эти бумаги, создалось крайне тяжелое положение, так как они не могли удовлетворять вкладчиков. Это дало новый толчок развитию кризиса. 8 и 9 мая биржа находилась под господством ужаса в виду страшного обесценения бумаг (с 1 по 9 мая общие потери на курсе составили четверть миллиарда) и банкротства маклерских банков и иных спекулирующих фирм (в течение трех дней произошло 150 банкротств). Сначала кризис носил характер исключительно биржевого, но, так как в спекуляцию были вовлечены обширные слои населения, и банкротства маклерских банков повлекли за собою гибель сбережений многих лиц, недоверие получило гораздо более широкое распространение; в перспективе рисовались полное прекращение кредита и необходимость уже для чисто торговых и промышленных предприятий приостановить платежи. Предотвращение этого было возможным лишь в том случае, если кредитная система страны найдет достаточную опору в Национальном Банке, который должен был бы удовлетворением солидных требований о кредите водворить спокойствие на рынке. Между тем резерв банковых билетов в Национальном Банке быстро уменьшался: 7 мая он составлял еще 21,9 млн., а 14 мая—уже только 13,3 млн.; рассчитывать на применявшиеся в последние годы мелкие средства было уже нельзя: запас деиз в Банке составлял в это время всего 4,3 млн., а надеяться на широкое развитие ссуд под металлы не позволял опыт недавнего прошлого (золота в стране было не так много, да и сам Банк, из опасений поощрить спекуляцию с металлом, требовал по такого рода ссудам слишком высокий процент). Не оставалось иного выхода, как, идя по следам Английского Банка, приостановить действие постановлений банковского устава.²

¹ Neustadt, Die Suspension der österreichischen Bankacte und deren Wiederherstellung, Wien, 1875, стр. 2; см. также Neuwirth, Die Spekulationskrise von 1873, Leipzig, 1874, стр. 22—26.

² Впрочем, мнения современников относительно неизбежности этой меры сильно расходились. Рестрикционисты, сторонники акта 1863 г., находили, что кризис 1873 г. был вызван только биржевой спекуляцией и ограничился лишь биржей; приостановки действия акта, по их мнению, добились влиятельные лица, заинтересованные в биржевой спекуляции;

14 мая 1873 года появился императорский указ, давший Национальному Банку право учитывать векселя или выдавать, согласно уставу, ссуды под залог ценных бумаг, не будучи относительно выпускаемых для этой цели билетов связанным суммой, указанной в § 14 устава; таким образом Банк получил возможность выпускать в обращение непокрытые металлом билеты сверх контингента. В переданной Банку накануне ноте министра финансов (де-Претиса) говорилось, что, проводя эту меру, правительство руководится только одним намерением: «посредством этой чрезвычайной и, само собою разумеется, ограниченной лишь временем крайней необходимости меры избежать потрясений доверия в платежеспособных и заслуживающих кредита кругах и предотвратить этим крупные опасности»; «я думаю,—прибавлял министр,—что досточтимый Национальный Банк воспользуется предоставленным ему правом только постольку, поскольку это нужно для избежания серьезных замешательств». Действительно, задача, стоявшая перед Банком, понималась им так, что на нем не лежит обязанность «гальванизировать» спекуляцию. В десятилетнем отчете Банка говорилось: «Банк старался пользоваться полученным правом осторожно, но все-таки так, чтобы не оставить полученного полномочия без осуществления; он стремился приложить находящиеся в его распоряжении средства как к учетной и ссудной, так и к ипотечной операции, принять во внимание все факторы обращения и дать поддержку как рынку ценных бумаг, так и отдельным владельцам их и кредитным учреждениям». ¹ Последнее, разумеется, в полной мере было неосуществимо: владельцы ценных бумаг, созданных спекуляцией, уже нельзя было спасти. Но Банк направил свои основные усилия на спасение того, что было более жизнеспособно: отказавшись войти в синдикат, основанный с целью приостановки биржевых эскекуций и создания спроса на ценные бумаги, Банк не ставил препятствий для кредита под солидные векселя и такие же ценные бумаги: он не повысил процента, который еще до биржевого краха, именно с 21 марта, был установлен им по учету в 5%, а по ссудам—в 6%; главное внимание было обращено Банком на рассмотрение качества векселей и бумаг. Стремление Банка использовать полученное им 14 мая право не в интересах биржевой спекуляции видно из того, что в течение первых недель после приостановки действия акта,

общий же интерес вовсе ее не требовал (см. Neuwirth, Die Spekulationskrise, стр. 213—218, 220—221 и 223—242, а также другую его работу: Bankakte und Bankstreit, стр. 345—346). Но другие указывали, что приостановка действия § 14 произошла как раз в тот момент, когда крупнейшие банки Вены стали приостанавливать выдачи—не вследствие недостатка в капиталах, а лишь вследствие недостатка в банковых билетах.—и только эта приостановка § 14 помогла преодолеть кризис (Neustadt, Die Suspension der Bankakte, стр. 12—22, 28 и 34). В самом деле, если мы припомним всевозможные способы, к которым Банку приходилось прибегать для расширения своей эмиссии в критические моменты 1869—1872 г.г., и ознакомимся с дальнейшим функционированием системы прямого контингентирования в Австро-Венгрии, для нас станет несомненным, что, чем бы ни был вызван кризис 1873 г., для предотвращения еще больших бедствий необходимо было устранить непреходимую границу эмиссии.

¹ L u c a t, отчет, стр. 87.

т.-е. в самые черные дни биржи, он расширял свою эмиссию очень умеренно: только в конце первой недели выпуск непокрытых металлом билетов превысил контингент на 1,4 млн. (металлический запас—143,1 млн., билетов в обращении—344,5 млн. гульд., по отчету 21 мая); со следующей недели превышение контингента исчезло, появился резерв банковых билетов, выросший к 18 июня до 9,5 млн. гульд. В течение 25 недель (14 мая—8 октября) граница контингента была перейдена только три раза и самое большее на 9,2 млн. Только впоследствии, когда общий упадок экономической жизни стал стражаться сильнее на общем состоянии кредита, Банк начал расширять свою эмиссию за пределы контингента каждую неделю.

Кризис 1873 года имел неисчислимые последствия и для экономической и для политической жизни Австро-Венгрии. Он надолго скомпрометтировал идею необходимости промышленного оживления в стране, поселив в населении страх не только перед биржевой спекуляцией, но и перед всяким движением на рынке ценных бумаг. Во время кризиса много мелких сбережений было увлечено крушением спекулировавших банков, и с тех пор у широких слоев населения появилось отвращение к помещению своих средств в промышленные бумаги. Разумеется, такое настроение мелких капиталистов не замедлило отразиться на промышленности, развитие которой с этих пор пошло крайне вялым темпом. Количество промышленных акционерных обществ резко уменьшилось: между тем как в период спекуляции было создано 682 акционерных общества, в 1878 г. таких обществ оставалось только 292. Движимый капитал стал самой непопулярной экономической силой в стране, так как его злоупотреблениям обязан был своим возникновением биржевой кризис. Недоверие к банкам повело к тому, что операции их перестали развиваться: немногие крупные акционерные банки (Англо-австрийский, Венская банковая ассоциация и др.) могли перенести сужение операций; банкирские фирмы были поставлены в невозможность вести свое дело; основание новых банков прекратилось (за два следующих десятилетия в Вене был основан только один банк). Лозунг движимого капитала—экономическая свобода—вызывал теперь в Австро-Венгрии широкого-распространенную враждебность: находили, что эта свобода может повести только к необузданной биржевой игре и к обогащению богатых спекулянтов путем эксплуатации менее состоятельных групп населения. Наибольшую поддержку общественным кругам, пользовавшимся влиянием на государственную жизнь, могли теперь встретить только те экономические программы, которые обеспечивали интересы владельцев мелких сбережений. Борьба с капитализмом, выставленная такими программами в качестве лозунга, не являлась движением трудящихся против предпринимателей: вследствие общей отсталости страны и слабого развития промышленности, в те времена в Австро-Венгрии не было еще организованного рабочего движения, да и цензовая избирательная система исключала возможность выхода представителей труда на политическую арену; социал-демократическое движение стало развиваться лишь в 80-х годах и вначале долго должно было бороться с репрессиями. Носителями антикапиталистических тенденций в семидесятых годах были,

с одной стороны, землевладельцы, а с другой—представители мелкой буржуазии, мелко чиновничества и ремесленников; напуганные злоупотреблениями века индивидуализма, многие стали обращать свои взоры к прошедшему и искать в нем идеала такой организации, которая охраняла бы «мелких людей»; разрешение этой задачи думали найти в возрождении цехов и сословной организации. Весьма быстро эта перемена отразилась и на политическом положении: защитники экономической свободы, вербовавшиеся в среде крупной и средней буржуазии, постепенно теряли свое политическое влияние, а вместе с тем пошли на ущерб и идеи политического либерализма; конституционная партия скоро лишилась большинства в палате депутатов, уступив преобладание правым, а частью и новой партии, представлявшей интересы «мелкого человека» (сначала ее сторонники получили название «венских демократов», а затем они организовались в христианско-социалистическую партию); с первым проявлением этой политической эволюции нам уже пришлось столкнуться в рассказе о прохождении устава 1878 года.

Австрийский Национальный Банк должен был живо испытать на себе перемену экономического положения. Прекратились внезапные потрясения рынка, требовавшие во что бы то ни стало расширения эмиссии; поступающие к Банку требования о кредите стали более умеренными, и прекратилась необходимость высоко взвинчивать учетный процент. Это облегчило возвращение Банка к его прежней эмиссионной и кредитной политике по миновании исключительных обстоятельств; § 14 устава был восстановлен в полной силе 11 октября 1874 года, и эмиссия была вновь замкнута в тесные границы. Банк опять стремился по возможности ограничить эмиссию в целях приготовления размена и притом ограничить ее так, чтобы на случай внезапного увеличения требований о кредите у него под рукою находился достаточный резерв банковых билетов. Для достижения этой цели теперь не было надобности звинчивая учетный процент: при угнетенном состоянии промышленности ставка в 5% уже оказывала достаточно сдерживающее влияние на развитие активных операций; в соединении со строгим рассмотрением качества векселей и ценных бумаг эта учетная политика повела даже к сокращению этих операций, как видно из следующей таблицы (млн. гульд.):

		Банкноты в обращении			
В конце года	Металл. зап.	Всего	В т. ч. непок. метал (контингент 200 млн.)	Учет векселей	Ссуды под цен. бум.
1867	108,3	247,0	138,6	77,0	25,0
1868	108,6	276,1	167,5	81,9	37,7
1869	116,8	283,6	166,8	87,5	42,0
1870	114,3	296,8	185,5	109,6	41,2
1871	143,4	317,3	173,8	136,9	33,3
1872	142,9	318,3	175,4	167,2	28,6
1873	143,8	358,9	215,1	181,7	55,5
1874	139,3	293,7	154,3	142,1	35,4
1875	134,4	286,2	151,8	117,1	32,1
1876	136,6	295,9	159,3	135,5	29,0
1877	137,4	282,2	144,8	113,0	28,2

Банку удалось значительно улучшить покрытие своих билетов: с 15 марта 1871 г. закладные листы перестали употребляться им для этого назначения; ссудная операция с конца 1871 г. почти постоянно уменьшалась, а вместе уменьшалась и роль ценных бумаг в банковском покрытии; наоборот, покрытие билетов вексельным портфелем постоянно увеличивалось. Металлом, дивизами и портфелем перед кризисом было покрыто 99,9% всей суммы находящихся в обращении билетов и даже после кризиса (в 1875 г.)—91—95% этой суммы. Разумеется, сокращение операций не могло не отразиться на доходах Банка (дивиденд составлял в 1876 г.—7,5, в 1877 г.—7,8%), но для Банка существовал сильный стимул к тому, чтобы быть всегда готовым к упорядочению денежного обращения (препятствием для этого упорядочения оставалось обращение государственных бумажных денег, составлявшее в конце 1873 г. 344,0 млн., в конце 1877 г.—345,9 млн. гульд.): в семидесятых годах истек срок третьей привилегии Национального Банка, устав его должен был вновь подвергнуться обсуждению палат, и боязнь лишиться связанных с привилегией прав заставляла Банк, помнивший об упреках, обрушившихся на него в 1860—62 годах, деятельно поддерживать свою способность к восстановлению размена.

Но в обсуждаемое время критика деятельности Банка шла уже по другому направлению. Его политика в течение действия устава 1863 г. определялась рестрикционными идеями этого банкового акта: в первые годы были извлечены из обращения крупные суммы банковых билетов; кроме того, система прямого контингентирования эмиссии повлекла за собой крайне осторожное удовлетворение требований о кредите; ставки процента в общем были повышены и приобрели большую чувствительность. Все это вызвало живейшее неудовольствие в представителях торговли и промышленности, особенно средней и мелкой. Жалобы на Банк начались уже с 1863 года и с тех пор постоянно возрастали, сопровождаясь указаниями на тягостные последствия сокращения количества билетов в обращении как для государственной казны (это сокращение достигалось главным образом вследствие уплаты государством его долга Банку), так и для всего народного хозяйства вообще. Уже в первой половине 60-х годов стали высказываться пожелания о приостановке действия банкового акта, особенно оживившиеся в 1865 году, в эпоху бесконституционного режима Белькреди. С наступлением экономического оживления в 1868 г. жалобы на Банк, отказывающий в кредите, возобновились с особою силой; они не прекратились и после кризиса 1873 года, так как система прямого контингентирования показала свою несостоятельность в предыдущие годы и продолжала связывать деятельность Банка и дальше. Высокий процент, строгое рассмотрение векселей, требование (в некоторых случаях) трех подписей на последних, отказы в кредите ссудным кооперативам, ограничения кредита в провинции системою дотаций—все это подвергалось резкой критике, острота которой удвоилась вследствие указанных выше изменений в политических течениях. На съезде делегатов торгово-промышленных палат в 1873 г. было выставлено требование такого увеличения дотаций, чтобы отделения могли принимать к учету все представленные им

доброкачественные векселя; настаивали на увеличении числа отделений Банка; предлагали (на торговом съезде в Штирии в 1875 г.) обязать отделения к учету четырехмесячных векселей, так как большая часть сделок в Австрии заключается именно на этот срок.

В 1875 году обвинения против Банка были сформулированы в одной живо написанной и резкой брошюре, автору которой были, повидимому, очень близки интересы средней и мелкой торговли и промышленности.¹ По его мнению, в банковской политике все изменилось в дурную сторону после 1848 г., когда на место государственного влияния выдвинулся частный интерес Банка. Автор упрекает руководителей Банка (особенно генерального секретаря Лукама) в эгоизме, доктринерстве и консерватизме: они стремятся лишь к раздаче крупных дивидендов, не признавая народно-хозяйственной задачи Банка. Лукам думает, что допускаемый к учету вексель должен непременно происходить из фактической товарной сделки, между тем как есть много деловых предприятий, которые, по самой природе своей, не могут обладать такими векселями. При рассмотрении векселя вообще принимается во внимание не только качество его, но и происхождение: на нем должны обязательно фигурировать подписи так называемых «учетных фирм», которые стоят в дружеских отношениях с правлением и цензорами Банка и находятся под их особым покровительством. Между тем эти фирмы заставляют дорого оплачивать свое посредничество, так что процент при учете иногда доходит до 12%. Контингентирование эмиссии служит защитной стеной для этой политики Банка, направленной к обеспечению высокой прибыли для него самого и для друзей его правления: «чем настоятельнее публика требовала увеличения средств обращения, тем скуднее доставляла их дирекция, не желавшая так легко отказаться от своего выгодного положения». Автор упрекает Банк и в том, что он в своих интересах ставит препятствия приливу иностранных капиталов, который мог бы облегчить положение промышленности, не получающей достаточного кредита внутри страны: требуя слишком высокой (по словам автора, до 10%, хотя обычно считалось, что Банк берет здесь 8%) оплаты ссуд под металлы, которые позволили бы иностранным капиталистам преодолеть опасность, возникающую из колебаний лаяжа, Банк устраняет таким образом невыгодную для него конкуренцию, могущую понизить его доход. Особенно резко Фиделиус критикует отношение Банка к кредитной кооперации, которую Банк «считает местом скопления несерьезных векселей».

¹ Fidei.us. Die öst. Nationalbank und ihr Einfluss auf die wirtschaftlichen Verhältnisse der Monarchie. Wien. 1875. Характерно для перемены настроения в обществе то, что автор в розовых красках рисует «домартовскую» политику Банка: дешевый процент (4%), оказание помощи банкирским домам и промышленности в эпоху кризисов, рассмотрение Банком исключительно качества, а не происхождения векселей, широкое открытие «банкнотных шлюзов» в моменты затруднений на рынке. Правда, в то время Банк не допускал до себя провинцию, но посредничество было хорошо организовано, и акцептирующие фирмы вносили лишь $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ % провизии (стр. 1—7).

Результаты, по словам Фиделиуса, получились чрезвычайно печальные. «Угнетенность нашей промышленности делает ужасающий прогресс; сахарозаводчики, представители хлопчато-бумажной, железоделательной, шерстяной промышленности и многие другие собираются на съезды, чтобы найти средства помощи, и, не смея говорить о важнейшей причине угнетения, жалуются на таможенные сборы, железнодорожные тарифы, цены угля и т. д. В новейшее время сюда присоединились еще, к сожалению, стачки, которые тем более печальны, что порождаются совершенно иными причинами, чем за границей: там рабочие устраивают стачки, будучи недовольны своим заработком, который им кажется слишком ничтожным сравнительно с прибылями фабрикантов; у нас рабочие не желают ничего, кроме приобретения необходимейших средств существования, которые, — увы, — фабрикант не может им доставить в достаточной мере. Там они спорят о надлежащем распределении богатства, у нас же препирается между собой беднота, а с последней сладить всегда труднее. Тысячи интеллигентных, способных к труду и стремящихся к нему людей разных классов покидают родину, которая не может их пропитать, тысячи со страхом и заботой смотрят на будущее; их умы охватывает пессимизм, сопровождающийся апатией и бездеятельностью».¹

Выводы автора таковы: богатые люди и без того пользуются влиянием в государстве, а между тем кучке таких людей вручена еще и привилегия эмиссионного банка; это чрезвычайно опасно; Фиделиус требует передачи половины акций Банка государству с подчинением банковского управления министру финансов и делегациям; вместо контингентирования должно быть введено простое постановление о покрытии металлом одной трети суммы вынужденных билетов. Таков был первый голос, который должен был показать Банку, в каком направлении пойдет на него атака в условиях, складывавшихся после 1873 г.; действительно, мотивы, звучавшие у Фиделиуса, настойчиво повторялись потом при обсуждении уставов 1878 и особенно 1887 годов. Талантливый руководитель политики Банка, его генеральный секретарь Лукам правильно оценил значение этих и подобных этим нападок и в вышедшем в следующем (1876) году десятилетнем отчете Банка поторопился ответить на них по пунктам.

Лукам указывает, что политика эмиссионного учреждения всегда вызывает недовольство: еще Тук сказал, что эмиссионные Банки никогда не пользуются популярностью в своей стране; это и естественно, так как дающий никогда не может исполнить все то, чего требуют ищущие денег. Особенно трудно положение тех эмиссионных банков, которые не производят размена своих билетов, так как в стране, обращение которой состоит из неразменных бумажных знаков, хозяйственный оборот легко отклоняется от здоровой основы, и поэтому здесь искушение требовать и давать широкий кредит является особенно сильным.

Впрочем, Лукам призывает, что Австрийский Банк сильно отстал от иностранных эмиссионных банков как в области учетной операции, так и в числе отделений: портфель Французского Банка в 1874 году — 323½ млн. гульд., Прусского — 200 млн. гульд., а Австрийского —

только 144½ млн. гульд.; число отделений у Французского Банка—68, у Прусского—165, а у Австрийского—только 27. Но он объясняет это тремя причинами: во-первых, общею отсталостью экономической жизни монархии, во-вторых, скромностью средств Австрийского Банка и, в-третьих, обязанностью этого Банка быть особенно осторожным в раздаче кредита.

Что касается до первой причины, то объем деятельности Австрийского Банка в значительной степени определяется тремя следующими факторами: 1) потребностями обращения, которые в Австро-Венгрии значительно ниже, чем в других западно-европейских странах: переход от натурального хозяйства к денежному последовал здесь позднее, профессиональное образование, работоспособность и бережливость распространены менее равномерно, промышленность является более отсталой; 2) привычками обращения, которые в Австро-Венгрии не носят здорового характера: здесь предприниматели часто не обладают основным капиталом и для пополнения его получают средства под векселя, которые несут таким образом не товарный, а финансовый характер, и представляют собою менее пригодный учетный материал для Банка; 3) наконец, формами обращения: в Австро-Венгрии вообще меньше, чем в передовых странах, распространено обращение векселей и чеков, что отражается и на банковской деятельности. Той же хозяйственной отсталости страны, по мнению Лукама, следует приписать и то, что Австрийский Банк имеет меньшее число отделений, чем некоторые крупные эмиссионные банки за границей: ведь и у иностранных банков число отделений увеличивалось лишь с развитием промышленности и торговли.

С другой стороны, по указанию Лукама, Австрийский Национальный Банк имеет в своем распоряжении меньше средств, чем другие эмиссионные банки; в подтверждение этого он приводит следующую таблицу, в которой особенно любопытно указание на отсталость депозитной операции Австрийского Банка, объясняющую то исключительное значение, которое в его кредитной деятельности постоянно имела в то время эмиссия билетов; оборотные средства (в млн. гульд.) составили:

	У Французск. Банка	У Прусс. Банка	У Австр. Банка
Капитал	73,0	32,8	90,0
Проценты от государства . .	3,2	—	—
Резервный фонд	8,8	9,0	18,0
Непокрытые металлом билеты	527,6	72,9	170,1
Текущие счета	173,8	—	3,2
Вклады	—	123,5	—
Всего	786,5	238,4	281,4
Ссуда государству	394,8	—	80,0
Остается	391,7	238,4	201,4

Таким образом, существованию ссуды Банка государству и слабому развитию капиталов в Австро-Венгрии следует приписать то, что у Австрийского Банка имеются средства, составляющие лишь 51,4% средств Французского и 84,5% средств Прусского Банков (Лукам вскользь

прибавляет, что «сумма непокрытых билетов определяется законом и другими условиями». Если требования не удовлетворялись полностью,—заключает генеральный секретарь,—в этом виновата именно эта недостаточность средств Национального Банка, так как те средства, какие у него были, он использовал почти так же, как банки иностранные: на две главные активные операции Французский Банк затрачивал 96,7% своих средств, Прусский—97,3%, Австрийский—94,6%.

Наконец, по поводу жалоб на высоту процентной ставки Австрийского Банка Лукам (повторяя известное утверждение управляющего Французским Банком, что эмиссионное учреждение только «констатирует» процент, существующий в стране) указывает, что высота процента объясняется большею бедностью Австро-Венгрии по сравнению с другими странами. В ответ на утверждение, что, так как Австрийский Банк не разменивает своих билетов, то ему нет надобности повышать процент, как это делают другие эмиссионные банки для защиты своего металлического запаса, Лукам устанавливает ставший знаменитым принцип: Банк рано или поздно должен вернуться к размену и поэтому не должен делать ничего такого, что не дозволяется производящим размен банкам, а с другой стороны обязан не оставлять без исполнения всего того, что исполняется этими банками.¹

Заслуга Австрийского Банка,—находит Лукам,—в том, что среди самых тяжелых обстоятельств он положил фундамент для лучшего будущего.² Но это утверждение не могло примирить недовольных с политикой Банка: Лукам имеет здесь в виду подготовку к возобновлению размена, но для представителей средней и мелкой торговли и промышленности и для представителей сельского хозяйства восстановление валюты, сопровождавшееся падением лая и ограничением кредитных операций, не представляло собою ничего привлекательного. После опыта шестидесятих годов идея валютной реформы в этих кругах долго оставалась непопулярной; Фиделиус отвергает ее необходимость для ближайшего будущего; другие выдвигали контрпроекты, доказывая, что восстановление валюты вполне соединимо с поддержанием или даже увеличением существующего количества средств обращения.³

Мы уже видели, что при рассмотрении проекта нового устава в 1877—1878 г.г. враждебность некоторых общественных групп к Банку сказалась недвусмысленным образом. Однако, преобладание вопроса о преобразовании Банка на дуалистических началах над всеми иными вопросами было тогда настолько сильным, что палата депутатов лишь бегло коснулась тех пунктов, в которых жалобы на Банк и его политику были особенно настоятельными. Нейвирт в своей речи указывал тогда, что события предшествовавших лет поставили перед Банком

¹ L u s a t, десятилетний отчет, стр. 34—71.

² Там же, стр. 33.

³ Пахер предлагал заменить контингентирование выпуска билетов повышением процента металлического покрытия при расширении эмиссии (Paul Pacher, Die Bank- und Valutafrage in Oesterreich-Ungarn, Wien, 1872, стр. 29—32).

серьезные задачи, изменившие его положение по сравнению с тем, при котором проводился устав 1863 года; среди этих событий он упомянул возобновление эмиссии государственных бумажных денег, отказ от восстановления размена в 1867 году, рост обращения и т. д. «Тем не менее,—продолжал оратор,—при выработке проекта, к удивлению, были отвергнуты все попытки реформировать материальное законодательство о Банке, и я с сожалением должен признать тот печальный факт, что вопрос о Банке поставлен перед нами в виде вопроса политики и государственного права, а не так, как делается во всех других странах, т. е. не в виде экономического вопроса».¹

Вопрос о системе прямого контингентирования эмиссии, введенной в 1863 году, был, однако, затронут во время специальных прений об уставе. § 84 нового проекта представлял собою повторение § 14 прежнего устава и, следовательно, оставлял действовавшую систему эмиссии в неприкосновенности, внося изменения лишь в некоторые подробности: в металлическое покрытие билетов золото, которое, по уставу 1863 г., могло составлять лишь четверть этого покрытия, теперь было допущено без ограничения; с другой стороны, из банкового покрытия исключены закладные листы (банковское покрытие, которое, как и металлическое, должно было обеспечивать не только непокрытые металлом билеты, но и бессрочные депозиты,² должно было впредь состоять из учтенных векселей и бумаг, заложенных благородных металлов и бумаг, оплаченных Банком бумаг и купонов общественных займов и, наконец, иностранных векселей). Во время прений депутат Фукс выступил с резким осуждением системы прямого контингентирования, указывая, что она ведет к отягощению положения во время кризисов, и предлагая заменить ее покрытием на одну треть, при которой положение банка всегда ясно для клиентелы, и поэтому меры его по ограничению кредита всегда являются понятными. Сам Нейвирт признал, что норма покрытия, введенная § 14 действовавшего устава, основанная на ошибочном предположении, что максимальная потребность страны в билетах едва ли достигает 350 млн., не является подходящей. Однако, возбуждали голоса в пользу удержания английской системы покрытия и непокрытого контингента в 200 млн.: указывали, что расширение выпуска билетов во время кризиса является искусственно-возбуждающим средством (деп. Гейльсберг), и что существующую систему эмиссии следует удерживать, так как она представляет собою орудие борьбы против господствующей в Австрии тенденции к расширению обращения билетов (Нейвирт).³ Даже предложение Нейвирта ввести зачисление дивиз в металлическое покрытие билетов было отвергнуто еще более горячими сторонниками английской системы на том основании, между прочим,

¹ Sten. Prot., VIII Session, стр. 10.125—10.126 и предыдущие.

² Распространение банкнотного покрытия на тек. счета рекомендуется часто в качестве обеспечения потенциальной эмиссии. В Австрии это правило было введено в 1868 г., а в других западно-европейских эмиссионных банках применялось на практике уже и до этого времени.

³ Sten. Prot., стр. 10.404—10.409 и 10.411.

что эта мера сильно переместит границу эмиссии, так как возможна (и действительно совершается) покупка девиз за банковые билеты (Пленер).¹

Таким образом уже знакомый нам устав 1878 года, преобразовавший Австрийский Национальный банк в Австро-Венгерский, сохранил прямое контингентирование эмиссии по английскому образцу, несмотря на то, что новый устав не назначал уже, как банковый акт 1863 года, срока возобновления размена билетов на металл и отложил это возобновление размена впредь до отмены принудительного курса государственных бумажных денег.

III

В первые годы деятельности преобразованного «Австро-Венгерского» Банка стеснительность принятой в 1862 и 1878 г. организации эмиссии не сказывалась, так как это были времена подавленности экономической жизни, слабой потребности народного хозяйства в кредите и отсутствия настоятельной необходимости в расширении выпуска билетов: до конца семидесятых годов экономическая жизнь монархии продолжала испытывать на себе последствия кризиса 1873 года, торговля и промышленность находились в застое, и новые капиталы не находили в них помещения. В эти годы Банк не только не ставил препятствий для развития своих активных операций, но был вынужден даже обратиться к экстренным мерам поддержания их на достаточном уровне: ссылаясь на понижение своего дохода вследствие конкуренции государственных кредитных билетов и начавшейся тогда усиленной чеканки серебра, он с 1879 г. стал производить учет векселей из процента более низкого, чем банковый (что ему было позволено еще в 1868 г.); в то же время был понижен им и официальный процент (в мае 1879 г. до 4%); это отразилось некоторым подъемом учетного портфеля, но ссудная операция Банка продолжала сокращаться. Стремясь увеличить свои активные операции, Банк в этот период принял меры и к территориальному расширению своей деятельности, к чему его обязывала и стоявшая перед ним задача «морального завоевания Транслейтании». Устав 1878 г. и сопровождавшее его соглашение обязали Банк к открытию 15 новых отделений. Но и помимо этого Банк в 1879 г. распространил деятельность каждой конторы и отделения Банка за пределы места их нахождения на близлежащие города и провинции, для чего были созданы «округа личного кредита», или «банковские округа» (до того времени векселя принимались к учету только от тех и ссуды под залог выдавались только тем, кто имел постоянное место жительства в пунктах нахождения учреждений Банка). В этих целях были заключены соглашения с рядом провинциальных фирм, которые, в качестве «вспомогательных банковских учреждений», выступали посредниками между ближайшим отделением Банка и местными клиентами. Состояние Банка в эти первые годы его новой привилегии было следующим (в млн. гульд.):

¹ Там же, стр. 10.412—10.417.

В конце года	Банкноты в обращении				
	Металл. за- пас	всего	непокрыт. металлом	Учет вексе- лей.	Ссуды под цен. бум.
1878	153,8	288,7	134,9	109,1	32,0
1879	164,2	316,7	152,5	117,5	24,0

Но с начала 1880 года началось оживление промышленности, продолжавшееся до 1884 года; сперва наступило лишь медленное улучшение, тормозившееся притом недостаточным урожаем, мешавшим сбыту фабрикатов; поэтому на рынке наблюдалось еще изобилие стремившегося к помещению капитала, и рыночный процент продолжал падать. Но когда оживление промышленности и торговли пошло более решительным темпом, а задержка экспорта хлебов отразилась на том, что часть денежных средств оказалась связанной, конкуренция частных капиталов стала носить все менее острый характер. Соответственно этому изменялась и учетная политика эмиссионного банка: требования к нему все усиливались, и он, начав в 1880 г. скромным учетом из рыночного процента, постепенно перешел к учету из процента банкового, к которому рыночный все время приближался. Осенью 1882 г. требования о кредите особенно усилились; две главные операции поднялись за год на 29 млн. Банк был вынужден реализовать часть своих дивиз и другие активы для увеличения металлического запаса, но этого оказалось недостаточно: в середине октября пришлось расширить операции еще на 11 млн. Банк испугался возможности нарушения границ эмиссии, установленных законом, и 19 октября повысил учетный процент до 5% (ссудный до 6%). Но в конце октября все же получилось положение, ясно свидетельствовавшее о недостаточности установленного законом контингента непокрытых металлом билетов (200 млн. гульд.): для учета и ссуд Банк должен был исчерпать весь этот контингент и все-таки стоял перед все возрастающими требованиями, повышению которых не помешало даже увеличение процента; Банк должен был обратиться на главные активные операции свободные средства резервного фонда (6 млн.). В начале следующего 1883 года требования несколько сократились, и Банк мог понизить свой процент (учетный—сначала до 4½%, затем до 4%, ссудный—до 5%). Но с середины года потребность в кредите стала опять увеличиваться, и Банк вновь оказался перед дилеммой: повысить ли процент, нанеся тем удар развитию торговли и промышленности, которое, по его мнению, совершенно не носило спекулятивного характера и потому могло бы дать помещению средствам Банка и увеличить его доходы, или продолжать удовлетворение предъявляемых требований с риском перейти границу эмиссии и оказаться виновным в нарушении устава. Банк решил избегать повышения процента и был принужден поэтому увеличить свой металлический запас или резерв своих банковских билетов; с этою целью он стал реализовать дивизы и продавать находившиеся у него закладные листы; таким образом ему удалось удовлетворить значительную часть предъявленных к нему требований (что было облегчено краткосрочностью

представленных к учету векселей). Рост главных операций можно видеть из следующего (в млн. гульд.):

В конце года	Металл. запас	Банкноты в обращении		Учет векселей	Суды под цен. бум.
		всего	непокрыт. металлом		
1880	173,3	328,6	155,3	139,1	20,9
1881	190,8	354,2	163,3	156,5	21,9
1882	193,7	368,6	174,8	162,6	32,5
1883	199,3	380,4	181,0	169,3	30,0

Падение хлебных цен в 1884 г. повело за собою реакцию: в некоторых отраслях промышленности стало замечаться перепроизводство, и ряд предприятий оказался в критическом положении; начались затруднения в сбыте, первые требования о кредите, а затем и банкротства (например, Чешского общества земельного кредита); в следующем году сюда присоединились политические замешательства и колебания цены серебра. В результате вновь создались хозяйственный застой и низкая цена денег; операции Австро-Венгерского Банка вновь стали сокращаться. Застой стал смягчаться лишь во второй половине 1886 г., но подъем промышленности шел вяло, и лишь в конце июня, в октябре и декабре 1887 года требования к Банку увеличились; 7 октября 1887 г. Банк повысил свой учетный процент с 4 до 4½%. Состояние Банка было следующим (в млн. гульд.):

В конце года	Металл. запас	Банкноты в обращении		Учет векселей	Суды под цен. бум.
		всего	непокрыт. металл.		
1884	205,3	375,7	170,3	167,7	34,2
1885	198,7	363,6	164,8	136,4	27,2
1886	205,5	371,6	166,1	145,6	23,9
1887	216,1	391,1	175,0	159,8	25,7 ¹

Рассмотрев таким образом движение главных операций Австро-Венгерского Банка в течение его первой привилегии, мы убеждаемся, что, за исключением годов, ознаменованных застоєм промышленности, развитие этих операций беспрестанно наталкивалось на стену, воздвигнутую прямым контингентированием выпуска банковых билетов. Между тем в те моменты, когда удовлетворение эмиссионным банком требований о кредите исчерпывало почти весь контингент непокрытых металлом билетов, и свободная эмиссия Банка начинала приближаться к пределу, деловые круги вынуждены были считаться уже не только с простым повышением процента центрального банка, но и с возможностью отвержения этим банком вполне солидных требований исключительно по недостатку у банка свободных средств; так как и коммерческие банки принимают векселя к учету лишь до тех пор, пока знают, что им обеспечена поддержка эмиссионного кредитного учреждения, то приближение к указанной границе приносит с собою перспективу полного паралича банковского кредита и распространяет беспокойство на рынке. Если

¹ См. десятилетние отчеты Леонгардта (стр. 36—42 и приложения) и Мецензеффи (стр. 23, 31—32, 178, 180 и прилож.).

в 1878 году можно было думать, что такие затруднения могут переживаться лишь в периоды безудержного роста спекуляции, которым были ознаменованы 1869—1872 годы, то теперь, после опыта 1880—1883 годов, от этого мнения пришлось отказаться, и вследствие этого отрицательное отношение к системе прямого контингентирования стало настолько общим, что и среди сторонников Банка и его политики уже не было защитников этой системы.¹

Сам Австро-Венгерский Банк занял такую же позицию. Мы знаем, что в 1862 году Банк без удовольствия принял систему прямого контингентирования, но затем, стремясь укрепить свое валютное и эмиссионное положение, добросовестно проводил ее в жизнь. Но теперь состояние Банка значительно улучшилось: количество билетов, находившихся в обращении, уже с середины 60-х годов было доведено до жесткой нормы, установленной законом; металлическое покрытие билетов постоянно улучшалось: в 1878 г. оно колебалось между 45,2% (7 ноября) и 49,5% (7 июля), а в 1887 г.—между 54,7% (31 октября) и 59,0% (15 марта); правда, за это время выросла только серебряная часть запаса, что объяснялось, как увидим, особыми обстоятельствами, но тем не менее дело с металлическим покрытием обстоит вполне благополучно. Полному восстановлению платежеспособности Банка мешали лишь независимые от него обстоятельства (нахождение в обращении государственных бумажных денег, состояние государственного хозяйства, неопределенность валютного положения и т. п.). Между тем с несомненностью обнаружилось, что существующая система эмиссии грозит стать невыгодною для Банка. Теперь Банку приходилось особенно дорожить каждым источником дохода, так как угнетение промышленной жизни со времени кризиса тяжело отражалось на прибыли Банка, и лишь годы оживления помогали ему хотя бы несколько вознаградить себя за понижение доходов; если его операциям ставился предел, это должно было казаться ему теперь особенно невыносимым. Надо заметить, что оборотные средства давались Банку почти исключительно контингентом непокрытых металлов билетов, определенным по закону в 200 млн. гульд.: $\frac{8}{9}$ акционерного капитала было отдано в ссуду государству, а депозитная операция у Банка была развита слабо тем более, что и государство не держало еще тогда своих свободных средств в Банке. Поэтому, когда эмиссия приближалась к ее границе, Банк должен был или увеличивать свой металлический запас реализацией находившихся в его обладании девиз или увеличивать резерв своих банковых билетов реализацией других активов. Но этот последний способ расширения способности Банка удовлетворять требования о кредите очевидно недостаточен: применение его ограничено запасом девиз и иных реализуемых активов у Банка и способностью рынка принять реализуемые ценности. Хотя Банк обращался к принятию указанных мер всегда заблаговременно—до исчерпания границы резерва банковых билетов,—тем не менее три раза в течение рассматриваемого

¹ См., наприм., A. Dorn, Die Erneuerung des Bank-Privilegiums, Wien, 1886, стр. 50 и сл.

периода сумма обеих главных операций Банка превосходила сумму контингента непокрытых билетов (именно, в октябре 1882 г., в октябре 1883 г. и в декабре 1884 г.), и Банк доходил до предельного пункта своей способности оказывать кредит. Если мы сопоставим моменты особенно напряженных требований о кредите, то получим следующую таблицу (млн. гульд.):

	Учет век- селей.	Ссуды под цен. б.	Учет и ссу- ды вместе.	Контин. не- покр. бил.	Избыток + или недостаток — контингента для учета и ссуд.
31 окт. 1878 г. . .	143,1	33,7	176,8	200	+ 23,2
7 нояб. 1879 г. . .	127,5	24,9	152,4	200	+ 47,5
7 нояб. 1880 г. . .	146,4	25,4	171,8	200	+ 28,2
31 дек. 1881 г. . .	156,5	21,9	178,4	200	+ 21,6
31 окт. 1882 г. . .	169,5	36,8	206,3	200	— 6,3
31 окт. 1883 г. . .	175,9	29,2	205,1	200	— 5,1
31 дек. 1884 г. . .	167,7	34,2	201,9	200	— 1,9
7 янв. 1885 г. . .	161,8	34,4	196,2	200	+ 3,8

Чтобы расширить свои операции за пределы, поставленные контингентом, и таким образом избежать потрясений кредитного рынка, Банку пришлось обратить на операции часть собственного имущества: но так как акционерный капитал не давал для этого возможности (остаток его был в значительной степени затрачен в немобилизуемые активы — строения и т. д.), то Банк прибегал к средствам резервного фонда, освобождая часть этого фонда от всякого помещения, так как усиленная потребность в кредите могла наступить непредвиденно. Держание же части средств резервного фонда без помещения отражалось уменьшением доходов Банка; кроме того, помещение резервного фонда в текущие операции не соответствовало обычным представлениям о помещении этого фонда.

Уменьшение доходов Банка при уставе 1878 г. видно из следующих данных:

Дивиденд	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887
в %% на капитал . . .	7,5	6,5	6,3	7,1	7,1	7,1	7,0	6,4	6,4	6,6
в %% на ср. курс акций . .	5,4	4,7	4,6	4,7	5,2	5,1	4,9	4,4	4,4	4,5

Такое положение банковских доходов отражалось, разумеется, и на той доле чистого дохода, которая причиталась государству, а следовательно и на погашении постоянной ссуды Банка государству, на которое эта доля должна была обращаться; так как по уставу 1878 г. дедежу подлежал только излишек дохода сверх 7% дивиденда, то в пользу государства могли получиться небольшие суммы лишь в 1878 г. (251 тыс. гульд), 1882 г. (153,6 тыс. гульд.), 1883 г. (146,8 тыс. гульд.) и 1884 г. (45 тыс. гульд.); эти суммы и были обращены на погашение ссуды, так что долг государства Банку уменьшился с 80 млн. до 79,4 млн. гульд.

При таких условиях становится вполне понятным, что и генеральный секретарь Банка в своем отчете, охватывавшем почти весь период первой привилегии Австро-Венгерского Банка, приходит к выводу, что постановления о покрытии и контингентировании банковых билетов часто ведущие к обострению замешательств денежного рынка, нуждаются в реформе.¹ Понятным является и то, что при приближении срока, в который должен был прекратить свое действие устав 1878 г. (31 декабря 1887 г.), Банк сам взял на себя инициативу реформы. Впрочем, он не желал совершенно покинуть принцип контингентирования эмиссии, так как это контингентирование давало ему опору для отвержения незаслуживающих удовлетворения требований. Задача состояла в том, чтобы сохранить известную границу для эмиссии, с тем, однако, чтобы эта граница не являлась абсолютно непреодолимой; с другой стороны, сохранявшие свое обаяние начала пилевского акта не могли быть примирены со свободным усмотрением Банка в деле перехода этой границы: поэтому новая система должна была и самые переходы эмиссионной границы подчинить все-таки известному механическому регулированию. Задача эта к тому времени была уже разрешена в Германии введением так называемой системы косвенного контингентирования эмиссии.

В середине XIX столетия Германия жестоко страдала от анархии в эмиссионно-банковом деле, соответствовавшей ее тогдашней политической необъединенности. Деятельность эмиссионных банков принимала крайне уродливые формы, что поощрялось разнообразием законодательных постановлений об эмиссии и систем покрытия (у многих мелких банков не было никаких ограничений выпуска билетов). В результате этого Германия была наводнена билетами мелких, не обладавших ликвидностью банков, притом преимущественно билетами мелких купюр. Многие билеты были обесценены, обращались с дизакио, и частым явлением были заблудившиеся («дикие» — *wilde Scheine*) билеты, ходившие на чужих территориях без всякой надежды вернуться к месту выпуска и быть обмененными на монеты. Бесконечно задерживаясь в обращении, билеты были так грязны, что, когда при обсуждении закона о денежной системе один из депутатов представил рейхстагу коллекцию немецких денежных знаков, он приложил при ней и пару перчаток, чтобы можно было касаться билетов, не пачкая рук.

Кризис 1857 г., образование северо-германского союза (1866 г.), образование Германской империи (1871 г.), кризис 1873 г. — таковы были этапы, на каждом из которых усиливались объединительные и регламентационные тенденции в области германского эмиссионно-банкового дела: в конце 50-х г.г. началась стихийная централизация среди эмиссионных банков; в 1870 г. основание новых эмиссионных банков и расширение эмиссионных прав банков существующих подчинено общему законодательству северо-германского союза; в 1873 г. введена единая имперская (золотая) валюта. Регулирование эмиссии, ограничение выпуска непокрытых металлом билетов стало общим требованием

¹ Там же, стр. 68 — 69.

уже в 60-х г.г., а после 1873 года наметились два течения в области эмиссионной политики: в пользу основания обще-германского центрального эмиссионного банка и в пользу регулирования эмиссии с континентированием ее по английскому образцу.

Но ни правительственный проект, ставший вслед за тем банковым законом 14 марта 1875 года, ни рейхстаг не остановились на системе Пиля: в мотивах к проекту прямо указывалось, что примеры английских кризисов 1847, 1857 и 1866 годов доказывают ошибочность принятия этой системы. Из опыта этих кризисов инициаторы германского закона вынесли убеждение, что главная причина неудачи лежит не в принципе ограничения выпуска билетов, а в том факте, что пилевский акт ставит твердую, непреходимую границу эмиссии: это ведет к тому, что как раз в тот момент, когда паника может быть устранена только расширением выпуска билетов, у Английского Банка оказываются связанными руки. Результатом такого положения является то, что английская система не может быть сохраняема в критические периоды и что она вызывает своим существованием беспокойство на рынке, затрудняющее функционирование всей системы кредита при приближении эмиссии к ее границе. Словом, главный недостаток пилевской системы, по мнению создателей германского закона, состоит в отсутствии эластичности эмиссии, между тем как роль банкового билета, и именно непокрытого, состоит как раз в том, чтобы сообщить денежному обращению известную упругость при постоянных периодических колебаниях потребности в деньгах и защищать это обращение от влияния факторов, вносящих в него неожиданные перемены.

Составитель мотивов к законопроекту 1875 г. О. Михаэлис стоял именно на этой точке зрения. Он говорит в изложении этих мотивов, что ограничение количества непокрытых металлом билетов в обращении должно быть достигнуто «посредством эластичной организации, оставляющей место для изменений, зависящих от конъюнктуры; при помощи такой организации, без установления точных границ эмиссии, было бы обеспечено то, что обращение билетов только тогда превзойдет обычные размеры, когда это будет оправдано чрезвычайным увеличением спроса на деньги и подъемом рыночного процента, и что затем оно получит тенденцию возможно скорее вернуться к обычным размерам».

Следовательно, имелось в виду создать такую систему, при которой, в случае надобности, при существовании затруднений на денежном рынке, Банк имел бы возможность переходить границу эмиссии непокрытых билетов. Но так как стремились все-таки и к ограничению выпуска таких билетов, то эти случаи перехода эмиссионной границы должны были бы наступать лишь в исключительных случаях, при действительных затруднениях на рынке, а по миновании этих затруднений обращение должно было бы возвращаться к прежним размерам. Для достижения этой цели нужно было, во-первых, сделать так, чтобы переход непокрытого эмиссией границы контингента был возможен лишь при особом подъеме спроса на деньги, а, во-вторых, чтобы эмиссионный банк не имел интереса в дальнейшем поддерживании выпущенных сверх нормы билетов в каналах обращения после того, как этот спрос

миновал. Указание на способ добиться осуществления этих целей было получено инициаторами германского закона также из истории Английского Банка; когда последний во время кризисов 1847, 1857 и 1866 г.г. получил право на избыточный сверх контингента выпуск билетов, ему была предписана известная высота учетного процента, ниже которой он не мог спускаться (в первом случае—8%, во втором и третьем—10%). и затем было постановлено, что чистая прибыль от излишнего выпуска билетов поступает государству. Руководясь этим образцом, создатели германского закона решили, что переход эмиссией границы контингента должен сопровождаться подъемом процента, возможным лишь при увеличении спроса на деньги, т.е. в момент существования затруднений на денежном рынке; как только банк понижает свой процент, он в своих собственных интересах должен стремиться к извлечению лишних билетов. Эта последняя цель в Англии достигалась лишь отчасти: передача прибыли от повышенного процента государству лишала Банк интереса в превышении контингента, но сама по себе не заставляла извлекать лишние билеты из обращения. В Германии пошли дальше, думая заставить банк механически сокращать обращение билетов при понижении процента, и для этой цели был введен налог на билеты, выпущенные сверх контингента.

Михаэлис говорил в мотивах к законопроекту: «Ставка налога побудит банк встретить подъем спроса на деньги так, как обычно встречается подъем спроса на других рынках, т.е. возвышением цены; при повышенном (для уплаты этого налога) проценте она даст ему возможность удовлетворить чрезвычайную потребность, вызвавшую этот подъем спроса, затем она, через повышение процента, привлечет капиталы и умерит дух предприимчивости, и, наконец, она заинтересует банк в том, чтобы, по миновании чрезвычайной потребности, опять уменьшить количество непокрытых билетов в обращении до пределов контингента. Побуждая банк повысить учетный процент, налог будет воздействовать уравнивающим образом на колебания учетного процента и без вредного вмешательства в экономическую жизнь (т.е. механически) бороться с опасной склонностью обращения удерживать на долгое время то расширение обращения, которое явилось следствием конъюнктуры». Иными словами, налог на избыточное обращение билетов должен побуждать банк к повышению процента, и, следовательно, эта избыточная эмиссия возможна лишь тогда, когда возможно повышение процента, т.е. в периоды исключительного спроса на деньги на рынке; когда этот исключительный спрос прекратится, и высокий процент станет невыгодным для банка, последний будет вынужден извлекать билеты из обращения, чтобы самому не платить налога, который при повышенном проценте уплачивается получателями кредита.

В этих целях в банковый закон 1875 г. было включено следующее постановление: в том случае, когда эмиссия билетов банка превышает его наличный запас и назначенный ему контингент, то с излишка билетов, находящихся в обращении, взимается налог в 5 % в год. Свободный от налога контингент всех 33 существовавших тогда в Германии эмиссионных банков был установлен в 385 млн. мар.; из этого

контингента 250 млн. мар. было назначено вновь учреждаемому Имперскому Банку и только 185 млн. мар. разделено между прочими (закон ставил эти прочие эмиссионные банки в такие условия, при которых они побуждались к отказу от своих эмиссионных прав). Но, кроме контингентирования эмиссии Имперского Банка, закон 1875 г. регламентировал и ее покрытие: билеты этого Банка должны быть всегда по крайней мере на одну треть покрыты германскими имеющими законное хождение деньгами (т.е. золотыми монетами, серебряными талерами и разменной монетой), билетами имперской кассы (государственными билетами) или золотом в слитках и иностранных монетах (по 1392 мар. за фунт); остальное количество находящихся в обращении билетов покрывается учетными векселями. Таким образом, допустив переход непокрытого эмиссией границы контингента, германский законодатель счел необходимым зато комбинировать систему контингентирования с системой третного покрытия билетов.¹

Генеральный секретарь Австро-Венгерского Банка Леонгардт прямо указывал в 1886 году на германскую систему, как на образец, по которому должна быть реорганизована эмиссия этого Банка. В доказательство достоинств этой системы он цитировал дословно вышеприведенные соображения Михаэлиса, представленные в качестве мотивов к германскому законопроекту в рейхстаг. Леонгардт предвидел возражение, что эта система, уместная в производящем размен своих билетов Имперском Банке, не подходит для Банка Австро-Венгерского, который размена не производит; в опровержение этого он указал на то, что и устав Австро-Венгерского Банка рассчитан на возобновление размена, что Банк всегда готов возобновить этот размен, и что, наконец, как источник кредита, Австро-Венгерский Банк выполняет ту же функцию, как и производящие размен банки.²

В этом отношении генеральный секретарь Банка явился лишь выразителем мнений акционеров и руководящих органов этого кредитного учреждения: уже 27 ноября 1884 г. общее собрание акционеров Банка, поручая генеральному совету ходатайствовать перед правительствами о возобновлении привилегии, дало этому органу соответствующие директивы относительно пересмотра устава, которые были затем сформулированы генеральным советом в тожественных нотах обоим правительствам от 2 октября 1885 г. Пожелания генерального совета сводились к следующему:

1. Ссылаясь на известный нам опыт первой половины 70-х и первой половины 80-х годов, генеральный совет указал, что установленный в § 84 устава контингент непокрытых билетов слишком незначителен.

¹ См. Lotz, Geschichte und Kritik des deutschen Bankgesetzes, Leipzig, 1888 (особ. стр. 17, 58—61, 85—86, 182—193); Bamberger, Die Zettelbankreform vor dem Reichstage, 1874 (стр. 41 и др.); его же Die ausgewählten Reden und Aufsätze, Berlin, 1907 (стр. 317 и сл.); Ruppel, Kleine Reichsbanknoten, Leipzig, 1908 (стр. 70); Heifferich, Geschichte der deutschen Geldreform, Leipzig, 1898 (стр. 60); его же Studien über Geld- und Bankwesen, Berlin, 1900, стр. 146 и 152.

² Отчет Леонгардта, стр. 69—71.

и предлагал ввести систему косвенного контингентирования (с контингентом в 200 млн. гульд., налогом на избыточное обращение в 4% и металлическим покрытием всей суммы выпущенных билетов в $\frac{2}{5}$).

2. Указывая на падение дивидендов и на бездоходность металлического запаса, совет просил о разрешении, на время существования неравенности банковых билетов, зачислять в металлический запас деви́зы до суммы в 30 млн. гульд.

3. Затем генеральный совет просил устранить излишнюю формальность, установленную уставом для подписей на представляемых к учету векселях, именно требование, чтобы известная (указанная генеральным советом) часть этих подписей была засвидетельствована в коммерческом суде.

4. Наконец, совет выставил еще несколько более мелких пожеланий: исключение государственных кредитных билетов из банкового покрытия банкнот, допущение ссуд под векселя, имеющие срок до 6 месяцев, дозволение Банку отчуждать учтенные им векселя, ценные бумаги и купоны и т. д.

Первое пожелание генерального совета достаточно понятно из всего, что сказано выше; второе и третье нуждаются в некоторых комментариях.

Основание для зачисления деви́зов в металлическое покрытие (даже при существовании размена) видят в их легкой реализуемости и в способности всегда приносить банку устойчивую валюту. Во время прений по уставу 1878 года Нейвирт уже предлагал ввести эту меру для Австро-Венгерского Банка, указывая, что это увеличит прибыль последнего, а следовательно и сумму, выделяемую из этой прибыли государству, и ссылаясь, в подтверждение безопасности помещения металлического запаса в иностранные векселя, на пример Германии и Бельгии. Правда, против зачисления деви́зов в металлическое покрытие выставляется ряд возражений: говорят, что это недопустимо, так как деви́зы не являются наличными деньгами, что эта мера поощрит спекуляцию на валюте, что она затруднит переход к возобновлению размена, и, наконец, что она может вести к потерям; Нейвирт отвечает на первое возражение указанием на то, что Австро-Венгерский Банк не производит размена и поэтому не особенно нуждается в наличном металле; на второе—тем, что Банк, по § 56 устава, имеет право торговли деви́зами и, следовательно, если захочет, может спекулировать на валюте и без проведения предлагаемой меры; на третье возражение Нейвирт отвечает, что зачисление деви́зов не может затруднить восстановление размена в виду их легкой реализуемости, а в ответ на четвертое (возможность потерь) ссылается на опыт Австрийского Национального Банка во время франко-прусской войны. Но предложение Нейвирта было взято им обратно после горячих возражений Пленера, указывавшего на опасности зачисления деви́зов в металлическое покрытие билетов: Банк может увлечься накоплением иностранных векселей и вызвать беспокойство и меры защиты со стороны иностранных банков; курс деви́зов может колебаться под влиянием событий на рынке их происхождения; реализация их может наталкиваться на затруднения (Пленер ссылаясь на препятствия,

поставленные Прусским Банком реализации девиз на Берлин в 1869 г.); наконец, эта мера может переместить границу эмиссии (так как девизы могут покупаться на билеты). Последний аргумент был повторен (Дорном) и в 1886 г. по поводу приведенных выше предложений генерального совета.¹ Впоследствии зачисление иностранных векселей в металлическое покрытие стало вызывать гораздо меньше возражений; указывали только на необходимость ограничивать это зачисление определенной суммой. Во время германской банковской анкеты 1909 г. ряд ораторов указал на трудность реализации девиз в случае войны, особенно если их будет очень много; Вагнер между прочим заявил, что если не ограничить сумму девиз, зачисляемых в металлическое покрытие, то возможен будет такой случай, что эмиссионные банки двух стран войдут в соглашение и обменяются золотыми девизами, так что золотого покрытия в них совсем не будет.²

Вопрос о подписях под векселем, представляемым к учету, имеет свою историю, и история эта тесно связана с постепенной демократизацией кредитной деятельности Австрийского (и затем Австро-Венгерского) Банка под влиянием усиления общественного контроля над государственной и экономической жизнью страны. В домартовскую эпоху, когда учет векселей в Банке был доступен лишь для верхних слоев венской крупной буржуазии, в числе ограничений, установленных уставами 1817 и 1841 годов и соответствовавшими регламентами, находилось и требование обязательного фигурирования на векселе трех подписей, из которых одна должна была быть засвидетельствована в коммерческом суде; лишь в крайнем случае дозволялось заменять третью подпись залогом. В эпоху бюрократической реакции, пытавшейся соединить политический застой с экономическими реформами, была сделана слабая попытка расширить круг клиентов Банка: к учету были допущены акцептированные вне Вены, но подлежащие оплате в Вене векселя; однако, опасаясь чрезмерного расширения круга клиентов, предписали требовать в этом случае, чтобы из трех подписей были засвидетельствованы две, в чем особенно ясно выступает значение требования о представлении векселя в коммерческий суд, как меры, имеющей целью стеснить личный кредит. Восстановление конституции принесло разные облегчения в учетной операции: со времени устава 1862 г. и особенно с ноября 1866 г. стал развиваться учет римесс (векселей, подлежащих оплате не в месте учета), а приказ 30 октября 1868 г., имевший

¹ Sten. Protokolle des österr. Abgeordnetenhauses, VIII Session, стр. 10.404—10.409 и 10.412—10.417. A. Dorn. Die Erneuerung des Bank-Privilegiums, 1886, стр. 57—58.

² Bankenquete, 1909, Stenogr. Bericht, стр. 97. Впрочем, дореволюционный русский Государственный Банк зачислял в свое металлическое покрытие свои текущие счета в иностранных банках без ограничения суммы. После мировой войны зачисление в металлическое покрытие всяких видов требований в иностранной валюте без ограничений стало широко распространено среди эмиссионных банков разных стран; некоторые из этих банков зачисляют сюда даже ценные бумаги (Шведский. Египетский Банки и др.). См. League of Nations, Memorandum on Central Banks, 1924.

целью, как мы знаем, расширить круг операций Банка, допустил к учету и векселя только с двумя подписями, без требования залога взамен третьей подписи; в 1869 и 1875 г.г. обязательность засвидетельствования в суде установлена по отношению только к одной из фигурирующих на векселе подписей; право генерального совета определять количество засвидетельствованных подписей с тех пор толковалось именно так, что по крайней мере одна из подписей должна быть засвидетельствована в суде. Эта ненужная формальность не имела ни малейшего значения для определения платежеспособности давшей подпись фирмы.¹

Постепенно устранивая чрезмерно далеко идущие требования относительно подписей под векселем, представляемым к учету, Австрийский (и потом Австро-Венгерский) Банк отказывался от искусственных ограничений круга своей клиентелы, которые часто приводят к ряду ненормальных явлений. Упорное сохранение Французским Банком требования третьей подписи на векселе, обращающее этот Банк по самому его официальному положению в банк переучета, заставляет торгово-промышленный мир обращаться непременно к коммерческим банкам, которые и дают затем третью подпись на векселе. Поэтому требование третьей подписи характеризовали во Франции, как «самую странную и в то же время самую ловкую из всех финансовых комбинаций, какую только можно вообразить», как «превосходное изобретение, предохраняющее капиталистов-акционеров Банка от всякого риска, как бы мал он ни был, и в то же время обеспечивающее существование целого мира банкиров и дисконтеров». ² Вивиани говорил в 1897 году: «Нам возражают: третья подпись не может быть уничтожена; вы поколеблете этим безопасность Банка; вы принудите его каждый раз исследовать вопрос о платежеспособности подписавшего вексель, что очень трудно. Но как можно говорить это в 1897 году, в нашу эпоху, когда мы обладаем возможностью получить вполне верные сведения и быстро собрать нужные справки; как можно сравнивать Банк 1897 года с жалким Банком 1803 года, действовавшим в стране, где не было ни железных дорог, ни телеграфов, ни телефона, где все средства сообщения были менее скоры, чем теперь, и где было поэтому трудно собрать сведения о коммерческом и имущественном положении лица (очень хорошо! очень хорошо!). Почему же Французский Банк удерживает третью подпись? Здесь нужно сказать необходимую правду, нужно сорвать маски, и тогда вы увидите, как перед вами появится сухое лицо частного интереса. В генеральном совете или, по крайней мере, в общем собрании, в этом малочисленном собрании, среди этих двухсот наиболее богатых акционеров, которые—одни только—имеют право выбирать генеральный совет,

¹ Так выражается Дорн (цит. соч., стр. 36). См. Zugschwerdt (стр. 120—121), отчеты Лукама, (стр. 15—16) и Леонгардта (стр. 15—22) и регламент 1902 г. (Bestimmungen für den Geschäftsverkehr der öst.-ung. Bank, 1901, I, стр. 2).

² Snyckers, La Banque de France et la Reichsbank. Paris, 1908, стр. 90—91. См. также Patron, La Banque de France et le crédit national et international, Paris, 1908, стр. 56, и Schwalenberg, Die Bank von Frankreich und die Deutsche Reichsbank, 1904, стр. 59.

заседают банкиры-посредники,—эти «розничные торговцы в банковом деле» (*fripiers de banque*),—по выражению Реньо-де-Сен-Жан-д'Анжели,—живущие третьей подписью, живущие куртажем и приходящие туда для защиты третьей подписи, для защиты куртажа, для защиты своего интереса».¹

В противоположность этому, Австрийский (и затем Австро-Венгерский) Банк сравнительно рано вступил на путь понижения своих требований в вопросе о подписях под векселем; два обстоятельства содействовали этому в особенности: во-первых, хозяйственная отсталость дунайской монархии, заставлявшая Банк заботиться о расширении круга своей клиентелы, и, во-вторых, та необходимость считаться с исходящею с разных сторон острою критикой его действий, которая рано стала характерною чертой истории этого Банка.

Переговоры между Банком и правительствами начались 17 ноября 1885 года; с 5 мая 1886 года в сейм и рейхсрат были внесены проекты нового устава и новых соглашений. Проекты эти в общем сохраняли устав 1878 года, но включили в него все предлагавшиеся генеральным советом изменения (с той лишь разницей, что налог на эмиссию был предположен не в 4, а в 5%). Кроме того, по правительственным проектам, должна была подвергнуться изменениям ст. 55 устава 1878 г., регулировавшая отношения между Банком и государством. Предлагавшиеся изменения были двоякого рода: во-первых, предлагалось выпустить из этой статьи те ограничительные условия, которыми обставлялся в ней учет векселей для государства (присутствие в заседании генерального совета не менее 9 членов его и подача двумя третями присутствующих членов голоса за сделку); в мотивах к проекту указывалось, что к генеральному совету необходимо иметь достаточно доверия, чтобы не обставлять его постановления подобными условиями, и, кроме того, что фактически в течение последней привилегии учет Банком векселей для государства вообще не производился; другое изменение состояло в дополнении к этой статье следующего пункта. «Кроме того, Банк может вступать в иные соответственные уставу операции для австрийского или венгерского министерства финансов только постольку, поскольку с этим не связаны ссудная операция или доставление кредита». Это последнее добавление, открывшее возможность новой деятельности эмиссионного банка по обслуживанию государственных потребностей, без опасного для денежной системы кредитования казны,—деятельности, образец которой можно найти и в истории Английского Банка,—соответствовало общим тенденциям момента, как мы увидим далее.

В то время, как в венгерском сейме обсуждение законопроекта не вызвало особенно острых прений, так как «моральное завоевание Трансильтании» Банком, действительно, совершилось, хотя и не надолго, и венгерцы объявили себя удовлетворенными деятельностью Банка во время его первой привилегии, в австрийском рейхсрате рассмотрение проекта затянулось. Дело осложнилось тем, что население некоторых частей монархии приняло на этот раз горячее участие в обсуждении законопроекта,

¹ Journal Officiel, 1897, Débats parl. Ch. des dép., стр. 1291.

и комиссия нижней палаты была завалена петициями, содержавшими различные пожелания относительно будущей деятельности Банка. Общий характер этих петиций в значительной степени соответствовал политическим особенностям момента, нашедшим себе яркое выражение и в составе палаты депутатов. Эта последняя в восьмидесятых годах носила уже совершенно иной характер, чем в предшествовавшие десятилетия. Либеральная партия, обвиненная в поощрении грюндерства, вызвавшего кризис 1873 года, и в чрезмерной уступчивости по отношению к венгерцам, окончательно потеряла влияние. Консервативно-клерикальные клубы воспользовались этим для сближения с некоторыми славянскими группами и стали теснить либералов с одной стороны, в то время как враждебная экономической свободе демократическая «партия мелкого люда» нападала на них же с другой. В конце семидесятых годов власть окончательно ускользнула из рук либералов: император, колебавшийся до тех пор между либералами, партией централистической и немецкой, и федералистами, партией аристократической и консервативно-клерикальной, разошелся с первыми по вопросу об оккупации Боснии и Герцеговины; с тех пор правительство, в лице двух следовавших друг за другом кабинетов Таафе, опиралось на правых и на славянские клубы и вступило в борьбу с прогрессистами. В противоположность либералам, партия которых продолжала распадаться, консервативно-клерикальное большинство поспешило тесно объединиться и создало «исполнительный комитет», орган правых партий для постоянных сношений с правительством, пользовавшийся большим влиянием в рейхсрате восьмидесятых годов. На другой стороне группа венских демократов, объединившись с некоторыми элементами, отпавшими от либеральной партии, основала в 1887 году христианско-социалистическую партию, которая, наряду с выставлением антисемитических лозунгов, требовала, социальных реформ для защиты мелкого люда—ремесленников, лавочников—против конкуренции капиталистов. Идеализация экономических организаций и порядков прошлого (например, цехов) сближала эту партию с большинством, и обе стороны склонны были отнестись одинаково враждебно к Австро-Венгерскому Банку, как представителю частного капитала, посвящающему слишком много внимания развитию крупных торговли и промышленности. Со всех сторон требовали, чтобы Банк расширил кредит сельскому хозяйству и ремеслу, и так как в теперешней организации Банка усматривалось много препятствий для перехода к новому роду деятельности, то, как увидим далее, проектировались радикальные реформы в устройстве этого кредитного учреждения.

Приблизительно в том же духе были составлены и петиции, поступавшие в рейхсрат по вопросу о Банке: многочисленные ходатайства с разных концов страны настаивали на увеличении отделений Банка, на оказании помощи кредитной кооперации, в особенности на облегчении переучета векселей сельскохозяйственных кредитных товариществ и вообще на расширении кредита сельскому хозяйству; со многих сторон требовали также допущения к учету в Банке варрантов, как меры, содействующей развитию товарооборота; наконец, указывая на серьезный пробел в деятельности Банка, требовали развития текущих счетов.

Наряду с этим выдвигались и требования национального характера: чехи, добивавшиеся в это время для себя тех же уступок, какие были сделаны Венгрии в политической области, выставляли соответствующие требования и в вопросе об организации и деятельности Банка.

В докладе, представленном нижней палате ее комиссией,¹ говорилось, что дуалистическая организация Банка вполне себя оправдала, и что поэтому действующие устав и соглашения должны быть продлены на новые десять лет. Что же касается до проектированных изменений в уставе, то комиссия, предлагая палате утвердить их, высказала по поводу них следующие соображения. Облегчение учета правительственных векселей (стр. 55), по словам доклада, не должно вызывать особых опасений «в виду разделения банковской дотации и отлива (вследствие увеличения числа отделений) средств Банка к периферии стран»; вполне приемлемым комиссия нашла и разрешение Банку вступать в иные сделки с государством, так как проект делает ясное исключение для опасной ссудной операции, которая не может допускаться. Доклад приветствует и отмену требования о засвидетельствовании подписей под векселем: эта мера облегчит кредит сельским хозяевам, торговцам и ремесленникам (ст. 60). Распространение ссудной операции на новые виды бумаг, особенно на шестимесячные векселя, по мнению комиссии, необходимо, так как, между прочим, долгосрочные векселя преобладают в сельском хозяйстве и во многих отраслях торговли (ст. 65). Относительно новой системы покрытия (ст. 84), комиссия, кроме обычных соображений о необходимости перехода границы контингента во время кризисов и о связи между налогом на эмиссию и учетным процентом, указала, что действовавшая до сих пор английская система без надобности требует большего металлического покрытия, чем покрытие на $\frac{1}{3}$ или даже на $\frac{2}{5}$, и что новая система вовсе не ведет к постоянному расширению выпуска непокрытых металлом билетов; налог на эмиссию должен быть установлен и, по мнению комиссии, в 5, а не в 4%, так как это более соответствует обычной цене денег в Австрии: повышение процента выше 4 не является здесь чем-то необычным, что позволяло бы уже расширить эмиссию непокрытых билетов. Соглашаясь с тем, что зачисление дивиз в металлический запас противоречит принципам, на которых должна быть основана деятельность производящего размен своих билетов банка, комиссия именно поэтому-то и высказывалась в пользу такого зачисления, пока Австро-Венгерский Банк не разменивает своих билетов. Что касается до представленных различными учреждениями петиций, то комиссия предложила палате, не вводя соответствующих постановлений в устав, принять ряд резолюций по затронутым петициями вопросам.

Обсуждение проекта устава в рейхсрате началось только 11 марта 1887 года. Как и следовало ожидать, изменения в уставе, предложенные правительством и комиссией, были в результате этого обсуждения приняты; прения, развернувшиеся во время посвященных проекту заседаний палаты депутатов, сосредоточились по преимуществу на некоторых

¹ Доклад этот напечатан в Stenograph. Protokollen, X Session, Beilage 337, стр. 1 и след.

общих вопросах и в гораздо меньшей степени на тех сравнительно не крупных изменениях в уставе, которые предлагались проектом. В частности введение косвенного контингентирования эмиссии (ст. 84) не натолкнулось на серьезные возражения и было принято без изменений. К 1887 году опыт действия этой системы эмиссии в самой Германии был еще не велик (она была введена там, как мы знаем, в 1875 г.) и поэтому не давал материала для ее критики. Поэтому было выражено только опасение, что руководители Австро-Венгерского Банка будут слишком легко прибегать к расширению эмиссии, и для предотвращения этой опасности Гербст предложил взимать с избыточной эмиссии прогрессивно возрастающий налог.¹ Но опыт действия этой системы в Германии в последующие десятилетия ясно показывает, что ее недостатки оказались более сложными. Прежде всего, эта система оказалась бес- сильной осуществить те ожидания, которые возлагались на нее Миха- элисом в 1875 году; она не привела к установлению той связи между процентной ставкой Имперского Банка и налогом на эмиссию, дости- жение которой было одною из основных идей системы. Расчеты на то, что учетный процент Банка будет повышаться, когда для Банка будет возникать необходимость уплачивать налог на эмиссию, и понижаться, когда эта необходимость будет исчезать, не оправдались: под влиянием ряда факторов, относящихся в особенности к области валютной политики, Банк нередко должен был поддерживать настолько высокий процент, что мелкие колебания потребности в средствах обращения не могли оказать влияния на последний. С другой стороны, германская система, хотя она и является, несомненно, более эластичной, чем английская, не могла вполне устранить той опасности, что при потрясении рынка эмиссия центрального банка натолкнется на непреходимую границу: это обусловливается тем, что при этой системе приходится соединять контингентирование эмиссии с требованием обязательного покрытия ее металлом по крайней мере на одну треть; если при данном металличе- ском запасе эмиссия составит сумму, вдвое большую, чем этот запас, то даже и с уплатою налога на эмиссию нельзя будет выпустить ни одного непокрытого металлом билета, а с другой стороны нельзя будет и выдать ни одной монеты из металлического запаса; поэтому и при этой системе возможна острая тревога на рынке вследствие приближения к границе эмиссии, а вместе с тем и судорожные повышения банков- ского процента. Это положение стало ясным в Германии в особенности со времени хозяйственного подъема, наступившего осенью 1895 года.¹ Правда, необходимо отметить и то, что указанные неблагоприятные

¹ Sten. Prot., X Session, стр. 4.475.

¹ См. Юбилейный отчет Die Reichsbank, 1876—1900, Berlin, 1900, особ. стр. 127; Katzenstein, Die 30-jährige Geschäftstätigkeit der Reichsbank, Berlin, 1906, стр. 26; Kaemmerer, Reichsbank und Geldumlauf, Berlin, 1897, стр. 22—25 и 39; Helfferich, Zur Erneuerung des deutschen Bankgesetzes, Leipzig, 1899, особ. стр. 22, и др. работы. По мнению проф. Кауфмана (Бум. деньги в Австрии, стр. 112—113), германская эмис- сионная система имеет целью лишь маскировать эксплуатацию Банка фиском благонамеренными ссылками на нужды торговли и промышлен- ности, но это толкование должно быть признано слишком упрощенным.

явления имели гораздо больше шансов проявиться именно в Германии, а не в Австро-Венгрии: существование разменности билетов Имперского Банка и необходимость вести энергичную охрану металлического запаса заставляли этот Банк поддерживать высокий и особенно чувствительный процент; кроме того, высота процента обуславливалась в Германии интенсивным развитием промышленной деятельности, и это же делало вопрос о границе эмиссии особенно острым. В Австро-Венгрии экономическая жизнь развивалась более вяло, и не существовало разменности билетов; поэтому недостатки системы косвенного контингентирования в монархии никогда не сказались особенно резко.

Зачисление девиз до суммы в 30 млн. гульд. в металлический запас (ст. III) встретило в палате обычные возражения: «бумага всегда остается бумагой» (Бошняк, член одной из славянских групп); в случае закупки девиз на банковые билеты принцип контингентирования будет нарушаться, что «поведет к ассигнационному хозяйству» (Паттан, христ. социалист); ¹ но это были единичные голоса, и статья была принята.

Включение шестимесячных векселей в число бумаг, под залог которых выдаются банком ссуды (ст. 65), вызвало возражения со стороны прогрессистов: указывали, что это увеличит в руках Банка запас векселей местного значения в ущерб векселям с мировым обращением, и что несовпадение между сроком ссуды (3 мес.) и сроком векселя затруднит взыскание (Матт); наконец, что предполагаемая мера ухудшит покрытие билетов, а вместе с тем и общее положение банка (Пленер, Нейвирт); но статья была принята после того, как представитель правительства указал на обычную осторожность руководителей банка. ²

Остальные мелкие изменения (в том числе и отмена засвидетельствования подписи под векселем) были приняты без особых возражений. Тем более остро был поставлен общий вопрос обо всем направлении деятельности Австро-Венгерского Банка. Прежде всего, во время общих прений, были сформулированы пожелания относительно обслуживания банком мелких сельских хозяйств. Депутат Бошняк доказывал абсолютную необходимость развития Банком такого рода кредита: ипотечный кредит слишком дорог для среднего и низшего крестьянства, и поэтому особенно важным является закон 9 апреля 1873 г. о ссудо-сберегательных товариществах, положивший основу создания системы дешевого кредита для крестьян; товарищества эти быстро развиваются, но для них необходима поддержка со стороны постороннего капитала. «Если отдельные лица,—говорил оратор,—не имеют средств для создания фонда, при помощи которого они могли бы удовлетворять свою потребность в кредите, то само собою понятно, что и соединения таких лиц, т.е. кредитные кооперативы, товарищества, также не будут иметь средств для достижения этой цели; поэтому-то я и возбуждал несколько раз вопрос о том, насколько Австро-Венгерский Банк может оказать поддержку ссудо-сберегательным кооперативам». Впрочем, Бошняк совсем отвергает тот способ оказания Банком помощи сельскому хозяйству, который наиболее часто рекомендуется, т.е.

¹ Sten. Prot., X Session, стр. 4371 и 4492—4496.

² Там же, стр. 4498—4431 и далее.

расширение переучета векселей. Векселя мелких и средних сельских хозяев выдаются на незначительные суммы: попадет, например, крестьянин во временную нужду, падет у него голова рогатого скота, заболит кто-нибудь в семье, или он пострадает от стихийного явления, — во всех таких случаях ему нужно 30, 40, 50 гульденов. Отделения Австро-Венгерского Банка помещаются в довольно крупных городах, в Штирии, — например, в Граце; если такой мелкий вексель, акцептант которого в городе, конечно, совершенно неизвестен, будет переслан в отделение Банка, то последний согласится на учет его лишь тогда, когда сумма таких векселей у него будет совершенно незначительна; но рост числа представляемых с неизвестными подписями векселей заставит отделение Банка ограничивать подобный кредит: учет мелких векселей безопасен, пока их мало, или когда акцептанты известны. Кроме того, крестьяне мало знакомы с вексельным обращением, и история ссудо-сберегательных товариществ в Австрии представляет примеры разорения банков вследствие переучета векселей совершенно несолидных. Поэтому оратор предлагает Австро-Венгерскому Банку оказывать мелкому землевладению поддержку путем выдачи ссуд самим товариществам, причем прямо требует, чтобы Банк относился к этим клиентам более благосклонно, чем к иным получателям ссуд.¹

Течение, представленное этою речью, выразилось, хотя и не в столь крайнем виде, в принятых палатою резолюциях о политике Банка (см. дальше), но, когда при обсуждении ст. 60 было поставлено на обсуждение требование правых о предоставлении льгот сельско-хозяйственным векселям и векселям, представляемым ссудо-сберегательным товариществам, либерал Врабен выступил с резкими возражениями против оказания таких льгот: кредитные кооперативы должны получать кредит на обычных условиях и потому, если хотят пользоваться кредитом в Банке, то должны позаботиться о том, чтобы их собственное положение давало Банку достаточные гарантии; между тем теперь таких гарантий для Банка нет, так как лишь немногие из товариществ имеют годные для учета в Банке векселя, притом большая часть их обладает слишком незначительным капиталом, помещает свои средства в ипотечные ссуды и не имеет неограниченной ответственности (оратор ссылаясь на Чехию). Правый Гевера возражал на это, что если бы Банк допустил к учету векселя, представляемые товариществами, то последние сумели бы заpastись годными для Банка векселями, что капитал и имущества чешских товариществ не так уж малы (127 млн.), что ипотечные ссуды достаточно обеспечены, и что, наконец, кассы с неограниченной ответственностью оказались наименее здоровыми. Вождь христианско-социалистической партии счел своим долгом выступить на поддержку своим союзникам. «Мы сказали нашим избирателям, — заявил Люэгер, — что кассы банка должны быть так же открыты для мелкого и среднего ремесленника, как и для богатого банкира»; точно так же должны удовлетворяться и разумные требования ссудо-сберегательных товариществ. Между тем в Вене, — продолжает оратор, вызывая бурные протесты либералов, — получают кредит только такие товарищества, которые находятся в руках немецко-либеральной партии («Ага!» и

¹ Там же, стр. 4371—4373.

«слушайте!» — справа), и открытие кредита употребляется прямо или косвенно, как агитационное средство».¹

Однако, когда деп. Тюрк (христ. соц.) формально поставил предложение о даровании особых льгот сельско-хозяйственным векселям и ссудо-сберегательным товариществам, оно было отвергнуто. В принятых палатой резолюциях правительству рекомендовалось оказать воздействие на Банк, чтобы последний при предоставлении кредита «не делал исключения для ссудо-сберегательных товариществ», и чтобы при назначении пензоров (рассматривавших качество представляемых векселей) выслушивалось мнение сельско-хозяйственных обществ и земледельческих советов (другие резолюции рекомендовали такое же воздействие на Банк для побуждения его к развитию текущих счетов, к открытию им в Австрии 8 новых филиалов и, наконец, к употреблению местных языков при сношениях с населением).

Во время общих прений произошла другая, еще гораздо более решительная атака на Австро-Венгерский Банк. Представители правительства проявили склонность защитить Банк от постоянных критических нападок: министр финансов Дунаевский высказал мнение, что для правильного хода деятельности такого крупного общества, как Австро-Венгерский Банк, последний должен иметь уверенность в том, что его привилегия обеспечена за ним надолго, и что поэтому следовало бы продлить его привилегию не на десять, а на двадцать или даже на тридцать лет.² Но среди правительственного большинства обнаружились совсем иные настроения. Один из видных членов этого большинства, член вышеупомянутого «исполнительного комитета» князь Лихтенштейн, начал свою речь следующим заявлением: «я считаю главной обязанностью эмиссионного банка быть непосредственно доступным широким слоям производительных сословий, которые своим трудом производят или увеличивают ценность благ»; соглашаясь с тем, что проектируемые изменения устава считаются с этим требованием, увеличивая доступ к Банку для землевладельцев и бедного люда, Лихтенштейн, тем не менее, находил возможным вследствие этого лишь отсрочить, но не оставить совсем основное, вытекающее из вышеуказанного принципа требование, именно требование об обращении Австро-Венгерского Банка в государственный. Оратор указывал, что эта мера, во-первых, вполне соответствовала бы тому принципу, что эмиссионное дело является государственной регалией, такую же, как монетная, что, во-вторых, она не могла бы привести ни к каким опасным последствиям, так как преобразованный банк стоял бы под контролем представительных учреждений, и что, наконец, в-третьих, она дала бы благотворные результаты, позволив перестроить систему покрытия банковых билетов на более разумных началах: для солидного государственного учреждения достаточно было бы держать металлический запас в размере только 15% суммы выпущенных билетов, а для определения состава остальной части покрытия должна быть использована идея американской эмиссионной системы — покрытие внутренними, приносящими доход, но абсолютно-обеспеченными

¹ Там же, стр. 4405—4409, 4409—4410 и 4411.

² Там же, стр. 4369—4370.

ценными бумагами; считая неподходящею для этого государственную ренту, курс которой слишком колеблется, Лихтенштейн рекомендовал первые закладные на дома, привилегированные облигации железных дорог, закладные листы и, наконец, первые ипотeki на недвижимые имущества и проектировал для приобретения всех таких бумаг выпуск государственного займа.¹ Из рядов христианско-социалистической партии проект князя Лихтенштейна о переводе Австро-Венгерского Банка в руки государства был не только поддержан, но поддержка эта сопровождалась прямою угрозою по адресу Банка: член этой партии Кайцль указывал Банку, что в собственных интересах последнего теперь как можно больше заботиться о мелком люде: чем менее Банк будет стараться удовлетворить действительные потребности населения, тем шире будет распространяться идея обращения его в государственный (справа: «совершенно правильно»).²

Характерно, что и в среде либералов не обнаружилось по этому вопросу полного единодушия. Большинство их отнеслось к идее Лихтенштейна, конечно, безусловно отрицательно, и выступивший от этой группы Нейвирт в своей речи зло высмеивал как теоретические соображения князя, так и его практические предложения о покрытии банковых билетов. По поводу самого проекта об обращении Австро-Венгерского Банка в государственный Нейвирт говорил: «Само собою разумеется, князь говорит, что новый государственный банк должен управляться совершенно независимо, под публичным контролем представительных учреждений. Публичный контроль представительных учреждений! Но в Австрии ведь бывали времена, когда существовавшие конституции отменялись или отсрочивались, и тогда, естественно, не было представительных учреждений, а, следовательно, не могло быть и контроля представительных учреждений». Да в тогдашней Австрии, и при наличности представительных учреждений, по мнению Нейвирта, не могло быть гарантии против злоупотреблений государственным банком; оратор ссылается на то, что в предшествовавшие недели, среди всеобщего мира, был утвержден кредит на военные нужды в 52½ млн., причем утверждение последовало в течение пяти минут, без прений, вслед за многозначительными словами докладчика делегации: «в некоторых положениях молчание красноречивее, чем самые пламенные речи»; то же может повториться и при принятии решений о государственном банке. Встарину хорошо понимали недостатки системы государственных банков, что доказывается передачей в 1705 г. государственного банка городу Вене, причем передача эта сопровождалась заявлением, что во все времена самые назависимые банки были самыми процветающими. Государственный Банк будет поставлен в распоряжение правительства, а как это повлияет на восстановление валюты, можно судить по истории займа 1854 года, предназначенного для восстановления валюты, но истраченного на постройку казарм, оккупацию дунайских княжеств и только не на достижение поставленной займу цели; поэтому можно утверждать, что государственный банк помешает восстановлению валюты.³

¹ Там же, стр. 4373—4376.

² Там же, стр. 4376—4385.

³ Там же, стр. 4393—4399.

Но другой представитель левой, Рихтер, высказал иное мнение, и взгляд его особенно любопытен тем, что он намечает связь между вышеприведенными угрозами по адресу банка и возложенными в скором времени на банк задачами. Рихтер начал с замечания, что те обвинения, которые выставляются большинством палаты против либералов, стремящихся будто бы к плутократии, совершенно несправедливы: все, что есть худшего в капитализме, встречает себе поддержку именно в правых; «в Австрии еще не было правительства, до такой степени зависящего от финансовых кругов и до такой степени благосклонного к ним, как нынешнее», «и большинство этой высокой палаты в этом направлении охотно следует за правительством». Рихтер понимает, что в современных условиях перевод Банка в руки государства невозможен, но он не считает этой мысли вредною, как Ней-вирт, в особенности в виду приближения валютной реформы: нынешний Австро-Венгерский Банк, по мнению оратора, имеет мало интересов в восстановлении валюты; Банк, может быть, даже боится, что по достижении этой цели ему скажут: мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Между тем помощь могущественного эмиссионного банка при валютной реформе будет необходима. Теперь почти половина обращающихся бумажных денег—государственные билеты, государство оказывает влияние на организацию и управление Банка; значит, по существу положение во многих отношениях является тем же, как оно было бы и при государственном банке, с тем только отличием, что маленькая кучка людей имеет несоразмерно большую долю в прибылях Банка и оказывает несоразмерно большое влияние на распределение кредита.¹

Дальнейшая история Австро-Венгерского Банка не принесла с собою осуществления выдвинутого князем Лихтенштейном проекта, но он не остался на нее без влияния в том смысле, который, впрочем, придавался ему некоторыми ораторами и во время изложенных прений,—в смысле скорее возможности, угрозы, нежели реального предложения. Впрочем, трудно сомневаться в том, что Лихтенштейн выдвигал этот проект совершенно серьезно: идея перевода центрального эмиссионного банка в руки государства стала в конце XIX столетия выдвигаться некоторыми общественными группами в разных странах. Как известно, центральные эмиссионные банки находились в руках государства тогда лишь кое-где;² в огромном же большинстве стран эти банки являлись частными акционерными предприятиями, стоящими по своей организации в разнообразных отношениях к государству—начиная от полной независимости (как в Английском Банке), включая назначение государством ответственных руководителей (управляющего, как во Французском Банке) и кончая полным сосредоточением управления акционерным банком в руках государства

¹ Там же, стр. 4490—4492.

² Из европейских стран—в России, Швеции и Болгарии и, кроме того, в двух—трех внеевропейских странах. После мировой войны число стран с государственным центральным эмиссионным учреждением увеличилось: в конце 1923 г. таких стран было 12 (Австралия, Болгария, Чехо-Словакия, Эстония, Финляндия, Венгрия, Япония, Латвия, Польша, СССР, Швеция и Уругвай); с тех пор в некоторых из этих стран (в Польше, Венгрии) государственное эмиссионное учреждение было заменено частно-акционерным эмиссионным банком.

(как—до 1924 г.—в Германском Рейхсбанке). На двух полюсах общественной жизни эта форма организации центрального эмиссионного банка вызывала постоянное недовольство; носителями этого недовольства были, с одной стороны, как понятно, социалисты, а с другой—представители консервативных слоев общества—агратии.

В Австро-Венгрии в 1887 году, при обсуждении вопроса о Банке, голос социалистов не был слышен, так как социал-демократическое движение в этой стране тогда только еще зарождалось и не было представлено в рейхсрате. Но и в Германии проекты обращения Рейхсбанка в государственное учреждение стали настойчиво выдвигаться лишь с конца девяностых годов, после тех заминок в деятельности эмиссионно-кредитной системы, которые обнаружились с 1895 года; тогда (в 1899 г.) социал-демократами было заявлено в рейхстаге, что в результате перевода Имперского Банка в руки государства «это учреждение, служащее теперь узкому кругу интересов, станет учреждением, работающим в интересах всего общества». Впрочем, социал-демократы не могли не считаться с особенностями тогдашнего германского государственного строя и возлагать большие надежды на эту реформу, тем более, что управление Рейхсбанком и без того находилось в руках государства. Вероятно, поэтому требование это не было выдвинуто ими с тою настойчивостью, с какою оно защищалось французскими социалистами при пересмотре привилегии эмиссионного банка в 1897 году. Особенно подробно говорил об этом Вивьени в цитированной уже нами речи. Он указывал, что в нынешних условиях Французский Банк является монополией нескольких привилегированных лиц, и требовал замены его действительно-национальным банком, который сделает благодеяния кредита доступными всем и обратит их на общую пользу. Оратор понимает, что утверждение, будто трудящиеся массы улучшат свое положение благодаря государственному банку, является «преступной утопией»: кредитное учреждение может давать ссуду лишь при представлении залога, и таким образом кредит не явится средством приобретения новой собственности, а будет только средством защиты, увеличения и укрепления собственности, уже существующей. Но дело в том, что в наше время, когда концентрация капиталов с каждым днем увеличивается, дарование привилегии частному банку передает в руки нескольких человек орудие политического и социального угнетения; кроме того, уступая эту привилегию Французскому Банку, законодательная власть поощряет его делать и завтра то же, что он делал вчера: раздавать кредит крупной торговле, верхним слоям спекулянтов, но отказывать в кредите мелкой торговле, средней промышленности, мелкому земледелию, между тем как помощь этим последним необходима. Попытки реформировать управление Банка и его политику всегда оказываются неудачными, так как представляемый Банком частный капитал требует каждый раз огромного вознаграждения за каждую свою ничтожную уступку. Государство оказывало Банку большие услуги, уничтожив конкурировавшие с ним эмиссионные банки и давая его билетам принудительный курс во время политических и экономических потрясений; кроме государства, Банк многим обязан и нации: ведь в сущности не Банк дает кредит торговле, а торговля—Банку; «между тем как учтенный вексель есть действительная ценность, созданная коммерсантом, выдаваемый

Банком в учетной операции билет является фиктивной ценностью: он ничего не стоит Банку, и Банк его выпустил только по полученному от вас полномочию». Так как сумма билетов Банка в обращении превышает его металлический запас, то Банк обеспечивает эти билеты своим портфелем, а что такое портфель, как не собрание коммерческих бумаг, представляющих все действительные ценности, созданные вне Банка? Если же Банк, с своей стороны, оказывал государству и нации какие-нибудь услуги, то одни из них делались только потому, что Банк подчинялся при этом велению собственного интереса и рассчитывал обогатиться, другие же он оказывал под давлением экономической необходимости: так отделения открываются Банком в расчете на расширение его операций. Притом каждый раз, как Банк давал деньги в ссуду государству, государство в обмен за это отказывалось от одного из своих прав, напр., от частого пересмотра привилегии, от налогов и т. д. В виду того, что попытки воздействовать на Банк таким образом оказываются неудачными, остается единственный выход—социализировать Банк; но во главе государственного банка не должны стоять чиновники: генеральный совет должен состоять из членов, избранных представителями торговли и промышленности, как предпринимателями, так и рабочими.¹

Более родственны австрийскому проекту 1887 года были идеи германских аграриев, выдвигавшиеся ими в 1889 и 1899 годах при пересмотре банкового закона. Аграрии доказывали, что в тех тяжелых условиях кредита, которые, как нам известно, в значительной степени обуславливались общим экономическим положением Германии, виноват сам Рейхсбанк, так как он, как частное акционерное общество, заботится главным образом о дивиденде, а затем об интересах тех кругов, представителями которых являются его акционеры, особенно члены центрального комитета, состоящего преимущественно из банкиров. Поэтому к кредиту в Банке слишком часто допускаются спекулянты, заботы же о сельском хозяйстве и о ремесле совершенно чужды Банку; этим объясняется и то, что он совсем не стремится к понижению своего учетного процента. Между тем получаемый акционерами дивиденд обязан своей высотой дарованной Банку государством привилегии; это совершенно незаслуженный подарок государства частным лицам, так как дивиденд этот составляет обычно $6\frac{1}{2}\%$, а государство могло бы заключить заем из $3-3\frac{1}{2}\%$, выкупить на полученные деньги Банк и обращать затем весь излишек прибыли Банка на общие нужды. Центральный комитет акционеров (наблюдавший в Рейхсбанке того времени за управлением, находившимся в руках назначенных короною лиц) должен быть заменен состоящим при правлении советом, избираемым представителями различных экономических интересов; таким образом бюрократическому правлению банка будет обеспечена постоянная помощь практиков, лишенная того одностороннего характера, каким она отличается теперь, когда правление советуется только с банкирами и капиталистами.²

В дореволюционной Германии эта агитация влиятельных аграриев была сочтена сторонниками акционерной формы Рейхсбанка более опасною,

¹ Journal Officiel, 1897, стр. 1288—1297.

² Markwald, Soll die Reichsbank verstaatlicht werden? Berlin, 1889, особ. стр. 8 и 10—13. См. также: Arendt, Die Zukunft der Reichsbank, 1889.

чем проекты, исходившие из социалистических кругов. Со стороны представителей банков, промышленности и торговли был выставлен ряд возражений против проекта обращения Банка в государственный: указывали, что не все годы для Банка столь же выгодны, как 1891—1897 годы, и что поэтому от перевода его в руки государства нельзя ожидать больших доходных поступлений; теория о «подарке» также встретила опровержение: подчеркивалось, что Банк вознаграждает государство услугами финансовому управлению, уступкой части прибыли казне и т. д. Между тем обращение Банка в государственный и совершенно ненужно и может принести серьезный вред: бюрократии и теперь уже предоставлено управление банком, а государственный банк представляет собою слишком тяжелый механизм для приспособления к столь тонкой организации, как денежный рынок. Среди других опасностей, представляемых государственным банком, часто указывалось на возможность захвата его средств неприятелем во время войны, между тем как один эпизод войны 1870 года показал, что средства частного банка не подвергаются этой опасности.¹ Далее утверждалось, что акционеры играют в Банке важную роль не только для защиты Банка от чрезмерных требований правительства, но и благодаря знакомству акционеров с денежным обращением, причем имеет важное значение при этом именно то, что акционеры имущественно заинтересованы в банке.²

Но главное, как указывали сторонники акционерной формы Банка, состоит в том, что задачу Рейхсбанка после того, как он перейдет в руки государства, станет благотворение аграриям в ущерб всем требованиям эмиссионно-банковой политики. На 24-м съезде представителей германской торговли в Берлине Шинкель говорил, что упреки, которые делаются Имперскому Банку, могут быть сведены к трем категориям: во-первых, Имперский Банк поддерживает в стране слишком высокий учетный процент; во-вторых, услуги Банка не всем выгодны и полезны; в-третьих, средства Банка не ставятся в пользование сельского хозяйства. Ссылаясь, в опровержение двух первых упреков, на то, что в деле установления процентной ставки Рейхсбанк лишь следует за движением рынка, и на организацию им обращения по текущим счетам, Шинкель говорит далее: «Перехожу к третьему и главному упреку. Сельское хозяйство жалуется на то, что средства Имперского Банка не поступают в его распоряжение. Но § 31 банкового закона исключает от учета в Имперском Банке все векселя, имеющие срок более трех месяцев и не снабженные тремя, по меньшей мере двумя подписями лиц, платежеспособность которых известна. Имперский банк соблюдает это правило не только по букве, но и по смыслу; он хорошо знает, что очень легко по истечении первых трех месяцев возобновить вексель еще на три, и поэтому держится правила учитывать только такие векселя, в основе которых, насколько это можно узнать, лежит действительная сделка, такая сделка, о которой можно думать, что она завершится до истечения срока векселя, так что отвечающий по векселю будет в состоянии оплатить последний. Имперский Банк не допускает к учету все векселя,

¹ Эпизод этот (с приведением приказа кронпринца) рассказан у P o m m i e r (La Banque de France et l'état. Paris. 1901).

² H e l f f e r i c h, Die Erneuerung etc., стр. 42—67; L o t z, Der Streit um die Verstaatlichung der Reichsbank, München und Leipzig, 1897, стр. 7.

о которых должно думать, что они являются неделовыми или такими, которые будут возобновлены по истечении срока; но этот принцип Имперский Банк применяет не только к сельскому хозяйству, но также и к промышленности и к торговле с чисто-классическим беспристрастием, а в частности по отношению к торговле—со строгостью, которая часто вызывала неудовольствие». Утверждение, что при учете векселей и выдаче ссуд сельское хозяйство поставлено в худшее положение, чем торговля и промышленность, было бы совершенно ложным: векселя, удовлетворяющие законным требованиям Имперского Банка, напр., выданные при продаже продуктов сельского хозяйства или покупке удобрений и т. п., принимаются Банком от сельских хозяев с такою же готовностью, как от всех других; фактически сельское хозяйство получает даже льготу, так как по старой, унаследованной еще от Прусского Банка практике разрешается один раз пролонгировать сельско-хозяйственный вексель.¹

Таким образом, проект, выдвинутый в 1887 году Лихтенштейном, вполне соответствовал общему отношению аграриев к вопросу об организации центрального эмиссионного банка, но только-что приведенные возражения, приводившиеся против подобных же проектов в Германии, объясняют нам многое в том впечатлении, которое этот проект должен был произвести на Австро-Венгерский Банк и его сторонников. Во всяком случае нужно считать, что постановка этого острого вопроса явилась одною из самых замечательных черт обсуждения устава 1887 г. Сам по себе правительственный (согласованный с генеральным советом Банка) проект прошел в палате депутатов гладко; в палате господ он также не встретил особых возражений, и 21 мая 1887 года устав получил императорское утверждение (привилегия банка была продлена еще на 10 лет, до 31 декабря 1897 г.); заключенные вслед за этим соглашения не внесли ничего особенно нового: они относились к оставлению за венгерской конторой и венгерскими отделениями Банка той же минимальной дотации (50 млн.) и к продлению постоянной (так наз. 80-миллионной) ссуды государству, на погашение которой должна была попрежнему обращаться доля государства в доходе Банка. Центральным нововведением устава было, конечно, установление системы косвенного контингентирования эмиссии, но вопрос этот, уже predetermined, не вызвал особого обсуждения. Гораздо более ярким оказалось то, что антикапиталистические веяния эпохи особенно сильно подчеркнули недоверие к Банку, господствовавшее в широких кругах населения. Банк был непопулярен вследствие его осторожной деятельности в области раздачи кредита; его обвиняли в узко-эгоистической заботе исключительно о своих прибылях. Мы видели, что даже расположенные к движимому капиталу либералы не верили, чтобы Банк мог хорошо разрешить важную задачу, выпадавшую на него при регулировании валюты. Между тем вопрос о валютной реформе как раз в это время стал близиться к разрешению; вместе с тем выдвигалась на первый план и задача, состоявшая в подчинении частного интереса Банка более важным общенациональным и общегосударственным интересам.

¹ Verhandlungen des 24-ten Deutsch. Handelstages (Stenogr. Bericht), Berlin, 1898, стр. 5—7.

ГЛАВА IV

Валютная реформа и задачи Банка

I

В конце восьмидесятых годов вопрос о возвращении к устойчивой валюте стал в Австро-Венгрии, наконец, решительно на очередь. Формально основой денежного обращения монархии являлась введенная в 1857 г. серебряная валюта, в основу которой была положена монетная единица, чеканившаяся по расчету 35 гульденов из метрического фунта чистого серебра (были допущены и золотые монеты—100 крон из фунта чистого золота, но цена кроны на серебряные деньги не была фиксирована); билеты Австрийского Банка признавались разменными на серебро. Попытка восстановить размен в 1858 г. окончилась неудачей, но политическое преобразование империи в начале шестидесятых годов вновь выдвинуло эту задачу и, казалось, обещало ее разрешить. Исходный пункт, от которого при этом отправлялись, определялся данным в 1857 году обещанием ввести размен билетов на серебряную монету; стремление выполнить это обещание влекло за собою необходимость предварительно устранить обесценение банковых билетов и постепенно поднять их до паритета с серебром. Проведение в жизнь этого постепенного возвышения курса банковых билетов в 1863—66 г.г., достигавшееся в значительной мере рестрикционной политикой в области денежного обращения и кредита и неблагоприятно отразившееся на экспорте, сделало, однако, идею восстановления валюты непопулярною в широких кругах населения и вызвало даже попытки воздействия на правительство и на Банк в целях заставить их отказаться от преследовавшейся цели. После того, как в 1866 г. были выпущены государственные бумажные деньги, возможность возобновления размена вновь исчезла, и лаж значительно повысился. При этом обесценение бумажных денег давало австрийскому вывозу и австрийскому производству одинаковое покровительство, как относительно стран с серебряной, так и относительно стран с золотой валютой; отношение ценностей золота и серебра на международном рынке до начала семидесятых годов было довольно устойчиво ($1 : 15\frac{1}{2}$), и потому серебряный и золотой лажи в Австро-Венгрии были приблизительно одинаковы: 31 декабря 1866 г. серебряный лаж составлял 29,5% (перед войной с Пруссией он опустился было до 1,5%), золотой—29,0%; 31 декабря 1867 г. серебряный—19,5%, золотой—19,0%.¹

¹ Mecenseffy, Bericht über den Goldbesitz, 1897, стр. 5—6.

Тем не менее, некоторые обстоятельства заставляли предвидеть изменения в мировом положении благородных металлов: добыча золота возрасла на столько, чтобы дать вероятность мысли о всеобщем распространении золотой валюты; рост добычи серебра скоро принял такой характер, что ценность этого металла стала крайне неустойчивой. В странах биметаллистических увеличение мировой добычи золота повело к возрастанию количества золота в обращении; чтобы удержать желтый металл, Франция перед войною 1870 года с особенной охотой останавливалась на мысли о введении золотой валюты (Парижская конференция). В то же время развитие торговли и промышленности в некоторых странах, обладавших серебряной валютой (именно в германских странах), ставило перед ними вопрос о принятии той валюты, которая (с 1816 г.) составляла основу денежного обращения в стране, господствовавшей на международном рынке (Англии). Впрочем, пока отношение между ценностями обоих металлов на мировом рынке было еще устойчивым, т.е. до начала семидесятых годов, германские страны могли еще сохранять свою серебряную валюту. Но для Австро-Венгрии держаться за последнюю не было смысла; здесь серебряная валюта была установлена в 1857 г. в целях «велико-германской» политики, но 1866 год выбросил империю Габсбургов из Германии; поэтому она вышла (13 июня 1867 года) и из немецкого монетного союза. Предвидя будущую роль золота, австро-венгерское правительство стало склоняться к мысли о монетном союзе с биметаллистическими странами, которые как раз в это время проектировали дать золоту больше места в своей денежной системе: на прямой переход к золотой валюте это правительство боялось рассчитывать. Переговоры о более или менее тесном сближении с Францией ни к чему не привели, но 3 марта 1870 г. был издан закон, который, отменив постановления 1857 и 1858 г.г. о золотых монетах, предписал вместо них чеканить золотые монеты в 4 флорина, равные 10-франковой золотой монете, и в 8 флоринов, равные золотой монете в 20 франков. Этой мерой был создан в Австро-Венгрии золотой гульден, равный одной восьмой части 20-франковой монеты, но ею не была устранена серебряная валюта: между золотом и серебром в Австро-Венгрии все-таки не было установлено определенного отношения (как необходимо при биметаллизме); не было даже параллельной валюты, так как монеты из обоих металлов не могли заменять друг друга при платежах: золотые монеты должны были приниматься в обращении лишь по особому соглашению. Впрочем, этот вопрос имел лишь теоретическое значение, так как на практике в Австро-Венгрии существовала валюта бумажная. Однако, имея в виду задуманный переход к золотой валюте, Австрийский Национальный Банк в 1871 и 1872 г.г., пользуясь выгодным отношением между ценностью серебра и ценностью золота на международном рынке, обменял большую часть своего серебряного запаса на золото.

С 1872 года положение решительно изменилось: ценность серебра на мировом рынке стала неудержимо падать вследствие огромного увеличения добычи этого металла (отношение между ценностью золота и серебра составляло: в 1871—73 г.г.—1 : 15,7; в 1881—85 г.г.—1 : 18,6; в 1889 г.—1 : 22,5; в 1892 г.—1 : 24). Для Австро-Венгрии это имело тот результат, что лаж, с которым ходило серебро, стал постепенно исчезать, и цена

серебряного гульдена стала приближаться к цене бумажного: курс 100 серебряных гульд. на бумажные составлял: в 1872 г.—105,2—114,7; в 1873 г.—104,7—112,5; в 1874 г.—103,1—108,2; в 1875 г.—100,2—106,3; в 1876 г.—100,9—118,2; в 1877 г.—103,9—117,7; в 1878 г.—99,8—107,4; в январе и феврале 1879 г.—100. К началу 1879 г. оба эти гульдена сравнивались по своей цене; международная ценность серебра продолжала падать и дальше, но серебряный гульден Австро-Венгрии не мог, по крайней мере надолго, пасть ниже цены бумажного гульдена, так как законною валютой монархии была серебряная: каждый мог получить на монетном дворе, в обмен на фунт принесенного серебра, 45 гульденов бумажными деньгами, и это поддерживало серебряный гульден на уровне паритета с бумажным. Серебряный лаж исчез, и вместо него наступило новое явление: обесценение, — с 1878—79 г.—одинаковое, серебряных и бумажных средств обращения сравнительно с золотыми; стали говорить о золотом лаже (формально, собственно, неправильно, так как по закону не было установлено никакого отношения между ценностью золота, с одной стороны, и ценностью серебра и подлежащих размену на серебро билетов, с другой). В общем, в период 1872—1888 годов в области денежного обращения Австро-Венгрии доминировало одно постоянное явление: медленно прогрессировавшее обесценение австрийской валюты по отношению к золоту (к 1887 г. золотой лаж поднялся до 27 $\frac{3}{4}$ %). Возраставший лаж действовал как протективная пошлина и как экспортная премия, и этого было достаточно для того, чтобы валютная реформа продолжала быть невыгодной для обширного контингента лиц. В этот период регулирование валюты было неосуществимо и для государства: «подведение металлического фундамента» под существовавшее денежное обращение требовало обширных запасов звонкой монеты, которые должны были приобретаться за границей, а между тем государственное хозяйство Австро-Венгрии в 1872—87 годах продолжало страдать от дефицитов.

Но к концу 80-х годов положение изменилось; изменение это, однако, подготовлялось постепенно. После того, как Германия, еще в 1871 г. приостановившая у себя чеканку серебра для частных лиц, приступила (в октябре 1873 года) к продаже своего серебра, принявшей особенно значительные размеры в 1876 году, падение цены серебра чрезвычайно усилилось, и биметаллистические страны стали испытывать опасения за свое золотое обращение; в 1878 г. Франция приостановила свободную чеканку серебряной монеты с полной платежной силой, т.-е. пятифранковой монеты, и тем самым совершила переход от биметаллизма к хромающей золотой валюте. Следовательно, уже ряд стран был вынужден отталкивать серебро; цена его продолжала падать. Между тем в Австро-Венгрии с 1878—79 г. это явление, падение цены серебра, перестало отражаться на цене серебряного гульдена, остановившейся на уровне цены гульдена бумажного. Вследствие этого ввоз серебра в Австро-Венгрию для перечеканки его в монету стал чрезвычайно выгоден. На монетных дворах монархии ввозимое серебро перечеканивалось в серебряные гульденy, что значительно увеличило количество серебряных монет в обращении. Монеты эти стали стекаться в Австро-Венгерский Банк, который как раз незадолго перед этим обратил значительную часть своего серебряного запаса в золотой: теперь в подвалах

Банка вновь скопился значительный серебряный запас: 31 декабря 1876 г. Банк имел запас на 66,5 млн. в серебре и на 67,8 млн. в золоте, а к концу 1891 г. его серебряный запас увеличился еще на 50 млн. гульд. Обращение и подвалы Банка заполнялись падающим в цене металлом, извлечение и продажа которого впоследствии могли повести к большим хлопотам и убыткам. Выход был один—по примеру других стран прекратить серебру доступ на монетные дворы; и вот в марте 1879 г. приостанавливается чеканка серебряных монет за частный счет на австро-венгерских монетных дворах (правительства продолжают чеканку по мере фактической потребности); вместе с тем была отменена обязанность Австро-Венгерского Банка разминивать во всякое время и по требованию серебряные слитки соответственно законной монетной системе.

Обе эти меры были проведены административным, а не законодательным путем, но имели чрезвычайно важные последствия для австрийской валюты: они оторвали ее от ее серебряной основы. До сих пор связь этой валюты с мировым движением цены серебра все-таки поддерживалась: падение цены серебра на международном рынке сопровождалось, как в 1878 г., ввозом серебра в Австро-Венгрию и должно было в конце концов (в результате серебряной инфляции) вести к обесценению гульдена (однаково и серебряного и бумажного); международное вздорожание серебра, если бы оно случилось, должно было вести к противоположным последствиям. После марта 1879 г. движение международной цены серебра не могло уже отражаться на австрийской валюте, так как ввоз серебра для перечеканки в монету стал уже невозможен. Цена серебряного гульдена совершенно оторвалась от ценности содержащегося в нем серебра (внутренняя ценность серебряных гульденов в 1883—89 г. составляла 69—82 зол. гульдена, а в действительности курс ста серебряных гульденов в это время стоял на 79—84 зол. гульд.). Цена гульдена—однаково и серебряного и бумажного—стала теперь зависеть от ряда условий, среди которых на первом месте стояли потребности обращения в меновых знаках и платежный баланс монархии; последний стал исключительно определять курс австрийской валюты в международных отношениях. Австрийская валюта оторвалась от всякой металлической основы, она стала «свободной».

Благодаря потребности внутреннего обращения в меновых знаках покупательная сила австрийских гульденов—серебряных и бумажных—стояла постоянно выше того уровня, который соответствовал международной цене серебра, но так как в первое время после 1879 г., особенно в период 1885—1888 г.г., платежный баланс Австро-Венгрии относительно стран с золотой валютой был неблагоприятен, курс австрийской валюты понижался, и «лаж» возрастал. До последнего двухлетия восьмидесятых годов поэтому в монархии продолжало господствовать прежнее отношение к валютной реформе. Но к 1888 г. хозяйственная жизнь Австро-Венгрии несколько оправилась от удара 1873 года; вместе с этим улучшение международного положения (в середине восьмидесятых годов, как известно, опасались большой войны) уменьшило спрос на золотые векселя; платежный баланс решительно улучшился (по вычислениям Сакса, активный сальдо австрийского платежного баланса составил 57 млн. гульд.—в 1889 г., 40 млн. гульд.—в 1890 г. и 54 млн. гульд.—в 1891 г.). Улучшение общего

экономического состояния страны отразилось и на государственном хозяйстве: в 1889 г. впервые из бюджета исчез дефицит; заключение обоими правительствами новых займов за границей почти совершенно прекратилось, что немало содействовало улучшению платежного баланса. Неизбежным следствием всего этого явилось то, что курс австрийской валюты стал сильно подниматься (100 гульд. золотом стоили в 1887 г. 125,2 гульд., а в 1888 г.—122,8, в 1889 г.—118,5 гульд., в 1890 г.—115,4 и в 1891 г.—115,8 гульд. а. в.).

Это изменило отношение представителей промышленности и отчасти даже сельского хозяйства к вопросу о валютной реформе: если повышение лаж действовало как протективная пошлина и экспортная премия, то его понижение действовало наоборот, как импортная премия и экспортная пошлина. Министр финансов Штейнбах, решившийся быстро провести в жизнь валютное регулирование, мог рассчитывать и на поддержку финансовых кругов, предвидевших обширные кредитные операции, связанные с предстоящей реформой; ей сочувствовали и широкие слои трудящихся, получающих фиксированное вознаграждение и, следовательно, страдающих от колебаний валюты. Сторонники «бумажного гульдена олов» (часть аграриев, христианские социалисты) оказались теперь в меньшинстве. Установление устойчивой валюты стало с этих пор широко распространенным лозунгом, устойчивость же эта, по общему правилу, могла быть достигнута лишь в том случае, если бы в основу австро-венгерской валюты был положен металл, являющийся базисом денежных систем в наиболее важных для австро-венгерской торговли странах; уже одно это требовало построения новой валюты на золоте.

Состояние денежного обращения монархии ко времени реформ было следующим. Законную основу валюты составляло серебро, и в обращении должны были находиться три вида серебряных монет с полной платежной силой: монеты в 2 фл., в 1 фл. и в $\frac{1}{4}$ фл. Но, когда существовал серебряный лаж, бумажные деньги вытесняли серебро из обращения; когда же этот лаж, с 1878—79 года, исчез, все же обращение, отвыкшее от металла и недоверявшее падавшему в цене серебру, отталкивало его в кассы Австро-Венгерского Банка (в 1891 г. в обращении находилось серебряных монет с полной платежной силой только на 40—50 млн. фл., причем большая часть находилась в государственных кассах). Поэтому большая часть серебра в стране сосредоточивалась в Банке. При основании Банка его серебряный запас составлял только 5,0 млн. фл. к. м. (5,3 млн. фл. а. в.), внесенных акционерами при подписке; с течением времени этот запас повышался вследствие получения металла в обмен на банковые билеты, вследствие уплат государственного долга и, наконец, вследствие взносов акционеров (в 1855 г.): 31 декабря 1855 г. серебра в банке было 51,87 млн. фл. а. в. (при металлическом запасе в 51,88 млн. фл. а. в.). Устав 1863 и особенно закон 1872 г. позволили расширить золотую часть металлического запаса Банка, которая до тех пор была ничтожна, и с 1863 г. доля серебра в этом запасе начала уменьшаться: значительная часть серебра была обменена на золото. 31 декабря 1872 г. выросший благодаря государственным уплатам и покупке металла металлический запас Банка достигал 142,9 млн. фл. а. в., но серебра в нем было лишь на 73,5 млн. Падение цены серебра

с 1872 г. заставило Банк сокращать операцию обмена, ¹ а с 1875 г. и прекратить ее вовсе, прилив же серебра в Австро-Венгрию перед отменой свободной чеканки его (1879 г.) вновь повысил серебряную часть банковского запаса, которая с тех пор продолжала возрастать благодаря стечению в Банк слишком щедро чеканившихся правительствами серебряных монет: 31 декабря 1891 года серебра в Банке было на сумму 116,5 млн. фл. при металлическом запасе в 221,0 млн.

Золотые монеты чеканились, по закону 9 марта 1870 г., в 8 и 4 гульдена (кроме небольшого количества специально - торговых монет—дукатов); монеты эти имели в австро-венгерском обращении лаж и почти совершенно не встречались внутри страны, обращаясь преимущественно за границей. В запасе же Австрийского Банка до шестидесятых годов золото совершенно не фигурировало в виду безраздельного господства серебра на континенте. Открытие калифорнских и австралийских россыпей повело к некоторому приливу золота и в этот банк, хотя в 1855 г. из 51.881 тыс. фл. металлического запаса золота было только на пять с небольшим тысяч фл. а. в.: § 15 регламента 1841 года предписывал Банку принимать и употреблять только серебряную монету конвенционной валюты. Устав 1863 г. (§ 14) дал, однако, Банку право употреблять для покрытия билетов металлический запас, на одну четверть состоящий из золота, и с тех пор Банк стал расширять свой золотой запас—покупкой золотых девиз на серебро. Закон 18 марта 1872 года сделал шаг дальше, позволив Банку держать его металлический запас «в серебре или золоте, монетой или в слитках». В 1871—72 г.г. Банк обменял значительную часть своего серебра на золото, так что 31 декабря 1872 г. золотой запас его достигал уже 69,4 млн. фл. а. в. (при общем металлическом запасе в 142,9 млн. фл.). С семидесятых годов размеры золотого запаса в Банке изменялись очень мало: обеспечение серебра отпугивало Банк от дальнейших покупок золота, и, кроме того, Банк ссылаясь на то, что он не видит достаточных ручательств за действительное намерение правительства перейти к золотой валюте; значительную часть своего золотого запаса Банк держал в девизах. В 1891 г. (31 декабря) золота в банке было 54,4 мл. фл. (при общем металлическом запасе в 221 млн. фл.), а золотых девиз (с 1888 г. зачислявшихся, на сумму до 30 млн. гульд., в металлическое покрытие банкнот) было 24,8 млн. фл. (весь прирост золотого запаса с 1875 по 1891 г. сводится к переоценке его на основе латиского отношения в 1:15^{1/2}, вместо применявшегося до 1878 г. отношения 1:15^{21/81}).

В действительности все денежное обращение монархии совершалось с помощью бумажных денег, неразменных и обезцененных относительно золота (если не считать разменной монеты, которой в обращении было: медной—на 12—14 млн. и серебряной—на 38 млн. фл. а. в.). По курсу и покупательной силе эти бумажные доньги между собою не различались,

¹ Впрочем, значительная часть операции обмена была произведена не в виде продажи серебра, а путем предъявления германскому правительству, для размена на золото, входивших в состав серебряного запаса Австрийского Банка немецких талеров (до этой операции этих талеров было в названном запасе на 38,8 млн. гульд., а после нее они из запаса почти совершенно исчезли).

но они имели различное происхождение: часть их была выпущена Банком, а часть—государством. Что касается до банковых билетов (мельчайшее купюрой которых было 10 фл.), то, как нам известно, выпуск их был ограничен косвенным контингентированием, а размен отсрочен до отмены принудительного курса государственных билетов. В конце 1891 года (31 декабря) их было в обращении 455,2 млн. фл., из которых 245,9 млн. было покрыто металлом и девидами, а на 7,3 млн. в кассах банка находилось государственных билетов (эти находящиеся в кассах банка государственные билеты, по ст. 110 устава, вычитались из суммы подлежащих покрытию билетов банка); таким образом непокрытых металлом билетов в обращении было на 201,9 млн. гульд. (1,9 млн. было выпущено сверх контингента и подлежало налогу в 5%); но конец 1891 г. представлял собою исключение, и обычно сумма непокрытых билетов в обращении составляла приблизительно только 175 млн. гульд.

Государственные кредитные билеты выпускались купюрами в 1 фл., 5 фл. и 50 фл.; выпуск их был также контингентирован: он, собственно говоря, не должен был превышать 312 млн. фл., и в этой сумме государственные билеты являлись общим долгом обеих половин монархии: по ст. XIX монетного и валютного договоров между Австрией и Венгрией, извлечение этих билетов из обращения, если бы к нему решено было приступить, должно было совершиться за счет обеих стран (в отношении 70 : 30). Как нам известно, эмиссия этих неразменных и снабженных принудительным курсом государственных билетов надолго похорошила надежду на возобновление размена билетов Банка, и поэтому Банк не без основания смотрел на обращение государственных билетов, как на препятствие его эмиссионной и учетной политике. Но значение этого препятствия еще более усиливалось связью выпуска государственных кредитных билетов с обязательствами, обеспеченными соляными копиями. Эти обязательства («обеспеченные частично ипотекой ассигновки», в просторечии называвшиеся «солеваренными билетами») представляли собою особую форму краткосрочного государственного долга; выпускались они на срок в 3 или 6 месяцев, и процент по ним устанавливался соответственно условиям рынка. Составляли они долг исключительно австрийский, созданы были в 1848 году, и эмиссия их не должна была превышать 100 млн. фл.; как выпуск, так и извлечение этих обязательств были вверены Австрийскому, потом Австро-Венгерскому Банку, счета которого по этому делу с государством регулировались в конце каждого месяца. В шестидесятых годах слабость государственного кредита отразилась на обращении этих обязательств; обеспечение их (соляными копиями Гмундена, Аусзее и Галлейна) находили недостаточным, и обязательства совершенно перестали держаться в обращении; требования Банка к государству по извлечению их сильно возросли, и государственные кассы часто оказывались в конце месяца в затруднительном положении. Тогда государственная власть поспешила придумать выход, который позволил бы ей, при увеличении обратного прилива обязательств, расширять эмиссию государственных бумажных денег для их оплаты: законы 25 августа 1866 г. и 24 декабря 1867 года (с изменением 1870 года) объединили выпуск обязательств с выпуском государственных билетов, так что выпуск тех и других вместе не должен был

превышать 412 млн., и всякое уменьшение суммы обязательств в обращении ниже 100 млн. фл. должно было восполняться выпуском кредитных билетов; выпускаемые так кредитные билеты (следовательно, взамен обязательств и сверх суммы в 312 млн.) являлись также долгом чисто-австрийским (в отличие от билетов, выпускаемых в пределах контингента в 312 млн. гульд.). Выпуск обязательств, обеспеченных копиями, не был особенно выгоден для австрийского министерства финансов: вследствие их связи с эмиссией государственных бумажных денег поступающие по ним государственные кредитные билеты приходилось уничтожать. Замена же обязательств государственными кредитными билетами была, напротив, выгодной для казны, потому что кредитные билеты, в отличие от обязательств, не оплачивались процентом. Поэтому австрийское министерство финансов не заботилось о том, чтобы обязательства удерживались в обращении, и держало их процент постоянно низким (в 1888—1891 г.г. он колебался между 2½ и 3%), а это обстоятельство имело большие последствия для рынка и для Австро-Венгерского Банка. Количество денег на рынке стало регулироваться обязательствами: как только рыночный процент начинал падать и приближался к проценту обязательств, последние находили сбыт, и, следовательно, сумма денег на рынке уменьшалась; с поднятием рыночного процента обязательства приливали назад в государственные кассы, и вместо них в обращение поступали деньги. Понятно, насколько такое регулирование рыночного положения должно было вредить дисконтной политике Банка: господство над рынком ускользало от него и переходило (по крайней мере отчасти) в руки министра, определявшего процент обязательств. В 1891 г. государственных кредитных билетов в обращении было на 378,8 млн. фл. а. в., а обязательств соляных копеек—на 33,1 млн. фл.

Общая сумма денежного обращения монархии составляла в конце 1891 года 936,0 млн. гульд.; в том числе 834,0 млн. являлись бумажными денежными знаками.

Денежная реформа должна была внести коренные изменения в только что обрисованный состав денежного обращения монархии. Между тем правительства окончательно решили перейти к этой реформе, и австрийский министр финансов заявил об этом решении в палате депутатов (весною 1889 г.). Со второй половины 1889 г. начались переговоры об этом с Венгрией, в которой после неблагоприятного для экспорта изменения курса валюты денежная реформа была очень популярной. Уже с самого начала этих переговоров основание новой валюты на золоте признано было необходимою предпосылкой дальнейшего обсуждения вопроса. Дурные воспоминания, оставшиеся от периода повышения курса гульдена в 1863—1866 годах, заставили теперь остановиться на идее девальвации, и борьба интересов завязалась лишь по вопросу о том, на каком уровне—более низком или более высоком—должен был быть фиксирован лаж: сторонники т. н. «тяжелого гульдена» (за который говорили интересы кредиторов, а также лиц, получающих определенное вознаграждение, т. е. рабочих и служащих) требовали фиксирования лажа, существовавшего ко времени реформы (как нам известно, к этому моменту лаж понизился); сторонники «легкого гульдена» (представлявшие интересы должников и всех лиц, широко пользовавшихся кредитом, в том числе землевладельцев и

промышленников) предлагали фиксировать более высокий лаж, именно наивысший лаж, наблюдавшийся за период 1879—1891 г. (в конце концов было выбрано нечто среднее—именно средний лаж за указанный период).

Наряду с разрешением этого основного, но не относящегося непосредственно к нашей теме вопроса, проблема валютной реформы в Австро-Венгрии ставилась в 1891—92 г. следующим образом. Речь шла о достижении устойчивости валюты, и для этого базисом последней избиралось золото; но золотая валюта лишь тогда оказывается свободною от колебаний, когда при ней прилив и отлив золота из страны происходят беспрепятственно; поэтому в 1891—1892 г.г., при обсуждении валютной реформы, как теоретики, так и практики не сомневались в необходимости скорейшего восстановления размена билетов Австро-Венгерского Банка на золото: возможность получить ввезенную сумму обратно в банковых билетах и обменять последние в банке на золото не только означала бы свободу отлива желтого металла, но, устранив недоверие ввозящих лиц к австро-венгерской валюте, облегчала бы и прилив золота. Но для введения размена банковых билетов на золото нужны были два условия: достаточный золотой запас в Банке и устранение неразменных государственных билетов из обращения (т.-е. замена их банковыми билетами и золотом). Металлическое покрытие банковых билетов (в 1891 г.—54%) было значительно выше установленного минимума (40%), но, как мы знаем, оно в значительной части состояло еще из серебра; государственные же билеты не имели никакого покрытия (это было одной из причин, по которым государство до тех пор не желало возобновления размена банковых билетов: оно уронило бы цену билетов государственных). Поэтому необходимы были приобретение значительного количества золота за границей и внесение этого золота на тех или иных условиях в Австро-Венгерский Банк. Невозможность при существовавших в начале 90-х годов условиях (отсутствии спроса на серебро на международном рынке) продать запасы монархии, состоявшие в серебряной монете, заставляла сохранить обращение серебряных монет с полной платежной силой (и, следовательно, ввести не чистую, но хроющую золотую валюту). Наконец, решено было ввести более мелкую монетную единицу, чем гульден, причем руководились при этом примером других государств (Германия, Франция).

Именно в таком смысле разрешали указанные вопросы специалисты, приглашенные обоими правительствами к участию в австрийской и венгерской анкетах, проведенных в марте 1892 года. Опираясь на результаты анкет, правительство предположило провести девальвацию на следующих началах: ценность нового золотого гульдена должна была равняться средней курсовой цене гульдена австрийской валюты на золото за период 1879—91 годов; цена эта была определена в 119 гульд. а. в. за 100 старых золотых гульденов, т.-е. был фиксирован лаж в 19% (след., гульден а. в. был оценен в 84 старых золотых крейцера, или в 2 франка 10 сант., между тем как старый золотой гульден равнялся 2 фр. 50 сант.). Но новой монетной единицей избран был не гульден.

В мае 1892 г. правительственные проекты валютной реформы были внесены в законодательные учреждения, и в мотивах к ним правительства настоятельно подчеркивали уже знакомые нам соображения о необходимости

создать устойчивую валюту. Как рейхсрат, так и сейм отнеслись к этим проектам вполне сочувственно, и в результате австро-венгерская денежная система была реформирована на следующих основаниях.

Австрийский закон о новой монетной системе был утвержден 2 августа 1892 года; соответствующий закон был издан и в Венгрии (G. A. XVII, 1892 г.). По статье 1 этих законов, вместо австрийской валюты в монархии вводится золотая валюта с новой денежной единицей—кроной, причем, по ст. XXIII, гульден а. в. принят равным двум кронам новой валюты. Золотое содержание двух крон (т.е. нового золотого гульдена) установлено в 0,609756 гр. чистого золота (в старом золотом гульдене было 0,725806 гр.); из килограмма чистого золота таким образом получается 3280 крон (=1640 гульд.); так как из килограмма чистого серебра чеканится 90 гульденов, то, следовательно, отношение ценности золота к ценности серебра было принято в 1 : 18,22. Вводилось два вида золотых монет—в 10 крон (эти монеты чеканились за счет государства, но в Венгрии могли чеканиться и за частный счет) и в 20 крон; при чеканке за частный счет взимается пошлина в 6 крон за кг. чистого золота, а с Австро-Венгерского банка—4 кроны. Соответственно этому Австро-Венгерский банк с этих пор должен был покупать золотые слитки по цене 3276 кроны за кг. Серебряной монетой с полной платежной силой после 1893 года (когда были изъяты из обращения монеты в 2 фл., в $\frac{1}{4}$ фл. и союзные талеры) остались лишь монеты в 1 гульден; они должны были чеканиться за счет государства и только из того количества серебра, которое к августу 1892 г. было уже приобретено государством для чеканки. Постановления законов 1892 г. о разменной монете—серебряной (в 1 и 5 крон), никкелевой (в 10 и 20 геллеров) и бронзовой (в 1 и 2 геллера)—носили обычный характер; для чеканки монет в 5 крон, по указу 21 сентября 1899 г., из Австро-Венгерского банка правительствами было взято 64 миллиона крон серебряными монетами в 1 гульден, в обмен на которые в Банк была внесена такая же сумма в золотой монете.

Обязательный счет на кроны был введен (тем же указом 21 сентября 1899 г.) с 1 января 1900 года.

II

Такова была формальная сторона австро-венгерского регулирования валюты. Но как в правящих кругах, так и в обширных кругах специалистов вполне понимали, что успех реформы требует проведения в жизнь целой программы мероприятий, среди которых центральное место должна была занимать деятельность Австро-Венгерского Банка.¹

Мы уже видели выше, что действительное введение золотой валюты в Австро-Венгрии требовало принятия мер по накоплению золота, во-первых, и по извлечению государственных кредитных билетов, во-вторых.

¹ Сделанная И. И. Кауфманом ошибка, состоявшая в недооценке обсуждения вопросов о валютной реформе в австрийской печати и в парламентах монархии (Бум. деньги в Австрии, стр. 142), привела его к преувеличенному изображению надежд, возлагавшихся в Австро-Венгрии на издание самого валютного закона (стр. 148—149).

Это предполагало некоторую переходную, подготовительную эпоху, в течение которой, как думали, предотвращение колебаний курса австро-венгерской валюты, могущих скопрометировать реформу, должно было составить задачу Австро-Венгерского Банка; этот банк должен был внимательно следить за явлениями на внешнем денежном рынке и на внутреннем рынке товаров и ценных бумаг, а также за движением вексельных курсов и поддерживать устойчивость валюты.

В самом накоплении золота на Банк также возлагалась крупная задача. Введение металлической валюты, как известно, требует установления свободной чеканки валютного металла, при посредстве которой устанавливается связь между ценою этого металла на мировом рынке и ценою обращающихся в стране денег. Лицо, приносящее на монетный двор золотой слиток, получает в этом случае золотые монеты с известным вычетом на издержки чеканки. Установление законом более низкого вычета за чеканку для золота, представляемого на монетный двор центральным эмиссионным банком, позволяет этому банку выдавать за приносимое ему золото большую плату, чем та, которая дается всем, кроме банка, на монетном дворе. Принимая во внимание еще и то, что банк при этом выдает деньги немедленно, между тем как лицо, представившее золото на монетный двор, вынуждено терять проценты за все то время, которое нужно для совершения чеканки, приходим к выводу, что вышеуказанная мера должна вести к сосредоточению золота в центральном эмиссионном банке. При проведении валютной реформы, как мы видели, соответствующее постановление было принято и для Австро-Венгерского Банка. В 1879 г., одновременно с приостановкой свободной чеканки серебра, было приостановлено и действие статьи 87 устава Банка, согласно которой Банк был обязан принимать законные серебряные монеты и серебряные слитки, выдавая в обмен банковые билеты по 45 фл. за фунт чистого серебра. По закону же 2 августа 1892 г., на Банк была возложена обязанность разменивать по требованию законные золотые монеты по номинальной ценности, а золотые слитки—соответственно законной монетной системе валюты крон—на банковые билеты. Так как пошлины за чеканку были установлены для частных лиц в 6 крон за килограмм чистого золота, а для банка—в 4 кроны, Банк мог выдавать за такой килограмм 3276 крон, тогда как на монетном дворе выдавалось лишь 3274 кроны. Кроме этого, центральный эмиссионный банк обычно покупает и иностранные золотые монеты, причем для них устанавливается известная тарификация, которая в случае надобности изменяется банком в целях привлечения тех или иных монет. Таким образом был положен фундамент для расширения золотого запаса Австро-Венгерского Банка, который и действительно возобновил с тех пор покупку золота, прерванную им уже с начала семидесятых годов.

Еще более крупные задачи возлагались, однако, на Банк в связи с представлением об окончательном проведении валютной реформы. Как уже указано выше, в 1891—1892 г.г. общераспространенным мнением было то, что (разумеется, после проведения мероприятий, выпавших на переходный период) необходимым звеном в проведении реформы является восстановление размена банковых билетов на золото. Острая проблема заключалась при этом в том, чтобы удерживать золото в стране, тем более, что

расчетный баланс монархии находился в неустойчивом состоянии вследствие ее крупной внешней задолженности. Впрочем, улучшение состояния государственного бюджета и перспективы промышленного развития страны давали некоторое основание смотреть в этом отношении с надеждою на будущее; ожидали, что введение золотой валюты, укрепив кредит монархии, ее благосостояние и ее силу в международной борьбе, уже само по себе будет содействовать улучшению ее расчетного баланса; притом реформа должна была устранить из обращения худшие деньги, оттесняющие золото.

Но если в общем расчетный баланс благоприятен для страны, и состав ее денежного обращения не вызывает отлива золота, этим еще не исчерпаны все опасности для ее золотых запасов. Введение золотой валюты на место бумажной прекращает изолированное положение страны и связывает ее со всем международным золотым рынком. На этом рынке происходит беспрестанное движение золота; хозяйственное положение отдельных стран, владеющих золотой валютой, изменяется, потребность их в золоте увеличивается или уменьшается под влиянием тех или других изменений в их денежном обращении или в их долговых отношениях к другим странам. Соответственно этому цена золота в этих странах поднимается или падает, чем и пользуются арбитражеры, учитывающие выгоду ввоза или вывоза золота. При этих условиях изменение хозяйственного положения за границей или внутри страны всегда может вызвать настолько крупный отлив золота, что разменность банковых билетов, а вместе с тем и золотая валюта, подвергнутся опасности. В этом случае приходится подумать о том, чтобы сделать невыгодным вывоз золота, подняв цену последнего; такая задача и выпадает на долю центрального эмиссионного банка. Разрешается эта задача до некоторой степени механически: ведь даже в том случае, если вывозимое золото берется из обращения, уменьшение количества полноценных денег в последнем вызывает увеличение требований золота от банка (при посредстве предъявления банковых билетов к размену); поэтому металлический запас банка в конце концов всегда пострадает от чрезмерно сильного отлива золота из страны, и банку приходится защищать свой запас. Мера, принимаемая банком для защиты своего золотого запаса, состоит в повышении учетного процента, которое сокращает количество и сумму банковых билетов в обращении и тем уменьшает возможность востребований золота из банка; косвенно эта мера защищает и золотой запас страны, так как она поднимает цену денег на денежном рынке и, следовательно, ведет в понижению цен товаров и бумаг, а также и курсов иностранных векселей.

Важность дисконтной политики Австро-Венгерского Банка для успеха проводимой реформы постоянно подчеркивалась всеми писателями и практическими деятелями, обсуждавшими проблемы этой реформы; с тем большим беспокойством общественное мнение Австро-Венгрии останавливалось на вопросе о том, окажется ли Банк в этом случае на высоте положения. Ведь необходимость вести валютную политику может заставить Банк вводить такие изменения в его дисконтной политике, которые могут оказаться невыгодными для него самого, как акционерного общества; если для защиты валюты ему придется повышать учетный процент в тот период, когда рынок нуждается в средствах, требования о кредите, неудовлетворяемые в Банке,

могут обратиться к другим источникам, так что клиента Банка сократится. Конфликт между коммерческими интересами Банка, как акционерного общества, и его назначением, как регулятора денежного обращения в интересах всей страны (*zwischen Erwerb und Beruf*, как говорили тогда), казался неизбежным, и опасение перед этим конфликтом повело к новому воскрешению вопроса о форме банковского устройства. Мы видели, что ко времени валютной реформы идеи 1862 года в значительной степени потеряли свою популярность; идеи политического и экономического либерализма находились на ущербе, и наилучшею формой организации центрального эмиссионного банка уже вовсе не считалась такая, которая обеспечивает его полную независимость от государства. Разумеется, цель банкового акта Пленера—обеспечить Банк от правительственной эксплуатации его в интересах казны—встречала и теперь общее сочувствие, но опасность такой эксплуатации в конституционной Австро-Венгрии считалась уже очень небольшою, а между тем, по господствовавшему мнению, полная независимость Банка от государства приводила к тому, что Банк недостаточно внимательно относился к общественным и государственным интересам. Банк упрекали в эгоизме, в пренебрежении интересами населения и преимущественной заботе о выгодах акционеров, и для многих не подлежало сомнению, что в случае конфликта между интересами Банка и требованиями валютной политики Банк не устоит перед соблазном увеличения дивидендов. Проект князя Лихтенштейна продолжал оставаться крайностью, но прежняя мысль о необходимости сохранения чисто-акционерной формы Банка находила теперь все меньше защитников. В печати уже стали высказываться требования, чтобы в том случае, если Банк не окажется склонным вести дисконтную политику в интересах охраны золотой валюты, он был вынужден к этому извне: выдвигались проекты передачи Банка в управление государству с сохранением его акционерной формы (по образцу Германского Рейхсбанка).¹

Валютная комиссия палаты депутатов, обсуждавшая закон 1892 г., также пришла к выводу, что старая организация Банка недостаточно обеспечивает успешность его деятельности по проведению и укреплению реформы; комиссия рекомендовала усилить государственное влияние на Банк. Вместе с тем комиссия высказалась в пользу предоставления реформированному таким образом Банку достаточных средств для регулирования денежного обращения, что могло быть достигнуто передачей в его управление кассовых средств государства. С другой стороны, комиссия предлагала и некоторые мероприятия для обуздания тех чрезмерно приобретательских склонностей Банка, которые в последнее время особенно ставились ему в вину: именно она предлагала усилить участие государства в прибылях Банка и побудить Банк в расширению его деятельности путем открытия им новых отделений, хотя бы эти отделения на первых порах и не приносили ему выгод.

Таковы были ставившиеся Банку задачи и предполагавшиеся условия его деятельности при реформированной валюте. Как мы видели, все

¹ *Ostersetzer, Währungswechsel und Aufnahme der Barzahlungen. Wien, 1892, II, стр. 130.*

относившиеся сюда предположения базировались на стремлении ввести в Австро-Венгрии золотую валюту полностью и целиком, с завершением ряда преобразовательных мероприятий и установлением размена банковых билетов на золото. Однако, обстоятельства сложились так, что осуществление двух необходимых для введения размена предпосылок, именно извлечение государственных бумажных денег и накопление достаточного золотого запаса в руках Банка, значительно замедлилось. Помимо чисто технических причин, задержавших проведение в жизнь этих сложных мероприятий, здесь, несомненно, оказало влияние и то обстоятельство, что восстановление размена банковых билетов на металл вызывало в одной из двух половин монархии, притом как раз более влиятельной, именно в Австрии, весьма определенные опасения. В конце концов это явилось естественным последствием того парадоксального положения, которое было занято общественным мнением монархии по отношению к Австро-Венгерскому Банку. Широко распространившееся недовольство политикой последнего опиралось главным образом на критику его деятельности со стороны представителей средней и мелкой промышленности и торговли, а также представителей сельского хозяйства, между тем как и те и другие жаловались главным образом на чрезмерную сдержанность кредитной политики Банка, выраставшую на почве большой заботливости его об интересах денежного обращения. Создавшаяся таким образом вокруг Банка атмосфера недоверия, породившая угрозы принудительного направления его деятельности по руслу, которое признавалось за соответствующее общим интересам, создала ту обстановку, в которой обсуждались задачи, выпадающие на долю банка при реформированной валюте. Хотя сторонниками валютной реформы являлись сначала представители не тех групп, из ряда которых в предшествовавшие десятилетия раздавались особенно острые жалобы на политику Банка, хотя за реформу в первую очередь говорили интересы финансового мира, крупной промышленности и торговли, а также интересы служащих и рабочих, и только затем, под влиянием перелома в курсе валюты в конце 80-х годов, за реформу высказались частью и оппозиционные прежней политике Банка круги, поставленная последними проблема—проблема о том, как преодолеть конфликт между общественными обязанностями банка и его частно-коммерческими интересами—встала и перед сторонниками реформы, и выдвинутые последними средства были заимствованы ими из арсенала прежних критиков банковской политики (усиление государственного влияния на Банк и ограничение его прибылей). Однако, в скором времени обнаружилось, что то, что понималось под «общественными обязанностями» Банка, включало в себя в обоих случаях диаметрально противоположные требования: между тем как критики Банка в 1878 и 1887 годах требовали удешевления кредита и широкой раздачи ссуд, при валютной реформе поднимался вопрос о необходимости часто взвинчивать учетный процент для защиты золотой валюты. Когда обнаружился этот новый конфликт,—конфликт между двумя сторонами «общественных обязанностей» Банка,—многие из сторонников валютной реформы испугались восстановления размена, которое грозило сделать условия кредита более обременительными, чем до сих пор, и поэтому разрешение вопроса о восстановлении размена стало затягиваться. Но требования,

чтобы Австро-Венгерский Банк принял действительные меры к охране устойчивости валюты, остались непоколебленными; вопрос ставился теперь таким образом, чтобы Банк достиг этого без восстановления размена и без обращения к активной дисконтной политике. Как возникла эта постановка проблемы, и какой выход был найден Банком, мы увидим далее.

В том же направлении действовал еще и политический фактор. С конца 80-х годов Венгрия решительно стала высказываться за быстрее проведение валютной реформы и как можно более скорое восстановление размена банковских билетов. Хотя правившая тогда в Венгрии либеральная партия была именно тою партией, которая с венгерской стороны поддерживала введение дуалистической формы государственного устройства, и хотя в то время изменение в отношении аграрной Венгрии к реформе объяснялось скорее экономическими, чем политическими причинами, в Австрии было широко распространено мнение, что венгерцы только для того добиваются быстрого восстановления размена, чтобы после окончательного установления твердой валюты тем легче было провести полное экономическое отделение их страны от Австрии; это заставляло Австрию всеми мерами затягивать восстановление размена.¹

Извлечение из обращения государственных бумажных денег было закончено только к 1907 году; оно было осуществлено в результате проведения трех мероприятий:

1. Закон 9 июля 1894 года положил начало извлечению тех государственных бумажных денег, которые (в общем на сумму 312 млн. гульд.) являлись общим долгом обеих частей монархии; именно он предписал производить размен этих бумажных денег до суммы в 200 млн. гульд., для чего было назначено: а) 40 млн. гульд. в отчеканенных обоими правительствами монетах в 1 крону, и б) 160 млн. гульд. серебряными гульдецами и банковыми билетами; и серебряные гульден и банковые билеты получались правительствами из Австро-Венгерского Банка в обмен на внесение ими в Банк такой же суммы золотыми монетами в 20 крон (70% было внесено Австрией и 30%—Венгрией). Извлечение этих государственных билетов было закончено в 1899 г., и они были заменены монетами в 1 крону на 40 млн. гульд., монетами в 1 гульден на 38,8 млн. и банковыми билетами на 120,4 млн. гульд.

2. Указ 21 сентября 1899 г. предписал извлечь из обращения остальные 112 млн. гульд. государственных билетов общего долга; для этой цели правительства получили от Банка монеты в 1 гульден на 64 млн. крон (эти монеты и были перечеканены затем в пятикронные) и банковые билеты в 10 крон на 160 млн. крон, в обмен на что внесли в банк золотую монету на 224 млн. крон. Извлечение этой части государственных билетов было закончено в 1907 году.

3. Государственных билетов заменявших обязательства, обеспеченные соляными копиями, и потому обременявших только австрийское правительство, было в обращении на 26,6 млн. крон; в 1900 г. австрийское правительство заменило их указанными обязательствами, которые после этого

¹ Ср. Кауфман, цит. соч. стр. 125; A. Porovics, Das Geldwesen im Kriege, Wien, 1925, стр. 14—15.

обратились в обычную форму текущего долга: после того, как связь их с выпуском государственных бумажных денег была разорвана (по указу 21 сентября 1899 г.), эти обязательства перестали оказывать расстраивающее влияние на денежное обращение и на учетную политику Банка.

Таким образом, к 1907 году государственные кредитные билеты исчезли из обращения; большая часть их была заменена билетами Австро-Венгерского Банка, а меньшая—серебряными монетами и бумагами краткосрочного долга. В обращении после этого остался лишь один вид бумажных средств обращения—именно банковые билеты (они обладали свойством законного средства платежа). Принудительный курс государственных кредитных билетов был уничтожен еще в 1903 году (23 февраля); по уставу Банка (ст. 111) с этого времени наступила возможность возобновления размена банковых билетов. Однако, размен возобновлен не был: не было проведено законодательного акта, возлагающего на Банк обязанность разменивать его билеты на золото, и поэтому валютная реформа в Австро-Венгрии так и не получила завершения. Лишь по собственной воле Банк начал производить размен своих билетов на золото, начиная с 1901 года; как легко понять, размен этот являлся для него не обязательным, а факультативным, и в любой момент мог быть им прекращен (или в отдельных случаях Банк мог отказать в размене) без всякого нарушения действующих постановлений (что, конечно, не соответствует требованиям, предъявляемым к золотой валюте).

Как легко видеть, указанные меры повели к значительному увеличению золотого запаса Австро-Венгерского Банка: правительства внесли в Банк значительные суммы золота, полученные ими самими частью в результате кредитных операций, частью же из наличности государственных касс. Любопытно, однако, то, что, по австрийской инициативе, в соглашениях 24 июля 1894 г. и 1 ноября 1899 г. (между Банком и правительствами относительно извлечения государственных бумажных денег и внесения правительствами золота в Банк) была включена статья, по которой эти внесенные правительствами в Банк золотые монеты переходят в собственность Банка в тот момент, когда будет законодательным путем проведено восстановление размена; до тех же пор Банк остается обязанным, в случае соответствующего государственного постановления, вернуть внесенное золото в обмен на получение такой же суммы другими средствами платежа. Так, по соглашению 24 июля 1894 г., внесенные правительствами 20-кронные монеты могут употребляться только для покрытия выданных взамен их банковых билетов; значит, Банк не мог, при определении золотого покрытия всей своей эмиссии, которое не должно было опускаться ниже $\frac{2}{5}$ суммы выпущенных билетов, принимать во внимание эту часть своего запаса (180 млн. фл.) и соответственно расширять эмиссию; при этом на Банке, как выше указано, оставалась обязанность вернуть эти золотые монеты правительствам в случае невозобновления привилегии, ликвидации Банка или получившего утверждения палат требования министерств. Внесенные в Банк по соглашению 1 ноября 1899 г. золотые монеты (160 млн. крон) должны были служить специальным обеспечением банковых билетов в 10 крон, выпущенных для извлечения государственных бумажных денег (по уставу 1899 г., мельчайшую купюрой банкнот было 50 крон; но до возобновления

размена Банк мог выпускать билеты в 20 крон, а по соглашению 1 ноября— и в 10 крон); при известных условиях и это золото должно было быть возвращено правительствам и переходило в собственность Банка лишь в момент возобновления размена. Нужно прибавить, что, по соглашению 1 ноября, правительства вносили в Банк еще 64 млн. крон золотыми 20-кронными монетами в обмен на серебряные гульден и банковые билеты, причем условия были те же самые.

Хотя и с этими ограничениями, взносы золотых монет правительствами значительно увеличили золотые запасы Банка (а серебро в его запасе, как видно из предыдущего, сократилось); кроме того, возрастанию золотого запаса содействовали в дальнейшем покупки золота Банком, а также постановления о внесении в это учреждение золотых поступлений государственных касс (об этом далее). Металлический запас Австро-Венгерского Банка изменялся в последующее время таким образом (млн. гульд. а. в.):

В конце года	Весь металл. запас	В том числе:		
		золота	серебра	золотых девиз
1891	245,9	54,4	166,5	24,8
1895	377,5	244,0	126,6	6,8

После второго соглашения (1899 года) золотой запас продолжал быстро увеличиваться (в млн. крон):

В конце года	Весь металл. запас	В том числе:		
		золота	серебра и разм. знаков	золотых девиз
1900	1.218,0	919,6	238,5	59,9
1905	1.425,0	1.074,1	290,9	60,0
1910	1.669,1	1.320,5	288,6	60,0
1913	1.562,5	1.241,0	261,5	60,0 ¹

III

В период проведения валютной реформы и в течение непосредственно следовавшего за нею трехлетия положение Австро-Венгерского Банка было особенно сложным. Со всех сторон ему угрожали репрессиями в случае недостаточной заботы об общественных интересах, между тем как представление о том, чего требуют эти общественные интересы, включало, как мы знаем, известное противоречие; при этом экономическая деятельность его попала в ближайшие годы в очень трудные условия.

Тотчас по проведении в жизнь устава 1887 года Банк принял меры для расширения своей деятельности соответственно тем пожеланиям, которые при обсуждении этого устава были приняты законодательными собраниями.

¹ Относительно валютной реформы и связанных с нею задач Банка см. B u n z l, Die Währungsfrage in Oesterreich-Ungarn, Wien, 1887; L o t z, Die Währungsfrage in Oest.-Ung. (S c h m o l l e r s Jahrbuch, 1889); S p i t z m ü l l e r, Währungsreform (Ztschr. für Volksw., Sozialpol. und Verw., XI B., 1902); Wieser, Die Währungsfrage, Wien, 1894; M e n g e r, Die Valutaregulierung in Oest.-Ung. (C o n r a d 's Jahrbücher, III-te Folge, III Band, 1892); названные выше работы Мизеса и Остерзетцера. См. также отчет Мецензеффи и его доклад о золотом запасе, а также указ. работы Кауфмана и Роровича.

Прежде всего дело шло о развитии операции текущих счетов и связанных с ними чековых оборотов и оборотов джиро; до сих пор операция эта развивалась слабо: по венской главной конторе Банка обороты по тек. счетам между 1878 и 1885 годами сократились с 954,9 млн. до 706,1 млн. гульд.; лишь немногие фирмы прибегали к этой операции, да и то главным образом потому, что с нею было связано инкассирование векселей; в отделениях и в Будапеште эта операция до 1887 года совсем никого не привлекала. Устав 1887 года, отменив тормозившие развитие этой операции постановления о прямом контингентировании эмиссии и о зачислении государственных бумажных денег в покрытие банковых билетов, дал толчок к проведению ряда мер по ее расширению: таковы были введение переводов по текущим счетам между городами (1888 г.), создание расчетных палат в Будапеште (1888 г.) и других городах (1895 г.), установление требования, чтобы каждый представляющий вексель к учету владел текущим счетом в соответствующем отделении Банка (1893 г.). Вклады на текущем счету стали расти (с 0,2 млн. в 1887 г. до 12,6 млн. в 1895 г.), обороты поднялись в 1895 г. до 7929,7 млн. (но зато стала сокращаться переводная операция, размеры которой в 1886 г. составляли 129,9 млн., в 1895 г.—28,6 млн.).

Увеличивалось число филиалов Банка: в 1876 г. отделений было всего 27, в 1885 г. имелось 40 отделений и 29 вспомогательных учреждений, в 1895 г. число первых выросло до 57, число последних—до 147; количество фирм, получивших возможность пользоваться кредитом в банке посредством письменных сношений, в период 1885—1895 г. увеличилось с 731 до 1488. Система дотаций, хотя она и была удержана, получила некоторое смягчение благодаря переходу к косвенному контингентированию. Территориальное расширение деятельности Банка сопровождалось увеличением его активных операций, особенно учетной операции в землях венгерской короны (портфель австрийских учреждений Банка поднялся в 1888—1895 г.г. со 117,4 до 121,1 млн., венгерских—с 50,3 до 98,3 млн.); средний размер учитываемого векселя понизился (с 1.117 гульд. в 1885 г. до 939 гульд. в 1895 г.). В 1890 г. был введен учет варрантов, но операция эта слабо развивалась (в 1891 г. было учтено 100 варрантов на сумму 442,5 тыс. гульд., а в 1895 г.—24 варранта на 40,2 тыс. гульд.).

Но парламентские суждения 1887 года привели не только к этому результату; они имели последствием и некоторую нерешительность в учетной политике Банка, сопровождавшуюся серьезными последствиями для дела валютной реформы. Период 1888—1892 г.г. отличался обильным предложением денег на австро-венгерском рынке; отчасти на этом отразился благоприятный платежный баланс этого периода, отчасти же это явилось следствием политики австрийского министерства финансов, которое не только не использовало рыночного положения для размещения на рынке обязательств краткосрочного долга (как выше сказано, оно этого избегало) и, следовательно, сохраняло в обращении лишние бумажные деньги (выпуск которых стоял в связи с выпуском обязательств), но, кроме того, снабжало частные кредитные учреждения свободными суммами государственного казначейства из низкого процента (2,5%). Рыночный процент стоял все время на чрезвычайно низком уровне: уже в 1889 г. он стал сильно падать,

опускаясь даже ниже 3%, что для Австро-Венгрии было не совсем обычно; после 1890 г. это движение возобновилось и особенно прогрессировало в 1892 году, к концу которого рыночный процент упал опять ниже 3%. Австро-Венгерский Банк, который до издания устава 1887 года прибегал, как нам известно, к учету на открытом рынке из близкого к рыночному процента, теперь, в период приближения к валютной реформе, отказался от этой практики; на этом его решении, несомненно, отразилась критика его поведения, с которой мы уже знакомы. С одной стороны, те противники его политики, которые требовали демократизации кредитования, вряд ли были бы довольны расширением его операций не в результате понижения его официального процента, а путем учета векселей из более низкого процента, чем банковый: такой понижаемый в виде исключения процент идет на пользу лишь наиболее обеспеченным, привилегированным векселям, что не могло нравиться тем кругам, которые по своему экономическому положению не могли обладать такими векселями. С другой стороны, обращение к учету на открытом рынке всегда означает, по крайней мере до известной степени, отказ центрального эмиссионного банка от руководства рынком при посредстве своей дисконтной политики; становиться на этот путь в тот момент, когда начались разговоры о подготовке к проведению валютной реформы, и когда от Банка ожидали успешного маневрирования его официальным процентом, Банк уже не имел возможности; в особенности это было бы неуместным в тот следующий за реформой период, когда Банку пришлось выпускать банковые билеты для приобретения золота, и потому надо было более строго регулировать эмиссию. В результате отказа от выхода на открытый рынок Банк должен был считаться с тем, что потребность страны в кредите удовлетворялась из источников, ему посторонних, и что его собственные операции развивались довольно сдержанно. Состояние главнейших счетов Банка в течение интересующего нас периода было следующим (в млн. гульд. а. в.):

В конце года	Мет. зап.	Банк. бил. в обращ.	Учет векселей	Ссуды под залог
1888	233,0	425,6	167,8	31,2
1889	241,4	434,6	178,8	36,6
1890	244,4	445,9	166,6	41,3
1891	245,9	455,2	190,1	33,3
1892	289,1	477,9	171,3	28,9
1893	278,2	486,6	171,6	43,3
1894	307,0	507,8	180,2	38,5
1895	377,5	619,8	219,4	46,2

При этих условиях Банк не мог решиться на достаточно активную дисконтную политику, которая еще более задержала бы развитие его активных операций. В общем он продолжал держаться традиций своей прежней процентной политики, которая состояла в поддержании устойчивого и относительно низкого процента: во время его первой привилегии (1878—1887 г.г.) учетный процент был изменен только четыре раза (с мая 1879 г. в течение 3 лет 5 мес. процент оставался на уровне 4%, затем в течение 5 мес.—на 5%, затем опять на 4%, и с 7 октября 1887 г. он был повышен

до $4\frac{1}{2}\%$). Но теперь, под влиянием системы косвенного контингентирования, пришлось все-таки внести в ставки процента несколько большую подвижность: особенно осенью, когда расширение кредита вело к выпуску билетов сверх контингента, и приходилось уплачивать 5%-й налог, неповышение процента могло бы грозить потерями для Банка. В результате получалось то, что Банк держал обычно слишком низкий и слишком устойчивый процент и от времени до времени повышал его чисто механически, при приближении эмиссии к тому пределу, за которым начиналась уплата налога, и притом, следовательно, под влиянием одних внутренних факторов; короче говоря, Австро-Венгерский Банк действовал как раз наоборот образу действий Германского Рейхсбанка, которому охранительная функция учетного процента в области валютной политики мешала сообразовать движение процента с уплатой налога на эмиссию. Отличавшиеся избытком денег 1888 и 1889 годы заставили Австро-Венгерский Банк держать процент в общем на 4%, но осенью он несколько повышал ставку (с 11 сентября 1888 г. до 25 января 1889 г. — $4\frac{1}{2}\%$, с 6 ноября 1889 г. до 24 января 1890 г. — 5%); контингент за эти два года ни разу не был превзойден, но банк повышал процент в зависимости от уменьшения резерва банковых билетов (резерв этот составлял в среднем за 1888 г. 48,0 млн., а к концу года — 12,7 млн., в среднем за 1889 г. — 43,3 млн., а к концу года — 12,0 млн.). 1890 год отличался значительными осенними затруднениями на денежном рынке и вызвал сильное повышение требований о кредите, предъявляемых к Банку; в первый раз со времени введения системы косвенного контингентирования контингент был превзойден, и Банк должен был уплатить 5% налог с суммы билетов, выпущенной сверх контингента. По еженедельным отчетам Банка, такой выпуск составил 7 октября 1890 г. 0,6 млн., 15 октября — 6,6 млн., 31 октября — 23,2 млн. и 7 ноября — 17,0 млн. гульд. В виду этого Банк, понизивший было свой процент в начале года до 4%, последовательно поднял его до $4\frac{1}{2}$, 5 и $5\frac{1}{2}\%$ (15 сентября, 3 и 17 октября). Однако к концу года эти билеты вернулись в Банк, и даже появился резерв в 7,2 млн. гульд. (средний за год резерв упал до 33,3 млн.). В начале 1891 года процентная ставка была понижена до $4\frac{1}{2}\%$ (9 января) и 4% (5 февраля). Но осенью граница контингента опять была перейдена; максимум превышения, впрочем, составил в этом году только 13 млн. гульд.; 9 сентября Банк поднял процент до 5%. В конце 1891 года не только не оказалось резерва, но Банк перешел в новый год с превышением эмиссии над контингентом в 1,9 млн. гульд. (средний за год резерв составил только 32,1 млн.).

Таким образом, в своей дисконтной политике Банк руководился только указаниями налога на эмиссию и, в сущности говоря, не смог руководить денежным рынком, с которым у него получился значительный разрыв. Между тем чрезмерная (относительно) дешевизна денег в Австро-Венгрии вела к слишком высокой оценке австро-венгерских ценных бумаг и к приливу их из-за границы; если бы этим явлениям не был положен предел искусственным поднятием цены денег, то невыгодное изменение платежного баланса должно было неминуемо вести к подъему иностранных вексельных курсов, что после реформы 1892 г. вновь погубило бы устойчивость валюты. В 1892 г. Банк сделал слабую попытку в этом направлении, но, как сейчас увидим, неудачно.

1892 год под влиянием ряда факторов (падения хлебных цен, кризиса в Германии, появления холеры) отличался вялым состоянием торгово-промышленной деятельности; при продолжавшемся изобилии денег на рынке, к Банку поступало меньше требований о кредите, чем в последние годы. Эмиссия в этом году не перешла границы контингента; резерв билетов составил в конце года 18,7 млн., а в среднем за год—43,2 млн. гульд. Банк 9 января понизил учетную ставку с 5 до 4%, но решил не следовать далее за понижением рыночного процента. Он официально заявил, что опасается дальнейшего понижения процента, которое может вызвать чрезвычайное расширение эмиссии, крайне неудобное в такой момент, когда он и без того вынужден выпускать билеты для покупки золота; Банк жаловался на политику правительства, создававшую искусственное обилие денег на рынке и приводившую к понижению доходности банковских операций. Последнее, действительно, наблюдалось: еще в январе, когда рыночный процент составлял $3\frac{7}{8}$ —4, портфель немного вырос (он на 24,1 млн. гульд. превышал портфель января 1891 года), но, уже начиная с февраля, рыночный процент в течение всего года колебался между $3\frac{3}{8}$ и $3\frac{15}{16}$, и портфель Банка был постоянно меньше, чем в соответствовавшие месяцы предшествовавшего года; то же продолжалось и в 1893 году, когда рыночный процент был $2\frac{15}{16}$ — $3\frac{7}{8}$.

Банк, не упускавший случая указать на свои заслуги перед страной, особенно в деле поддержания валюты, ссылаясь на это сокращение объема своих операций, как на доказательство борьбы, «которую он должен вести в защиту валютной реформы против искусственно пониженного рыночного процента, и которая возложила на Банк тяжелые жертвы».¹ Но мириться с тем понижением доходности, которым грозило сокращение операций, Банку, разумеется, очень не хотелось, и он нашел выход в принятии меры, польза которой для валютной политики была тотчас подвергнута в печати серьезным сомнениям. Сокращение операций должно было вести к значительному повышению оставшегося в руках Банка свободного от налога резерва банковых билетов; банк и считал нужным найти помещению этому резерву приобретением обеспеченных соляными копиями обязательств государственного казначейства (большую частью $2\frac{1}{2}\%$ -х).

В оправдание этой меры Банк говорил: в понижении рыночного процента мы не виноваты; виновато в этом, главным образом, правительство, снабжающее рынок лишними средствами и подрывающее учетную политику Банка; понизить же свой официальный процент мы не можем в интересах охраны валюты; поэтому нам ничего не остается, как подыскать более или менее прибыльное помещение резерва банковых билетов для уравнивания своих жертв. «Если Банк обязан быть и оставаться тем, чем он должен быть по требованию закона и общественного интереса, то вопрос об управлении наличностью государственных касс в будущем должен быть разрешен в том смысле, как уже рекомендовалось в одной специальной работе» (речь идет о брошюре Мецензеффи, которая будет рассмотрена нами далее). По мнению Банка, в случае, если положение на денежном рынке изменится, рыночный процент поднимется, и увеличатся

¹ Десятилетний отчет Мецензеффи, стр. 34.

требования к Банку о кредите, новое помещение резерва банковых билетов будет легко реализовано.¹

Между тем было общеизвестно, что реализация обеспеченных соляными копиями обязательств на рынке была почти совершенно невозможна вследствие их чрезмерно низкого (даже по сравнению с рыночным) процента, а возвращение их государству должно было вызвать новый выпуск государственных бумажных денег (связь выпуска последних с выпуском обязательств, как уже сказано выше, была расторгнута только в 1899 г.). Создавшееся положение было вполне использовано противниками Банка; они с особенной охотой указывали теперь на то, что конфликт между стремлением Банка к увеличению прибыли и его назначением в деле охраны валюты, конфликт, давно уже предсказанный, теперь начинает наступать: для охраны валюты Банку пришлось поддерживать высокий (по состоянию рынка) процент, но, когда это повело к сокращению портфеля, Банк потерял хладнокровие и принял меру, противоречившую требованиям валютной политики. Утверждение Банка, что разбираемая мера предотвратила дальнейшее падение рыночного процента, которое могло бы произойти под давлением избыточного резерва банковых билетов, было встречено возражением, что, если Банк приобретал обязательства у государства, это было нарушением статьи 55-й устава, запрещавшей ссуды государству, а если он приобретал их на рынке, то банковые билеты только переходили из резерва в обращение, что никак не могло устранить их давление на рыночный процент.²

Таким образом, высказывавшиеся перед проведением реформы надежды, что Банк сможет путем активной дисконтной политики оказывать воздействие на платежный баланс, не осуществились. Между тем в очень скором времени именно со стороны платежного баланса возникла большая опасность, во-первых, для только что начавшегося прилива золота в Австро-Венгрию, а затем и для устойчивости созданной в 1892 г. валюты.

Немедленно после проведения валютной реформы в Австро-Венгерский Банк начался прилив золота. Объясняется это, конечно, в первую очередь благоприятным платежным балансом: согласно новому закону о валюте, 20-франковая золотая монета, которая до реформы являлась эквивалентом 8 золотых гульденов, стала равноценной 9,52 золотых гульденов (новых, составлявших, каждый, 0,84% старого золотого гульдена), и эту сумму Банк с этих пор должен был за каждую такую монету платить банковыми билетами; между тем средний ежемесячный курс золотой 20-франковой монеты с мая 1889 г. по сентябрь 1892 г. включительно стоял постоянно ниже этой цифры (между прочим в августе 1892 г. он составлял 9,49, в сентябре—9,50 и в октябре—еще 9,52 гульд.). Кроме того, как законодательством, так и самим Банком были приняты все меры для того, чтобы

¹ Там же, стр. 30—34. Точных цифр о размерах этой операции в отчетах Банка не приводится, но из них видно, что в учетном портфеле Банка сумма ценных бумаг (след., не считая векселей; по словам десятилетнего отчета, эти ценные бумаги были почти исключительно обязательствами, обеспеченными соляными копиями) составляла в конце октября 1892 г. 43,8 млн., а в конце июля 1893 г.—60,0 млн. гульд. (стр. 34).

² Hertz, *Die Diskont- und Devisenpolitik der öst.-ung. Bank* («Ztschr. für Volksw., Sozialpol. und Verw.», 1903, XII Band), 477—478.

привлечь золото в Банк: к этому результату должны были вести и уже указанный выше пониженный вычет за чеканку для Банка, и выгодная для ввоза тарификация золотых монет, и назначение для приема золота отделений Банка, находившихся в близких к границе пунктах, что освобождало арбитражеров от издержек перевозки этого металла между означенными пунктами и Веной или Будапештом, и, наконец, выдача Банком беспроцентных ссуд под подлежащее доставке золото. В результате этого уже в августе и сентябре 1892 г. Банк получил крупное количество золота из-за границы (в августе—14,1 млн., в сентябре—23,4 млн. гульд.); в октябре было куплено золота уже только на 2,3 млн. гульд., а в декабре 1892 г. и январе и марте 1893 г.—совсем ничтожные количества его; всего за эти месяцы (начиная с августа 1892 г.) было приобретено Банком золота на 40,3 млн. (новых) гульденов (80,7 млн. крон).

В конце 1892 и начале 1893 г. приобретение золота оказалось невыгодным, так как вексельные курсы стали неблагоприятными для монархии, курс новой валюты понизился, и появился лаж, притом настолько прочный, что он просуществовал более двух лет и достигал довольно значительных размеров (6 с лишком процентов). Причина этого заключалась в том, что уже с конца 1892 года платежный баланс Австро-Венгрии стал изменяться в худшую сторону, что было вызвано, прежде всего, падением активного сальдо торгового баланса вследствие вызванного ростом американского вывоза понижения цен сельскохозяйственных продуктов; затем к этому присоединилась особенно усилившаяся в апреле 1893 года обратная присылка австрийских и венгерских ценных бумаг, помещенных за границей. Вопрос о причинах обратного прилива ценных бумаг вызвал впоследствии споры; особенно много данных имеет за себя мнение Калькмана, что главную роль играло здесь различие в рыночном проценте между Австро-Венгрией и главнейшими европейскими странами, особенно Англией.¹ В этой последней стране сначала крупный австралийский банковый крах, а затем северо-американский кризис вызвали подъем рыночного процента, между тем как рыночный процент на австрийском денежном рынке был относительно низок.² Кроме того, конверсии 1893 г. вызвали чрезмерно высокую оценку дивидендных бумаг на венской бирже. Внесла свою лепту в изменение платежного баланса и спекуляция: она уронила вексельные курсы перед реформой, чтобы с выгодой продать после 2 августа купленные перед этим числом дивизы и валюты; эта энергично производившаяся реализация

¹ Kalkmann. Die Entwertung der österreichischen Valuta im Jahre 1893. Freiburg in Br., 1899, стр. 6—12 и 39—42.

² Низок, разумеется, только относительно: абсолютно венский рыночный процент был выше не только лондонского, но и парижского, и почти все это время был выше берлинского. В августе 1892 г. рыночный процент в Лондоне равнялся $\frac{7}{8}$ —1% (венский $3\frac{1}{2}$ %); в декабре он поднялся до $1\frac{3}{8}$ — $1\frac{3}{4}$ % (венский—до $3\frac{5}{8}$ — $3\frac{3}{4}$ %); в этом же месяце появилось, пока, правда, еще незначительное, обесценение австро-венгерской валюты (лаж, вычисленный на Лондон, составил 0,261%). В апреле 1892 г. лондонский процент достиг $2\frac{1}{2}$ % (венский составлял $3\frac{1}{2}$ — $3\frac{5}{8}$ %), и лаж поднялся до 2,009%; в октябре лондонский процент— $2\frac{3}{4}$ — $2\frac{7}{8}$ % (венский— $4\frac{5}{8}$ — $4\frac{3}{4}$) и лаж—5,756%; в том же месяце берлинский процент, составлявший в апреле также $2\frac{1}{2}$ %, достиг $4\frac{1}{2}$ %, а обесценение австро-венгерской валюты, вычисленное на Берлин, дошло до 6,156% (максимум лажа, достигнутый

девиз оставила венский рынок без средства встретить требования иностранных рынков, когда эти требования стали предъявляться. К осени 1893 г. особенно сильное влияние оказали берлинские спекулянты, игравшие на понижение курса австрийских ценных бумаг: под воздействием этой спекуляции обратный ввоз бумаг в монархию получил еще один лишний толчок.

В этих условиях взоры всех обратились к Австро-Венгерскому Банку; от него ждали мер, составляющих существо валютной политики центрального эмиссионного банка, мер, направленных на устранение возрастающего лажа. Первою из таких стоявших на очереди мер представлялось повышение банковского учетного процента: если бы деньги стали более дорогими, спрос на иностранные векселя должен был сократиться, что повело бы за собою понижение их курса; кроме того, повышение процента повлекло бы за собою более низкую оценку австро-венгерских бумаг в монархии, и их прилив из-за границы мог бы быть приостановлен. Но положение внутреннего денежного рынка попрежнему мешало успешному применению учетной политики, и правительства попрежнему были заинтересованы в низком проценте; венгерский министр финансов Векерле даже заявил в сейме, что он принял все меры против повышения рыночного процента извлечением из обращения некоторого количества обязательств краткосрочного долга и внесением государственных сумм в частные банки. Банк как бы хотел опровергнуть опасения противников золотой валюты, утверждавших, что торговля и промышленность жестоко пострадают от введения новой валюты, которую то и дело придется защищать повышением процента. Поэтому он остался при 4%, и 10 августа 1893 года генеральный совет решил не повышать ставки. Как в этом случае, так и при повышении процента, проведенном через два месяца после этого, Банк даже и не упомянул о положении валюты. Он руководился только состоянием резерва банковых билетов: когда наступило осеннее возрастание требований о кредите, ему, в противоположность ожиданиям его противников, удалось реализовать обеспеченные соляными конями обязательства (в августе и сентябре—на 21 млн.) и тем увеличить упомянутый резерв; однако, спекуляция, опасаясь повышения процента, спешила запастись деньгами, и требования к Банку о предоставлении кредита все возрастали; только это и вынудило, наконец, Банк повысить свой процент (6 октября до 5%). Впоследствии Банк почувствовал необходимость оправдать свою пассивную учетную политику; генеральный секретарь его писал, что с лажем

в 1892—1895 г.г.). В 1894 г. падал рыночный процент в Лондоне (с $2\frac{1}{8}$ — $2\frac{1}{4}$ %—в январе до $\frac{7}{8}$ —1%—в декабре), падал и лаж (с 4,799 до 3,175%); в 1895 г. это совместное падение продолжалось (в октябре лондонский процент— $\frac{3}{4}$ %, лаж—0,302%). Но делать вывод о тесной зависимости изменений лажа от изменений процента было бы не вполне правильно: точного соответствия между изменениями рыночного процента и колебаниями курса валюты, разумеется, не было. Так в октябре 1893 г. берлинский процент упал с $4\frac{5}{8}$ до $4\frac{1}{2}$ %, а венский поднялся с 4 до $4\frac{5}{8}$ — $4\frac{3}{4}$; между тем лаж на Берлин все-таки вырос с 5,661 до 6,156%. Все это становится легко понятным, если вспомнить, что процент оказывал влияние на лаж не непосредственно, а главным образом путем поощрения прилива ценных бумаг из-за границы, и что на самый этот прилив, кроме процента, влияли, как указано в тексте, и другие факторы (таблицу движений лажа см. в десятилетнем отчете М е ц е н з е ф ф и, стр. 62—63).

нельзя было бороться повышением процента: «одно взвинчивание процента даже в странах, обладающих банком, производящим размен своих билетов, не может преодолеть неблагоприятное положение вексельных курсов, если причина этого положения состоит не только во временной, вызванной международным торговым балансом конъюнктуре, но лежит глубже и не может быть устранена иными средствами» (т.-е. кроме средств, воздействующих на эти более глубокие причины ухудшения курсов).¹

Другим средством борьбы с лажем был бы вывоз золота, который открыл бы пассивный сальдо платежного баланса и восстановил бы доверие в австро-венгерской валюте. Для Банка эта мера была бы тяжела: она повела бы к потере приобретений 1892 года. Между тем от Банка не только ожидали этой меры, но некоторые шли и еще дальше, видя в закупках золота Банком главную причину наступившего обесценения валюты: утверждали, что эти закупки привели к инфляции, к переполнению обращения бумажными знаками, и требовали извлечения последних путем продаж золота. Именно такую теорию развивал известный Т. Гертцка, который, опираясь на теорию автоматического саморегулирования платежного баланса, доказывал, что неблагоприятный платежный баланс при нормальных условиях не может повести к обесценению валюты: наступающий в этом случае подъем курса иностранных векселей облегчает вывоз товаров и сокращает их ввоз. Саморегулирование платежного баланса не наступает только в случае чрезмерного выпуска бумажных средств обращения, который ведет к подъему цен и этим препятствует наступлению указанных изменений вывоза и ввоза.² В ответ на это Банк указывал, что никакого увеличения суммы, средства обращения в результате закупок золота не произошло, так как Банк принял все меры для обеспечения выпускаемым при покупке золота билетам достаточного места в обращении: он ссылаясь на уменьшение вексельного портфеля в 1892 и 1893 г.г., оговариваясь при этом, что хотя и был велик портфель обеспеченных соляными копиями обязательств, но приобретение последних не могло увеличить сумму средств обращения.³ Последнее утверждение, как мы видели, могло быть подвергнуто сомнению, но фактом остается тот факт, что в эту эпоху не ощущалось ни особого роста ввоза (как следовало бы по теории Гертцки), ни даже особенно сильного увеличения средств обращения.⁴ Как бы то ни было, отдача золота могла бы воздействовать на лаж, но Банк не желал пойти на эту меру, лишавшую его вновь приобретенного золота, да еще при этом заключающую в себе косвенное признание того, что действия Банка вызвали появление лажа.

¹ Десятилетний отчет Мечензеффи, стр. 64.

² Hertzka, Wechselkurs und Agio, Wien, 1894, стр. 125.

³ Десятилетний отчет Мечензеффи, стр. 60—61.

⁴ В конце 1891 г. общая сумма государственных и банковых билетов в обращении составила 834 млн.. в конце 1892 г. (хотя в этом именно году и производились покупки золота)—только 821,9 млн. и в конце 1893 года—858,7 млн. гульд. Причину наступавшего по временам небольшого увеличения средств обращения Банк видел не в закупках золота, а в предоставлении рынку государственных сумм (там же, стр. 61 и 303; см. также Spitzmüller, цит. соч., стр. 500 и Hertz, цит. соч., стр. 470).

Лаж стал медленно исчезать сам собою. Падение его, совершавшееся с некоторыми колебаниями, началось уже осенью 1893 года. Этому содействовал целый ряд обстоятельств. Положение иностранных денежных рынков изменилось в лучшую сторону, и их рыночные проценты стали понижаться; консорциум Ротшильда, которому, по существовавшему в Австрии обычаю, было за несколько месяцев перед этим передано размещение ренты, как раз теперь, в целях реализации подписанных сумм, продал немецкие девизы, что повело к падению курса последних; правительство начало реализовывать приобретенные им раньше требования на золото, что отразилось на платежном балансе; наконец, постепенное погашение требований иностранцев по присланным назад ценным бумагам также повело к понижению лажа в 1894 и 1895 г.г.

1894 год вообще отличался устойчивостью денежного рынка и рыночного процента; к Банку не поступало особенно сильных требований даже осенью, некоторое превышение контингента в ноябре (2 млн.) быстро исчезло, и резерв билетов стал повышаться; соответственно этому Банк в течение года понижал свой процент (23 января—до $4\frac{1}{2}$, 9 февраля—до 4%). В 1895 г. отношение к иностранным денежным рынкам осталось тем же, и лаж продолжал падать, но спекуляция нуждалась в средствах для исполнения обязательств по поставке ценных бумаг, вызванных благоприятным отношением между лондонским и венским рыночными процентами. Резерв билетов стал быстро падать (в конце июля—36,1 млн., в конце августа—23,0 млн.) и в сентябре упал до 8,6 млн. гульд.; рыночный процент в Вене поднялся до 5%, и сам Банк увидел себя вынужденным поднять свой процент до того же уровня. Тем не менее требования к Банку все возрастали. Число случаев перехода эмиссией границы контингента в этом году увеличилось небывалым образом; по еженедельным отчетам Банка, начиная с 30 сентября и до конца года, в обращении постоянно находились билеты, за которые Банк должен был платить налог на эмиссию: максимум их суммы показан 31 октября в размере 37,9 млн., и год закончился с превышением контингента на 31,2 млн. Несмотря на это, банковый процент после середины сентября не был повышен, и объясняется это вновь вмешательством правительства; они, желая предотвратить повышение процента, пришли на помощь Банку: во-первых, внесением (30 сентября) 10 млн. из наличности венгерской государственной кассы в главную контору Банка в Будапеште, во-вторых — предписанием австрийского министра финансов оплатить ноябрьские купоны ранее, чем обычно, что облегчило денежный рынок.

В результате этих бурных для австро-венгерского денежного рынка лет получилась совершенно обескураживающая картина. Банк был, очевидно, бессилен вести активную дисконтную политику; повидимому, он был неспособен поддерживать паритет новой валюты с иностранными. В экономической жизни страны сказывалось расхождение интересов различных групп населения; на одной стороне громко раздавались требования о поддержании валюты путем энергичной учетной политики, на другой—соединялись могущественные факторы, не допускавшие вздорожания кредита. Валюта, казалось, была уже скомпрометтирована. Вопрос о том, что делать дальше, оставался неразрешенным.

IV

Валютная реформа сделала необходимыми решительные преобразования в банковском уставе, и мы видели, что при обсуждении этой реформы в печати и в парламенте в этом направлении высказывались весьма определенные пожелания. Теперь срок истечения второй привилегии Австро-Венгерского Банка приближался: устав должен был подвергнуться пересмотру в 1897 году. К этому времени нужно было уже окончательно решить вопрос о том, каких изменений в уставе Банка требует введение золотой валюты. Между тем события 1893 года поставили под знак вопроса самое существование этой валюты в будущем, и в течение следующих лет ее судьба продолжала вызывать сомнения и споры. До 1894 года действительные меры по преобразованию валюты были только начаты: в обращении еще оставались государственные кредитные билеты в своей полной сумме; Банк не имел достаточного золотого запаса; в виду всего этого возобновление размена отодвигалось в далекое будущее. Но всего хуже было то, что новая валюта была уже обесценена, что иностранные валюты имели лаж относительно нее, и что таким образом она уже теряла характер золотой валюты. Поэтому до разрешения вопроса об изменении банковского устава предстояло еще подумать о том, можно ли удержать устойчивость реформированной валюты, и при помощи каких средств можно это сделать.

После 1893 года сторонникам золотой валюты пришлось вновь доказывать возможность ее существования в Австро-Венгрии; в этом отношении характерен доклад, прочтенный (22 января 1894 года) профессором Визером в Немецком торговом союзе в Праге. Докладчик стремился рассеять сомнения и опасения своих слушателей, доказывая, что для проведения реформы не понадобится приобрести так много золота, как полагали некоторые (биметаллист Арендт исчислял требуемую сумму в миллиард гульденов, Визер считал достаточным 312 млн.), что лаж не помешает заключить заем для приобретения золота, и что обратный прилив ценных бумаг вовсе не непременно сопровождается отливом золота из страны (если не приобретает этих бумаг, это только нанесет ущерб государственному кредиту, который зато выиграет от укрепления золотой валюты). Гораздо опаснее—расстройство государственного хозяйства, и в этом отношении Австрия имеет достаточно яркий пример: удерживать золото в век золота будет, конечно, такую же задачей, как удерживать серебро в век серебра; серебро удерживалось Австрией до 1848 года, но затем пришел дефицит, дефицит повел к выпускам бумажных денег, а бумажные деньги принесли с собою лаж. Но и здесь,—думает докладчик,—все данные говорят в пользу оптимистического вывода: «от дефицита мы отделались, бумажные деньги мы скоро уничтожим, и тогда нам не надо будет бояться лажа, пока мы удерживаем порядок в финансах». Рассчитывать же на поддержание этого порядка в будущем имеются все основания: «Мы должны были бы медлить (с валютной реформой), если бы Австрия была еще государством пятидесятих годов. Но теперь она—помолодевшая, современная Австрия, полная сил, как думает весь мир, и думаем мы сами. Ни в чем эта перемена не сказалась ярче, как в отношении правительства к денежному и эмиссионному делу. Старое военное государство—это типичное «солдатское хозяйство»—не умело

считать; Национальный Банк должен был делать это за него, за что и получал высокую плату, пока мстительная судьба не привела к разрушению Банка государством». Теперь отношения совсем иные: «как удивился бы домартовский министр финансов, если бы увидел, что произошло теперь: правительства собрали для Банка нужное ему золото, которое он сам не мог достать; правительства передали Банку 200 млн. гульд. для усиления его золотого покрытия». ¹

Таким образом, надежда на удержание золотой валюты опиралась, в конечном счете, на уверенность в том, что политическое преобразование Австрии положило основу лучшему устройству ее финансовой и экономической жизни. Именно с этой точки зрения теперь и выдвигали идею усиления государственного влияния на Банк с целью заставить последний вести политику, необходимую для укрепления золотой валюты. Но теперь, после 1893 года, вопрос заключался главным образом уже не столько в том, какие средства следует пустить в ход для воздействия на Банк, сколько в том, какова же должна быть эта политика банка по укреплению и поддержанию новой валюты в дальнейшем. Как увидим, некоторая линия начала уже в этом отношении намечаться немедленно вслед за потрясениями 1893 года; подробно обсуждению все относящиеся сюда вопросы были подвергнуты участниками анкеты, организованной в 1896 году Обществом австрийских экономистов; целью этой анкеты было наметить дальнейший ход валютной реформы и выяснить необходимые для этого меры. Указанное общество обратилось к целому ряду писателей, ученых и представителей хозяйственной практики с просьбой сообщить свои мнения о том, чего в этой области следует ожидать, и что следует делать. Многие из запрошенных лиц отозвались на это приглашение, и их ответы показали, какое огромное значение придавалось австро-венгерским обществом будущей организации и деятельности Банка: на вопросах банковской политики участники анкеты остановились особенно внимательно.

Значение, придававшееся участниками анкеты будущей политике Банка, заставило их особенно настоятельно рекомендовать устранение всего того, что могло помешать господству Банка над рынком (государственных бумажных денег, обязательств, обеспеченных соляными копиями), и принятие решительных мер для усиления его валютной позиции. В этом последнем отношении любопытно было обсуждение вопроса о путях привлечения золота (первый вопрос анкеты). На вопрос этот ответили далеко не все участники анкеты, а один из них (д-р Бунцль) высказал даже следующее, чрезмерно оптимистическое мнение: «вы можете делать все, что угодно, а золото все-таки получите»; это, по мнению Бунцля, является необходимым следствием закона о валютной реформе. Это не считавшееся с опытом 1893 года мнение было отвергнуто другими экспертами, обсуждавшими тот же вопрос: они указывали на недостаточность золота в стране (около полумиллиарда гульденов, из которых 320 млн. осенью 1896 г. находилось в Банке); покрытие банковых билетов составляло только 51,2%, что при неустойчивом платежном балансе считали недостаточным. Приобретение

¹ Fr. Wieser, Die Währungsfrage und die Zukunft der öst.-ung. Valutareform, Wien, 1894. Стр. 21—22, 24—25, 27—28.

золота, по мнению одного из экспертов (д-ра Эттингера), есть дело самого Банка, который в спокойные времена должен приобретать достаточные требования на золото (впрочем, до возобновления размена—без чрезмерного повышения процента). Но остальные находили, что приобретение золота—дело государства. Профессор барон фон-Мирбах приводил для этого юридическое основание: государство обязано снабдить страну золотом, так как валюта стала бумажной вследствие расстройств государственного хозяйства; Остерзетцер же рекомендовал то же самое по практическим соображениям: Банк не может привлечь золото, так как покупки этого металла после событий последних лет стали невозможны, а на прилив золота из обращения нечего рассчитывать, так как такие приливы не зависят от воли банка и, кроме того, сопровождаются несомненным ростом суммы банковых билетов в обращении. Того же мнения держался, повидимому, и третий писавший о том же вопросе—приват-доцент Ландесбергер. Все эти три лица высказались за внесение приобретенного золота в Банк: во-первых уплатой государственного, т. е. 80-миллионного, долга Банку, и, во-вторых, в обмен на банковые билеты для извлечения государственных бумажных денег из обращения. По мнению Мирбаха, только это может исправить вред, нанесенный валюте государством; беспокоиться же о том, что в обращении остается слишком много кредитных знаков (банковых билетов), нечего: по восстановлении размена лишние билеты будут обменены на золото. Несколько иную позицию заняли Остерзетцер и Ландесбергер: золото должно быть внесено в Банк потому, что возобновление размена возможно лишь по достижении устойчивости вексельных курсов, и что в обращение должно быть выпущено так мало золота, как возможно; утверждение, что население должно приучаться к золотому обращению, чтобы не стремиться к скрыванию и накоплению золота, неправильны, так как цель реформы—не введение золотого обращения, а поддержание паритета австро-венгерской валюты по отношению к иностранным; целям же обращения могут служить и разменные на золото банковые билеты. ¹

Следовательно, укрепленный таким образом центральный банк должен стать во главе денежного регулирования, чтобы защитить золотую валюту от угрожавших ей опасностей (было, впрочем, как увидим, одно отклоняющееся от этого мнение). Вопрос был в том, сумеет ли Банк вести такую политику, и не принесет ли он интересы валюты в жертву своим собственным интересам. Мы знаем, что в связи с этим был выдвинут вопрос об усилении государственного воздействия на Банк, которое должно было заставить последний иметь всегда в виду прежде всего интересы общественные; это мнение, встретившее горячую поддержку в палате 1892 года, подверглось внимательному обсуждению и во время анкеты (девятый вопрос), причем характерно, что против усиления государственного воздействия безусловно высказался только один эксперт. Представитель коммерческих кругов Лехер напоминал, что Банк—скала, на которой должно быть построено регулирование валюты, и поэтому он должен быть сильным и крупным, независимым и управляемым на чисто-коммерческих началах.

¹ Gutachten über die Fortführung der Valuta-Reform in Oesterreich. Wien. 1896. Стр. 12 (Бунцль), 26—28 (Эттингер), 75—77 (Ландесбергер), 160—162 (Мирбах), 173—177 (Остерзетцер).

Усиление государственного влияния на Банк поведет к тому, что он уже не будет нести полной ответственности за свою деятельность и его коммерческий опыт потеряет свое значение. И наоборот, по мнению Лехера, министры финансов должны отказаться от всякого вмешательства в денежное обращение; для удовлетворения потребностей сельского хозяйства и ремесла нужно найти другие источники, так как банк не должен набивать свой портфель долгосрочными и нереализуемыми векселями. Но другие участники анкеты высказывались в смысле господствовавшего мнения: ближе всех к Лехеру редактор «Neue Freie Presse» Бенедикт, но и он уже говорит о государственном контроле; Бунцль критикует идею расширения доли государства в прибыли Банка без возложения на государство ответственности за управление Банком; директор Торгово-промышленного Банка Маутнер рекомендует усилить влияние правительства, не принимая целиком германской системы государственного управления центральным банком, так как при сложной государственной организации монархии эта система была бы слишком тяжеловесной; наконец, секретарь Пражской торговой палаты Форжт попросту рекомендует преобразовать управление Банком по германскому образцу.¹

Все это было более или менее просто. Гораздо более сложным становился вопрос, когда эксперты обращались к обсуждению будущей валютной политики Банка. Задача, лежавшая на последнем, состояла в том, чтобы поддержать доверие к австро-венгерской валюте, пока размен еще не был восстановлен, и удерживать золото в стране по возобновлении размена. Впереди рисовались быстрые скачки нового процента вверх, и примириться с этой перспективой было нелегко: начиная с 70-х годов, экономическая деятельность в Австро-Венгрии развивалась медленно и вяло, была лишена энергии и инициативы, торговцы и промышленники привыкли к относительно низкому и, главное, устойчивому проценту;² к этому присоединились новые политические течения—забота об интересах ремесленников (т. е. политика поддержания среднего сословия), для которых высокий процент был бы совершенно непереносим. Этот вопрос стал пробным камнем для участников анкеты; здесь пути их разошлись, и некоторые из них считали необходимым сделать все для удержания дешевого кредита.

Выдвигались даже мнения, пытавшиеся разрубить этот гордиев узел решительным отрицанием значения Банка, как регулятора денежного обращения, и выдвиганием на первый план его задач по предоставлению кредита. Р. Мейер указывал, что наблюдающийся в последнее время рост значения центральных эмиссионных банков в области денежного обращения грозит большими опасностями, так как эмиссионный банк может легко потерять свою независимость; при этом не имеет никакого значения то, является ли

¹ Там же, стр. 8—13 (Бунцль), 52—53 (Форжт), 131—136 (Лехер), 149—151 (Маутнер), 209—216 (Бенедикт).

² За десятилетие 1886—1895 г., когда процент Австро-Венгерского Банка был особенно подвижен, он все-таки был изменен только 18 раз, колебался между 4 и 5½%, между тем как процент Германского Банка за то же время изменился 28 раз—между 3 и 5½%, а Английского—72 раза, колебался между 2 и 6%. Более постоянным, чем в Австро-Венгрии, был процент Французского Банка, отличающийся особенно низким размером и особой устойчивостью (изменен 8 раз—между 2 и 4½%).

Банк частным или государственным: в случае революции и частному банку, как государственному, угрожает опасность захвата и, может быть, уничтожения (Мейер ссылаясь на теории коммунаров 1871 года и на бывшее незадолго перед анкетой нападение армян на Османский Банк). Те крупные услуги, которые Банк может оказать народному хозяйству, относятся целиком к области кредита, особенно кредита для мелкого люда.¹ Те же мотивы заставили Ландесбергера выдвигать идею защиты валюты не взвешиванием процента, но взиманием премии по образцу Французского Банка;² Впрочем, этот проект не имел шансов на осуществление уже прежде всего потому, что никто не хотел подрывать доверие к многострадальной валюте Австро-Венгрии введением премии за золото, являющейся ведь в сущности замаскированным признанием лажа; Франция с ее блестящим расчетным балансом была здесь для Австро-Венгрии вовсе не парой; кроме того, в богатой Франции арбитражер, получивший отказ в Банке, всегда может получить золото в обращении, о чем в Австро-Венгрии едва ли можно было думать. Еще менее шансов на всеобщее признание имело предложение Мейера: все остальные участники анкеты отводили Банку главную роль в дальнейшем регулировании валюты, и в этом-то пункте и возникал вопрос о мерах, которые должны приниматься Банком в этих целях. Меры эти обсуждались в связи с вопросом о возобновлении размена банковых билетов.

Некоторые любопытные мнения были высказаны по шестому вопросу— об общем экономическом влиянии валютной реформы, особенно будущего возобновления размена банковых билетов. Эттингер ожидал от возобновления размена всех земных благ, если только оно совершится при благоприятных условиях, именно—если Австро-Венгрия не будет слишком скоро вовлечена в борьбу за золото, и если ее активный торговый баланс удержится; тогда наступит благоприятное изменение всей экономической жизни монархии: прилив капиталов и вследствие этого понижение процента, что повлечет за собой переход к усовершенствованным способам производства и усиление способности страны к конкуренции на международном рынке; подъем сельского хозяйства, как следствие дешевого процента и роста потребления внутри страны; подъем заработных плат и жалованья частных служащих; рост государственных доходов, сопровождаемый увеличением жалованья чиновникам; подъем на бирже, вызываемый обилием денег, и, наконец, общее удешевление жизни благодаря увеличению оборотов мелкой торговли и оживлению строительной деятельности. Но Лехер не шел так далеко в оптимистических взглядах на результаты возобновления размена: по его мнению, эта мера создаст устойчивость валюты, но достижение этой устойчивости повлияет на экономическую жизнь далеко не сразу, а между тем необходимость охранять золотой запас высоким процентом принесет значительные потери торговле и промышленности. Вопрос сводится, по мнению Лехера, к тому, что грозит для торговли и промышленности большими потерями—повышение процента или лажа; многие думают, что лажа выгоднее, так как его ощущают лишь лица, ведущие внешнюю торговлю, а процент—все, но говорящие так забывают, что лажа постоянен, а повышение процента носит лишь временный характер.³

¹ Там же, стр. 156—158.

² Там же, стр. 79—81.

³ Там же, стр. 38—41 и 122—123.

В особенно важном седьмом вопросе речь шла о завершении реформы: следует ли немедленно начать размен банковых билетов на золото, или это возобновление размена требует наступления известных условий?

Меньшинство высказалось в пользу немедленного или, по крайней мере, скорого восстановления размена. Среди думавших так на первом месте стоит Т. Гертцка, находивший, что размен давно бы уже можно было восстановить, и что не сделано это только вследствие существования ряда предрассудков. Важнейшим из таких предрассудков является мнение, что возобновить размен можно лишь по достижении активного платежного баланса: если золото будет введено в обращение раньше, оно утечет за границу. Против этого мнения можно представить три аргумента. Во-первых оно совершенно не имеет смысла, так как единственная цель реформы и заключается в том, чтобы сделать возможным отлив валютного металла: золото, как основа валюты, именно тем и лучше бумажных денег, что оно дает устойчивость валюте; устойчивость же эта достигается именно тем, что сумма средств обращения при золотой валюте увеличивается и уменьшается автоматически—приливом и отливом их соответственно потребности. Во-вторых, вышеприведенное утверждение ставит государству неразрешимые задачи: валюта расстроена вследствие того, что чрезмерные выпуски бумажных денег изгнали из страны благородные металлы; задача государства—устранить излишние бумажные деньги, а сделать платежный баланс активным оно не может. Наконец, указанное утверждение неуместно, так как платежный баланс Австро-Венгрии фактически активен: все официальные торговые отчеты свидетельствуют, что в Австро-Венгрию ввозится золото; следовательно, баланс активен, так как нет действий без причин. Если же сторонники «балансовой теории» ждут, чтобы свыше была дана гарантия постоянной активности платежного баланса, то размен никогда не будет восстановлен.

Отзывы двух других сторонников скорого восстановления размена не страдали такою прямолинейностью: Мирбах лишь указал на то, что достижение устойчивой валюты до возобновления размена невозможно, так как за границей никогда не приравняют к иностранным валютам такую валюту, устойчивость которой опирается лишь на кредит и платежный баланс, а Ландесбергер доказывал, что страна начинает переходить к золотой валюте тогда, когда созрела до степени промышленного государства, так как тогда она нуждается в принятии общего с главными вывозящими странами измерителя цен, укрепляющего ее положение в международной конкуренции; но тогда же страна эта становится и способною удерживать золото, так как вывозящая промышленность—лучшее ручательство за это удержание; поэтому скорое возобновление размена не опасно.

Но большинство настаивало на том, что возобновление размена невозможно до наступления некоторых условий: при указании этих условий одни видели большую важность в накоплении достаточного золотого запаса, другие—в достижении выгодного платежного баланса, третьи—в принятии известных мер Австро-Венгерским Банком.

К первой группе принадлежали Эттингер и Цдекауер. Первый из них находил, что общий золотой запас страны должен быть до такой степени усилен, чтобы страна могла вынести пассивность платежного баланса в

течение года, не налагая стеснений на обращение (Эттингер считал необходимою сумму этого запаса в 700 млн.; Цдекауер указывал, что в одном Австро-Венгерском Банке должен быть запас в 600 млн. гульд.); без этого возобновление размена будет чем-то в роде «игры ва-банк».

Ряд участников анкеты ставил возможность возобновления размена в зависимость от состояния платежного баланса. Они находили много поводов для опасений в современном положении Австро-Венгрии. Так, германский профессор В. Лексис говорил, что запас Австро-Венгерского Банка может быть без труда доведен до 300—350 млн. гульд., как в Германском Рейхсбанке, но, сравнительно с Германией, Австро-Венгрия имеет два недостатка, могущие мешать размену: недостаток золота в обращении и значительные обязательства перед чужими странами. Фон-Тауссиг, директор Австрийского Земельного Банка, указывал по этому поводу, что в 1891 году почти 40% всех австрийских и венгерских ценных бумаг, на сумму, превышающую 4 миллиарда гульденов, находилось в иностранных руках, а с тех пор эта сумма повысилась приблизительно до 4½ миллиардов;¹ фон-Маутнер, директор Австрийского Торгово-промышленного Банка прибавлял, что торговый баланс страны ухудшается (излишек вывоза в 1888 г. составлял 195,7 млн. гульд., в 1892 г. — еще 100,9 млн., а в 1895 г. — уже только 15 млн.), а платежный баланс ее в 1895 г. был, несомненно, пассивен; если это не отразилось на вексельных курсах, то лишь потому, что на эту эпоху выпало заключение заграничных займов. Все поименованные лица были согласны в том, что при таких условиях возобновление размена грозит большими опасностями. Страна с крупной внешней задолженностью должна вывозить золото для оплаты своих обязательств; если она имеет бумажную валюту, то она еще может приобретать золото, хотя и с пожертвованиями, вывозом своих товаров: курс бумажной валюты обычно падает, и является выгодным усиленно сбывать товары за границу; но для задолжавшей страны с золотою валютой нет другого выхода, как вывозить свое золото: колебания вексельного курса здесь не так значительны, чтобы повлиять на движение товаров. Уходу золота нельзя в этом случае помешать даже повышением процента, так как это средство действительно лишь тогда, когда платежный баланс становится пассивным вследствие изменений в товарном обращении, а не тогда, когда это бывает следствием уплаты процентов по заграничным обязательствам (Лексис). Между тем длительный отлив благородного металла сделает покрытие билетов недостаточным, возбудит недоверие за границей и заставит иностранных кредиторов перейти к инкассированию их требований; паритет будет бесследно потерян (Маутнер). Но сторонники «балансовой теории» не считали положения безнадежным; они думали только, что к размену нельзя приступить немедленно. Можно надеяться, что платежный баланс Австро-Венгрии улучшится (Лексис, Маутнер), и этот результат может быть ускорен принятием целесообразных мер: поощрением вывоза, проведением конверсий, погашением государственного долга и (в виду того, что акционерами железнодорожных обществ в значительной степени состоят иностранцы) обращением железных дорог в государственные (Лехер); по мнению

¹ Эти цифры были, повидимому, преувеличены.

других, также еще и развитием сельского хозяйства и промышленности—усилением внутреннего капитала (Тауссиг).

Последняя группа сторонников того мнения, что размен должен быть отложен, рекомендовала Австро-Венгерскому Банку принять ряд подготовительных к размену мер. Бунцль считал восстановление размена возможным лишь после того, как золотая валюта укрепитя в стране, а для этого Банк (управление которым должно быть реорганизовано) обязан, путем использования конъюнктуры, собрать большие запасы золота и при помощи накопленных в его руках средств поддерживать паритет австро-венгерской валюты.

Остерзетцер категорически утверждал, что немедленное возобновление размена невозможно. Первым условием его является существование уверенности, что размен и впредь будет поддержан, а эта уверенность может быть создана лишь тогда, когда вексельные курсы не будут слишком сильно отклоняться от паритета; между тем паритет вексельных курсов не может (а если может, то только с большими жертвами) поддерживаться при постоянном колебании платежного баланса. Вторым необходимым условием должно быть изменение всей денежной политики: дисконтная политика Банка должна сообразоваться не с резервом билетов, а с положением иностранных денежных рынков и с вексельными курсами; Банк должен господствовать над девизным и валютным рынками и отнять в этой области почву у спекуляции. Если таким образом удастся и при невыгодных обстоятельствах держать в соответствующих границах колебания вексельных курсов, то можно и восстановить размен; впрочем,—замечает Остерзетцер,—если устойчивость курсов будет достигнута вышеуказанными мерами, то в сущности будет достигнута и та цель, которую может преследовать возобновление размена... Насыщать же обращение золотом нет никакой надобности: обращение в Австро-Венгрии привыкло к билетам, и золото только обременит публику; золотое обращение может лишь толкнуть публику к накоплению монет и не принесет пользы, так как отвращать спрос на золото к обращению все равно будет нельзя в виду слабости золотых запасов Австро-Венгрии.¹

Таким образом, наиболее последовательные и оригинальные мнения участников анкеты хотя и подчеркивали необходимость активной дисконтной политики Банка, но уже не выдвигали ее с тою же силой, как делалось это сторонниками валютной реформы раньше (мнение самого Остерзетцера в этом отношении изменилось); большинство склонялось к тому, что размен следует отложить, и даже раздавались голоса, что, может быть, в нем и совсем нет надобности, если только цель реформы—устойчивость валюты—будет достигнута другим путем; потребность в насыщении обращения золотом некоторыми совсем отвергалась. Задача Австро-Венгерского Банка, по указанию сторонников этого мнения, состоит в поддержании паритета, устойчивости австро-венгерской валюты, и уже указывалось средство для достижения этой цели—в виде достижения «господства над девизным

¹ Там же, стр. 60—65 (Гертца), 170—171 (Мирбах), 66—68, 75 и 89 (Ландесбергер), 202 (Эттингер), 42—43 (Цдекауер), 139—141 (Лексис), 197—198 (Тауссиг), 147—169 (Маутнер), 123—130 (Лехер), 12—13 (Бунцль), 190—196 (Остерзетцер).

и валютным рынками». Как мы увидим далее, именно эти мнения с наибольшим успехом предвосхищали будущее. Нужно, однако, сказать, что рекомендованные таким образом мероприятия в этот момент не являлись уже чем-то совершенно новым, не были изобретением Бунция и Остерзетпера. Первые шаги в указанном направлении уже были сделаны: в начале 1894 ¹ года австрийский и венгерский министры финансов, как мы скажем далее, рекомендовали Австро-Венгерскому Банку вступить на путь борьбы с подъемом курса иностранных векселей путем снабжения торгового мира дивизами; сам Банк еще раньше приступил к борьбе с обесценением валюты при помощи отдачи дивиз в ссуду, но этого тогда оказалось недостаточным для воздействия на курсы (всего в 1893 г. было выдано таким образом 30,6 млн. фл. в дивизах).

Таковы были мнения представителей науки и различных общественных кругов относительно задач Австро-Венгерского Банка в деле регулирования валюты и соответственных изменений в его положении и организации. В том же самом 1896 году и сам Австро-Венгерский Банк счел необходимым изложить свою собственную точку зрения на эти вопросы, так как в следовавшем—1897 году устав его должен был подвергнуться пересмотру, и выражавшиеся разными сторонами пожелания могли перейти в действительность. Точка зрения Банка изложена его генеральным секретарем Мецензеффи в дополнительной главе к десятилетнему отчету за 1886—1895 г.г. Банк с готовностью принимал все те предложения, целью которых была передача ему верховного руководства денежным обращением; так как Банк был вполне доволен своею собственной деятельностью, то он не мог требовать ничего иного, кроме первой роли в регулировании денежного дела, но по этой же причине он был совсем не расположен уступать в вопросе о своей организации: он настоятельно требовал, чтобы самостоятельность его управления была сохранена во всем ее прежнем размере.

И Банк находил, что возобновление размена станет возможным лишь тогда, когда будут налицо условия, обеспечивающие постоянное сохранение этого размена в будущем. К этим условиям, помимо необходимости в благоприятном политическом и экономическом положении страны вообще, генеральный секретарь Банка относит существование в стране достаточного запаса золота, во-первых, и предоставление Банку возможности в полной мере господствовать над денежным рынком и движением процента; наступление этих условий возможно лишь постепенно.

По исчислению генерального секретаря, золотые запасы крупнейших стран составляли в 1892 году, считая их эмиссионные банки, государственные кассы и обращение:

	Всего	На голову населения
Во Франции	1.875 млн. гульд.	49,3 гульд.
В Англии	1.416 » »	37,2 »
В Германии	1.468 » »	29,4 »

Золотой запас Франции, являющийся в значительной степени военным фондом, с чисто-экономической точки зрения превышает необходимость;

¹ А не в начале 1893 года, как говорит Кауфман (цит. соч., стр. 151); тогда это было бы преждевременно.

в Англии, наоборот, вследствие сильного развития чекового и расчетного обращения, золотой запас слишком незначителен, что ведет к чрезмерно большой неустойчивости официального процента; но в Германии золотой запас оказывается достаточным во время кризисов и соответствует ее положению. Если принять во внимание преимущественно земледельческий характер Австро-Венгрии, малое количество в ней больших городов, не закончившуюся еще денатурализацию хозяйства и малую состоятельность населения, можно исчислить потребность Австро-Венгрии в золоте только в половину германской, т. е. в 14,7 гульд. на голову населения, что, при населении в 41 миллион, составит всего 600 миллионов гульденов. Однако, эта сумма, достаточная по условиям внутреннего обращения, является опасно низкой, если принять во внимание, что Австро-Венгрия, в противоположность упомянутым выше странам—кредиторам, обременена значительной внешнею задолженностью, и что она должна быть готова к покрытию золотых требований иностранцев в случае обратной присылки ее ценных бумаг; поэтому Австро-Венгрия должна приобрести настолько крупный золотой запас, чтобы временный отлив золота за границу мог быть перенесен ею без больших потрясений. Что касается до самого Банка, то и в нем золотой запас должен вырасти настолько, чтобы золотое покрытие билетов было выше легко-достижимого теперь уровня в 56%; генеральный секретарь защищает в виду этого необходимость выплаты государственного долга Банку и внесения на текущий счет в Банк свободной наличности государственных касс; кроме того, он надеется на рост вкладов на текущий счет в результате регулирования валюты.

Вторым необходимым условием для возобновления размена Банк считал предоставление ему возможности в полной мере господствовать над денежным рынком и движением процента. Из этого требования вытекала необходимость полного устранения того воздействия министерств финансов на денежный рынок, которое осуществлялось путем предоставления ссуд из свободной наличности государственных касс разным кредитным учреждениям; такое снабжение рынка средствами совершенно ускользало от влияния Банка, часто даже и регулировалось без его ведома, а между тем противодействовало политике Банка и мешало ему контролировать рынок. Эти соображения являлись новым аргументом в пользу внесения свободной наличности государственных касс на текущий счет в центральный банк, как это уже было введено в Германии, Франции и Англии. Впрочем, Банк соглашался с тем, что повышение учетного процента не всегда действительно для охраны валюты, ссылаясь на пример Англии и особенно на недавний пример Румынии, где (в 1894 году) подъем процента до 7% вызвал такое обострение кризиса, что Национальный Банк был скоро вынужден понизить ставку; Банк упоминал и о том, что повышение процентной ставки вызывает беспокойство в торговле и промышленности, затрудняет кредитование и отягощает исполнение долговых обязательств. Таким образом, косвенно и Банк обнаруживал несклонность особенно активно вести непопулярную и для него самого не всегда выгодную дисконтную политику.

Но генеральный секретарь не пропускает случая указать на то, что необходимою предпосылкой для господства над денежным рынком и движением процента является полная самостоятельность Банка: «предположенное

усиление влияния правительств на Банк может вести только к тому, чтобы сделать политику Банка медлительной, нерешительной и лишенной энергии... Кто нес бы ответственность, если бы у Банка была отнята его самостоятельность?»¹ Против требования об усилении государственного влияния на Банк была открыта кампания и в дружественной Банку печати. Главным козырем в руках сторонников Банка было утверждение, что государственное влияние, урезав независимость Банка, воскресит вновь все злоупотребления, которым был положен конец в 1862 году. В парламентских прениях того времени находили богатый материал для доказательства этого утверждения; особенно вспоминали речь Росторна, сделавшего тогда исторический обзор государственных вымогательств у Банка и констатировавшего, что «независимость Банка—это аксиома, служащая уже в течение нескольких лет исходным пунктом всех газетных статей, брошюр и докладов торговых палат, посвященных валютному вопросу», и что она «есть общее требование общественного мнения». К этому выводу Австрия была приведена горьким опытом, и переживать этот опыт сначала было бы теперь крайне неблагоприятно; такие эксперименты тем более неуместны, что теперь особенно важна дисконтная политика Банка: воздействие правительств на процент не может не оказаться роковым, так как правительство меньше, чем Банк, знакомо с положением денежного рынка и часто, при облегчении условий кредита, преследует посторонние цели.²

Таковы были принципы, которые Банк готовился положить в основу будущих переговоров. Но на практике Банку уже пришлось считаться с тем, что, заключая сделку с государством, надо руководствоваться правилом *do ut des*, и нельзя быть так неуступчивым, как в печати; в своих нотах правительству он соглашался с тем, что необходимо принять известные меры для обеспечения правильной учетной политики, но указывал при этом, что меры эти не должны касаться существующего устройства Банка, а также не должны затрагивать и доход акционеров. В ответ на требование министерств точнее формулировать предложения, Банк (в ноте от 10 апреля 1894 г.) так резюмировал свои требования:

1) Самостоятельность Банка должна быть гарантирована, но для верховного надзора над Банком создается особая комиссия из представителей государства (*Bankkuratorium*);

2) свободная наличность государственных касс должна быть внесена на беспроцентный текущий счет в Банк, чтобы сделать возможною правильную, ведущуюся в общественных интересах учетную политику;

3) участие государства в прибылях Банка повышается, но вместе с тем должен быть уменьшен акционерный капитал;

4) долг государства Банку должен быть выплачен, главным образом в целях необходимого усиления Банка;

5) государственные билеты должны быть совершенно извлечены из обращения;

6) в остальном существующая организация Банка остается без изменений, но дотации для учетной и ссудной операций не должны вперед

¹ Мецензеффи, десятилетний отчет, стр. 80—95.

² Dogn, Die Unabhängigkeit der Notenbank («Volkswirtschaftliche Wochenschrift», стр. 375—378).

распределяться между отделениями Банка (так как, с отменой прямой границы эмиссии, в этом уже не было необходимости).

Уступки Банка—его согласие на увеличение государственного дохода от Банка, сопровождаемое требованием уменьшить акционерный капитал, и предложение учредить новый орган надзора, функции которого были неопределенными,—никого не удовлетворили. Антикапиталистические тенденции эпохи отразились широко распространенной уверенностью, что в неудачах 1893—1894 годов виноват не кто иной, как Банк; после того, как были опубликованы вышеизложенные предложения Банка, еще более окрепло убеждение, что Банк решительно отказывается принять на себя некоторые жертвы, необходимые для регулирования валюты, и готов взвалить все бремя этого регулирования на плечи государства. Поэтому эти предложения подверглись жестокой критике, и требования Банка—об уплате государственного долга, об уменьшении акционерного капитала—были объявлены неслыханными. Вновь и вновь стал подниматься вопрос об обуздании вожделений частного капитала и о подчинении деятельности Банка ближайшему надзору и руководству государства, так как только при таких условиях может быть обеспечена судьба новой валюты без ущерба для общественных интересов. В палате депутатов рейхсрата Крамарж произнес горячую речь в защиту усиления государственного влияния на Банк; он настаивал на том, что вся дисконтная политика Банка должна вперед определяться целями регулирования валюты: должно положить конец положению, при котором государство одно несет крупные убытки по привлечению золота.

В печати возражения против банковского проекта были многочисленны, но в наиболее полном виде они были сформулированы в 1896 г. в брошюре Розенталя «К вопросу о Банке». Автор находит требования Банка (уплату государственного долга, передачу наличности государственных касс и уменьшение капитала) чрезмерными, а уступки, сделанные Банком, наименьшими: в сущности все уступки сводятся к тому, что участие государства в прибыли Банка должно взреть начинаться с 6, а не с 7%, как теперь. Условия эти совершенно неприемлемы, так как они вполне пренебрегают интересами государственной казны. Между тем момент для реорганизации Австро-Венгерского Банка очень благоприятен; и Розенталь развивает в достаточной степени детализированный план такой реорганизации.

Подчинение всей деятельности Банка общественному интересу—вот принцип, на котором, по мнению Розенталя, должна быть взреть построена как организация Банка, так и его политика, так как главной задачей Банка являются поддержание и улучшение валюты. Охрану указанного принципа и должно взреть на себя государство путем участия в управлении Банком и контроля над этим управлением. Розенталь приводит пример того, как печально отразилось отсутствие государственного участия в управлении Банком на судьбах валюты, и пример этот относится, разумеется, к 1893 году. В отчетах Австро-Венгерского Банка подъем вексельных курсов осенью этого года приписан спекуляции, тогда как в действительности этот подъем стоял в связи с дисконтной политикой Банка. Международный рынок был поколеблен денежным кризисом, вызванным неправильной валютной политикой в Америке, финансовым кризисом в Италии,

неблагоприятным торговым положением Нидерландов и последними отголосками промышленного кризиса в Германии. Вместо того, чтобы поднять процент уже в конце июля (в таких случаях нечего обращать внимание на состояние свободного от налога резерва билетов), Банк держался простого механического регулирования процента и ждал того, чтобы быть вынужденным к повышению последнего. Между тем еще лорд Эшбертон сказал (по поводу акта Пилля): «не может быть ничего более бессмысленного и опрометчивого, чем замена, в таких случаях, человеческого разума механизмом». Такая политика Австро-Венгерского Банка и привела к притоку в Австро-Венгрию ее ценных бумаг, помещенных за границей.

Но Розенталь высказывается за сохранение акционерной формы Банка: она уже оправдала себя, да и вообще предпочтительно связывать реформу с тем, что создалось и укрепилось исторически. Кроме того, государственный банк представляет слишком большие опасности: правда, интимные отношения между банком и министерством финансов возможны и при частном банке, но тогда инициатива вступления в эти отношения исходит, по крайней мере в Австрии, не от правительства, а от банковского правления; во время войны государственный банк выставлен большим опасностям и потому не может оказать таких услуг, как частно-акционерный; недаром Тьер говорил в 1872 году: «Французский Банк спас нас именно потому, что он не был государственным». Розенталь не думает даже, что акционеры Банка должны быть устранены от управления последним: участие акционеров в управлении Банком служит порукою в том, что это управление не станет игрушкой партий и не будет ими вынуждаться к действиям, невыгодным для государства и для Банка.

Розенталь высокого мнения об организации управления Германским Рейсхбанком, но думает, что при политическом дуализме монархии применение этой системы повело бы к большим осложнениям. Поэтому он предлагает расширить принцип назначаемости членов генерального совета правительством (именно оба заместителя управляющего и четыре из 12-ти генеральных советников должны назначаться министрами финансов), расширить также и права назначаемого короной управляющего по надзору за соблюдением устава и назначить комиссара и специальную комиссию для наблюдения за Банком с точки зрения общественного и государственного интересов. В защите этих мер Розенталем мы слышим знакомые уже нам ноты: здесь не должно иметь «домартовских» понятий; современная Австрия не похожа на Австрию эпохи Меттерниха.

Акционерный капитал,—говорит далее автор,—должен быть велик, так как укрепляет положение Банка во время кризиса, когда билеты могут быть представлены к размену, а вклады могут быть востребованы; поэтому капитал не только не должен быть уменьшаем, но следует рекомендовать даже повышение его. В виду необходимости значительных размеров капитала, акционерам должен быть обеспечен доход не меньше обычного в стране; поэтому предварительный дивиденд должен быть установлен в 4½%. Супердивиденд, собственно, должен бы был целиком поступать государству, так как является следствием эмиссионной монополии, но, чтобы вознаградить акционеров за создание резервного фонда и хорошее управление Банком в течение долгих лет, следует делить этот излишек поровну между акционерами и государством.

Переходя к операциям Банка, Розенталь настаивает, что вся постановка их должна стать иною: в виду новых задач, Банк должен уметь принимать на себя жертвы в общественных интересах. Прежде всего следует обратить внимание на покупку и продажу золота и иностранных векселей; Банк должен усиливать свой золотой запас и для этого не останавливаться даже перед тем, что это приобретение золота будет совершаться без всякой выгоды для него и даже с убытком; в дополнение к этим характерным для того периода указаниям Розенталь советует Банку развивать и девизную операцию, что также является характерным для указанного времени. В области остальных операций автор рекомендует развитие операции вкладов и текущих счетов посредством бескорыстного расширения сети отделений, которые должны содействовать распространению чекового обращения, и допущение к учету векселей сельско-хозяйственной и ремесленной кооперации (ссудную операцию, наоборот, он советует ограничивать). Дисконтная политика должна быть преобразована на новых началах, образцом которых являются принципы Английского Банка.¹

Среди всех этих и тому подобных предложений было одно, которое не могло не затронуть Банка особенно чувствительно; это было требование о значительном уменьшении доли акционеров в доходе Банка с соответственным повышением участия государства в этом доходе. Этому вопросу Банк посвятил свое внимание прежде всего и к тому времени, когда спор особенно обострился (1896—97 г.г.), имел уже в своем распоряжении давно готовый ответ,² на который ему оставалось только сослаться. Генеральный секретарь Банка еще в 1894 г. попытался точно установить ценность, представляемую для Банка дарованной ему государством эмиссионной монополией, и сопоставить с нею ту уплату, которую Банк обязан вносить государству. Он указывал, что нельзя сводить на-нет излишек, получаемый акционерами сверх оплаты банковского имущества обычным в стране процентом, так как иначе привилегия не будет иметь для Банка никакой цены, и он не примет ее. Между тем, если мы обратимся к современному положению, то убедимся, что этот излишек, представляющий собою ценность привилегии для Банка, и теперь крайне невысок, а вносимая за привилегию плата уже и теперь настолько высока, что нельзя оправдать дальнейшего повышения доли государства в банковском доходе. Отправляясь от доходности операций за 1888—1893 г.г., можно установить, что доход, поступающий Банку, составляет не более 6,7 млн. в год (дивиденд 6,6 млн. и доля в пенсионный фонд 0,1 млн.), т.-е. 5,3% на банковое имущество (90 млн. акционерного капитала + 32,4 млн. резервного фонда + 4,3 млн. пенсионного фонда = 127,3 млн. гульд.); если из этого дохода вычесть обычный в стране процент (4,2%, т.-е. 5,4 млн. гульд.), то останется излишек в 1,3 млн. гульд., который и представляет собою ценность привилегии для Банка. Привилегия дает Банку лишь несколько более миллиона гульденов, но Банк уплачивает государству за эту привилегию сумму гораздо большую. Генеральный секретарь зачисляет в эту последнюю сумму, во-первых, проценты по государственному долгу Банку, от уплаты

¹ B. Rosenthal, Zur Bankfrage. Wien. 1896. Особ., стр. 7—9, 11—61 и 72—80.

² Mecenseffy. Werth und Preis des Oest.-Ung. Bank Wien. 1894.

которых государство освобождено (3,1 млн. гульд., считая по 4%), во-вторых—долю государства в прибыли Банка (0, 3млн. гульд.) и, наконец, налоги, падающие на дивиденд (0,8 млн.); в результате получим плату за привилегию в размере 4,3 млн. гульд. Таким образом выгоды от привилегии и теперь уже распределяются между акционерами и государством таким образом, что акционеры получают 24,2%, а государство—75,8% этих выгод, что значительно менее благоприятно, чем в иностранных эмиссионных банках.¹ Выходило, следовательно, что стремление повысить долю государства в банковском доходе представляет собою образец неслыханной жадности со стороны государства.

Как раз в тот момент, когда эта борьба была в полном разгаре, в спор был замешан еще один вопрос, правда, совершенно второстепенный, но любопытный для нас тем, что он обсуждался чрезвычайно характерным для данного момента образом. Этот сравнительно неважный вопрос еще раз вызвал взрыв взаимных обвинений и пререканий: вновь с одной стороны раздалась жалоба на ненасытную алчность частного капитала, на эгоизм акционерного Банка и на его постоянные стремления обогащаться за счет государства и страны, а в ответ на них—указания на лояльную и самоотверженную деятельность Банка и на те обиды и убытки, которые наносились ему государственной властью. Дело заключалось в следующем.

До законов о золотой реформе, изданных в 1892 году, в Австро-Венгрии не было установлено законного отношения между ценностями золота и серебра. Между тем с 1870—1871 г.г. Банк имел значительный запас золота, состоявший в иностранных и торговых монетах и золотых девидах; так как законною валютою признавалась серебряная, то для оценки этого золотого запаса надо было установить какое-либо постоянное отношение между ценностями обоих металлов (оценивать золотой запас просто по курсу золота на серебро было недопустимо в виду существования контингентирования эмиссии). Сначала (как результат Парижской конференции) было принято отношение 1 : 15 ²⁵/₈₁, потом (после перехода Германии к золотой валюте) остановились на отношении 1 : 15 ¹/₂. Исчисленный таким образом золотой запас Банка 10 августа 1892 г. оценивался в 80.104.523 фл. 36 ¹/₂ крейцеров. На следующий день, 11 августа 1892 года, вступили в силу законы о новой валюте, принявшие отношение между ценностями благородных металлов в 1 : 18 ²/₉; с этих пор, следовательно, отношение было установлено законом, и Банк соответственно этому был должен переоценить свой золотой запас, именно он должен был оценить его выше (уже не в 15 ¹/₂, а в 18 ²/₉ раз дороже серебра). Таким образом золотой запас Банка составил уже 93.751.874 фл. 81 крейцер, т.-е. номинально увеличился; если выбросим ту часть этого увеличения, которая пришлась на золотые вклады клиентов Банка, то получим увеличение собственного золотого запаса Банка в 13.525.166 фл. 55 кр. Эта сумма, явившаяся результатом изменения курса серебра на золото, и составила так называемый выигрыш Банка на курсе валюты, которому суждено было вскоре стать яблоком раздора между Банком и государством.

Как правительство, так и Банк сочли невозможным признать золотой запас внезапно выросшим на 13 ¹/₂ млн. гульд.: это сразу увеличило бы

¹ Назв. соч., стр. 6, 13—19 и 25—26.

резерв непокрытых металлом билетов, оказало бы давление на процент и отодвинуло бы границу эмиссии, по переходе которой Банк обязан был уплачивать 5% налог. Банк, находя, что эти 13½ млн., возникшие в его золотом запасе, несомненно принадлежат ему и должны быть отнесены в состав его имущества, решил (с согласия правительства) перечислить их в свой резервный фонд: другие части его имущества не могли быть увеличены его самостоятельным действием (акционерный капитал был определен законом, а составление пенсионного фонда регулировалось особыми постановлениями).

Но когда, в 1895—1897 годах, борьба вокруг Банка обострилась, этот его поступок вызвал ожесточенное осуждение в оппозиционных кругах, а вслед за этим и горячую полемику в печати. Исходной точкой рассуждений противников Банка было утверждение, что благодаря законодательным мерам государства Банк получил незаслуженную прибыль, которую и хочет теперь обратить на увеличение своего имущества. В самом деле, увеличение цены золотого запаса, а, следовательно, и появление указанного излишка в 13½ млн. явилось следствием государственного мероприятия, именно того, что государство предписало установить новое отношение между ценностями золота и серебра. Притом этот излишек—не часть имущества Банка, как утверждает последний, а увеличение его чистой прибыли: ведь Банк—не что иное, как торговец золотом; реализуя купленное им золото по цене, превышающей цену покупки, он получает коммерческую прибыль, а закон 1892 года именно и повысил эту продажную цену банковского золота на 13½ млн. фл. Вывод из этого делался следующий: так как по уставу оба правительства получают половину чистой прибыли Банка, превышающей 7%, и так как в балансе 1892 года эти 13½ млн. явились бы излишком прибыли сверх 7%, то Банк должен уступить правительствам 6¾ млн. фл.; другие, ссылаясь на то, что выигрыш на курсе создан исключительно государством, шли еще дальше и настаивали на полном обращении выигрыша в казну.¹⁾

Банк в ответ на это указывал, что его металлический запас составилсЯ вовсе не в результате торговли серебром, золотом и деВизами, так как право на такую торговлю он получил лишь в 1862 году, и прибыль от нее совершенно незначительна (в 1889 г., напр., 3,2 тыс. фл.). Его металлический запас был создан, во первых, имущественными вкладами акционеров и теми отчислениями, которые делались акционерами из их доходов, и, во вторых, обменом приносимого в Банк металла на банковые билеты; обмен этот, к которому Банк обязан (в отличие от покупки, на которую он только имеет право), вовсе не является покупкой, но имеет все свойства договора о поклаже, и прибыль при этой операции совершенно невозможна. Когда в 1870—1875 г.г. Банк обменял часть своего серебряного запаса

¹ Важнейшими из статей противников Банка являются статьи W i t e l s h ö f e r ' a: Der Kursgewinn der Oest.-Ung. Bank an ihrem Goldschätze («Ztschr. für volksw., Sozialpol. und Verw.», IV Band, IV Heft) и его же статья в «Neue Freie Presse» (от 15 янв. 1896 г.); Brandt, Der Relationsgewinn der Oest.-Ung. Bank («Monatschrift für Christliche Sozialreform, 1898, стр. 104—110). См. также статью Calligaris'a в «Neue Freie Presse» (от 9 января 1896 г.).

на золотой, он воздержался от обмена на золото как раз той части своего серебра, которая была нужна для покрытия билетов, выпущенных в обмен на металл; следовательно, на золото было обменено лишь то серебро, которое принадлежало к состоящему из металла имуществу акционеров. С тех пор все имущество Банка стало золотым (Банк доказывал это расчетом, по которому в случае его ликвидации, за оплату всех его обязательств, должно было остаться золота на 136,3 млн. гульд., между тем как имущество Банка равнялось 127,7 млн. гульд.). В составе этого имущества спорная сумма не появилась внезапно, но в сущности существовала давно, так как переоценка золотого запаса в 1892 г. несколько не увеличила этого запаса, но только вывела на вид то изменение, которое было следствием постепенного падения ценности серебра, роста золотого лажа. Поэтому 13½ млн. не могут называться и «выигрышем» на курсе (Kursgewinn); подобно тому, как при переоценке зданий Банка выяснившийся излишек ценности относится в резервный фонд, так и данный излишек должен быть отнесен к резервному фонду и называться «резервом вследствие лажа» (Agioreserve).¹

Этот спор вошел в состав общей полемики о ценности привилегии Австро-Венгерского Банка и о том вознаграждении, которое он должен за нее уплачивать; он также должен был как-то быть разрешенным при пересмотре устава Банка в 1897 г. В дополнение ко всему этому на сцену вновь выдвинулся вопрос об отношениях между Банком и Венгрией, что объяснялось новой переменной во взаимных отношениях обеих половин монархии. Когда в Австрии место кабинета Ауэршперга заняло опиравшееся на консервативные и славянские элементы министерство Таафе (1879 г.), началась эпоха особенного внимания к сельскому хозяйству, и таможенные тарифы 1882 и 1887 годов были проникнуты духом аграрного протекционизма. Венгрия, как аграрная страна, прежде всего выиграла от этого; удовлетворенная этими результатами, она не проявила особенной строптивости при заключении австро-венгерского договора 1887 года; благодаря этому и организация Банка, при пересмотре устава в 1887 году, осталась в общем неизменной. Гармония интересов, однако, существовала недолго, и в 90-х годах продление привилегии Банка пришлось покупать новыми уступками в пользу Венгрии. В это время началась борьба сменявших друг друга австрийских кабинетов с Банком; изменилось даже отношение либералов к последнему, что объяснялось отчасти популярностью золотой

¹ Банк изложил свои возражения в своем издании Die Agioreserve der Oest.-Ung. Bank, Wien, 1898 (особ. стр. 119—125 и 160—178), и в двух брошюрах Мецензеффи—Bericht über den Goldbesitz der Oest.-Ung. Bank, Wien, 1897 (особ. стр. 13—14), и Das Vermögen der Oest.-Ung. Bank, Wien, 1896 (особ. стр. 6—12). В «Volkswirtschaftliche Wochenschrift» был помещен ряд статей в защиту прав Банка на этот «резерв»; таковы статьи Дорна—Der Goldbesitz der Oest.-Ung. Bank (1897, XXVIII, стр. 267—9) и Die Agio-Reserve der Oest.-Ung. Bank (1898, XXIX, №№ 738—740), а также анонимная статья Der Kursgewinn der Oest.-Ung. Bank (1896, XXV, №№ 628 и 630) и др. Автор этой последней статьи писал: «Старая немецкая пословица говорит: каждый волен называть свой грош талером; но что вы скажете, если другой назовет ваш грош талером и затем потребует, чтобы вы выплатили ему получившийся таким образом «выигрыш на курсе»? (в цит. месте, стр. 36).

валюты в торгово-промышленных кругах, отчасти же политическими причинами, сблизившими в это время либералов с консерваторами. Сопrotивление обеих этих партий (а также поляков) предположенному Таафе расширению избирательных прав повело к падению кабинета (1893 г.) и к образованию коалиционного министерства (Виндиш-Греча). Но для Банка это не принесло ничего хорошего: либералы, как сказано, относились к нему уже не так, как прежде, и их вождь Эрнст фон-Пленер, став министром финансов, решительно выступил против изложенных выше требований Банка: он первый объявил их неслыханными. Образовавшийся в 1895 году кабинет Бадени опирался собственно на консерваторов и поляков, но стремился привлечь и либералов для совместной борьбы против нараставшего демократического движения, особенно обнаружившегося после конгресса социал-демократов в Гайнфельде (1888 г.). Следуя политике главы кабинета, министр финансов Билинский дал обещания разным партиям, требовавшим тех или других реформ. Для исполнения этих обещаний нужны были средства, и одним из удобнейших источников этих средств было найдено между прочим повышение доли государства в прибылях Банка; австрийское министерство неминуемо приводило к необходимости оказать энергичное давление на Банк и рассчитывало в данном случае на поддержку со стороны Венгрии. Но отношения в Венгрии складывались уже иначе: подъем венгерской промышленности и нараставшее в Австрии стремление покровительствовать собственному сельскому хозяйству уже разрушило ту солидарность интересов обеих половин монархии, которая была создана тарифами восьмидесятых годов. В связи с этим в Венгрии вновь ожила мысль о необходимости экономического обособления от соседки, а вместе с тем и стремление основать самостоятельный эмиссионный банк. Кроме того, венгерцы были гораздо менее австрийцев заинтересованы в сопротивлении требованиям Банка: например, уплата 80-миллионного долга Банку касалась почти исключительно Австрии (долг этот был признан лежащим на Австрии, а Венгрия должна была лишь сделать в счет него взнос, определенный в выгодном для нее отношении). Венгрия даже была склонной удовлетворить эти требования Банка, лишь бы приблизить момент восстановления размена билетов, который позволил бы Венгрии приступить к основанию собственного банка: до восстановления размена учреждение такого банка привело бы к хаосу в обращении. Австрийское правительство было поставлено перед двойной задачей: с одной стороны—предотвратить возникновение самостоятельного венгерского эмиссионного учреждения и с другой—купить содействие Венгрии для борьбы против Австро-Венгерского Банка. В этих целях оно и решило сделать Венгрии новую уступку—предложить удовлетворение ее старого требования о проведении полного равенства между гражданами обеих стран в управлении Банком.

Венгерцы, разумеется, приняли эти выгодные для них предложения, но не скрывали того, что это теперь уже далеко недостаточно, и что их желания идут гораздо дальше (в печати они называли проведение равенства в Банке—«игрушкой для политических детей»); в Австрии же проект нового расширения венгерских прав на Банк был встречен крайне недоброжелательно: указывали, что этот проект противоречит интересу всей

монархии, требующему существования сильного регулятора денежного обращения, а, следовательно, и единого банка; в том же заинтересована, по мнению австрийцев, и Венгрия, которая только по политическим соображениям и потому, что не понимает собственных интересов, требует большего, чем теперь имеет; австрийское же правительство жертвует общими интересами потому, что «живет в фискальном гипнозе». Лукам писал, что Венгрия и теперь не в состоянии учредить самостоятельный Банк, но сумела «получить сущность самостоятельного банка, сделав уступку в вопросе о внешней форме его... В виду того, что эта мера не соответствует хозяйственному положению обеих половин монархии, вредна для экономических интересов Австрии и разрушает организацию Банка и управление им, она не может быть признана почетною для Австрии».¹

Таковы были противоположные друг другу позиции сторон в ряде вопросов, связанных с возобновлением банковской привилегии, срок которой наступал в 1897 году. Уже с самого начала было ясно, что стороной, которой придется перейти в отступление, должен быть непременно Банк: шесть-семь процентов (на капитал) дивиденда, при полной обеспеченности помещения, являлись для акционеров слишком хорошим вознаграждением, чтобы они могли серьезно думать об исполнении угроз отказа от привилегии, которые Банком иногда высказывались. Спротивление Банка проектам правительства поэтому не могло быть достаточно решительным, между тем как эти проекты опирались на ряд таких предпосылок, как непопулярность Банка, недовольство его кредитной политикой, проявившееся после 1893 г., неудовлетворенность его валютными мерами, политическое преобладание враждебно к Банку настроенных защитников интересов сельского хозяйства и ремесла и, наконец, настроение сторонников золотой валюты, требовавших реорганизации Банка. Во время переговоров Банка с государством первый должен был уступить по всем пунктам. Что касается до вопроса об усилении прав Венгрии в управлении Банком, то в виду того непримиримого положения, к которому вновь стали склоняться венгерцы, этот вопрос обратился в политический и должен был решиться в значительной степени помимо Банка, так что последнему оставалось только подчиниться, если только он желал сохранить за собою свою привилегию.

Заключение нового договора с Венгрией, требовавшее дальнейших уступок со стороны австрийцев, оказалось на этот раз нелегким делом; оно затянулось на два года, а вместе с тем на два года замедлилось и возобновление привилегии Австро-Венгерского Банка. Необходимость сделать уступки в пользу Венгрии заставила Бадени отказаться от союза с немецкими либералами и заменить их младочехами, для привлечения которых

¹ Венгерский министр финансов Векерле изложил проект преобразования Банка в записке от 15 января 1891 г.; этот проект, вводивший равенство в управление Банком, но шедший и дальше, был принят кабинетом Банфи (1894 г.). Еще более радикален Ein Wissender (Interessenkonflikte in der Bankfrage, «Volksw. Wochenschr.» 1896, XXVI, стр. 212—215). Эта последняя статья представляет собою венгерский ответ на статью Дорна (под тем же заглавием и в той же газете, стр. 167—170). См. также статью Дорна Bankdualismus (та же газета, 1896, XXV, стр. 229) и брошюру W. von Lucam, Parität und Regierungseinfluss in der künftigen Oest.-Ung. Bank, Wien, 1897, стр. 31—32.

он издал известные указы о языках в Чехии и Моравии, вызвавшие взрыв националистических чувств со стороны немцев; начались демонстрации и митинги протеста, а в палате депутатов рейхсрата немцы перешли к обструкции, исключавшей всякую правильную работу парламента. Сессия закончилась 22 июня, но с осени, с возобновлением заседаний, обструкция и бурные сцены начались снова. Выход кабинета Бадени в отставку (27 ноября 1897 года) мало улучшил положение, и прежний договор с Венгрией пришлось продлить на один год, так что вместе с этим было продлено и существование прежней привилегии Банка. Несмотря на то, что в указы о языках были затем введены некоторые смягчения, ни кабинету Гауча, ни кабинету Туна (с марта 1898 года) не удалось внести в страну успокоения: эксцессы борьбы национальностей продолжались, и рейхсрат расходился два раза (в июле и декабре 1898 года) без результатов; когда депутаты еще раз съехались в январе 1899 года, обструкция возобновилась, так что сессия была прекращена через две недели после ее начала. Тогда австрийское правительство решило, в виду отсутствия рейхсрата, провести договор с Венгрией путем внепарламентского законодательства в порядке § 14 конституции. Банковский устав и был проведен именно таким образом: в Венгрии он был принят сеймом (G. A. XXXVII 1899), а в Австрии был опубликован императорским указом 21 сентября 1899 года. Этот указ продлил привилегию Австро-Венгерского Банка до 31 декабря 1910 года включительно и объявил, что до тех пор обе половины монархии отказываются от своего права учреждать самостоятельные эмиссионные банки (ст. I), но привилегия Банка должна прекратиться 31 декабря 1907 года, если в этот год не будет возобновлен австро-венгерский таможенный союз (ст. IX указа, § 8 венгерского закона).

В новом уставе 1899 года отразились все отмеченные нами выше течения политической и экономической жизни монархии, касавшиеся вопроса о Банке. С одной стороны, как увидим ниже, были установлены именно в смысле этих течений (хотя по отношению к валюте еще довольно неопределенно) обязанности Банка, а с другой—ряд постановлений устава имел целью улучшить способность Банка к охране золотой валюты; между прочим, для усиления положения Банка предписывалось увеличить его акционерный капитал; но самыми важными из этих постановлений были те, которыми значительно расширялось государственное влияние на Банк, вместе с чем увеличивалось участие государства в прибыли Банка; был предусмотрен даже случай перевода Банка в руки государства. Что касается до отношений с Венгрией, то в уставе были широко проведены принцип равенства между гражданами Австрии и Венгрии в управлении Банком, и, кроме того, Венгрия выиграла еще на том, что права дирекций были значительно расширены.

Уже первая статья устава подчеркнула перемену в положении Банка; в первый раз в устав Австро-Венгерского Банка было включено указание на задачи, которые ставятся этому учреждению и носят для него обязательный характер: в своей деятельности, соответствующей уставу, Банк обязан, одинаково в обеих половинах монархии, заботиться о регулировании денежного обращения, облегчении платежных расчетов и удовлетворении потребностей торговли, промышленности,

ремесла и сельского хозяйства в кредите, но прежде всего он должен поддерживать размен банковых билетов, как только этот размен будет восстановлен законом (ст. 1). В виду этого акционерный капитал Банка повышался со 180 до 210 млн. крон (ст. 4), что должно было осуществиться путем передачи дивиз на 30 млн. крон из резервного фонда в металлический запас (ст. 114).

В области организации Банка устав вводил два новшества—проведение равенства между обеими частями монархии и усиление государственного влияния на Банк. Что касается первого принципа, то он проводился в жизнь следующими мероприятиями: заседания общего собрания происходят в Вене или в Будапеште, смотря по тому, из австрийцев ли или из венгерцев состоит его большинство (ст. 13); все 12 избираемых членов генерального совета выбираются общим собранием так, чтобы шестеро из них были австрийцами, а шестеро—венгерцами (ст. 23); то же правило должно соблюдаться при выборе ревизоров отчетности (ст. 24) и исполнительного комитета (ст. 25); каждая из двух дирекций состоит, под председательством соответствующего помощника управляющего, из заместителя этого помощника и шести членов генерального совета, при чем все эти лица в венской дирекции должны быть австрийцами, а в будапештской—венгерцами (ст. 41). Таким образом объединяющий орган, в руках которого концентрируется высшее управление Банком,—генеральный совет,—является лишь соединением обеих дирекций под председательством управляющего Банком. Соответственно этому устав изменил и распределение компетенции между генеральным советом и дирекциями в пользу последних. На генеральном совете лежит обязанность представительства, и он может делать все распоряжения, кроме входящих в круг ведения общего собрания и дирекций (ст. 25); последнее слово представляло собою добавление, введенное новым уставом: в уставе 1887 г. в данном месте упоминалось лишь об общем собрании. Права дирекций определялись следующим образом: им принадлежит право определять размер кредита для соответствующей половины монархии и для отдельных лиц и фирм; они наблюдают за использованием этого кредита, имеют право учреждать и закрывать вспомогательные филиалы Банка (*Banknebenstellen*) для учетной операции, разрешать получение кредита и назначать цензоров; они обязаны представлять доклады генеральному совету (ст. 40). В кругу этих прав дирекций особенно важным являлось предоставленное им теперь право определять размер кредита для всей соответствующей половины монархии; это постановление, отсутствовавшее в прежнем уставе, стояло в связи с проведенною уставом 1899 года отменю системы дотаций. Отказ от этой системы был предложен самим Банком еще в 1894 г. Банк указывал, что «до 1887 года дотации имели совершенно определенную цель: они должны были защищать Банк от той неожиданности, что граница максимального (по уставу) обращения банковых билетов будет превзойдена вследствие повышенного, постоянного или временного, обращения к кредиту в одном или нескольких отделениях Банка, притом превзойдена при таких условиях, что это совершенно нельзя будет предотвратить... С расширением права эмиссии отпала, строго говоря, необходимость удерживать систему дотаций, которой, кстати сказать, нет ни в одном эмиссионном Банке»; далее Банк указывал на нескончаемые

хлопоты и переписку, вызываемые системой дотаций. Таким образом отказ от системы дотаций вызывался переходом от системы прямого контингентирования к системе менее связанной эмиссии. Впрочем, Банк тогда предлагал сохранить все-таки назначение генеральным советом двух общих дотаций—для обеих дирекций, без распределения этих дотаций между отделениями; изменение отношений между генеральным советом и дирекциями в 1899 г. повело к полной отмене указанной системы.¹

Усиление государственного влияния на Банк вылилось в следующие формы. Статья 26, наряду с 12 избранными членами, вводила в генеральный совет пять членов, назначенных правительством: управляющего, двух его помощников и двух их заместителей. Управляющий Банком, по прежнему уставу назначавшийся пожизненно, теперь назначается короною на пять лет, чем значительно увеличена его зависимость от правительства. С другой стороны, права управляющего значительно расширены: без его утверждения не имеют силы постановления генерального совета (кроме докладов общему собранию), исполнительного комитета и других постоянных комитетов совета (ст. 27). По ст. 39, в том случае, если невозможен созыв исполнительного комитета (функции которого—надзор за покрытием билетов и принятие настоятельных мер в отсутствие генерального совета), управляющий принимает необходимые и неотложные меры, сообщая затем о них генеральному совету. Помощники управляющего и их заместители также назначаются короною на 5 лет по предложению соответствующих министров финансов (ст. 28); прежде кандидатов в помощники представлял генеральный совет, а должности заместителей и вовсе не было. Помощники управляющего являются председателями соответствующих дирекций; они наблюдают за использованием кредита и могут принимать неотложные меры; их утверждению подлежат все постановления подчиненных им дирекций (ст. 41).

Не довольствуясь увеличением числа назначенных членов совета и расширением их полномочий, устав еще значительно увеличил права правительственных комиссаров. Каждое из двух правительств назначает по одному комиссару, являющемуся органом, через который оно убеждается в том, что Банк действует согласно с законами и уставом, а также в соответствии с государственным интересом (ст. 51). Комиссары присутствуют в заседаниях общего собрания, генерального совета, комитетов и дирекций с совещательным голосом, имеют право требовать объяснений и осматривать деловые бумаги Банка и могут опротестовать постановления общего собрания, генерального совета, комитетов и дирекций, если найдут их несогласными с законом, уставом или государственным интересом (ст. 52). Но комиссары не могут, ссылаясь на государственный интерес, возражать против докладов генерального совета общему собранию, против изменений процента (ст. 25) и против мер генерального совета, принимаемых относительно чиновников Банка (ст. 47). Значение этих изменений в уставе генеральный совет Банка разъяснял общему собранию акционеров следующим образом: «По существующему уставу (т.-е. по уставу 1887 года)

¹ Mecenseffy, Десятилетний отчет, стр. 21—22. Tschurn, Die Entwicklung des Verwaltungsorganismus der Oest.-Ung. Bank, Wien, 1908, стр. 19.

правительственные комиссары имеют право представлять возражения против постановлений общего собрания, совета или дирекций только в том случае, если находят их противоречащими уставу; в будущем они получат более широкое право,—право предъявлять возражения и тогда, когда найдут какое-либо постановление противоречащим «существующим законам» или несогласным с «интересами данной половины монархии». В этом добавлении следует, однако, различать закон и государственный интерес. Закон есть нечто определенное, поэтому тот факт, что постановление противоречит закону, может быть доказан с такою же точностью, как при нарушении устава. Против этой части добавления тем менее можно возражать, что уже и теперь в случае нарушения закона комиссары могут и по долгу своему обязаны осуществлять хотя и не писанное, но само собою разумеющееся право опротестования. Иначе обстоит дело со второю частью добавления. Понятие «государственный интерес» трудно установить точно, и оно может подлежать расширительному толкованию. Неоспоримое, точное доказательство того, что постановление стоит в противоречии с государственным интересом, возможно только в очень редких случаях. Столь важное право опротестования не может быть уступлено без оговорок». И генеральный совет ссылается на изъятия из вето комиссаров, которые указаны выше; вето комиссаров, кроме того, имеет только отсрочивающий характер: в случае несогласия генерального совета вопрос решается, при нарушении закона или устава, третьей судом, при несоответствии государственному интересу—советом министров.¹

Государственная власть добилаь не только усиления своего влияния на Банк, но и повышения своей доли в доходах последнего. Ст. 102 устава определяла: «Из всего годового дохода от операций и имущества Банка, после вычета расходов, акционерам поступает прежде всего 4% (по уставу 1887 года—5%) на внесенный акционерный капитал. Из остающегося дохода 10% (по уставу 1887 г.—8%) поступает в резервный, а 2%—в пенсионный фонд. Из остающейся после этого части дохода половина присоединяется к дивиденду акционеров, а половина поступает правительствам, пока дивиденд не достигнет 6%. Из дальнейшего остатка $\frac{1}{3}$ обращается в дивиденд, а $\frac{2}{3}$ поступают правительствам». Этим сокращался не только предварительный дивиденд (с 5 до 4%), но и супердивиденд, так как, по уставу 1887 г., после отчисления установленных долей в резервный и пенсионный фонды, дивиденд пополнялся до 7%, а остальное делилось пополам. Генеральный совет по этому поводу писал: «Это решительное изменение в распределении чистого дохода должно быть обосновано перед акционерами только указанием на современные условия и стремлением Банка доказать неуместность предположения, что соглашение о возобновлении привилегии могло рушиться только из-за неуступчивости Банка в вопросе о дивидендах»; ссылкою на «существующие условия» генеральный совет вообще мотивировал перед акционерами то, что он должен был «сделать в вопросе о плате за привилегию уступки, идущие до крайнего предела». ²

¹ Motivenbericht zu den vereinbarten Aenderungen der Statuten der Oest.-Ung. Bank. Wien, 1898, стр. 8—9.

² Там же, стр. 10—13.

Не довольствуясь повышением влияния и выгод государства, правительства настояли на том, чтобы был пересмотрен и подробно регулирован перевод Банка в руки государства: по ст. 107 нового устава, оба правительства «по заключении между ними утвержденного законодательными собраниями соглашения, имеют право, в случае истечения привилегии или роспуска банкового общества раньше срока, взять в свои руки все составляющее предмет привилегии банковое дело, за выделением ипотечно-кредитной операции, которая останется банковскому обществу». В этом случае оба правительства приобретают право собственности на все движимое и недвижимое имущество Банка, и на них возлагается обязанность исполнить все обязательства последнего; акционеры Банка получают по 1520 крон за каждую акцию (вследствие увеличения акционерного капитала, по уставу 1889 г. каждая акция становилась оплаченной 1400 крон), суммы нераспределенного дивиденда и выпадающую на каждую акцию часть резервного фонда. Суммы, выплачиваемые правительствами Банку, должны быть внесены в валюте, установленной законом 2 августа 1892 года; генеральный совет указывал акционерам, что, хотя все имущество Банка и состоит в золоте, Банк не выговорил себе уплаты в золоте «желая выразить недвусмысленным образом свое доверие к удачному исходу валютной реформы». ¹

Таковы были постановления, усилившие контроль общественной власти над Банком; нам известно, что это усиление контроля должно было дать гарантию того, что деятельность Банка, главным образом в области валютной политики, будет руководиться с этих пор общественным интересом. В связи с этим стоял ряд нововведений, целью которых было облегчить валютную политику Банка; статья 55, регулировавшая отношения Банка с государством, сделала некоторый, скромный по виду, но важный шаг к сосредоточению в Банке наличности государственных касс, что прямо мотивировалось потребностями учетной политики; ² ст. 56 и 65 расширили операции Банка с деvisaми и валютой; ³ ст. 75 дала Банку право

¹ Там же, стр. 13.

² Там же, стр. 10. Ст. 55 сохраняла разрешение учета представляемых правительствами векселей, комиссионных операций для государства и всех сделок с последними, не влекущих за собой ссуд или дарования кредита, но, кроме того, получила следующее добавление: «Банк обязан принимать деньги за счет обоих министерств финансов и делать за их счет платежи в пределах суммы этих вкладов. Затем Банк обязан, по требованию и за счет каждого из министерств финансов, производить в банковых кассах обмен денежных знаков. При этом он не имеет права на комиссию и возмещение издержек».

³ По ст. 56, пункту К. Банк имеет право (в прежнем уставе было сказано только: «покупать и отчуждать векселя на иностранные пункты») «приобретать и продавать за границей и внутри страны векселя и чеки на иностранные пункты, а также иностранные билеты, затем векселя, подлежащие оплате на территории действия этого устава и написанные не на валюту крон; выдавать чеки и ассигновки на иностранные пункты, заботиться об инкассировании за границей, производить платежи за чужой счет и держать за границей нужные для всего этого денежные имущества». Ст. 65 разрешала ссуды под иностранные векселя, срок которых — не более шести месяцев.

принимать процентные вклады, что мотивировалось возможностью увеличения потребности Банка в средствах в виду недалекого уже возобновления размена (прием процентных вкладов был разрешен Банку еще в 1868 г., но в 1874 году от этого права Банк отказался в виду необычности процентных вкладов для эмиссионного банка). Наряду с этим устав стремился поставить на твердую почву дисконтную политику Банка, постановив, что Банк обязан производить учет только из единого процента (исключения допускаются лишь по особому постановлению генерального совета или уполномоченного последним комитета—ст. 60), и урегулировав в ст. 64 состав цензурных комитетов (впрочем, на последней мере отразились и известные нам стремления расширить внимание Банка к ремеслу и сельскому хозяйству).

В области постановлений об эмиссии свободный от налога контингент непокрытых металлом билетов оставлен прежним (200 млн. гульд.=400 млн. крон), но из состава металлического покрытия окончательно изгнано серебро, поскольку дело идет не о законных австро-венгерских серебряных монетах (ст. 84); Банк был обязан по ст. 87 обменивать представляемые ему золотые слитки на банковые билеты соответственно основам валюты крон; относительно серебра не только не было такой обязанности, но и покупать то серебро Банк мог лишь с согласия обоих министров финансов. Зачисление золотых девиз (на сумму до 60 млн. крон) в металлическое покрытие осталось и в новом уставе (ст. 111). Мельчайшей купюрой банковых билетов установлено 50 крон (ст. 82), но до возобновления размена позволено выпускать билеты и в 20 и в 10 крон. По ст. 83 Банк обязан разменивать свои билеты в своих главных конторах в Вене и в Будапеште на «законные металлические деньги австрийской и венгерской чеканки» (которые, следовательно, и должны были, во всех своих видах, входить в металлическое покрытие). Но, по ст. 111, обязанность Банка к размену билетов не существует до тех пор, пока не отменен принудительный курс государственных билетов; новый устав прибавлял, что после отмены этого принудительного курса «постановления ст. 83 устава могут быть введены в силу законодательствами обеих половин монархии». Следовательно, обязанность Банка к размену его билетов не наступает сама собою по прекращении принудительного курса билетов государственных, хотя она и предписана уставом; на этом постановлении сказались уже отмеченные нами выше колебания, начавшиеся в общественном мнении по вопросу о необходимости возобновления размена.

В дополнение к уставу¹ Банком был заключен с обоими правительствами целый ряд соглашений (1 ноября 1899 г.). Одно из таких соглашений, изложенное уже нами выше, касалось извлечения оставшихся государственных кредитных билетов; другое обязало Банк расширить сеть его отделений учреждением по десяти новых филиалов в каждой из обеих половин монархии. Третье соглашение регулировало государственный долг Банку и при этом регулировало его так, что генеральный совет, в своей

¹ Устав ипотечного отделения подвергся главным образом техническим изменениям, но и в этом отделении надзор правительственных комиссаров (особенно за тем, чтобы выпуск закладных листов не превышал 300 млн. крон).

уже цитированной выше записке, был вынужден говорить об увеличении платы за привилегии, не ограничившемся только изменениями в разделе прибыли.¹ Точка зрения правительств была несколько иная: этим соглашением, очевидно, должен был окончательно разрешиться вопрос о так называемом «выигрыше на курсе» и притом разрешиться не в пользу Банка. Содержание соглашения сводилось к тому, что австрийское правительство обязывалось выплатить Банку, в счет долга, 30 млн. гульд. а. в. золотыми монетами валюты крон (Венгрия должна была внести Австрии свою долю—9 млн. гульд.—в течение 50 лет), а Банк, с своей стороны, должен был уменьшить оставшийся долг так, чтобы этот долг впредь не превышал 30 млн. гульд. а. в.; следовательно, Банк должен был списать часть государственного долга, обратив на это средства своего резервного фонда. В конце 1899 г. государственный долг Банку (постепенно погашавшийся из доли правительств в прибыли) составлял еще 74,1 млн. гульд.; после уплаты Австрией 30 млн. гульд. он должен был составить 44,1 млн. гульд., так что Банку пришлось, за счет своего резервного фонда, погасить долг в 14,1 млн. фл., т. е. на сумму, даже превысившую «выигрыш на курсе» (13½ млн. гульд.). Что касается до оставшихся 30 млн. гульд. долга, то устав 1899 года уже не предписывает, как прежний, обращать на погашения этого долга долю правительства в прибыли (и поступления от налога на эмиссию), но отсрочивает погашение до истечения срока привилегии; долг этот остается беспроцентным.

¹ Motivenbericht, стр. 1.

ГЛАВА V

Девизная политика

Тревога, с которою многие смотрели на будущее австро-венгерской валюты после событий 1893—95 годов, имела свои основания главным образом в том, что расчетный баланс Австро-Венгрии находился в крайне неустойчивом положении. По существу, влияние некоторых постоянно действовавших факторов имело тенденцию обратить этот баланс в пассивный. Решающее значение имели платежи по крупному внешнему долгу венгерской половины монархии, в результате которых расчетный баланс Венгрии заключался пассивным сальдо (в среднем за 1892—1901 г.г.) в 176,5 млн. крон, перевешивавшим активный сальдо австрийского расчетного баланса. В среднем за 1892—1901 г.г. расчетный баланс всей монархии находился в таком положении: платежи странам, лежащим за таможенной чертой, составляли 353 млн. крон в год, требования к этим странам—323 млн. крон, так что получался пассивный сальдо в 30 млн. крон¹.

Такое состояние расчетного баланса представляет собою крупные опасности для устойчивой валюты и в том случае, если золотая валюта со всеми своими аксессуарами—с разменом бумажных знаков и даже с золотым обращением—проведена в жизнь целиком и вполне укреплена в стране. При нормальном состоянии мирового хозяйства (мы не говорим здесь об условиях мировой войны) страны-кредиторы с постоянно активным расчетным балансом могут быть уверены в полном сохранении устойчивости своей валюты, хотя в отдельные моменты колебания баланса платежей и в этом случае могут сопровождаться колебаниями курса валюты, правда,—ограниченными существованием золотых точек. Хуже дело обстоит в том случае, если при активности расчетного баланса в среднем случаи пассивности баланса платежей наступают часто; если же представить себе расчетный баланс постоянно пассивным, то нужно признать неизбежным хронический стлив золота до тех пор, пока валюта не потеряет своего металлического фундамента, и пока бумажные знаки не станут неразменными и не обратятся в бумажные деньги.

Правда, классическая школа в своем рикардовском ответвлении полагала, что отлив золота в этих случаях вовсе не является неизбежным,

¹ Fellner, Die Zahlungsbilanz Ungarns. Wien und Leipzig. 1908. Стр. 152 и 159—160.

а в тех случаях, когда он наступает, он не может обратиться в хронический. Этот взгляд школы Рикардо стоит в связи с ее учением об автоматическом саморегулировании вексельных курсов: в том случае, когда наступает отклонение вексельных курсов от паритета, именно в результате этого отклонения вступают в действие стихийные силы, возвращающие вексельные курсы к паритету обратно. Эти стихийные силы действуют через посредство отлива золота только в том случае, если подъем иностранных вексельных курсов обусловливается в последней очереди увеличением количества денег в стране: такое увеличение денег ведет к уменьшению покупательной силы последних, к росту товарных цен, а этот рост цен вызывает увеличение ввоза товаров и ухудшение торгового баланса, которое может создать в тот или иной момент пассивность баланса платежей. В этом случае саморегулирование курсов векселей, а, следовательно, и курса валюты, происходит таким образом, что та же пассивность баланса, которая вызывает подъем иностранных вексельных курсов, ведет и к отливу золота для оплаты ввоза; в результате этого, количество денег внутри страны уменьшается, покупательная сила их поднимается, избыточный ввоз товаров исчезает, прекращается пассивность баланса, и курсы возвращаются к паритету. Но во всех остальных случаях, во всех тех случаях, когда подъем иностранных вексельных курсов вызывается не увеличением количества денег в обращении, а другими причинами, саморегулирование курса валюты происходит даже без передвижений золота—просто потому, что подъем курса иностранных векселей стимулирует вывоз и тормозит ввоз, а понижение этого курса действует в обратном направлении; таким образом регулируется торговый баланс, а вместе с тем и вексельный курс, без всякой пересылки монеты.¹

Это утверждение рикардовской школы не может быть признано правильным. Согласно этому утверждению саморегулирование курса валюты достигается саморегулированием торгового баланса за исключением одного случая, когда автоматическому регулированию баланса должно предшествовать предварительное изменение в денежном обращении; совершенно ясно, что это предполагает только две причины подъема курса иностранных векселей—ухудшение торгового баланса вследствие явлений, происходящих в товарной области, или ведущее к такому ухудшению торгового баланса увеличение денежных знаков внутри страны. Между тем нельзя сомневаться, что такой подъем курса иностранной валюты и, следовательно, ухудшение курса валюты данной страны, может быть вызвано причинами, лежащими и вне области торгового баланса и вне области денежного обращения; оно может исходить от других статей расчетного баланса, в результате увеличения платежей за границу,—напр., по оплате возросшего внешнего долга, по уплате военного вознаграждения и т. п.; эти статьи расчетного баланса по своему характеру неэластичны, т.-е. изменение внешневалютного курса денег не ведет к изменению этих статей, по крайней мере к такому их изменению,

¹ J. S. Mill. Principles of political Economy, Book III, chapter XX, § 3 (в издании Longmans, Green and Co, 1904 года,—стр. 373—374).

которое парализовало бы их дурное воздействие на курс валюты. Если пассивность расчетного баланса вызывается состоянием только что указанных статей его и носит при этом длительный характер, то саморегулирование торгового баланса без отлива золота может носить только временный характер: так как причины пассивности расчетного баланса в этом случае постоянны и не имеют отношения к балансу торговому, саморегулирование последнего не прекращает расстройств валютных курсов совершенно; как только под влиянием вывоза товаров внешне-валютный курс приблизился к паритету, благоприятное воздействие его на торговый баланс прекращается, и курс сейчас же начинает отклоняться от паритета снова. После того, как этот случай повторится несколько раз, в стране уже может не оказаться достаточного количества товаров (и других объектов) для вывоза, и наступит отлив золота, а так как причина пассивности баланса заключается вовсе не в увеличении количества средств обращения, то и отлив золота не прекращает колебания валютных курсов и приобретает хронический характер, вместе с чем наступает опасность потери металлического фундамента валюты.

Поэтому и при вполне проведенной в жизнь золотой валюте постоянно пассивный расчетный баланс должен вести к истощению запаса золота в стране, а вслед за этим и к расстройству денежной системы. Но, как сказано выше, даже и при отсутствии постоянной пассивности расчетного баланса, в том случае, если расчетный баланс в среднем активен, но при этом часто повторяются в отдельные моменты случаи пассивности баланса платежей (напр., тогда, когда крупные платежи по внешнему долгу в общем уравниваются активностью торгового баланса с преобладающим вывозом сельскохозяйственных продуктов, который выпадает на определенное время года), ухудшение внешне-валютного курса оказывается опасным для валюты: и в этом случае, за отсутствием в течение продолжительного времени достаточного количества товаров для вывоза, золотой запас страны (особенно, если он относительно невелик) может серьезно сократиться вследствие отлива золота; колебания курса валюты, хотя и происходящие в пределах золотых точек, могут быть в этом случае слишком частыми, и к действию обычных факторов может присоединиться влияние фактора психологического, создающего опасность для золотой валюты.

Таким образом, саморегулирование курса валюты во многих случаях, и как раз в случаях наиболее опасных, не достигается автоматическим саморегулированием торгового баланса. Гошен в своей «Теории вексельных курсов» пытался дать новую вариацию учения классической школы, доказывая, что вексельные курсы автоматически саморегулируются через посредство учетного процента: по этой теории, ухудшение курса валюты, вызывая опасность отлива золота, воздействует на подъем учетного процента, понижающий затем цены товаров, курсы ценных бумаг и курсы векселей.¹ Явление, отмеченное Гошеном, действительно,

¹ Гошен. Теория вексельных курсов. Пер. с англ. 1876. См. об этом также у Ansiaux, *Politique régulatrice des changes*, Bruxelles et Leipzig, 1910. стр. 23—74.

может наступить, но все дело в том, что оно может и не наступить: ошибка Гошена состоит в том, что он принял за автоматическое, стихийное явление тот процесс, который в действительности является не автоматическим саморегулированием курсов, но рациональным регулированием их со стороны эмиссионного банка. Если дело обстоит так, если речь здесь идет не о стихийном явлении, а о сознательной политике эмиссионного банка, то на очередь становятся вопросы, во-первых, об успешности этого способа регулирования курсов и, во-вторых, о желательности или нежелательности его применения; вопросы эти, как увидим, решались не всегда положительно.

Все сказанное относится к действительной золотой валюте, как она понималась обычно, т.е. к валюте, при которой существует обязательный размен бумажных средств обращения на золото и обращение золота в стране; но в том случае, если размена билетов и обращения золота не имеется, саморегулирование внешневалютного курса становится еще менее вероятным, и ухудшение этого курса ведет за собою еще большую опасность того, что устойчивость валюты будет окончательно потеряна. Если и при такой валюте существует постоянная пассивность расчетного баланса, или даже если при средней активности такого баланса часто наступают моменты пассивности баланса платежей, вызываемые какими-либо факторами, лежащими вне области внешней торговли, саморегулирование торгового баланса, вызываемое изменением внешневалютного курса, не может помешать окончательному ухудшению последнего; так как в этом случае отлива золота из страны быть не может, отклонение внешневалютного курса от паритета выйдет, наконец, за пределы золотых точек, валюта будет «скомпрометтирована» и совершенно потеряет характер устойчивой валюты.

Как сказано выше, средством воздействия на курсы для возвращения их к паритету может явиться дисконтная политика эмиссионного банка, уже не как стихийное, автоматически возникающее явление в смысле теории Гошена, но как явление рациональное, как вполне сознательная политика этого банка по охране устойчивости валюты. Однако, в этом способе воздействия на курсы имеется своя слабая сторона: величина учетного процента эмиссионного банка стоит в непосредственной связи не с размерами его металлической наличности, а с его наличными средствами вообще, которые он ставит в распоряжение кредитного рынка; если банк разрывает эту связь, если валютно-политические цели, стремление защитить валюту, начинают вполне определять дисконтную политику эмиссионного банка, это крайне тяжело отзывалось на кредитном рынке; как нам известно, в Австрии именно это обстоятельство заставило искать иного средства воздействия на внешневалютный курс денег.

Ежегодный излишек платежей над требованиями в австро-венгерском расчетном балансе нужно было чем-нибудь покрыть, и так как речь шла о покрытии обязательств перед странами с золотой валютой, то самой естественной формой этого покрытия был вывоз золота на указанную сумму. Но, как мы знаем, на практике отлив золота из Австро-Венгрии не мог происходить тем естественным путем, как из

других стран: Австро-Венгерский Банк не был обязан производить размен билетов, а что касается до обращения, то в нем количество золота было ничтожно. Между тем существование пассивного сальдо расчетного баланса, который страна отказывается покрыть вывозом золота, необходимо должно компрометтировать валюту этой страны: курс иностранных векселей поднимается в этом случае выше верхней золотой точки, туземная валюта теряет равенство с валютами золотыми, обесценивается, получает дизажио,—и первый шаг к бумажно-денежной валюте сделан. Так в 1893 году отказ Банка вернуть приобретенное им золото, несомненно, воспрепятствовал устранению лажа, созданного пассивностью платежного баланса. Позднее Банк в крайних случаях, для охраны валюты, соглашался отдавать золото: в марте 1898 г. 410 т. ф. ст. золотом было вывезено из Вены в Лондон, а осенью того же года крупные суммы золота утекли в Берлин; за этот год золотой запас Банка уменьшился на 4,4 млн. гульд. а. в. Однако, до 1901 года, начиная с которого Австро-Венгерский Банк начал размен своих билетов, оставшийся все-таки для него необязательным, такие случаи могли быть только исключением: имея возможность сохранить свой золотой запас, Банк не мог согласиться на частую отдачу своего золота, тем более, что пассивность расчетного баланса носила длительный характер, и отлив золота из Банка, почти единственного резервуара золота в стране, грозил в конце концов погубить золотую валюту. Таким образом и не отдавать золота и отдавать его было одинаково невыгодно; оставалось одно—искусственным образом обратить пассивный расчетный баланс в активный вывозом за границу австро-венгерских ценных бумаг. Выпуск австрийской ренты, часть которой находила помещение за границей, многочисленные выпуски венгерских ренты и займов, эмиссии облигаций австрийских железных дорог, разнообразные займы города Вены и других городов, государственные займы со специальными целями (для регулирования Дуная в 1899 г., для покрытия расходов Боснии в 1902 г.), наконец, краткосрочные займы за границей, которые в особенности стали заключаться начиная с 1896 года, все это—с одной стороны, и вывоз уже помещенных на внутреннем рынке ценных бумаг, когда условия были для этого благоприятны,—с другой, служили средством искусственного создания активности расчетного баланса. За десятилетие 1892—1901 г.г. в среднем вывозилось по 87 млн. крон ценными бумагами в год, так что в результате создавался активный сальдо расчетного баланса в 48 млн. крон.¹ Это, разумеется, представляет свои опасные стороны: вывоз ценных бумаг

¹ Tabellen zur Währungsstatistik verfasst im K. K. Finanzministerium, 2-te Ausgabe, II-er Teil, 3 Heft, 13 Abschnitt, 1904, стр. 844—845. Ввоз ценных бумаг превышал вывоз только в 1892 г. (61,5 млн. крон) и 1899 г. (на 25,7 млн. крон). Перевес вывоза ценных бумаг составлял в 1893 г. 100,2 млн. крон, 1894 г.—61,2 млн. крон, 1895 г.—66,2 млн. крон, 1896 г.—133,7 млн. крон, 1897 г.—140 млн. крон, 1898 г.—80,9 млн. крон и 1901 г.—170,4 млн. крон (там же, стр. 775). Впрочем, эти цифры относятся только к эмитированным в указанном году ценным бумагам и к обращению ценных бумаг через 12 крупнейших австрийских банков; притом цифры—приблизительны (там же, стр. 463 и 846).

увеличивает в конце концов требования чужих стран к вывозящей их стране, и это должно потом неблагоприятно отразиться на расчетном балансе; кроме того, этот способ безусловно действителен только в те годы, когда помещение займов за границей вообще возможно по условиям иностранных денежных рынков. Но для Австро-Венгрии не было иного выбора. Тем не менее, средняя активность расчетного баланса этим средством достигалась; но такая средняя активность баланса не исключала частого наступления моментов, в которые баланс платежей складывался для страны неблагоприятно, и создавались предпосылки для больших колебаний вексельного курса; наступление таких моментов обуславливалось часто состоянием мирового хозяйства, влиявшим и на внутреннее хозяйственное положение страны.

Как раз в интересующий нас период, с тех пор как лаж 1893—1895 г.г. заставил Австро-Венгерский Банк особенно серьезно подумать о мерах, которые должны быть приняты для охраны золотой валюты, международная конъюнктура отличалась чрезвычайной изменчивостью. Улучшение общего хозяйственного положения началось еще в 1895 г., но плохой урожай 1897 года повел к понижению активного сальдо торгового баланса Австро-Венгрии (до 10,9 млн. гульд. с 68,2 млн. гульд. в 1896 г.) и даже к пассивности этого баланса в 1898 г. (пассивный сальдо—12,17 млн.). В 1899 г. опять начался подъем хозяйственной деятельности, но уже в 1900 г. чрезвычайное поднятие цен и развитие спекуляции указывали на приближение кризиса; для Австро-Венгрии крайне тяжело отразилась на торговом балансе бывшая весной этого года стачка угольщиков. Следующий, 1901 год ознаменовался кризисом, падением вывоза и полным застоем, и критическое положение, в виде депрессии, затянулось на несколько лет, тем более, что 1904 год отличался также плохим урожаем, создавшим пассивность торгового баланса в 1905 г. С 1906 г. положение стало улучшаться, но 1907 год принес кризис в Америке, а низкая конъюнктура следующего, 1908 года отразилась всеобщим застоем торгово-промышленной деятельности; еще хуже было положение в 1909 г., когда пришлось прибегнуть даже к ввозу сельско-хозяйственных продуктов по высоким ценам; торговый баланс был неблагоприятен. Последующие годы—вплоть до начала мировой войны (тем более, конечно, годы этой войны) также отличались пассивностью торгового баланса, пассивный сальдо которого достиг перед войною очень крупных размеров (в 1911 г.—787,4, в 1912 г.—630,8, в 1913 г.—638,8 млн. крон); но на этих последних годах уже особенно сильно отразилось международное политическое положение, предшествовавшее мировой войне.

Торговый баланс, как известно, играет далеко не решающую роль в вопросе о том, как сбалансируются в каждый данный момент уплаты и получения страны; иные и еще более сложные условия—положение международного денежного рынка, а вместе с тем и целый ряд влияющих на это положение экономических и политических событий имеют здесь гораздо более важное значение. И за интересующий нас период (с середины девяностых годов до начала мировой войны) в положении международного рынка, разумеется, наблюдался целый ряд явлений,

отражавшихся неблагоприятно на платежном балансе Австро-Венгрии в тот или иной момент. Нередко то или иное событие — необходимость оплачивать возросший ввоз иностранных сельско-хозяйственных продуктов, размещение иностранных займов, подъем местной промышленности — вызывало сжатие того или иного заграничного денежного рынка; между тем такое сжатие одного денежного рынка влечет за собою подобное же изменение и на рынках других стран, так как, во-первых, с этих последних рынков нередко извлекаются при этом средства, а, во-вторых, и потому, что на этих рынках уменьшается надежда получить, в случае надобности, достаточные средства из-за границы. Подъем рыночного процента в какой-нибудь стране сравнительно с рыночными процентами других стран показывает, что помещение свободных средств в этой стране выгоднее, чем вне ее; при этом иногда нет надобности, чтобы рыночный процент данной страны превзошел проценты других денежных рынков: в Англии, напр., вследствие уверенности в том, что каждый ввозящий в нее свои капиталы мог когда угодно получить их обратно в золоте, достаточно было лондонскому рыночному проценту сравняться со процентами других стран, чтобы деньги из них уже потекли в Англию. Такие изменения в краткосрочном помещении капиталов, операции арбитражеров, стремящихся использовать разницу в проценте, могут быстро увеличивать требования одной страны к другой и ухудшить платежный баланс последней; эти случаи неоднократно наступали в течение указанного периода специально по отношению к Австро-Венгрии.

Сюда присоединяется еще воздействие изменений рыночного процента на международное движение ценных бумаг: когда деньги на рынке какой-либо страны подорожают, то процент или дивиденд, приносимый помещенными в ней ценными бумагами, может оказаться уже недостаточным, и их стараются продать, чтобы с большею выгодною использовать помещенные в них средства. Если бумаги эти — иностранные и происходят из страны, кредит которой не так устойчив, и если в стране их происхождения господствует в данный момент более низкий рыночный процент и, следовательно, более высокая оценка этих бумаг, то они массами высылаются на родину (австро-венгерские бумаги в конце 1892 и в 1899 г.); таким образом требования к этой стране увеличиваются, и платежный баланс ухудшается.

Еще более решительные изменения, имеющие те же последствия для платежного баланса, вносятся в отношения денежных рынков между собою в случае наступления чрезвычайных событий: войн, ведущих к заключению внутренних займов и повышению рыночного процента, кризисов и иных, менее важных событий, изменяющих характер международных обязательств и платежей (выставки и пр.). Между тем на интересующий нас период выпал ряд более или менее крупных европейских и внеевропейских войн (в 1897 г. — греко-турецкая, в 1898 г. — испано-американская, в 1899—1900 г. — англо-бурская, в 1900 г. — китайская, в 1904—1905 г. — русско-японская, с 1911 года — ряд войн на Балканском полуострове, начиная с итало-турецкой) и иных международных столкновений, а также два крупных кризиса 1900—1901 г. и 1907 года.

Нередко такая разница между рыночными процентами создавалась изменением официального процента иностранных эмиссионных банков; этот случай наступает тогда, когда внутренний денежный рынок легко подчиняется руководству центрального банка, что бывает не всегда; в течение указанного периода борьба между крупнейшими странами мира за золото приводила от времени до времени к изменениям официальных процентов, которые влекли за собою изменения и процентов рыночных.

Но соотношение платежей и получений данной страны зависит не только от состояния заграничных рынков: на него влияет отношение между состоянием заграничных денежных рынков и состоянием рынка внутреннего. Поэтому в платежный баланс легко вносятся те или иные изменения появлением каких-либо затруднений на внутреннем рынке данной страны, напр., увеличение его потребности в средствах; с этим также приходилось считаться Австро-Венгрии, потребность внутреннего рынка которой в средствах периодически повышалась в конце каждой четверти года в виду западно-европейского обычая совершать платежи в эти сроки; особенно же она повышалась осенью, когда ликвидировались результаты сельско-хозяйственной деятельности; наступали иногда и экстраординарные обострения потребности внутреннего рынка в средствах. В такие моменты платежный баланс страны становился особенно чувствительным, напр., к сжатию заграничных рынков.

Наступающие в отдельные моменты колебания платежного баланса, разумеется, немедленно отражаются на вексельных курсах и вообще на внешневалютном курсе денег. Многочисленные перекрещивающиеся между собою последствия каких-либо событий отражаются иногда на курсах валюты стран, этими событиями совершенно не затронутых. На курсах английских девиз войны, в которых Англия не участвовала, часто отражались благоприятно; война создает тревогу на бирже и общее стремление запастись такими средствами международными платежами, которые обладают наибольшей обеспеченностью (подъем курса английских девиз в Вене во время греко-турецкой войны 1897 г.).

В виду всех указанных влияний никакая средняя активность расчетного баланса, — все равно, естественным или искусственным путем она достигнута, — не в состоянии предотвратить тех колебаний вексельных курсов, которые многократно совершаются в разных направлениях в течение одного года. В странах-кредиторах с действительно-благоприятным расчетным балансом и действительной золотой валютой (с разменом банковых билетов на золото и достаточным запасом золота в обращении) эти колебания могут вызывать некоторые неудобства, но не грозят особыми опасностями для валюты: при подъеме курса иностранных векселей до верхней золотой точки золото из такой страны отливает, при понижении до низшей точки — приливает, и валюта ее остается устойчивой. Иное дело — в таких странах, которые не могут отдавать золото: если курсы иностранных векселей поднимутся в такой стране до золотой точки, то не совершается ничего такого, что могло бы остановить их повышение и их понизить; результатом является обесценение валюты, ведущее за собою, кроме других последствий, еще и возможную

потерю искусственно достигнутой активности расчетного баланса: за границей государственный кредит падает всегда скорее, чем внутри страны, и поэтому обесценение валюты легко может вызвать обратный прилив вывезенных ценных бумаг, курс которых за границей понизится сильнее. Таким образом и перед Австро-Венгрией встала необходимость проводить политику борьбы с колебаниями внешневалютного курса денег.

Как уже указано выше, первым находящимся у эмиссионного Банка орудием для борьбы с этими колебаниями является дисконтная политика: повышение учетного процента банка даже в том случае, когда оно не нужно для охраны золотого запаса банка (в виду отсутствия размена), имеет большое валютно-политическое значение, так как, повышая цену ссудного капитала, понижает вслед за этим цены всего того, что за внутренние деньги приобретается, а в том числе и курсы иностранной валюты, не говоря уже о том, что оно вместе с этим воздействует на торговый баланс и на движение ценных бумаг. Но в отношении дисконтной политики Австро-Венгерский Банк еще в течение нескольких лет после валютного кризиса 1893—1895 г.г. продолжал быть связанным, так как правительственные средства в нем не сосредоточивались, и продолжала существовать связь между австрийским краткосрочным долгом и выпуском бумажных денег, благодаря которой, при увеличении рыночного процента, рынок независимо от Банка получал в свое распоряжение некоторые лишние средства. Только 1899 г. принес в том и в другом отношениях решительную перемену: связь государственных бумажных денег с краткосрочным долгом была уничтожена указом 21 сентября этого года, а устав 1899 года в статье 55 возложил на Банк обязанность принимать деньги за счет обоих министерств финансов и производить за их же счет платежи до высоты внесенных правительством сумм. Это постановление послужило исходным пунктом для передачи Австро-Венгерскому Банку управления государственными суммами.

В этом отношении Австро-Венгерский Банк и кассовая система Австро-Венгрии значительно отставали от того порядка управления государственными суммами, который сложился в других странах западной Европы. В Англии, напр., уже в XVIII веке убедились, что вручение банку правительственных сумм и даже передача ему многих функций государственных касс ведет за собою значительную экономию в государственных расходах по управлению этими кассами и, кроме того, устраняет необходимость держать в кассах лишние суммы денег; между тем в Австрии еще в 80-х годах XIX века жаловались на тяжеловесность существовавшей кассовой системы, заставлявшей государство постоянно держать наличность в 100—133 млн. гульд., т.-е. одну пятую часть годовой потребности в деньгах. Другим соображением в пользу сосредоточения государственных сумм в центральных эмиссионных банках было то, которое, как мы видели, решило дело в Австро-Венгрии: возможность извлечь из государственных сумм пользу для народного хозяйства и путем концентрации их в банке облегчить его дисконтную политику. При наиболее развитой системе банковского управления кассами—англо-бельгийской—основной принцип

состоит в полном устранении посреднических касс: все доходы государства вносятся сборщиками в банк, в центральной конторе которого эти суммы зачисляются на текущий счет министерства финансов, и все государственные расходы производятся оттуда же; в соответствии с этим, в случае кассового дефицита банк дает краткосрочные ссуды для его покрытия. Но в других странах не пошли так далеко, опасаясь непомерно усилить влияние акционерного кредитного учреждения и, кроме того, слишком тесно связать государственный кредит с кредитом банка. Поэтому в большинстве европейских стран оставили механизм государственных касс неприкосновенным: но и в этих странах свободные суммы государственных касс вносятся на текущий счет в центральный банк, и распределение средств между кассами производится через посредство этого банка; в случае же кассового дефицита эти государства прибегают к учету в банке билетов государственного казначейства.¹

Как и следовало ожидать, Австро-Венгрия примкнула только к этой второй системе. Государственные кассы монархии в существенном сохраняли ту организацию, которая была им дана в 1817 году графом Стадионом; обратив внимание на тот хаос, который царствовал в этих кассах в течение XVIII века, Стадион преобразовал их на следующих началах: система этих касс должна была служить к возможно более быстрому собиранию государственных доходов в провинциальные кассы (*Landeskassen*), находившиеся в центрах местного управления; из провинциальных касс производились местные (т.-е. подлежащие покрытию на месте) расходы, а остававшиеся суммы отводились ими в центральную кассу, из которой уже производились расходы, общие для всего государства.² Одновременно с проведением устава 1899 г. были приняты меры для того, чтобы связать эту систему с Австро-Венгерским Банком. Министерский приказ 21 декабря 1898 года предписал государственной центральной кассе присоединиться к обращению по тек. счетам в Австро-Венгерском Банке, а приказом 15 июля 1899 г. то же предписание было дано и провинциальным кассам, при чем все те суммы, которые до сих пор отсылались ими в государственную центральную кассу, теперь вносились провинциальными кассами на текущий счет этой центральной кассы в местное отделение Австро-Венгерского Банка; кассы не должны накапливать лишние средства в своих руках, но должны брать средства с текущего счета в Банке только по мере действительной потребности. Приказом 24 ноября 1900 г. податным органам министерства финансов и кассе табачной монополии было предписано вносить их наличные излишки в Банк для занесения на тек.

¹ См. Philippovich. Die Bank von England im Dienste der Finanzverwaltung, Wien, 1885, стр. V, 156—164 и 173; Born, Die finanzielle Heranziehung der Zentralnotenbanken durch den Staat, Leipzig, 1907, стр. 8—9, 11—18, 28—39 и 90; Schwalenberg, Die Bank von Frankreich und die deutsche Reichsbank, Halle, 1904, стр. 89; Dartiguenave, Relations de la Banque de France avec le Trésor, Paris, 1902, стр. 181—187, а также Lévy, Les banques d'émissions et le trésor public. Paris, 1910.

² См. J. Bradel, Vorschriften über staatliche Geldverwaltung, Wien, 1906, стр. V.

счет государственной центральной кассы; в 1900—1901 г. это было распространено на почтовые и железнодорожные кассы.

Особенную важность для роли Банка в деле регулирования валюты имела передача ему всех золотых операций государства. Обоим правительствам постоянно приходилось совершать за границей расходы в золоте (или в равноценной золоту иностранной валюте)—для оплаты государственного долга, расчетов по международному почтовому и жел.-дорожному обращению, покупки табака для табачной монополии—и в соответствии с этим проводить от времени до времени операции по приобретению нужного золота. Все операции этого рода совершались до сих пор при посредничестве частных кредитных учреждений, но Австро-Венгерский Банк настаивал на том, что передача ему всех золотых операций государства является необходимым условием его деятельности по подготовке размена; в правительственных мотивах к уставу 1899 г. это требование Банка получило официальное признание: «имело бы особенно важное значение постановление о том, чтобы исполнение государственных платежей за границей, прежде всего правильно повторяющихся платежей по долгу, производилось через Австро-Венгерский Банк, так как уплаты государства за границей имеют размеры, значение которых для вопроса о платежном балансе на следует слишком низко оценивать».¹ Это и было осуществлено в 1901 г., когда на Австро-Венгерский Банк было перенесено выполнение всех золотых операций, производимых обеими половинами монархии с одновременной передачей ему государственных золотых поступлений (таможенных, почтовых и железнодорожных); соглашение об этом было подписано 22 августа 1901 года.

С этих пор денежные суммы, необходимые для оплаты тек. расходов, держались министерствами финансов уже не в виде наличных денег в гос. центральной кассе, а на тек. счету в Австро-Венгерском Банке (частью также в почтовой сберегательной кассе и в расчетном союзе) и на золотом счету в том же Банке. Таким образом исполнилось желание Банка об устранении тех препятствий для его учетной политики, которые являлись следствием проходящих мимо Банка операций с наличностью государственных касс. Однако, и в течение описываемого периода учетная политика Австро-Венгерского Банка сохранила прежний характер, факт, в достаточной степени доказывающий, что причины недостаточно энергичного ведения дисконтной политики Банком лежали не столько в положении денежного рынка, сколько в намеренном воздержании Банка от изменений процента для охраны валюты. Во всяком случае, было бы несправедливостью утверждать, что в этом отказе Банка от активной дисконтной политики сыграла роль только та несклонность Банка жертвовать своими коммерческими интересами в пользу общественных интересов, на которую ссылались многие сторонники правительственного воздействия на Банк в интересах охраны валюты. Несомненно, здесь оказало свое влияние в первую очередь

¹ 254 Beilage zu den Sten. Prot. des Hauses der Abg. XIV Session, 1898, стр. 106.

другое обстоятельство: Банк, и без того не обладавший популярностью, не желал вызывать неудовольствия в тех широких слоях населения, для которых устойчивый и относительно умеренный официальный учетный процент успел уже обратиться в некоторую традицию, священную годами; удорожание кредита и колебание его цены всегда встречалось австрийскими торговлей и промышленностью с живейшим порицанием; оно пугало также и рабочих; об аграриях и о защитниках интересов мелкой торговли и ремесла нечего уже и говорить. Еще в 1895 г. проф. Фельдеш в докладе, прочитанном в Венгерской академии наук, говорил: «Что касается специально применения дисконтной политики, то мы достаточно видели, что она наталкивается на многие затруднения, нарушает многочисленные интересы и поэтому не всегда допустима».¹ Это заставляло Банк отказаться от воздействия на вексельные курсы изменением учетного процента, и достаточно было дисконтной политике Банка отказаться от этой задачи, чтобы процент Банка остался достаточно устойчивым; со времени кризиса 1873 года в самой хозяйственной жизни монархии было мало элементов, способных вызывать сильные колебания процента: промышленная деятельность отличалась вялым характером, предприимчивость была слаба, и умеренным потребностям австро-венгерской экономической деятельности вполне соответствовала ставка в 4% являвшаяся обычной для банкового процента в Австро-Венгрии.²

Правда, этот процент не был так низок, как процент эмиссионного банка во Франции с ее близкой тогда к стационарному состоянию промышленностью и чрезвычайным богатством капиталами, но по устойчивости он мог соперничать с французским; такой устойчивости были совершенно лишены банковский процент в Германии с ее лихорадочной предприимчивостью, быстрым развитием промышленной жизни и небольшими размерами золотого запаса в Банке, и в Англии, где положение Лондона, как мирового рынка для золота, в связи с недостатками эмиссионной системы, отражалось беспрестанными колебаниями процента.

В виду всего этого, отказ Австро-Венгерского Банка от охраны валюты путем активной дисконтной политики означал закрепление устойчивого и, по местным условиям, низкого процента. Банк преследовал эту цель вполне сознательно; принципы его были сформулированы в 1898 г. его генеральным секретарем Мецензеффи, который предложил генеральному совету использовать в борьбе с колебаниями курса все другие средства раньше, чем перейти к повышению процента; правда, на этот раз генеральный совет не согласился на это, но надо сказать, что положение было уже очень затруднительным, и что процент все-таки был поднят только до 5% (25 ноября). В следующем, 1899 году,

¹ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1895, II Folge, B. 9, стр. 685.

² Это доказывается и относительно невысокими размерами рыночного процента в дунайской монархии: он нередко бывал ниже, даже чем в Берлине и Лондоне; так в ноябре 1907 г. он составлял в Вене 5,28%, в Берлине—6,62%, а в Лондоне—6,64 (см. L. Mises, The foreign exchange policy of the Austro-Hungarian bank в «The Economic Journal», June 1909, стр. 206).

когда вследствие высокой промышленной конъюнктуры и подъема цен иностранные денежные рынки ощущали чрезвычайную потребность в средствах, еще усилившуюся осенью под влиянием бурской войны и сокращения ввоза золота в Англию, Банк поднял (6 октября) свой процент до 6%; но при этом повышении он руководился, главным образом, состоянием своей эмиссии: в конце октября свободный от налога контингент банковых билетов был превзойден Банком на 14,7 млн. гульд., в чем, по убеждению Банка, не в малой степени виновата была спекуляция. Как только подлежащий налогу излишек билетов в обращении исчез, и появился даже свободный от налога резерв (в середине декабря—46,7 млн.), Банк быстро понизил свой процент до 5½% (6 декабря), хотя процент Английского Банка стоял на 6%, а процент Имперского Банка поднялся (19 декабря) до 7%, и даже процент Французского Банка достиг 22 декабря 4%; неудивительно, что за этим последовал некоторый подъем курса иностранных векселей. Но зато центральный союз промышленников обратился к генеральному совету с письменным изъяснением благодарности за облегчение промышленного кредита и настаивал на дальнейшем понижении процента, который и был понижен 22 января 1900 г. до 5%, а 6 февраля—до 4½%. Понятно теперь, что, говоря о сильных колебаниях вексельных курсов, от которых страдала австро-венгерская валюта в том или ином году, Австро-Венгерский Банк, прежде всего, торопился известить публику, что, несмотря на тяжелые условия, ему удалось сохранить дешевизну кредита.¹

Обычным облегчением денежного рынка в январе Банк почти всегда пользовался, чтобы вернуться к ставке в 4%, если осенние затруднения заставляли в предшествовавшем году поднять процент выше этой ставки. Мы видели выше, что в сентябре 1895 года, в виду роста требований о кредите и сокращения свободного от налога резерва банковых билетов, Банк должен был поднять процент до 5%; в начале 1896 г., воспользовавшись январским затишьем, он понизил процент до 4½% (23 января), а затем до 4% (13 февраля) и поддерживал затем последнюю ставку без изменений до осени 1898 года, несмотря на указанную нами выше неблагоприятную конъюнктуру этих лет и несмотря на то, что вексельные курсы чужих стран беспрестанно поднимались (а в ноябре 1897 г. и в апреле 1898 г. превышали паритет). Зато внутреннее состояние народного хозяйства, а также положение эмиссии и банковского портфеля вполне позволяли вести такую учетную политику, тем более, что австрийское и венгерское правительства принимали все меры, чтобы облегчить Банку удержание устойчивого процента. С понижением процента в начале 1896 года портфель начал расти, но осенью правительство внесло в Банк 16 млн. гульд. золотом (беспроцентно, но с правом востребовать их во всякий момент), что подняло резерв банковых билетов и устранило необходимость повышения процента; летом 1897 года, отличавшимся вообще вялым темпом промышленной жизни (под влиянием неурожая), портфель Банка сократился,

¹ См. Hertz, цит. статья, стр. 511, и годовые отчеты Банка за 1904 г. (стр. XIV), 1906 г. (стр. XVII) и 1908 г. (стр. XVIII).

и еще в начале 1898 года резерв банковых билетов был очень велик (в третью неделю февраля—101,6 млн. гульд.). Но 1898 год явился особенно неблагоприятным: на всех иностранных рынках повышался рыночный процент под влиянием международных столкновений (война в Америке и Фашола) и подъема немецкой промышленности; кроме того, торговый баланс Австро-Венгрии, вследствие неурожая предшествовавшего года, стал пассивным; в результате всего этого курсы иностранных векселей поднялись выше паритета. Тем не менее, Австро-Венгерский Банк воздерживался от повышения процента до тех пор, пока не выяснилось, что стесненное положение денежного рынка отразилось подъемом требований к Банку о кредите, так что в конце сентября контингент был превзойден на 8,1 млн., а в конце октября—на 40,2 млн. гульд. Это вело за собою необходимость платить налог на эмиссию, и, если бы Банк не повысил ставки своего процента, налог этот упал бы на его плечи; поэтому Банк в октябре поднял ставку до $4\frac{1}{2}\%$, а в ноябре—до 5% . Если до мая 1899 г. Банк сохранил эту последнюю ставку, то это столько же объяснялось высотой курсов иностранных векселей (они все время стояли выше паритета), сколько и состоянием внутреннего рынка: международное положение отразилось на денежном рынке недостатком средств, и портфель Банка обнаруживал тенденцию к повышению. После небольшого понижения ставки (19 мая до $4\frac{1}{2}\%$) Банк снова стал поднимать ее (6 октября до 6%); объяснялось это опять преимущественно потребностью спекуляции в деньгах, ростом портфеля и уменьшением резерва банковых билетов, что ясно доказывается понижением в декабре ставки до $5\frac{1}{2}\%$, хотя курсы иностранных векселей стояли высоко, и положение иностранных рынков было неблагоприятным; но дело было в том, что вследствие падения спекуляции и закончившейся ликвидации урожая денежный рынок в Вене перестал испытывать стеснения. 1900 год отличается еще худшим положением валюты,—до сентября существовал значительный лаг, и тем не менее 22 января процент был понижен Банком до 5% , а 6 февраля—до $4\frac{1}{2}\%$; в апреле 1901 года (бывшего, впрочем, более благоприятным и для валюты) ставка опущена до 4% и на этом уровне оставалась до января 1902 года. Последующее время характеризовалось следующими чертами: кризис 1900—1901 года вызвал подавленность в промышленности всех стран, особенно же в Австро-Венгрии, где промышленная жизнь и без того не отличалась энергией; благодаря падению процента иностранных рынков и благодаря другим причинам, которые мы рассмотрим далее, вексельные курсы стали благоприятными; в результате последовал крупный ввоз золота в Австро-Венгрию, увеличивший золотой запас Банка, а следствием увеличения этого запаса явился необычайный рост свободного от налога резерва банковых билетов, которому вследствие подавленного состояния промышленности совершенно не виделось пределов. В третью неделю декабря 1901 года резерв этот составлял 331,59 млн. крон, в январе 1902 г. он достиг 400 млн. крон (т.-е. величины контингента непокрытых металлов билетов, свободного от налога), а 23 марта того же года—457 млн. крон, так что золотой запас Банка превышал сумму билетов в обращении на

57 млн. крон. Это, разумеется, было невыгодно для Банка, и последний, совершенно не считаясь с требованиями валютной политики (курсы иностранных валют были мало благоприятны, а французская валюта с января до июня стояла выше паритета), понизил в начале 1902 года свой процент до небывалой еще у него ставки—до $3\frac{1}{2}\%$. Подавленность хозяйственной жизни была такова, что эта низкая ставка существовала до осени 1905 года, когда усиление требований о кредите заставило Банк поднять ставку до $4\frac{1}{2}\%$. 1906 год отличался оживлением хозяйственной деятельности и явившейся следствием этого сильной потребностью в деньгах на внутреннем рынке, но в предшествовавшие годы хозяйственного зстоя Банку удалось значительно усилить свой металлический запас, и поэтому, несмотря на развитие операций и на необычайный рост суммы банковых билетов в обращении (31 декабря—почти два миллиарда крон: 1,98 млрд.), Банк с мая до октября держал ставку в 4% и лишь в конце сентября поднял ее, и то только до $4\frac{1}{2}\%$. Несмотря на то, что 1907 год имел для внутренней промышленной деятельности и для хозяйственной жизни вообще тот же характер интенсивного подъема, учетная операция, достигшая в октябре 865,2 млн. крон, развивалась, и обращение билетов возрастало (31 октября оно составляло свыше двух миллиардов крон), Банк оставался при той же ставке учетного процента, что ему было облегчено усилением его металлического запаса. Характерно, что в начале года, когда платежные отношения монархии стали складываться неблагоприятно, Банк не только не пытался воздействовать на валютные курсы учетным процентом, но не замедлил отдать за границу большую сумму золота только для того, чтобы «поддержать для отечественного производства выгодный низкий процент», как он сам говорил в своем отчете за 1907 год.¹ Только тяжелое потрясение, вызванное на всех рынках американским кризисом этого года, заставило Банк прибегнуть для защиты валюты и к повышению процента: в конце июня он был поднят до 5%, а осенью—до 6%. Что даже и это повышение процента отставало от линии поведения банков, которые вели активную дисконтную политику, видно из того, что банковый процент в Англии поднялся тогда до 7%, а в Германии—до $7\frac{1}{2}\%$. 1908 год для всех стран отличался подавленностью промышленной деятельности, затруднениями во внешней торговле и вообще низкой конъюнктурой, что объяснялось как воздействием кризиса предшествовавшего года, так и международными осложнениями; в результате эмиссионные банки Европы должны были пережить крупное сокращение их портфеля, сопровождавшееся, с другой стороны, значительным увеличением золотых запасов этих банков. То же мы видим и в Австро-Венгерском Банке: портфель его за год сократился на 62,5 млн., а золотой запас возрос на 82,7 млн. крон. Впрочем, в этом году и вексельные курсы были благоприятны для дунайской монархии; однако, поспешность, с которою Банк понижал свой процент, заслуживает быть отмеченной: уже 10 января ставка была понижена до 5%; 3 февраля—до $4\frac{1}{2}\%$, а 7 мая—до 4%. Следующий, 1909 год носил

¹ XXX regelmässige Jahressitzung etc. am 3 Februar 1908 r. стр. XVIII.

тот же характер: в промышленности господствовало угнетение, портфель Банка сократился в среднем на 66,3 млн.; а золотой запас его вырос на 172 млн. крон: но к этому присоединились еще затруднения в сельском хозяйстве, потребовавшие ввоза в монархию иностранного хлеба по высоким ценам, сопровождавшегося резким ухудшением торгового баланса; курсы иностранной валюты возрастали. Тем не менее Банк остался при ставке в 4%, «считая себя обязанным поставить свои средства в распоряжение народного хозяйства страны за незначительную, по сравнению с соседними странами, плату». ¹

Таким образом, постоянная сдержанность в дисконтной политике, постоянное стремление эмансипировать эту политику от задач, лежащих в области охраны валюты, составляли характерную и ясно выраженную черту деятельности Банка в указанные годы. При условии освобождения дисконтной политики Банка от валютно-политических задач, до 1910 года было еще сравнительно легко достигать поставленной Банком перед собою цели—сохранения умеренного и относительно устойчивого процента. В самом деле, как выше указывалось, в международных экономических отношениях в указанный период наблюдалось много пертурбационных влияний, между тем как внутренняя хозяйственная жизнь Австро-Венгрии развивалась медленно и постепенно, довольно вялым темпом; считаясь в своей дисконтной политике почти исключительно с этою внутренней хозяйственной жизнью, Банк мог успешно охранять свой процент от частых и крупных колебаний: в возрастании банкнотного обращения, в росте портфеля и ссуд Банка не было ничего исключительного, ничего такого, что могло бы заставить Банк придать этой дисконтной политике менее спокойный характер; золотой запас Банка почти постоянно возрастал (в сентябре 1909 года он достиг своего наивысшего уровня, именно 1.442 млн. крон, так что золотое покрытие банкнот составило свыше 70%). Состояние главных счетов Банка за указанный период было следующим (для 1896—1899 г.г. в млн. гульд. а. в., для 1900 и последующих годов—в млн. крон):

В конце года	Весь ме- таллич. запас	В том числе зо- лота (без золот. девиз.)	Банкнот в обраще- нии	Учет векселей, варран- тов и проч.	Ссуды под цен. бумаги
1896	448,2	302,1	659,7	217,5	33,4
1897	505,9	363,7	699,9	206,9	27,8
1898	490,0	359,4	737,4	258,4	34,5
1899	509,1	393,0	728,9	243,8	38,2
1900	1218,0	919,6	1494,0	455,5	67,1
1901	1448,1	1116,1	1584,9	335,1	66,3
1902	1465,1	1107,3	1635,1	345,1	55,3
1903	1462,4	1109,5	1770,8	400,2	51,9
1904	1507,5	1153,0	1751,3	511,6	61,3
1905	1425,0	1074,1	1846,9	641,2	68,2
1906	1454,3	1112,2	1982,0	770,9	98,8
1907	1440,8	1099,4	2028,0	748,1	125,3
1908	1535,7	1182,3	2112,9	685,5	99,1
1909	1713,0	1354,0	2188,0	687,7	89,8

¹ XXXII regelmässige Jahressitzung am 3 Februar 1909, стр. XXI.

С 1910 года положение стало несравненно более сложным, и вести пружинную дисконтную политику стало гораздо труднее. Дело в том, что, начиная с этого момента, в первый раз за 40 лет, протекших со времени кризиса 1873 года, австрийское народное хозяйство приняло близкое участие в движении мировой конъюнктуры; соблюдавшееся до тех пор Банком проведение демаркационной линии между влияниями двух разных факторов, могущих воздействовать на дисконтную политику, стало труднее, так как оба фактора теснее связались между собою. Мировой хозяйственный подъем отразился и на Австро-Венгрии, вызывая в ней перенапряжение кредита; общий подъем цен целого ряда продуктов и прогрессирующее вздорожание жизни требовали, с одной стороны, увеличения оборотных капиталов промышленности и торговли, а с другой—расширения количества денежных знаков в обращении; банкнотное обращение сильно увеличилось. С другой стороны, постоянно пассивный торговый баланс Австро-Венгрии в соединении с весьма сильно выросшей суммой занятых за границей капиталов и широким развитием кредитных операций внутри страны создали повышенную чувствительность ее ко всякому замешательству на иностранных рынках; золотой запас Банка стал сокращаться. Когда к этому присоединилось влияние международных политических столкновений (балканская война 1912 г.), вышеописанное положение привело к двойному денежному кризису—к кризису кредита и к кризису средств обращения. Тем не менее, и в течение этого четырехлетнего периода, предшествовавшего мировой войне, Австро-Венгерский Банк пытался выдержать свою обычную линию ведения дисконтной политики; но в это критическое время такое отсутствие активности со стороны эмиссионного Банка в деле воздействия на рынок посредством учетного процента не могло уже пройти безнаказанным и навлекло на Банк новые упреки, на этот раз уже упреки в недостаточности принятых им мер для предотвращения кризиса.

Сокращение золотого запаса Банка и увеличение его банкнотного обращения и его операций в течение указанного периода видно из следующих данных (млн. крон):

В конце года	Металл. запас	В том чис. золота	Банкнот в обрац.	Учет векселей	Ссуды под залог
1910	1669,1	1320,5	2375,9	889,0	148,9
1911	1635,7	1291,9	2541,0	1141,8	186,8
1912	1507,5	1209,8	2815,8	1341,1	355,0
1913	1502,5	1241,0	2493,6	926,0	311,0

Уже с осени 1909 года начались одновременно неблагоприятные воздействия на курс австро-венгерской валюты (вследствие необходимости ввозить хлеб) и обострение потребности в деньгах на внутреннем рынке (рост цен и выпуска ценных бумаг), но Банк сохранял установленную еще в марте 1908 года ставку в 4%. Осенью 1910 года все эти затруднения вернулись в увеличенном виде. Сильный отлив золота из Англии вследствие урожая в Индии и в Египте привел к тому, что рыночные проценты везде поднялись, достигли значительной высоты

и банковские (в октябре Английский Банк поднял свою ставку до 5%); это неблагоприятно воздействовало на курс австро-венгерской валюты, которая стала проявлять тенденцию опускаться ниже паритета. В то же время в Вене денежный рынок находился в крайне напряженном состоянии как вследствие воздействия заграничного недостатка в деньгах, так и вследствие внутренней потребности в них (особенно сильные требования предъявляла Венгрия, только что потерпевшая неудачу в попытке заключить заем во Франции); банкнотное обращение увеличилось, золотой запас Банка сократился на 33,4 млн. крон. Тем не менее, только 24 октября Банк решился поднять свою ставку до 5%. Улучшение положения международного рынка в первой половине 1911 г., понижение заграничных рыночных процентов и повышение курса австро-венгерской валюты (выше паритета, что вызвало прилив золота) дали Банку стимул с большой поспешностью понизить свою процентную ставку до ее обычного уровня; 4 февраля он понизил ее до 4 $\frac{1}{2}$ %, 23 февраля—до 4%. Между тем общее оживление хозяйственной жизни вызывало постоянный подъем требований к Банку о кредите; портфель его сильно возрастал (уже 30 апреля 1911 года он достиг 786 млн. крон), сумма билетов в обращении перешла все ожидания, достигнув к 31 июля 2,3 миллиардов крон. Однако, Банк не имел смелости перейти к повышению своего учетного процента: как раз в это время шел и еще не закончился пересмотр его привилегии, и он опасался восстановить против себя общественное мнение и партии в парламенте слишком сильными ограничениями кредита.

Именно эта политика Банка вызвала обвинения противоположного рода. Указывали, что он слишком поздно выступил со своими предостережениями, отступив этим от обычной практики центральных эмиссионных банков; ссылались на слова В. Бэджгота, который говорил, что хорошо руководимый эмиссионный банк в начале какого-либо оживления на рынке должен предвидеть все его последствия и подумать о сообщении этому оживлению более спокойного характера, во время же кризиса банк этот должен, напротив, не ограничивать кредит, но широко, хотя и с разумным выбором, предоставлять его. Австро-Венгерский Банк, под давлением своих опасений и своих традиций, пошел по прямо противоположному пути: вначале не принял решительных мер и затем вынужден был принять эти меры уже тогда, когда они запоздали и потому даже ухудшили положение.

Между тем уже к концу лета 1911 г. ухудшение международного политического положения (обострение спора из-за Марокко) привело к острому стеснению денежных рынков: Франция востребовала из-за границы помещенные в чужих странах на короткий срок капиталы, и Австро-Венгрия, которая была задолжена не только перед самой Францией, но и перед ее должниками, пострадала от этого в двойном отношении,—во-первых, падением курса своей валюты и, во-вторых, увеличением стеснения на своем денежном рынке. Как раз в это время наступила усиленная подготовка банков к предстоящему осенью спросу на деньги; требования о кредите стали сильно расти. Портфель Банка в первый раз поднялся выше миллиарда (23 сентября—1.019 млн.

крон). Только тогда (21 сентября) Банк решился обратиться к повышению ставки до 5%. Так как для воздействия на курс валюты этого было совершенно недостаточно, и так как другие средства валютной политики (о которых дальше) здесь в первый раз обнаружили свое бессилие, Банк попытался дополнить их моральным давлением на валютный рынок: он обратился с воззванием к высшим денежным кругам в Вене, прося их не вести антипатриотического арбитража с девизами и угрожая, в противном случае, прибегнуть к повышению процента. Таким образом здесь была еще раз ярко подчеркнута сознательность воздержания Банка от воздействия дисконтной политикой на курс валюты.

Этим, однако, нельзя было ограничиться. В октябре положение валюты улучшилось лишь незначительно, и до конца года она стояла ниже паритета; золото отливало. На внутреннем рынке господствовало то же усиленное требование денег: в октябре и декабре рыночный процент, который и в Австро-Венгрии, как в других западно-европейских странах, обычно ниже банковского, достигал размеров последнего (5%). Портфель Австро-Венгерского Банка составил к концу года 1.141 млн. крон, а сумма билетов в обращении—2.840 млн., превышая металлический запас плюс контингент на 305 млн. крон. Австро-Венгерскому Банку пришлось подумать о мерах, которые помешали бы повторению сентябрьских явлений, а для этого надо было обратить внимание на тот именно пункт, в котором подъем австрийского народного хозяйства соприкасался с подъемом хозяйства мирового, и в котором, с другой стороны, неблагоприятные явления в области валюты связывались с затруднениями внутреннего денежного рынка. Пункт этот лежал в области деятельности крупных австрийских банков: уже и тогда эти банки (как они действуют и теперь—в современной республике Австрии) склонны были широко развивать свои активные операции при помощи занятых за границей средств и, когда наступал отлив иностранных капиталов за границу, не имели другого спасения, кроме обращения к центральному эмиссионному банку. Когда в начале 1912 года обнаружилось повышенные для сезона требования о кредите (портфель Банка в конце февраля 1911 года составлял 675 млн. крон, а в конце февраля 1912 года—914 млн. крон, обращение банкнот в те же сроки—2.158 млн. руб. и 2.264 млн. крон), генеральный секретарь Австро-Венгерского Банка на общем собрании венского расчетного союза предупредил банки, что будут приняты меры к сокращению учета низкокачественных, склонных к пролонгированию векселей: в марте, действительно, ряд векселей был Банком отвергнут.

Эта мера воздействия была очень сильной, но положение валюты не было исправлено, а вместе с тем не было достигнуто и длительное улучшение внутреннего положения. Объясняется это тем, что появившиеся к сентябрю 1912 г. признаки такого улучшения были резко оборваны наступлением войны на Балканах, сразу обратившей затруднения австро-венгерского денежного рынка в острый денежный кризис. Австро-Венгрия вынуждена была прибегнуть к частичной мобилизации армии, потребовавшей заключения займов за границей на невыгодных

условиях; мобилизация вызвала панику, всеобщее стремление запастись наличными, прежде всего — металлическими, деньгами, извлечение монеты из обращения и повышенные требования о кредите. Результатом этого был натиск на Банк; последний рассказывал в своем отчете, что в месяцы войны он отослал в одну Галицию бесчисленное количество мешков с серебряными гульденами, серебряными кронами и даже никелевыми монетами и в общем потерял металлических денег по меньшей мере на 100 млн. крон. Активные свои операции Банку пришлось значительно расширить, и в особенности это относится к ссудам под ценные бумаги, операции, которую Банк, по уже знакомым нам соображениям, держал обычно в довольно тесных границах: иностранные денежные рынки закрылись для помещения австрийских и венгерских ценных бумаг, бумаги провинций, городов, ипотечных банков не находили сбыта, и держатели их усиленно обращались к ломбардированию этих бумаг в центральном эмиссионном банке. Тут только Банк вынужден был перейти к повышению учетного процента, который был поднят 25 октября до 5½%, а 15 ноября — до 6%.

И 1913 год не принес значительного облегчения общего состояния рынка. Подлежащие налогу билеты оставались в обращении в течение целого года. Хотя требования о кредите несколько сократились, и вексельный портфель Банка стал падать, но размер его ломбарда не обнаруживал заметного сокращения, и недостаток в деньгах господствовал до поздней осени. 6%-я ставка банковского процента продолжала существовать до конца ноября, да и тогда могла быть понижена только на полпроцента. Лишь весной 1914 года появился у Банка значительный резерв банковых билетов (15 апреля 1914 г. — 41,9 млн. крон), и при приближении этого момента Банк (в начале марта) понизил ставку своего процента вновь до 4%, хотя международное положение и состояние австро-венгерской валюты, под влиянием приближения мировой войны, стали уже обнаруживать признаки, возбуждавшие беспокойство¹.

Выше были описаны все те надежды и пожелания, которые высказывались многими лицами в 1892—1896 г.г. относительно учетной политики Банка; в ней видели важнейшее средство охраны валюты, а если и указывались какие-нибудь препятствия для ее применения в этих целях, то препятствия эти усматривались только в своекорыстных расчетах Банка — с одной стороны, и в недостаточном господстве его над рынком — с другой. В 1899 году были приняты решительные меры для усиления власти Банка над рынком (уничтожением связи между выпусками бумажных денег и краткосрочных обязательств и передачей Банку государственной наличности), а свобода Банка в преследовании его коммерческих интересов была в значительной степени ограничена расширением

¹ Для истории дисконтной политики Австро-Венгерского Банка в период 1896—1914 годов см. отчеты Банка за указанные годы, статьи и обзоры в «Volkswirtschaftliche Wochenschrift» и в «Zeitschrift für Staats- und Volkswirtschaft», а также статьи Hertz'a (Diskont- und Devisenpolitik) и Dub'a (Die Geldkrise in Oesterreich-Ungarn в Conrad's Jahrbücher, III Folge, 47 Band, 1914, I) и, наконец, работы Popovics'a (Das Geldwesen im Kriege, Wien, 1925, стр. 27—30).

государственного влияния; но дисконтная политика Банка не изменилась. Очевидно, коренная причина малой подвижности учетного процента Банка лежала не в указанных факторах. В частности относительно прибылей Банка можно сказать, что в некоторые годы, хотя и неблагоприятные для Банка по состоянию портфеля, но отличавшиеся более живым и разнообразным движением процента, акционеры получали больший дивиденд, чем в те годы, когда процент оставался неизменным (так в 1907 году дивиденд составил 7,5%, а в 1909 г.— всего только 5,8%). Что касается до подчинения Банка государственному контролю, то оно не могло внести изменений в дисконтную политику Банка, так как и в правительствах и в парламентах большинство принадлежало самым горячим сторонникам низкого и устойчивого процента. Поэтому все начавшееся еще в конце 80-х годов движение, имевшее целью усилить государственное воздействие на Банк в валютно-политических целях, привело не к обращению дисконтной политики Банка в более активную, а к широкому применению им другого средства охраны устойчивой валюты.

На Банк было оказано в этом смысле прямое давление. Немедленно после неудачи 1893 года, когда Банк, оказавшийся между молотом и наковальней, колебался в выборе своего пути, видя одинаковые опасности и в применении активной дисконтной политики и в пренебрежении ею,—правительства, не менее населения дорожившие устойчивым процентом, рекомендовали Банку иной способ борьбы с колебаниями валюты. 8 января 1894 г. австрийский министр финансов Эрнст фон-Пленер обратился к Банку с указанием на желательность того, чтобы Банк выступил посредником в деле касающихся дунайской монархии международных платежей: он должен был доставлять средства для международных платежей тем лицам, которым эти средства были нужны, и при этом проводить политику регулирования курса валюты; Банку было указано на то, что в этих целях он должен вести операции с девидами и валютами, и настоятельно подчеркнуто, что при ведении этих операций Банк должен не преследовать исключительно свою собственную выгоду, но руководиться общими интересами. Подобное же обращение к Банку последовало и со стороны венгерского министра финансов, а вслед за тем те же указания стали все более настоятельно выдвигаться специальной литературой (см. приведенные выше мнения Остерзетцера и Розенталя).

Таким образом, Банку предстояло вступить на путь девизной политики. Задачи последней состоят в следующем. Угрожающая устойчивости валюты опасность состоит в частых и сильных отклонениях курсов валюты от паритетов с другими валютами, так как существующая в этом случае тенденция курсов слишком часто достигать золотых точек ведет к чрезмерно сильным движениям золота в страну и из нее, к внесению нервозности в дисконтную политику и, следовательно, во всю хозяйственную жизнь страны, а при известных условиях—и к непоправимому компрометтированию валюты данной страны, к созданию предпосылок для полной потери ею ее устойчивого характера. Так как падение курса туземной валюты выражается в соответствующем

подъеме курса векселей на чужие страны (девиз), являющихся классическим средством международных расплат,¹ то совершенно ясно, что такое понижение курса туземной валюты является результатом увеличения спроса на эти заграничные средства платежа, чем бы это увеличение спроса ни вызывалось (обычно причинами такого увеличения спроса является наступление в данный момент неблагоприятного для страны изменения платежного баланса, но в отдельных и критических случаях такое увеличение спроса может создаваться и психологическим фактором — паникой, падением доверия к своей валюте и т. д.). Из этого следует, что верным средством предотвращения обесценения валюты является такое увеличение предложения заграничных средств платежа, — девиз, — которое могло бы удовлетворить повышенный спрос на них. Таким образом, когда курс девиз имеет тенденцию к повышению (а, следовательно, валюта страны — к обесценению), задача девизной политики состоит в том, чтобы ищущим международные средства платежа предлагать девизы в таком количестве, которое удержало бы их курс от дальнейшего подъема и даже привело бы к понижению этого курса. С другой стороны, девизная политика имеет целью бороться и с чрезмерным падением курса девиз, так как упорное повышение курса туземной валюты может вызвать беспокойство за окончательное сохранение ее устойчивости и наносит ущерб экономической жизни страны (вывозу); такое падение курса девиз вызывается чрезмерным предложением их на внутреннем рынке страны (безразлично, имеют ли эти девизы экспортное — в результате «видимого» или «невидимого» экспорта — или кредитное происхождение), так что борьба с ним должна заключаться в искусственном увеличении спроса, иначе говоря в закупке такого количества этих девиз, чтобы причины падения их курса были по возможности устранены. Таким путем девизная политика стремится поддержать установленный паритет валюты данной страны с иностранными валютами; дело сводится к посредничеству ведущего эту политику органа, чаще всего — эмиссионного банка, между лицами, ищущими международные средства платежа и предлагающими их, но к такому посредничеству, которое своевременной закупкой или продажей девиз препятствует колебаниям курса последних.

Охрана устойчивости валюты посредством девизной политики может применяться как такими странами, которые стремятся основать эту устойчивость на полном проведении в жизнь всех реквизитов золотой валюты, так и такими, в которых для обеспечения этой устойчивости не остается иных мер, кроме мер денежной и валютной политики. В первых устойчивость валюты, постоянная связь ее курса с мировой ценой золота, опирается на стихийное начало, состоящее в свободном движении золота в страну и из нее; поэтому здесь устанавливается принцип свободной отдачи золота, выражающийся в установлении и поддержании эмиссионным банком этой страны размена его банковых

¹ Мы оставляем в стороне вопрос о количественной роли тратт, чеков и телеграфных выплат в международных расчетах (об этом см. ст. З. С. Каценеленбаума «Война и русский рубль» в «Трудах Чупровского Общества по изучению современной дороговизны»).

билетов на этот металл. Когда в такой стране курс девиз достигает верхней золотой точки, при которой выгоднее переслать за границу золото, чем покупать дорогую девизу, золото отливает, и курс девиз вновь опускается. Для предотвращения частых повторений таких отливов золота эмиссионный банк вынужден прибегать к повышению учетного процента; применение девизной политики в этом случае будет означать сдерживающее воздействие на движение вексельных курсов и предотвращение частых отливов золота, с одной стороны, без необходимости, с другой стороны, чрезмерно повышать цену кредита для народного хозяйства поднятием ставки учетного процента. Здесь устойчивость валюты базируется в значительной степени на стихийных элементах, а девизная политика (наряду с политикою дисконтною) имеет значение «вспомогательного средства», смягчающего неудобные для народного хозяйства стороны этого стихийного регулирования курса валюты путем отлива и прилива золота. Но если таким путем можно выравнивать колебания валютных курсов, то это же средство поддержания устойчивости валюты может быть применено и при отсутствии действительной прикрепленности ценности денег к мировой цене металла, т.-е. в тех странах, в которых не существует свободной отдачи золота и свободного размена банковых билетов на этот металл; в этом случае может быть установлен легальный паритет валюты с иностранными золотыми валютами, и затем ведущий валютную политику орган, напр., эмиссионный банк, путем ведения девизной политики может держать колебания курсов в известных пределах и по возможности приводить эти курсы к паритетах. Здесь устойчивость валюты стремится опереться уже не на стихийные движения золота, а целиком на регулирующую политику указанного органа, при чем среди мер этой политики дисконтная политика по необходимости получает меньшее значение, чем в странах первой категории: дисконтная политика в этом случае не только менее желательна, чем девизная, но и менее действительна, чем последняя, в виду того, что отсутствие размена ослабляет связь между изменениями учетного процента и охраной золотого запаса страны. Понятно поэтому, что при отсутствии размена значение девизной политики для охраны устойчивости валюты становится особенно значительным; говоря это, мы, разумеется, не предпрещаем вопроса о границах ее успешности в деле достижения указанной цели.

Операции с девизами в целях охраны валюты от колебаний ее курса, разумеется, не представляли собою новости в то время, когда их начал Австро-Венгерский Банк. В самой Австрии этот способ воздействия на курсы векселей уже в 1810 году рекомендовался известным Гентцем, записка которого напечатана в приложении ко много раз цитированной выше истории австрийских финансов Беера; при президенте гоф-камеры графе Валлисе эта политика тогда и применялась.¹ Как в этом, так и в некоторых других случаях (в других странах) операции с девизами

¹ В других странах (между прочим и в России) девизная политика применялась еще и в XVIII веке; наиболее широкое применение она получила тогда (с 1793 г.) в Шотландии, так что даже носила одно время название «шотландской системы».

применялись для борьбы с колебаниями курса валюты при отсутствии размена бумажных средств обращения; однако, не имелось в виду обратить это средство в постоянную меру опоры для устойчивости бумажной валюты. Более постоянный характер приобрела девизная политика некоторых производивших размен банков, у которых она играла вышеуказанную роль «вспомогательного средства». К тому времени, которое мы описываем, девизная политика уже в течение нескольких десятилетий велась Национальным Банком Бельгии, наличный запас которого по крайней мере наполовину состоял из иностранных, большею частью французских векселей, и Банк пользовался ими для воздействия на курсы (не менее известен был и опыт Голландии в той же области). Германский Рейхсбанк также издавна вел девизную операцию, которая двигалась, впрочем, в узких границах. Еще с 1876 года он закупал на бирже векселя, по преимуществу английские (или выдавал чеки на своих иностранных корреспондентов), и продавал их с целью воздействия на курсы, которое иногда и достигалось. Но Рейхсбанк постоянно подчеркивал, что его важнейшей обязанностью является удовлетворение внутренней потребности в кредите и поэтому отказывался от крупной закупки векселей на чужие страны.¹ В 1876 году его помещение в девизах составило только 0,4% всех помещений его в вексельной операции; вплоть до 1899 г. запас девиз в Рейхсбанке был очень невелик (в 1895 году—2,5 млн. мар., в 1898 году,—4,9 млн. мар.). Только впоследствии и Рейхсбанк и эмиссионные банки некоторых других стран обратились к развитию этих операций в целях сохранения более устойчивого учетного процента, при чем в этом сказалось несомненное влияние опыта Австро-Венгерского Банка. Впечатление, которое было произведено девизной политикой последнего; объясняется тем, что в этом случае девизная политика играла (по крайней мере на первый взгляд) роль уже не «вспомогательного», а главного средства постоянной охраны устойчивости валюты (в виду отсутствия обязательного размена билетов) и поэтому применялась в невиданных до тех пор широких размерах. Попытки вести эту политику, делавшиеся в прежнее время, помимо того, что и принципиально их значение (как случайных или «вспомогательных» средств) было меньшим, не внушали доверия ни их современникам, ни обсуждавшим их потом теоретикам. Беер относится к политике Валлиса, как к фокусу, отвлекавшему внимание от необходимости валютной реформы.² Во Франции, в середине 60-х годов, подвергся обсуждению опыт Бельгийского Банка: банкир Перейр и экономист Витю рекомендовали Французскому Банку подражать бельгийскому образцу, указывая, что девизная политика освободит учетный процент Банка от излишней зависимости, в которой он стоит по отношению к колебаниям мировой конъюнктуры, но большинство (экономист Воловский, банкиры Фульд и Ротшильд и др.) высказалось против этого, находя, что это поколеблет доверие к французской валюте, и что

¹ Юбил. отчет Die Reichsbank 1876—1900, стр. 100—101, и Katzenstein, Die 30-jährige Geschäftstätigkeit der Reichsbank, стр. 45.

² Beer, Die Finanzen Oesterreichs, стр. 76 и сл.

опыт Бельгийского Банка нельзя назвать ободряющим.¹ Позже французские писатели указывали на трудность денежной политики и на связанный с нею риск: они утверждали, что для Бельгии иметь французские векселя все равно, что иметь металл. Точно так же и Германский Рейхсбанк порицал за помещение его средств в девизы.² Опыт Австро-Венгерского Банка заставил пересмотреть эти взгляды.

Австро-Венгерский Банк начал развивать свои девизные операции с 1896 года; для этих операций к административному механизму Банка было прибавлено особое девизное отделение. С этих пор покупка и продажа девиз стала главным орудием Банка в борьбе с колебаниями курса австро-венгерской валюты. Впрочем, задача борьбы с чрезмерным повышением курса этой валюты путем покупки девиз не имела особого значения, во всяком случае того значения, какое имела борьба с движением этой валюты в противоположном направлении: закон 1892 года положил предел сильным повышениям курса австрийского гульдена (двух крон) сверх 2 фр. 10 сант. золотом, так как за эту цену всегда можно было получить гульден на монетных дворах монархии и в Банке. Таким образом, задача состояла, главным образом, в устранении обесценения валюты, для которого за отсутствием размена (с 1901 г., по крайней мере, обязательного для Банка размена) банковых билетов не существовало пределов. Тем не менее ведение девизной политики требует, разумеется, закупки иностранных векселей при падении их курса уже по одному тому, что этот момент наиболее выгоден для их приобретения. Центром тяжести девизной политики Банка явилось отчуждение девиз с тою целью, чтобы путем увеличения их предложения остановить повышение их курса и даже вызвать его понижение. По этому поводу необходимо заметить, что Кнапп в своей известной книге «Государственная теория денег»³ делает относительно девизной политики Австро-Венгерского Банка неправильное утверждение, что продажей девиз Банк непосредственно достигал установления паритета вексельных курсов. Это не так: Банк стремился только удовлетворить избыток спроса на векселя и вызвать таким образом понижение их курса; в счастливом случае это понижение должно было привести к достижению курса паритета. Приведенное ошибочное утверждение Кнаппа стоит в связи с данным им совершенно неверным описанием девизной политики Австро-Венгерского Банка: по мнению Кнаппа, Банк покупал девизы, «чего бы они ему ни стоили», а продавал их по курсу паритета, между тем как в действительности Банк стремился покупать девизы в такие моменты, когда курс их понижался, а продавал их всегда по рыночному курсу, имея целью, как указано выше, воздействовать на их предложение.

¹ Enquête sur les principes et les faits généraux qui régissent la circulation, Paris, 1867, том I, стр. 291 и 459, и том II, стр. 484.

² Paul Loubet, La Banque de France et l'escompte, стр. 131—132; Patron, La Banque de France et le crédit national et international, Paris, 1901, стр. 151. Юбил. отчет Рейхсбанка, стр. 100. A. Wagner, System der Zettelbankpolitik, Freiburg in Br., 1873, стр. 277 и 279.

³ K n a p p, Die Staatliche Theorie des Geldes, Leipzig, 1905, стр. 249—250 (в последующих изданиях Кнапп повторил все указанные ошибки).

Если бы Банк систематически вел политику, при которой он покупал бы девизы в такие моменты, когда курс их и без того высок, то эта политика совершенно не достигала бы цели: тогда крупные закупки девиз поднимали бы курс еще выше, и в результате получалось бы растущее обесценение австро-венгерской валюты. Поэтому, опровергая Кнаппа, Мизес указывает, что «Банк покупает векселя не тогда, когда их курс высок, а когда он низок»;¹ но надо сказать, что в такой общей формулировке утверждение Мизеса не вполне справедливо, так как Банк вынужден был иногда заботиться о пополнении своего запаса девиз и в неблагоприятные моменты (см. об этом ниже); верно то, что Банк стремился делать свои закупки при низком курсе, и что такого рода закупки были для него обычными. Еще более неправильно утверждение Кнаппа, что «Банк решает отдавать эти векселя по курсу паритета (119 гульд. за 10 ф. ст.), как только вексельный курс становится невыгодным». Но когда спрос на иностранные векселя увеличился, и курс их поднялся выше паритета, Банк, разумеется, был не в состоянии удовлетворить весь спрос на эти векселя; он старался удовлетворить только тот избыток спроса, который заставляет курс векселей подниматься и обесценивает валюту; если бы он стал продавать векселя по курсу пари, векселя были бы быстро расхвачаны, запас девиз у него был бы истощен, и курс векселей вновь бы поднялся: Банк понес бы убытки и притом потерял бы труд и деньги без всякой пользы.

Продажа векселей и иных видов иностранной валюты по курсу паритета или вообще по фиксированному курсу, признаваемому за нормальный (по крайней мере для данного момента), применяется иногда при ведении девизной (или аналогичной) политики, но обычно это вызывается совершенно особыми условиями. Мы оставляем в стороне случаи так называемой «валютной интервенции», в которых этот способ (как, впрочем, и способ продажи по курсу) может быть применен, так как такого рода валютно-политические мероприятия, в отличие от девизной политики, носят не регулярный и не постоянный характер и принимаются лишь в особо-критические для валюты периоды. Если же мы возьмем постоянную систему охраны устойчивости валюты при помощи продажи векселей на другую страну по фиксированному курсу, то такую систему мы могли бы найти в довоенное время успешно функционировавшей в Индии. В этой стране, почти одновременно с Австро-Венгрией, был проделан опыт создания столь же устойчивой валюты, как золотая, без введения не только обращения золотых монет, но и размена обращающихся в стране денежных знаков на золото. Обычным средством платежа в Индии являлась серебряная рупия, но со времени прекращения свободной чеканки серебра (в 1893 году) ее ценность совершенно оторвалась от мировой цены серебра; последующими мероприятиями ценность рупии была прикреплена к мировой цене золота, так что рупия стала представлять $\frac{1}{15}$ соверена: это было достигнуто установлением золотого паритета серебряной рупии в 16 пенсов и

¹ См. цит. ст. Mises'a, The foreign exchange policy etc., стр. 210.

проведением валютной политики, состоящей в размене индийскими государственными кассами представляемых соверенов по 15 рупий, а главное— в отдаче ими, в обмен на рупии, золотых тратт на Лондон по той же цене. Вполне эта система установилась с 1901 года и функционировала успешно вплоть до мировой войны, в течение которой и в Индии, как в других странах, начались валютные замешательства, окончательно расстроившие указанную систему к 1920 году. Это, действительно, являлось системой продажи тратт на другую страну по фиксированному курсу, но необходимо заметить, что успешное функционирование этой системы в значительной степени обеспечивалось тесною политической и экономической связью между Индией и Англией; благодаря этой связи явилась возможность создать организацию, которая гарантировала беспрепятственную продажу в Индии тратт на Лондон по курсу паритета. Организация эта состояла в следующем. Когда наступали периоды оживленного экспорта из Индии, платежный баланс для последней становился благоприятным, и в Англии начинал преобладать спрос на индийские векселя, государственный секретарь по делам Индии продавал в Лондоне «векселя индийского совета» (Council bills или просто Councils); это приносило в руки государственного секретаря денежные суммы, поддерживавшие и увеличивавшие накопленный у него фонд; векселя совета оплачивались затем в Индии путем выпуска государственных билетов, обеспеченных указанным денежным фондом, помещенным в ценные бумаги. Когда платежный баланс изменялся в неблагоприятную для Индии сторону, и последней нужны были английские средства платежа, тогда правительственными кассами в Индии продавались «векселя в стерлингах», т.е. в английской валюте (sterling bills), называемые иначе—«контр-векселями совета» (Reverse Councils), которые оплачивались в Лондоне из денежного фонда государственного секретаря (для чего ценные бумаги этого фонда продавались); деньги же, реализованные в Индии путем продажи контр-векселей совета, употреблялись для извлечения упомянутых выше государственных билетов из обращения.¹ Совершенно ясно, что такая организация могла быть обусловлена лишь особенностями англо-индийских отношений. В этом случае, как и в других случаях стабилизации курса денег в колониях (Страт-Сеттлмент с 1906 г., Филиппинские острова с 1903 г., Германская Восточная Африка с 1904 г., Нидерландская Индия с 1877 г.), и даже в некоторых мелких формально независимых государствах (Панама, Сиам) мы имеем перед собою пример «вассальской валюты», для которой важен собственно не золотой паритет, но устойчивость курсов векселей на метрополию, и задача стабилизации которой, с другой стороны, облегчается со стороны метрополии принятием некоторых встречных мер. Другой существовавший до войны прецедент борьбы с колебаниями курсов при помощи продажи иностранной валюты по фиксированному курсу мы находим в деятельности так называемых разменных (конверсионных) касс в некоторых республиках Южной Америки. Первый при-

¹ См. J. M. Keynes, *Indian Currency and Finance*, London, 1913, и H. S. Jevons, *Money, Banking and Exchange in India*, Simla, 1922 (особ. гл. IX, XI и XII).

мер учреждения такой кассы—в Аргентине—явился результатом долговременного господства бумажно-денежного обращения. Во второй половине 90-х годов XIX века правительство решило провести девальвацию и установить устойчивую валюту. Был фиксирован курс в 227 бумажных пиастров за 100 золотых пиастров, и учреждена (законом 4 ноября 1899 года) касса для размена бумажных денежных знаков на золото по этому курсу; однако, достаточного золотого запаса у кассы не было, и поэтому размен бумажных денег был снова отсрочен, вместо же этого на кассу была возложена обязанность накопить золотой запас и одновременно поддерживать указанный выше курс валюты. Для этого касса получила право выпуска своих собственных билетов, которыми она и уплачивала за приобретаемое ею золото по тому же самому фиксированному курсу; по этому же курсу выпускаемые ею билеты разменивались ею на золото. С 1902 года реформа эта начала увенчиваться полным успехом: золото в кассе накапливалось, и курс во внешних отношениях стал вполне устойчивым, хотя внутреннее обращение продолжало совершаться при помощи бумажных знаков, размен которых был отсрочен. Подобная же реформа через несколько лет была проведена в Бразилии, где закон 6 декабря 1906 года фиксировал курс обеспечившихся бумажных денег в 15 пенсов за мильрейс (при паритете в 27 пенсов) и учредил кассу с теми же функциями, как в Аргентине: результаты оказались столь же удачными.¹ Таким образом, в обоих этих случаях золото (и эквивалентная ему иностранная валюта) не только покупалось, но и отдавалось по фиксированному курсу: курс валюты был «прибит гвоздем». Однако, и в этих случаях успех валютной политики объясняется совершенно особыми условиями, в которых тогда находились названные страны. Учреждение разменных касс в Аргентине и Бразилии представляло собою завершительный акт процесса, направленного к стабилизации денег; деятельность этих касс имела успех только вследствие того, что экономическое положение обеих стран, в том числе и их платежный баланс, в указанные периоды непрерывно изменялось в сторону улучшения; характерно то, что стремление ввести устойчивость валюты, давшее толчок и учреждению разменных касс, в обоих случаях было вызвано опасениями не перед обесценением бумажных денег, а перед повышением их курса.² Между тем некоторые (например, Ансё) думали видеть в политике южно-американских разменных касс, отдающих иностранную валюту по фиксированному курсу, относящиеся ко всем случаям преимущества перед девизною политикой эмиссионных банков, так как в первом случае исключаются совершенно

¹ См. Subercaseaux, *Le papier-monnaie*, Paris, 1920, особ. §§ 91 и 95. Сходясь между собою в пункте размена по фиксированному курсу, южно-американская и индийская системы расходятся друг с другом в иной области; в Южной Америке размен производился на золото, а не на иностранные векселя; в этом видят отличие «идеи Торнквиста» (южно-американской) от «идеи Линдсэя» (индийской); см. Mach lup, *Die Goldkernwährung*, Halberstadt, 1925 г., стр. 88.

² Также и стабилизация мексиканской валюты на началах продажи девиз по фиксированному курсу имела (с 1905—1907 до 1914 г.) успех вследствие подъема цены серебра.

те колебания вексельных курсов, которые девизною политикой совершенно устранены быть не могут (в подтверждение последнего ссылались именно на опыт Австро-Венгрии). Однако, нужно сказать, что в обычных условиях валютной политики, когда не имеется налицо постоянного платежного баланса и обеспеченного запаса девиз, продажа последних по фиксированному курсу не избавляет валюту от потрясений. Это всего лучше доказывалось опытом современного нам Австрийского Национального Банка (открывшего свою деятельность 1 января 1923 г. центрального банка современной республики Австрии, который не должно смешивать с Австрийским Национальным Банком 1816—1878 годов); на этот Банк возложена обязанность охранять устойчивость австрийской валюты на началах, установленных ее стабилизацией осенью 1922 г.; в этих целях Банк покупал и продавал долларové векселя по фиксированному курсу в 0,0014 долларов за 100 крон. Как раз именно в этой системе и заключался главный недостаток последней австрийской стабилизации, резко сказавшийся во время кризиса 1924 года: прикреплением австрийской кроны к доллару была разорвана связь между курсом кроны и движением ее покупательной силы в Австрии; это скрыло от Банка действительное состояние денежного обращения, привело к обострившимся кризис 1924 года инфляционным явлениям и в конце концов породило общее потрясение доверия, угрожавшее и поддержанию внешнего курса валюты; Банк вышел из затруднения лишь путем значительных продаж девиз из своего запаса, а с 1925 г. с введением в Австрии новой денежной единицы (золотого шиллинга) отказался от системы продажи девиз по фиксированному курсу.

Обращаясь снова к девизной политике Австро-Венгерского Банка, остановимся подробнее на покупке девиз. Покупка эта, совершавшаяся Банком на его билеты или при помощи чеков, выдававшихся им на его текущие счета, заведенные им с 1899 года в иностранных банках, имела две цели: во-первых, уменьшение предложения девиз при возрастании этого предложения на рынке и, во-вторых, пополнение и возобновление запаса девиз, необходимого для ведения более важной части операции— для борьбы с обесценением валюты, наступающим вследствие увеличения спроса на девизы. Разрешение первой из этих задач требует, чтобы девизы закупались Банком в тот момент, когда предложение их относительно велико и курс их низок. Но необходимость разрешать и вторую задачу— пополнять находившийся в руках Банка запас девиз— могла заставить Банк отступить от безусловного соблюдения этого правила. Это бывало, например, тогда, когда Банк по некоторым признакам предвидел скорое наступление чрезвычайного подъема иностранных вексельных курсов (напр., при приближении осени), а его девизный запас был совершенно исчерпан. В этом случае Банк видел, что ему не с чем будет встретить опасный подъем курсов, и он решался перейти к закупке девиз, хотя бы, напр., как раз в этот момент курс девиз поднялся; Банк мог иметь при этом надежду, что покупка девиз не окажет сильного воздействия на дальнейший подъем курсов, потому ли, что он видел присутствие на денежном рынке иных факторов, которые в данный момент воспрепятствуют сильному подъему курсов, или

потому, что для этого случая он решился воспользоваться, в качестве вспомогательного средства, повышением учетного процента. Так в 1896 году Австро-Венгерский Банк приобрел в течение сентября девизы в тот момент, когда недостаток денег на иностранных рынках поднял курсы этих векселей; в результате последовало некоторое дальнейшее повышение курсов, но последовавшие скоро продажи девиз парализовали влияние всех повышавших их курс факторов, в том числе и влияние их закупки. К покупке девиз, хотя курсы их стояли выше паритета, Банк прибегнул и в феврале 1899 года; но когда обычное в начале года облегчение рынков позволило Английскому Банку понизить ставку своего процента с 4% до $3\frac{1}{2}\%$ (19 января), а в феврале и до 3%, а Германскому Рейхсбанку — с 6% до 5% (17 января) и затем до $4\frac{1}{2}\%$ (21 февраля), Австро-Венгерский Банк еще в течение нескольких месяцев удерживал установленную им 25 ноября 1898 года ставку в 5%; при всеобщем понижении процентов такая политика равнялась повышению ставки, и надо думать, что именно это обстоятельство помешало закупке девиз неблагоприятно отразиться на курсах. Весною 1900 г. все иностранные вексельные курсы стояли выше паритета, именно английский достигал 243 (установленный законом паритет составлял 10 ф. ст. = 240,1 крон), немецкий — 118,7 (паритет 100 марок = 117,5 крон), а французский — 96,5 (паритет 100 фр. — 95,2 крон); Банк продавал девизы (запас их у него с конца марта до конца мая пал с 58 до 30 млн.), и курсы несколько понизились, но все же стояли выше паритета (именно 242, 118,2 и 96,2); тогда Банк должен был приступить к закупке девиз по высокому курсу, что повлекло за собою новый подъем их курсов (до 243, 118,6 и 96,6), пока изменения на денежном рынке не обратили эту тенденцию в противоположную. В 1907 году средний курс иностранных векселей превышал паритет (в среднем за год) на 0,255%, и тем не менее Банк приобретал девизы, что сопровождалось в ноябре и декабре повышением курса, вызванным, впрочем, разными обстоятельствами. Но, разумеется, подобные случаи могли быть только исключительными и являться лишь последствием неожиданно дурно сложившихся обстоятельств; в общем же для покупки девиз как по указанным валютно-политическим, так и просто по коммерческим соображениям выбирались моменты низкого курса девиз.

В виду того, что австро-венгерская валюта была более или менее защищена от переоценки, и что наибольшую опасностью для нее являлось обесценение, самою важною частью всей политики являлась продажа девиз. Банк отчуждал девизы в обмен на свои банковые билеты, иностранные билеты, иностранное золото или чеки на иностранные банки; девизы, которым истекал срок, инкассировались или, еще чаще, обменивались внутри страны или за границей на девизы, срок которых был еще впереди; бывали случаи и выдачи девиз в ссуду. Когда вексельный курс поднимался выше паритета вследствие усиленного спроса на девизы, Банк выступал с предложением векселей, которые он продавал по курсу дня; так как в этом случае вслед за усилением спроса на девизы наступало и усиление предложения их, на вексельный курс оказывалось давление, которое мешало его подъему или, по крайней мере, задерживало

последний. При этом вся работа Банка была сосредоточена на том, чтобы продать девизы в тот момент, когда поднимавшийся вексельный курс не достиг еще верхней золотой точки, чтобы предотвратить самую возможность такого отклонения курса валюты вниз от паритета, который бывает невозможным в странах, свободно отлающих золото. Таким образом, Австро-Венгерский Банк и ставил свой девизный запас в распоряжение, во-первых, правительства (для его заграничных платежей) и, во-вторых, что еще важнее, всего рынка. Указывали, что в последние перед войной годы Австро-Венгерский Банк, укрепив положение валюты, стал делать различие между серьезною опасностью для валюты и теми случаями, когда весь спрос на девизы создан исключительно спекуляцией. В последнем случае Банк, как говорили, отказывал в выдаче девиз; за этим, правда, следовало повышение курсов, но так как спрос вызывался исключительно спекуляцией, то самого этого повышения девизных курсов оказывалось достаточно для прекращения спроса.¹

Если мы взглянем повнимательнее на развитие валютной политики Банка в описываемый нами период, мы убедимся в правильности всего только что сказанного. Развивать свою девизную политику Банк начал с 1896 года, т.-е. со времени, весьма благоприятного для того, чтобы вступить на избранную дорогу: в начале этого года на европейских рынках наблюдалось изобилие денег, и рыночные проценты стояли низко; из Австро-Венгрии вывозились ценные бумаги, и вексельные курсы падали, спустившись в мае, июне и июле ниже паритета. Банк воспользовался этим для приобретения девиз (в июне было закуплено девиз на сумму в 10 млн. фл.). В июле Банк воспользовался понижением цены золота и продажей девиз. воздействовал на вексельный курс понижающим образом, следствием чего был значительный прилив золота в монархию; то же повторилось и в августе. В сентябре положение иностранных рынков изменилось, а вместе с тем поднялись и вексельные курсы, но Банку удалось продажей девиз удержать их от слишком сильного подъема (в октябре они даже слегка упали). Всего было куплено в этом году девиз на 250 млн., а продано на 243,4 млн.; вследствие прилива золота золотой запас Банка увеличился на 88,8 млн. гульд. В 1897 году наступил первый триумф Австро-Венгерского Банка: в этом году греко-турецкая война вызвала падение курсов ценных бумаг и подъем иностранных вексельных курсов, особенно английского; в прежние времена такие явления немедленно повели бы к обратному приливу бумаг в монархию и прежде всего к возникновению лажжа; но теперь Банк продал значительное количество девиз (на 17 млн. гульд.), и

¹ Доклад Федерна в обществе австрийских экономистов, напечатанный в «Volkswirtsch. Wochenschrift», 1910, 17 и 24 февр., особ. стр. 106 и 119—120. Впрочем, ведение Банком такой «активной» девизной политики отрицалось Мизесом (см. его статью «Das vierte Privilegium der Oest.-ung. Bank» в «Ztschr. für Volksw., Sozialpol. usw.» 1912, V, стр. 616); не без основания указывают, что такая политика (помимо трудности выделить спрос спекулянтов), если бы она была систематической, повела бы к образованию параллельного рыночного курса.

лондонский курс (в феврале) поднялся только до 120,25 (паритет 10 ф. ст. = 120,08 фл.). Этот успех впервые обратил всеобщее внимание на валютную политику Банка. Продажи продолжались и после февраля, так что курсы спустились ниже паритета (лондонский в апреле — 119,55), и даже возобновился ввоз золота (золотой запас Банка за год увеличился на 61,7 млн., несмотря на отдачу золота в декабре). 1898 год был неблагоприятным: вследствие неурожая предшествовавшего года торговый баланс монархии стал пассивным, а на иностранных рынках замечался недостаток денег вследствие войны в Америке и крупных займов, заключенных некоторыми державами. В течение всего года Банк продавал и отдавал в ссуду девизы (оборот по девизной и валютной операциям составил за год 268 млн. фл.), но обстоятельства были столь неблагоприятны, что за исключением июля и ноября курсы векселей все время повышались. Это повышение курсов иностранных векселей продолжалось и в 1899 году, когда высокая конъюнктура в Германии, а осенью еще и англо-бурская война парализовали действие валютной политики Банка, хотя последний и продал в этом году девиз и валют на 30,8 млн. фл., а отдал в ссуду на 57,5 млн. Одно время лаж доходил до 1,34%, что, впрочем, продолжалось недолго. Значительный лаж (1,15%) существовал и в течение двух первых третей 1900 года, и лишь после значительных продаж девиз, в соединении с влиянием других факторов (главным образом облегчившегося положения иностранных денежных рынков) с августа он стал исчезать; тем не менее этот год был самым неблагоприятным для австро-венгерской валюты за весь период 1896—1909 г.г.: обесценение валюты в среднем достигло наивысших для этого периода размеров, которые, впрочем, далеко отставали от размеров обесценения в 1893—1895 г.г. Последующие четыре года характеризовались, как выше сказано, подавленностью промышленности, избытком денег на рынках и благоприятным состоянием вексельных курсов; Банк воспользовался этим для приобретения девиз, запас которых у него возрос до небывалой величины (в конце 1900 г. — 105 млн. крон., 1901 г. — 249 млн., 1902 г. — 317 млн., 1903 г. — 326 млн., 1904 г. — 274 млн. крон.). В течение этих четырех лет наступали, разумеется, и моменты подъема курса векселей, но Банк успешно боролся с этим путем продажи девиз; так был положен конец подъему лондонской и парижской девиз, совершавшемуся с марта по май 1902 года. Значительная часть собранных за эти четыре года девиз была реализована Банком в 1905 году, когда курсы векселей вновь стали подниматься вследствие пассивности торгового баланса, созданной неурожаем 1904 года: запас девиз и иных иностранных обязательств (банковых билетов) в Банке значительно уменьшился к концу года (до 226 млн. крон.), но зато среднее отклонение валюты от паритета за весь год оказалось крайне ничтожным. Более благоприятный 1906 год был ознаменован опять закупками девиз (запас их поднялся до 258 млн. крон.); девизы приобретались и в начале 1907 года, хотя положение было уже гораздо более серьезным. Осенью этого тяжелого для денежных рынков (вследствие американского кризиса) года все иностранные вексельные курсы пошли вверх, так что в ноябре среднее отклонение

от паритета вверх составило 0,61% (лондонский вексель превысил паритет на 0,968%), но и этот результат получился лишь благодаря продажам девиз, без которых курс, вероятно, был бы еще менее благоприятен. В 1908 г. вексельные курсы стали благоприятнее для Австро-Венгрии, и запас девиз в Банке был опять значительно увеличен; обороты в девизной и валютной операциях достигли 2980,4 млн. крон. Но к значительным продажам девиз пришлось приступить в 1909 году, в течение которого платежные обязательства Австро-Венгрии значительно возрастали: уже к началу декабря, вследствие ввоза хлебов, пассивный сальдо торгового баланса возрос до 347 млн. крон (тогда как в 1908 г. он составил только 107 млн. крон); обороты по девизной и валютной операциям увеличились до 3.384,7 млн. крон. Лаж удалось удержать на очень низком уровне.

Период, начавшийся 1896-м и окончившийся 1909-м годом, был временем наибольшего успеха девизной политики Австро-Венгерского Банка; с 1910 года, как мы уже знаем, условия стали более сложными и положение—более трудным. Впечатление, произведенное успехом девизной политики в период 1896—1909 г. г., легко понять: в стране, в которой не существовало размена, а с 1901 г., по крайней мере, обязательного размена банковых билетов на золото, и, стало-быть, обращение оставалось бумажно-денежным, валютная политика центрального эмиссионного Банка сумела свести отклонения вексельных курсов от паритета до размеров столь же ничтожных, как в тех странах, которые свободно отдают золото, и даже до еще более ничтожных размеров; таким образом Австро-Венгерский Банк в течение указанного периода блестяще выполнил возложенные на него в 1888—1892 г. г. надежды и обеспечил устойчивость валюты. Конечно, известные колебания курса валюты продолжали существовать, но такие колебания, как известно, существуют и в странах, обладающих вполне проведенною в жизнь золотом валютною и свободно отдающих золото: в таких странах неблагоприятные изменения платежного баланса также вызывают подъем иностранных вексельных курсов над паритетом и некоторое обесценение валюты; обесценение это прекращается, как только курс иностранных векселей достигнет верхней золотой точки, и золото пойдет из страны (как и в обратном случае подъем курса туземной валюты над паритетом находит свой предел в достижении вексельными курсами низшей золотой точки и в приливе золота); устранение этих колебаний курса в этом случае не только невозможно, но и нежелательно, так как именно при их посредстве устойчивость валюты ставится в связь со стихийными процессами экономической жизни (к чему в этом случае принципиально стремятся). Но во всяком случае в странах, отдававших свое золото более или менее свободно (в других странах, напр., в Германии, существовали некоторые ограничения вывоза золота, носившие моральный характер), отклонения курса валюты от паритета в обе стороны в среднем за год не превосходили 0,3—0,4%. Успех девизной политики Австро-Венгерского Банка по обеспечению устойчивости валюты измеряется тем, что в течение всего первого десятилетия XX века ему удалось замкнуть эти средние колебания курса валюты

даже в еще более узкие пределы, чем только что указано: за это время курс австро-венгерской валюты отклонялся в среднем за год от паритета не больше, чем на 0,2% (несколько большее отклонение наблюдалось только в 1907 г.). Подтверждение этому увидим в следующей таблице,¹ в которой указаны средние за год отклонения от паритета среднего курса трех важнейших иностранных векселей на венской бирже:

Годы	%		
1893	3,2	выше	паритета
1894	4,0	»	»
1895	1,5	»	»
1896	0,1	»	»
1897	0,2	ниже	»
1898	0,1	выше	»
1899	0,4	»	»
1900	0,8	»	»
1901	0,1	ниже	»
1902	0,1	»	»
1903	0,2	»	»
1904	0,2	»	»
1905	0,005	выше	»
1906	0,08	»	»
1907	0,25	»	»
1908	0,15	»	»
1909	0,06	ниже	»

И в отдельных случаях колебания среднего курса не отходили далеко от этой средней: так в 1907 году высший пункт, достигавшийся этим курсом, составлял 0,6% выше паритета, а низший—0,006% ниже паритета; в 1909 году, который также был более неблагоприятен, чем большая часть интересующего нас периода, курс валюты колебался между 0,45% выше и 0,35% ниже паритета; таким образом, если мы возьмем даже не средние за год, а крайние предельные цифры отклонений курса австро-венгерской валюты от паритета, мы увидим, что в указанный период девизная политика чрезвычайно ограничила эти колебания, идя даже дальше того, что достигается странами, свободно отдающими золото.²

Вполне понятно, что такое разрешение той задачи, которая занимала страну уже полстолетия, вызвало к себе удивление и даже восторженные отзывы со стороны многих наблюдателей. Устойчивость курса валюты была достигнута: «австрийская крона стояла, как стена», по

¹ См. 1043 der Beilagen zu den Sten. Prot. des Abgeordnetenhauses—XX Session, 1910 г., стр. 103—110.

² Для истории девизной политики Австро-Венгерского Банка см. его отчеты за соответствующие годы, цитированные выше статьи Hertz'a, Federn'a и Mises'a, а также ст. Landmann'a Die währungspolitischen Aufgaben der Schweizerischen Nationalbank (Schweizerische Blätter für Wirtschafts-und Sozialpolitik, 1907, В. 1). Описание девизной политики в статье об Австро-Венгерском Банке Zuckerkandl'я в словаре Конрада (том II, 3-е издание, стр. 442) почти дословно повторяет описание Ландмана, впрочем само по себе весьма краткое и касающееся лишь внешних черт.

выражению Кнаппа. А между тем устойчивость валюты в такой стране, которая уже в течение полувека привыкла ко всей хозяйственной анархии бумажно-денежной системы, в которой еще до 1903 г. существовал принудительный курс, и, наконец,—самое главное,—в которой продолжала существовать официальная неразменность банковых билетов на золото, явилась чем-то совершенно необыкновенным, каким-то виртуозным созданием Австро-Венгерского Банка. Банк и пожал здесь лавры: явились внолне искренние барды валютной политики Австро-Венгерского Банка, восхищавшиеся его бескорыстием и самопожертвованием в пользу общественных интересов; как увидим далее, впечатление от его деятельности было таково, что некоторые теоретики нашли в ней опору для пересмотра учения экономической науки о деньгах. Сам Банк с чувством понятной гордости смотрел на достигнутые им результаты и не упускал случая указать на свои заслуги публично, что являлось для него особенно необходимым в виду той атмосферы политической и экономической борьбы, в которой зародилась его новая валютная политика; и он также не упускал случая подчеркнуть при этом то, что в этой своей деятельности он «оставил в стороне свой частно-хозяйственный интерес».¹

Легенда о добровольном самопожертвовании Австро-Венгерского Банка в особенности расцвела на почве созданного Кнаппом учения о деньгах; она послужила ему доказательством его тезиса, что вексельный курс может держаться в порядке, если есть кто-либо, приносящий для этого жертвы. В данном случае эти жертвы приносятся, по мнению Кнаппа, Австро-Венгерским Банком: мы видели, что Кнапп, противно действительности, утверждал, будто бы Банк покупал дивизы, чего бы они ни стоили, и продавал их всегда по курсу паритета; из этого неверного положения Кнапп уже совершенно последовательно сделал тот вывод, что вследствие такой политики Банк должен нести убытки, кроме того случая, когда запас приобретен в благоприятные для покупки времена, что, по представлению Кнаппа, бывает редко. Разумеется, такого рода деятельность противоречит всем принципам коммерческого ведения дела, и Кнапп приходит к тому заключению, что, ведя эту операцию, Банк руководится исключительно стремлением противодействовать неблагоприятному стоянию вексельных курсов в общественном интересе, т. е. берет на себя функцию чисто-административную. Кнапп даже развивает мысль о необходимости вознаграждения Банка за принятые им на себя жертвы—перенесением их на государство, т. е. на плательщиков налогов.²

Как видим, эта теория не лишена выгоды для Банка, которому пришлось в предшествовавшее время вынести столько упреков за эгоистическое направление его политики и вести столь упорную и столь безу-

¹ См. петицию Банка о продлении его привилегии, подписанную 21 декабря 1908 года (напечатана в «Zeitschrift für Staats und Volkswirtschaft», № от 3 января 1909 г.).

² Кнапп, Die staatliche Theorie des Geldes, стр. 251—252, и его же Die Beziehungen Oesterreichs zur staatlichen Theorie des Geldes («Ztschr. für Volksw., Sozialpol. und V.», XVII, 1908, стр. 449).

спешную борьбу за свои права и свои дивиденды; неудивительно, что в заявлениях Банка часто слышался отзвук кнапповских учений.¹ Но ошибочность описания девизной политики у Кнаппа и его основанных на этом описании выводов заставили экономиста, более близко знакомого с практикою Банка, выдвинуть другое объяснение деятельности последнего: Мизес доказывал, что девизная политика велась Австро-Венгерским Банком исключительно по причинам ее выгодности. По мнению Мизеса, главное побуждение, заставляющее Банк покупать и продавать иностранные векселя, заключается в следующем: со времени возложения на Банк обязанности покупать золото и после реформирования валюты золотой запас Банка чрезвычайно увеличился; золото, лежащее в подвалах Банка, не приносило ему никакого дохода, но, как только часть его бывала обменена на берлинские и лондонские векселя, это золото начинало приносить проценты; продажа этих векселей производилась в выгодные для этого моменты в расчете на новую прибыль. Мизес утверждает, что совершенно неверно, будто бы эта операция требует жертв от Банка; наоборот, она дает ему большие прибыли, так как Банк покупает векселя, когда курс их низок, а продает их тогда, когда их курс обещает ему барыш.²

Действительно, по отчетам Банка, последний получал от девизных и валютных операций значительную прибыль, составлявшую, напр., в 1907 г.—5,7 млн. крон, в 1908 г.—4,3 млн., а в 1909 г.—4,8 млн. крон (вся чистая прибыль Банка составляла в эти годы 29,9 млн., 21,6 и 17,0 млн. крон). Таким образом, рассуждения Кнаппа оказываются построенными на песке. Тем не менее, теория Мизеса, по нашему мнению, также не может быть признана исторически правильным объяснением девизной политики Австро-Венгерского Банка. Из всего предыдущего изложения мы могли убедиться, что Банк был побужден к девизной политике совсем не соображениями об увеличении своей прибыли; мы знаем, что общественное мнение ревниво следило за деятельностью Банка, что в законодательном учреждении нарастало течение, грозившее Банку, как частному обществу, полным уничтожением, если он не окажется в состоянии исполнить обязанности, возлагаемые на него в общественном интересе; мы знаем, наконец, что главнейшей из этих обязанностей после 1892 года признавалось охранение курса валюты от колебаний, осуществляемое таким образом, чтобы для внутренней хозяйственной жизни сохранялся дешевый кредит, т.-е. устойчивый и низкий процент.³ При этих условиях Банк должен был из

¹ Разумеется, представители Банка не могли повторять ошибок Кнаппа: они выдвигали заслуги Банка в такой форме, которая приближает все изображение дела к действительности. Нам лично приходилось слышать от них, что выгоднее всего было бы не вести девизной политики, и что взять на себя эту операцию Банк побуждается общественным интересом—*ge publica*, — прибыль же имеет побочное значение.

² См. цит. ст. Mises'a, *The foreign exchange policy of the Austro-Hungarian Bank*, стр. 203 и 210.

³ Приводимое в тексте объяснение девизной политики Австро-Венгерского Банка, не высказанное никем другим из писавших о деятельности последнего, было нами дано уже в первом издании нашей книги, вышедшем

самосохранения быть особенно уступчивым перед общественными требованиями. Между тем, нам известно также, что на Банк было оказано прямое давление в указанном направлении: законодательным путем был усилен государственный контроль над банком, чтобы его частно-хозяйственный интерес не вредил валютной политике; мало того—общественная власть прямо воздействовала на Банк, рекомендуя ему в целях охраны валюты взять на себя посредничество в осуществлении международных платежей.

Таким образом, Австро-Венгарский Банк был побужден к ведению девизной политики не стремлением охранить свои прибыли от того ущерба, который наносило ему держание крупного металлического запаса, как думает Мизес; он был вынужден к этому давлением общественного мнения, парламентов и правительств. Но ведение этой политики не требовало от него и самопожертвования, как думал Кнапп: как коммерческое учреждение и, прежде всего, как частное акционерное общество, Банк, не мог, разумеется, исполнять свою задачу так, чтобы это исполнение противоречило началу коммерческого расчета и приносило ущерб интересам акционеров. Поэтому девизная политика Банка могла вестись только на коммерческих основаниях, как мы в этом достаточно убедились: прибыль не составляла ее цели, но являлась ее необходимым условием.

II

Успех валютной политики Австро-Венгерского Банка оказал решительное влияние и на постановку вопроса о восстановлении размена его билетов на золото.

в 1913 году. Необходимость основать это объяснение на изучении происходившей вокруг Банка борьбы получила косвенное подтверждение в одном беглом замечании в работе Кауфмана («Бум. деньги в Австрии»), вышедшей в том же году (Спб., 1913 г.) и мне при писании моей книги неизвестной. И. И. Кауфман, сосредоточивший свое внимание главным образом на статистической и денежно-технической стороне проблем австрийского денежного обращения, тем не менее отмечает, что уже в 60-х годах Лукам, выдающийся руководитель Австро-Венгерского Банка, «предусматривал, что для Австр. Банка кончилась эпоха очень высоких дивидендов, и началось время, когда парламент и публика будут вымогать у эмиссионных банков большие уступки. Это время (добавлял Кауфман), действительно, началось для Австр. Банка ранее, чем для других эмиссионных банков западной Европы» (цит. соч., стр. 90). Правильность нашего объяснения подтверждается тем, что даже исследователь, интересовавшийся другими сторонами дела, не мог не заметить значения отмеченных в тексте явлений. М а с h l u p (Die Goldkernwährung, Halberstadt, 1925, стр. 86) объясняет то, что австро-венгерская валютная организация приняла описанную в тексте форму, ссылкой на «психику населения»; он имеет в виду т. н. «слепоту» австро-венгерского населения к золоту, т.-е., говоря просто, — привычку его от золотого обращения. Объяснение это явно недостаточно: как увидим далее, население Австро-Венгрии, действительно, не обнаруживало склонности пользоваться золотыми монетами, но несомненно и то, что правительства и Банк культивировали эту несклонность населения к золоту путем поддержания в обращении отгеснявших золото билетов мелких купюр. Основной причиной интересующих нас явлений была не «золотая слепота» населения, но обусловленная всем историческим прошлым необходимость для Банка соединить дешевизну кредита с устойчивостью валюты.

В Австро-Венгрии в 1892 году была введена золотая валюта; денежной единицею с этих пор стала золотая крона, и с 1900 года счет на эту денежную единицу был введен в монархии повсеместно. Следовательно, основу денежного обращения в этой стране должно было с тех пор составлять золото, а все остальные меновые знаки (кроме серебряных гульденов, так как в Австро-Венгрии была хромающая золотая валюта) могли иметь значение лишь в том случае, если они являются только разменной монетой, или если они не что иное, как кредитные знаки, разменные на золото. Между тем денежное обращение монархии имело характер, совершенно не отвечавший этим требованиям: в ней не только почти не было обращения золотых монет, но, — что еще важнее, — не было предписанного законом размена бумажных денежных знаков на золото.¹ Обращение пользовалось (оставляя в стороне разменную монету и серебряные гульденны) почти исключительно билетами Австро-Венгерского Банка; билеты же эти были, по закону, неразменными: Австро-Венгерский Банк не был обязан разменивать их на золото или на какую-либо другую монету; он только мог, если желал, делать это; размен был, таким образом, факультативным (Банк фактически производил его с 1901 года). Противоречие между неразменностью главного средства обращения на золото и законодательным провозглашением золотой валюты было до такой степени ясным, что, казалось, только при полной спутанности понятий можно было утверждать, что валютная реформа в Австро-Венгрии уже закончена. При этом и условия, осуществление которых было необходимо для восстановления размена, уже в первые годы XX века имелись налицо: устав 1899 года приостановил установленную им обязанность Банка к размену его билетов до отмены принудительного курса государственных кредитных билетов; этот принудительный курс перестал существовать 28 февраля 1903 года, а к 1907 году и самые государственные билеты были извлечены из обращения. В способности Банка к размену его билетов не могло возникнуть сомнений: покрытие его билетов металлом (с зачислением в металлический запас положенной суммы—60 млн. крон—в девизах) составляло: 31 декабря 1900 г.—81,5%, 31 декабря 1901 г.—91%, а 31 декабря 1902 г.—89%;

¹ Некоторые смешивают понятие золотого обращения с понятием разменности бумажных знаков на золото. Между тем, даже если бы в Австро-Венгрии существовал обязательный размен банкнот, для возникновения золотого обращения оставалось бы все-таки два препятствия: во-первых, нахождение в обращении банковых билетов в 20 и 10 крон, которые отесняли из него золотые монеты (сохранение этих купюр в обращении показывает, что в Австро-Венгрии не думали серьезно об установлении обращения золотых монет), и, во-вторых, привычка населения дунайской монархии пользоваться бумажными средствами обращения. Эти два фактора повели к тому, что, когда Банк в виде опыта начал (с 1901 года) пускать золотые монеты в обращение — употреблением их в правительственных платежах, в своих операциях и в виде размена билетов, — монеты эти мало удерживались в обращении и почти все возвращались обратно в Банк. По сведениям, любезно сообщенным нам в Австро-Венгерском Банке, с августа 1901 до весны 1910 г. было выпущено в обращение свыше 1.500 млн. крон золотой монетой, но в обращении удержалось только 220 млн. крон круглым счетом (Рашич считал для 1914 года 225 млн. крон).

покрытие одним золотом составляло в те же сроки 65,5%, 74,2% и 71,3%; положение для производящего размен Банка было вполне обеспеченным уже в 1903 году, а с тех пор золотой запас Банка почти постоянно возрастал вплоть до осени 1909 года.

Отдельные голоса в пользу восстановления размена, действительно, стали раздаваться в Австрии. Сторонники этой меры не видели непреодолимых препятствий для ее проведения в том, что до сих пор считалось наиболее опасным пунктом для золотой валюты в Австро-Венгрии, в состоянии расчетного баланса этой страны. Опираясь на успешность валютной политики Австро-Венгерского Банка, они утверждали, что, если оставить в стороне исключительно-неблагоприятные обстоятельства (напр., войну), о которых нечего говорить, Банк сумеет предотвратить сильный отлив золота из страны, если последний будет вызван нормальными факторами, ухудшающими платежный баланс. Другая опасность полного проведения золотой валюты — вызываемая установлением размена необходимость часто изменять банковский процент — также их не пугала: они указывали, что действительную причиной сравнительно низкого и устойчивого процента в Австро-Венгрии является не неразменность билетов, а вялый характер хозяйственной жизни этой страны, так что сам по себе размен здесь ничего не может изменить. Выгоды существовавшего положения вещей, по указанию сторонников размена, состояли, во-первых, в том, что денежное обращение в монархии совершенно вершалось с помощью дешевых меновых знаков (банковых билетов), и, во-вторых, в том, что девизная политика увеличивала устойчивость банковского процента; обе эти выгоды, по их указанию, можно было сохранить и по возобновлении размена: население настолько привыкло к бумажному обращению, что все равно не будет требовать золота (от мысли о насыщении обращения золотом, защищавшейся в 1891—2 и в 1896 годах, теперь отказались), а что касается до девизной политики, то ничто не помешает вести ее и тогда, когда билеты будут разменными. Между тем, последствием восстановления размена, — находили сторонники этого мнения, — будет укрепление за границей доверия к австро-венгерской валюте (убедятся, что она действительно золотая), прочное улучшение внешнего кредита дунайской монархии, прекращение необходимости страховать валюту при получении из-за границы краткосрочных ссуд и упрочение положения австро-венгерских ценных бумаг за границей. В подтверждение этого указывали на то, что сама по себе девизная политика Банка вовсе не является достаточной гарантией устойчивости валюты, так как Банк совершенно не обязан ее вести: он может отказаться от этой политики, и тогда валюта будет предоставлена на волю судьбы; иначе будет по возобновлении размена, когда валюта будет во всяком случае обеспечена от колебаний — девизной политикой или свободным движением золота.¹

¹ См. цит. ст. Мизеса в «The Economic Journal», 1909 г., June, стр. 204—205, 207—208 и 211, доклады Розенберга («Ztschr. für Volksw., Sozialpol. und V.», XII, 1903) и Федерна («Volksw. Wochenschrift», 1910 г., 3 марта) в обществе австрийских экономистов и «Beilagen zu den sten. Protokolle des Hauses des Abgeordneten, XVII Session, XV Band, № 1718.

В Австрии за размен раздавались лишь отдельные голоса. Иначе было в Венгрии, которая, как мы знаем, уже с самого начала валютной реформы решительно высказывалась за возобновление размена. Стремления при посредстве этой меры добиться хозяйственной самостоятельности Венгрии особенно оживились с 1905 г., когда на выборах в сейм потерпела поражение венгерская либеральная партия, поддерживавшая дуалистическую форму государственной организации и в течение ряда десятилетий имевшая в сейме большинство. Получившая большинство партия независимости не образовала, правда, правительства (были созданы сначала внепарламентское, затем коалиционное министерства), но получила сильное влияние на политическую жизнь. В 1908 г. в Венгрии была организована банковая анкета, участники которой признали, что среди мер, необходимых для хозяйственной эмансипации от Австрии, на первой очереди стоит основание самостоятельного венгерского эмиссионного банка. Однако, венгерцы признавали, что необходимою предпосылкой для создания такого банка является укрепление ее кредита за границей, а это-то и должно было быть достигнуто возобновлением размена билетов Австро-Венгерского Банка. Стремясь «с помощью Австрии отделаться от австрийской опеки», венгерцы желали, чтобы вся задача полного утверждения золотой валюты пала еще на Банк, основанный на общие и даже преимущественно на австрийские средства и действовавший в таких условиях, когда гораздо более благоприятный расчетный баланс Австрии уравнивал пассивный сальдо венгерского расчетного баланса, и чтобы, таким образом, была подготовлена почва для создания самостоятельного банка Венгрии¹. Но было еще одно соображение, которое, правда, венгерцами не высказывалось открыто, но которое могло сделать для них возобновление размена особенно выгодным: в случае перехода к основанию самостоятельного банка общий банк подлежал ликвидации, и его золотой запас должен был быть поделенным между обеими частями монархии; так как хозяйственная сила Венгрии и ее взносы в золотой запас Австро-Венгерского Банка значительно уступали силе Австрии и ее взносам, Венгрия могла бы рассчитывать на получение лишь незначительной части запаса; предварительное возобновление размена могло бы позволить Венгрии вырвать себе большую часть этого запаса, чем ей следовало; для этого будущая дирекция Банка должна была только воспользоваться статьей 40 Устава, дававшей дирекциям право определения общих размеров кредита в соответствующей половине монархии и расширить банкнотное обращение в Венгрии.²

Та мысль, что восстановление размена необходимо для завершения реформы, казалась настолько естественной, что правительства в 1908 г. сочли себя обязанными представить законодательным учреждениям проект

¹ См. Gaertner, Gemeinsame oder selbständige Bank («Ztschr. für Volksw. etc.», 1908. XVI, стр. 754—756 и 770); Hertz, Die Oest.-ung Bank und der Ausgleich («Die Zeit». 1903. XXXV. № 448); Popovics, Das Geldwesen im Kriege, стр. 16—19; Fellner, Die Zahlungsbilanz Ungarns, стр. 151—168.

² Herber—Rohow. Das Schicksal des Barschatzes («Zeitschr. für Volksw. usw.» 1908, XVII, стр. 319—327).

закона, вводящего в действие статью 83 устава 1899 г., по которой Австро-Венгерский Банк обязывался к размену его билетов на законные металлические деньги австрийской и венгерской чеканки. В мотивах указывалось на наличность необходимых условий для возобновления размена (отмена принудительного курса государственных билетов, прочное положение валюты благодаря политике Банка); далее записка о мотивах утверждала, что успешность валютной политики Банка представляет собою аргумент не против восстановления размена, а напротив—за это восстановление, так как последнее закрепит достигнутые выгодные позиции.¹ Впрочем, и в самом законопроекте заметно было колебание: не говоря уже о решительном отказе от установления золотого обращения (мелкие купюры билетов сохранялись), законопроект все-таки отсрочивал день восстановления размена, так как вступление нового закона в силу ставилось им в зависимость от усмотрения министерств. Проект оказался мертворожденным и под предлогом внутренних политических замешательств (борьбы национальностей в рейхстаге и конфликта с Венгрией) даже не обсуждался в палатах.

В обществе законопроект вызвал решительные возражения; особенно выдвигались указания, что момент для возобновления размена выбран крайне неудачно (отсутствие перспектив хозяйственного подъема, неудобство ставить вопрос о достижении благоприятного расчетного баланса при приближении срока торговых договоров и т. д.). Надо заметить, что когда в 1910 году, при пересмотре банковской привилегии, вновь раздались некоторые голоса в пользу восстановления размена, момент опять оказался неподходящим для проведения этой меры (на этот раз ссылались на ухудшение финансов и на тревожность внешнего положения).² Аргументы эти, в особенности в 1910 г., не были вполне лишены оснований, но самое их разнообразие указывает на то, что за ними скрывались известные постоянные основания, говорившие в Австрии против восстановления размена. Оснований этих, в действительности, как нам уже известно, было два.

Первым из этих оснований продолжало оставаться питавшееся многими общественными группами в Австрии опасение потери устойчивого и низкого процента. Еще в недавнее время—в первой половине девяностых годов,—несмотря на всеобщее отвращение к активной дисконтной политике Банка, вопрос об ее ведении Банком приходилось все-таки ставить, так как широко распространилось убеждение в необходимости ввести устойчивую валюту. Но теперь в руках противников размена имелся очень сильный аргумент: они указывали, что восстановление размена не имеет никакой цели; оно только подвергнет опасности австрийский золотой запас и поведет к повышению процента, но не даст больше того, что уже теперь существует, так как и без того валюта поддерживается на паритете, и эта цель достигается без удоро-

¹ «Beilage usw.», 1718, XVII Session, XV Band, стр. 7—12.

² См. доклады в обществе австрийских экономистов—Филипповича 19 февраля 1903 г. («Zeitschr. für Volkswirtschaft etc.», 1903, XII, стр. 397—398), и Остерзетцера, 25 января 1910 г. («Volkswirtsch. Wochenschrift», 1910, 3 März, стр. 137).

жания денег внутри страны. Основываясь на этом, социал-демократы указывали при обсуждении нового устава в 1910 г., что в обязательном размене имеют интерес только капиталисты-спекулянты, которые стремятся вызвать колебания процента для спекулятивных целей и обеспечить себе возможность извлекать золото из Банка. Тот довод сторонников размена, который состоял в ссылке на возможность вести девизную политику и при разменных билетах, не убедил их противников; они спрашивали, зачем же тогда нужен размен, если девизная политика, прекрасно достигающая тех же целей, будет продолжаться; размен будет не только бесполезен, но даже вреден, так как отнимет у Банка весьма существенное орудие в борьбе с арбитражем и спекуляцией. Банк, не обязанный к размену своих билетов, весьма просто может оказать воздействие на спекулянтов: если дивизы требуются спекулянтами для их платежей за границу, Банк может не отдавать их («активная» девизная политика). Но это совершенно недоступно производящему размен Банку: он должен отдавать золото, которым спекулянты и воспользуются в своих целях, а между тем отлив золота увеличит беспокойство и поднимет процент. Таким образом, возобновление размена даже обессилит Банк в борьбе за золото и паритет валюты.¹

Другим действительным основанием, заставлявшим австрийцев высказываться против размена, было именно то, которое побуждало Венгрию добиваться его: возможность осуществления хозяйственной эмансипации Венгрии. Не говоря уже о государственных и общеполитических мотивах, заставлявших Австрию держаться за общность хозяйственной области, разрыв хозяйственной связи между обеими областями должен был принести австрийцам и материальные невыгоды: общность Банка, банкового билета и валюты сильно облегчала помещенные австрийских капиталов в Венгрии, которая при отсутствии размена вынуждена была обращаться за кредитом преимущественно в Австрию (платежи ее по заключенным в Австрии займам ежегодно составляли 175 млн. крон). Да и для самого Банка, являвшегося в сущности представителем австрийского капитала (в 1901 г. из членов общего собрания акционеров 231 были австрийцами и только 38—венгерцами), его операции в Венгрии были очень доходными: австрийские векселя представлялись в Банк главным образом для переучета и инкассирования, оставались в нем недолго, и Банк мало на них зарабатывал, венгерские же в значительной степени направлялись прямо в Банк, оставались в Банке долго и давали ему больший доход; считали, что около 40% своего дохода Банк получал из Венгрии, между тем как венгерская доля, напр., в обращении билетов составляла 30%. Понятно, что перспектива возобновления размена, как ступени к созданию венгерского самостоятельного банка, не могла быть привлекательной для Австрии, тем

¹ См. «Volksw. Wochenschr.», 1910, Dezember, стр. 369—370, и доклад Федерна (в том же журн. №№ от 17 и 24 февр. 1910 г.). Статья Dub'a, Acte final de la réforme monétaire en Autriche («Revue écon. intern.» 1910. 15—20 oct.), основана на этом последнем докладе. Сторонники размена отрицали ведение Банком активной девизной политики.

более, что, как указано выше, при этом еще предвиделась опасность возникновения острой борьбы за золотой запас Банка.¹

Таковы два действительные основания, мешавшие в Австро-Венгрии восстановлению размена, и все те аргументы, которые вырастали на почве этих оснований. Наряду с этим на практике меньшее значение имели опасения перед теми последствиями, которыми по возобновлении размена угрожает неустойчивость расчетного баланса монархии: указывали на то, что хотя торговый баланс и активен, но он подвергается сильным колебаниям и ни в каком случае не может покрыть пассивное сальдо прочих статей платежного баланса, если последнее возникнет вследствие каких-либо потрясений; между тем, как сильно задолжавшая страна (внешний долг составлял 9 миллиардов крон), Австро-Венгрия должна быть готова к тому, что такое пассивное сальдо всегда может возникнуть, если какое-нибудь внутреннее или внешнее замешательство создаст различие в оценке ее бумаг на внутреннем рынке и за границей; в таких случаях очень велика опасность того, что при существовании размена отлив золота, вследствие распространения недоверия к австро-венгерскому государственному кредиту и австро-венгерской валюте, примет хронический характер.² Впрочем, все это рассуждение, при существовании средней активности расчетного баланса и при успешной борьбе Австро-Венгерского Банка с колебаниями курса валюты, имело скорее значение не серьезного основания для сопротивления размену, а только аргумента, которым пользовались противники размена, чтобы по возможности отдалить восстановление последнего. Но самый факт успешной валютной политики Банка дал им еще один аргумент и притом аргумент, доказывавший, что размен совсем не следует восстанавливать. Мы имеем в виду «государственную» теорию денег, сам творец которой—Кнапп—указывал, что именно наблюдения над положением денежного дела в Австрии внушили ему основные идеи его учения.

Основные черты теории Кнаппа (мы не излагаем ее подробно, так как она достаточно известна) состоят в том, что деньги, самой характерной чертой которых является свойство платежного средства, получают свое значение от правовой организации, т.е. от государства; во внутренних отношениях государство объявляет обязательным определение ценности денег по тем значкам, которые оно на них ставит, независимо от того, стоит ли их ценность в связи с ценностью их материала (или вообще какого-либо материала) или нет; вне данной страны, за границей, его постановления не имеют силы, но и в международных отношениях государство может добиться поддержания установленного им паритета валюты с валютами иностранными, если оно путем вмешательства в спрос и предложение валюты будет определять цену своих денег на внешнем рынке. В пример этой последней—«экзодромической»—

¹ A. Spitzmüller, Die staatsfinanziellen Vereinbarungen im öst.-ung. Ausgleich, «Zeitschr. für Volksw. usw.», V, 1908, XVII, стр. 390), а также цит. статьи Hertza, Herber-Rohowa, Gärtner'a и др.

² Доклад Остерзетцера в Обществе австрийских экономистов 10 февраля 1903 года («Ztschr. für Volkswirtschaft usw.», 1903, XII, стр. 300—396).

политики Кнапп приводит именно девизную политику Австро-Венгерского Банка (книга Кнаппа вышла в 1905 году). Из этой теории Кнапп сделал следующие выводы: золото избиралось различными странами в качестве валютного металла потому, что оно делало устойчивыми отношения с преобладающей торговой и капиталистической страной (Англией); оно нужно только для «экзодромии», а для внутреннего обращения, где значение денег вполне зависит от воли государства, совершенно достаточно употребление «нотальных», т.-е. не связанных с ценою их материала денег; однако, благодаря указанному выше виду экзодромической политики, нотальные деньги могут стать и валютными и обеспечивать при этом устойчивость экономических отношений не хуже золота.¹

В подтверждение всего этого Кнапп опять ссылается на Австрию. Эта страна выбрала для своего внутреннего обращения нотальные деньги. Правда, по этому поводу можно сказать, что Австрия находится еще в переходном состоянии: ее денежная реформа (1892 года) будет завершена только тогда, когда золотые монеты будут выпущены из своего заточения в Австро-Венгерском Банке; недалек момент, когда банковые билеты, старые и новые, будут размениваться на золотые монеты, и тогда золотые деньги станут валютными деньгами Австрии. Кнапп возражает на это: «Может быть, это и произойдет, но только из рабского подражания западным образцам. Необходимым же это не является. Если бы спросили моего мнения, я посоветовал бы: твердо держитесь внутреннего обращения с нотальными деньгами, так как и на Западе такое положение повсюду господствует или, по крайней мере, может господствовать. К чему нужно, чтобы платежи средней величины производились наличными деньгами, когда для мелких и крупных платежей все равно будут употребляться нотальные деньги?»² «Цель введения золотой монеты—укрепление междувалютных курсов. Этого можно достичь, между прочим, и одинаковой организацией систем наличных денег в двух странах. Но могут быть и другие средства, ведущие к той же цели; как раз в последние годы это и признано, и такие средства применяются в Австрии и Нидерландах. Это—государственное регулирование междувалютного курса с помощью биржевых средств». «Для этого систематического противодействия спекуляции, конечно, нужно золото; так как теперь западно-европейские страны имеют золотую валюту; но нужно далеко не так много золота, как понадобилось бы при возобновлении размена». «Размен австрийских банковых билетов на наличность не нужен, он устарел исторически и не соответствует действительным потребностям».³

Теория Кнаппа, как известно, нашла много сторонников; но нигде, может быть, впечатление, ею произведенное, не было так сильно, как

¹ Кнапп, *Die staatliche Theorie* (1905). стр. 5—6, 31, 61, 209—210, 242—251, 263—270, 304 и 392.

² Там же, стр. 271—272.

³ См. статьи Кнаппа, *Die Währungsfrage* (в «*Jahrbuch für Gesetzgebung usw.*», 1907, стр. 1535—1536), и *Die Beziehungen Oesterreichs* («*Zeitschr. für Volksw.*», V, 1908, XVII, стр. 448—451).

в Австрии, где и самая теория и только что изложенные выводы ее автора вполне соответствовали широко распространенному отвращению австрийцев к восстановлению размена. Все аргументы противников размена получили теперь теоретическое обоснование, позволившее идти дальше прежнего и вовсе отвергнуть необходимость восстановления размена, при чем с радостью подчеркивалось, какое значение этот отказ от размена будет иметь как для учетной политики Банка, так и для разрешения банкового спора с Венгрией. Взгляды Кнаппа широко распространились, и отзыв их мы неоднократно слышим в прениях рейхстага по вопросу о возобновлении привилегии Банка в 1911 году; отдельные сторонники этот взгляд на возобновление размена нашел под влиянием Кнаппа даже в Венгрии.¹

Между тем приближался срок истечения третьей привилегии Австро-Венгерского Банка (31 декабря 1910 г.). Так как в Венгрии к этому времени у власти оказалась вновь либеральная партия, хотя и преобразованная, можно было рассчитывать на то, что продление привилегии Банка не встретит особенно сильных препятствий с венгерской стороны. Тем не менее Венгрия потребовала восстановления размена; хотя, не решаясь настаивать на немедленном проведении этой меры, она проектировала только, чтобы разменность билетов наступила автоматически, именно чтобы были установлены условия, при наступлении которых размен непременно должен быть начат. Но Австрия решительно сопротивлялась размену, тем более, что в 1910—1911 г. момент для проведения этой меры, действительно, стал менее подходящим, чем было еще недавно: как мы знаем, с 1909—1910 г. наступило ухудшение в положении внутреннего и внешнего денежных рынков, торговый баланс был пассивным, и пассивный сальдо его все возрастал, государственные финансы резко ухудшились (получавшиеся в течение 20 лет излишки бюджета сменились в 1909 и 1910 г.г. дефицитами). Хотя сам австрийский министр финансов (Билинский), внося проект изменений устава в рейхсрат, признал, что «вследствие отсутствия размена Австрия теряет некоторые выгоды», парламент энергично высказался против размена. Стремясь найти компромисс, составители проекта ограничились введением в устав статьи, по которой обязательный размен не вводился, но введение его в будущем облегчалось. Действие ст. 83 устава (о размене билетов) оставалось отсроченным, но предложение ввести ее в действие было предоставлено инициативе самого банка, а для обсуждения этого предложения правительствами и парламентами установлено требование быстрой процедуры; если же в течение четырех недель не будет вынесено никакого постановления об этом вопросе (опасались бывшей обычаю в рейхсрате и в сейме обструкции), правительства должны были потребовать от Банка введения ст. 83 в действие. Эта статья, представлявшая уступку венгерцам, вызвала критику в рейхсрате: хотя размен и не вводился, но опасались, что возобновление его станет слишком

¹ Служащий одного из венгерских банков W. Müller писал: «Я сам был сначала сторонником размена, но, внимательно прочитав работу Кнаппа, я переменяю свои убеждения» (*Die Frage der Barzahlungen*, Wien, 1908, стр. III, см. также стр. 29—33 и 43—44).

легким; боялись, между прочим, и того, что Банк окажется более склонным к приносящему ему доход повышению учетного процента, чем к поддержанию валюты девизной политикой, условия ведения которой теперь, как увидим, стали иными, и которая могла поэтому иногда оказаться неудобной для Банка.¹ Тем не менее статья эта (ст. V законопроекта), в сущности мало изменявшая положение дела, была принята.

С другой стороны, законопроект стремился подчеркнуть то обстоятельство, что цель валютной реформы достигнута и без размена—благодаря девизной политике Банка. Однако, повторенный еще раз отказ от возобновления размена мог создать почву для опасений за будущее австро-венгерской валюты, если уже действовавшее средство обеспечения устойчивости этой валюты не будет сделано более прочным. Мы уже знаем, что сторонники размена указывали на тот недостаток девизной политики, как средства борьбы с колебаниями курса валюты, который состоял в зависимости ее ведения от доброй воли Банка. Законопроект стремился устранить этот недостаток, сделав девизную политику для Банка обязательною. Первая из его статей (всех статей было десять) присоединила к перечислению лежащих на Банке задач, которое содержала первая статья устава 1899 года, еще указание на следующую задачу: «Банк обязан, пользуясь для этого всеми стоящими в его распоряжении средствами, заботиться о том, чтобы ценность его билетов, выражающаяся в курсе иностранных векселей, постоянно оставалась обеспеченной соответственно паритету, установленному законом для валюты крон». Таким образом, поддержание устойчивости валюты ставилось в прямую обязанность Банку; между тем размен, по законопроекту, был оставлен необязательным, так что, в сущности, от Банка требовалось обязательное ведение девизной политики. В мотивах к законопроекту, представленных австрийским правительством в рейхсрат, указывалось на неудобство того, чтобы прямо в уставе давалось правительством полномочие обязать Банк к размену; для этого должен был выбран момент явно благоприятного положения международного денежного рынка и внутренних государственного и народного хозяйств; парламентам обеих половин монархии должно быть предоставлено право сделать в такой момент постановление о размене и дать указанное полномочие правительствам. Откладывая размен,—продолжает записка о мотивах,—правительства считали нужным зато обеспечить законом устойчивость валюты, необходимую для хозяйственных интересов обеих половин монархии; поэтому деятельность по регулированию иностранных вексельных курсов, которую Банк, правильно сознавая свои задачи, развивал в течение ряда лет, и которая получила одобрение мира ученых и делового мира», будет теперь предписана Банку законом.²

¹ Sten. Prot., Haus der Abgeordneten, XX Session, 1910, стр. 4544—45, 4551, 4555, 4560.

² 1043 der Beilagen zu den sten. Protogk. des Abgeordnetenhauses,—XX Session, 1910 Erläuterungen, стр. 19—20.

Как и следовало ожидать, в австрийской палате депутатов отказ прavitельств от немедленного перехода к возобновлению размена встретил самый сочувственный отклик: во время первого чтения законопроекта ни один оратор не высказался за размен, и все приветствовали его отсрочку. Даже более: очень немного нашлось таких депутатов, которые признавали необходимость перейти к размену билетов в будущем и считали только настоящий момент неподходящим для его возобновления; только представители немецкой буржуазии указывали на значение размена для устойчивости валюты во внешних отношениях, хотя и отвергали возможность его возобновления в виду неустойчивости и отсталости хозяйственной жизни монархии, особенно ее венгерской половины.¹ Большинство находило размен билетов вообще ненужным и вредным; аграрии особенно настаивали на этом из вражды к золотой валюте: и без того уже, — доказывали они, — «ростовщические» законы о приостановке свободной чеканки серебра и о введении счета на золото ухудшили положение должников и повели к падению цен; переход к действительной золотой валюте окончательно разорит сельское хозяйство, да и промышленность, если последняя не будет искать спасения в синдикатах.² Многие ораторы указывали на то, что введение размена крайне тяжело отразится на положении «мелкого люда», т. е. так называемого среднего сословия (ремесленников, лавочников и т. д.), сделав кредит для этих лиц совсем недоступным; от имени среднего сословия некоторые ораторы поэтому решительно протестовали против размена.³

Последствия возобновления размена большинству ораторов рисовались в следующем виде: вследствие наклонности австро-венгерского платежного баланса к пассивности и вследствие неустойчивости общих хозяйственных условий, золото легко станет отливать за границу, а золотое покрытие банковых билетов станет столь же недостаточным, как в Английском и Германском Банках; вследствие этого процент Австро-Венгерского Банка потеряет свою устойчивость и станет подниматься, а прямым результатом этого будет увеличение издержек производства, востребование вкладов из сберегательных касс, обесценение государственных и коммерческих бумаг и трудность помещения новых займов. Подъем банкового процента будет особенно тяжел для Австро-Венгрии, так как в богатых Англии и Германии центральные банки далеко не играют той роли единственного источника кредита, как Банк Австро-Венгерский.⁴

Интересно отметить, что во время этих прений впервые при обсуждении устава центрального банка Австрии выступили социал-демократы; они также были против восстановления размена, и их голос в этом вопросе имел значительный вес, так как со времени введения в Австрии всеобщего избирательного права (1906 г.) число их представителей в Рейхсрате сильно выросло (с 14 до 88 человек). Оратор этой партии (Элленбоген) заявил, что его партия стоит за упорядоченную денежную систему, так как последняя является одним из условий органического, здорового, нормального развития хозяйственной и прежде всего промышленной жизни; в частности

¹ Sten. Prot., XX Session, стр. 4563—4 и 4572.

² Деп. Голи (стр. 4535—6).

³ Деп. Виттек (поляк), стр. 4542, деп. Левицкий (русин), стр. 4544.

⁴ Стр. 4538—9, 4544, 4546—7, 4568—9, 4596 (разные ораторы).

для рабочего чрезвычайно важно обращение полноценных денег, так как это повышает покупательную способность заработной платы и понижает издержки государственного и народного хозяйства. Тем не менее Элленбоген находил, что образцовое управление денежным делом возможно и без обязательного размена: так в Австро-Венгрии существует уже все, чего можно требовать от хорошей валюты,—устойчивость вексельного курса, предотвращение эксцессов арбитража и, кроме того, еще низкий процент и крупный золотой запас. Оратор не думает, что немедленно по возобновлении размена начнутся отлив золота за границу и оргии спекуляции; он даже полагает, что размен поднимет кредитоспособность Австро-Венгрии, но он не видит надобности отказываться от существующей, доказавшей свои хорошие стороны системы, заменяя ее другою, последствия которой не вполне определены; он указывает при этом на то, что свободный размен на золото существует только в Англии, и это вполне объясняется составом совета Английского Банка, большинство в котором имеют торговцы золотом.¹

Размен невыгоден для Австрии, он нужен только для Венгрии (да и то лишь по чисто-политическим причинам), да еще для спекулянтов и высших представителей денежного капитала, которым нужны вздорожание кредита, облегчение арбитражей и зависимость правительств от денежного и банкового мира.² Таков был приговор большинства ораторов.

Вполне понятно, что при таком отношении к обязательному размену банковых билетов на золото, многие депутаты не находили достаточных похвал для девизной и валютной политики Банка; заметно увлекаясь попавшею на столь благоприятную почву теорией Кнаппа, эти ораторы утверждали, что политика Банка совершенно устраняет необходимость восстановления размена.³ Такое отношение рейхсрата к данному вопросу, разумеется, обеспечивало принятие ст. 1 правительственного проекта. Впрочем, раздавались отдельные голоса против принудительного возложения на Банк обязанности вести девизную политику: Элленбоген признал это принуждение вовсе ненужным, так как Банк ведет эту политику ради связанных с нею прибылей; другой оратор находил, что «размен билетов на девизы» ведет совершенно к тем же опасностям, как и размен их на золото. Министр финансов счел нужным выступить против последнего утверждения, указав, что при отсутствии обязательного размена на золото Банк имеет возможность успешно бороться со спекуляцией: для этого ему достаточно путем девизной операции оказать воздействие на денежный рынок, чтобы создать то маленькое различие в курсе, которое необходимо для предотвращения спекуляции.⁴

В связи с этим стоял вопрос об изменении ст. 111 устава: в эту статью правительства проектировали включить постановление, что если Банк не

¹ Стр. 4551—4552.

² Разные ораторы—стр. 4540, 4544, 4572 и др.

³ Голи, стр. 4535 и 4540, Виттек, стр. 4542. Впрочем, некоторые ораторы решительно отвергали теорию Кнаппа (Будек, стр. 4545, Элленбоген, назвавший ее «односторонней», стр. 4552, член немецкого национального союза Редлих, ссылавшийся на теорию Маркса, стр. 4653).

⁴ Стр. 4556, 4549 и 4591.

будет поддерживать всеми средствами (согласно ст. 1) устойчивость валюты, то он теряет свою привилегию (кроме того случая, когда этой деятельностью Банка помешает созданное так наз. *fores majeure* и признанное обоими правительствами непосредственное препятствие). В правительственных мотивах говорилось, что Банк не будет считаться нарушившим указанную в первой статье устава обязанность, если вексельные курсы будут колебаться не больше, чем это происходит в тех странах, в которых бумажные знаки разменны на золото. Тем не менее в рейхсрате указывалось на неудовлетворительность этого постановления: если оно означает, что иностранные курсы не должны никогда подниматься выше верхней золотой точки, то у Банка недостаточно средств для достижения этой цели; между тем прекращение привилегии Банка поведет к обесценению его билетов и предоставит общественную опасность. Министр отвечал на это, что с Банком заключено тайное соглашение, в котором установлена достаточно широкая граница допускаемых на будущее время колебаний вексельного курса. Теперь известно, что этим соглашением допускалось, в качестве крайней границы отклонение курсов лондонской, парижской и берлинской девиз в среднем за день на $1\frac{1}{2}\%$ вверх от паритета.¹

Таковы были важнейшие постановления законопроекта, касавшиеся размена и девизной политики. Наряду с этим предлагался ряд более мелких изменений устава. Так как размен откладывался теперь на неопределенно-длительное время, то понадобилось изменить постановления о мелких купюрах банковых билетов (в 20 и в 10 крон): ограничения их выпуска отпали и заменились постановлением, что министры финансов определяют сумму их выпуска; с другой стороны, отменены постановления об их специальном покрытии, которое таким образом слилось с общим золотым запасом. Затем позволено Банку зачислять девизы, на сумму в 60 млн. кр., в состав металлического запаса и после возобновления размена, что мотивировалось необходимостью облегчить Банку поддержание большего запаса девиз.

С 1910 года обращение билетов Банка стало возрастать. Поэтому вполне уместным было предложение законопроекта повысить свободный от налога контингент эмиссии с 400 до 600 миллионов крон. В записке о мотивах указывалось, что «увеличение населения, рост и прогрессивное развитие народного хозяйства во всех его отраслях и постоянный подъем цен, жалований и заработных плат так повышают потребность в средствах обращения, что для поддержания достаточной эластичности нашей денежной системы стало необходимым расширение свободного от налога контингента; переход границы этого контингента, раньше происходивший только в моменты необычного оживления деловой деятельности и всегда только в умеренных суммах, в последние годы составил частое, а в осенние месяцы даже обыкновенное явление». Это предложение, которое, как гарантия сохранения устойчивого и низкого процента, встретило одобрительный прием со стороны представителей так наз. «мелкого люда», промышленности и торговли,

¹ 1043 der Beilagen, стр. 21. Sten. Prot., стр. 4548—4549 (Буцек), 4563 (Редих); 4591 (министр Билинский). Смысл тайного соглашения сообщил теперь бывший управляющий А.-В. Банком А. Ророуіс (цит. соч., стр. 22).

сопровождалось другим предложением: в виду того, что повышение свободного от налога контингента должно было уменьшить поступления в казну от налога на эмиссию, предлагалось увеличить долю государства в прибыли Банка (из излишка прибыли сверх дивиденда в 7% государству должно было поступать не $\frac{2}{3}$, а $\frac{3}{4}$).¹

Этим исчерпывались изменения, вносившиеся законопроектом в устав Банка. В рейхсрате законопроект встретил благожелательное отношение, хотя повторились обычные жалобы на недостаточное допущение Банком мелких векселей к учету и на невнимание его к сельско-хозяйственным кредитным товариществам; требовали также расширения ипотечной операции Банка. Министр финансов отвечал на это, что недостаточность учета мелких векселей объясняется малым распространением векселя в Австрии, что для кредитования товариществ лучше создать специальную центральную кассу, и что с ипотечной операцией в эмиссионном банке должно быть осторожным.

Законопроект был принят без изменений и стал законом 8 августа 1911 г. (венгерский G. A. XVIII, 1911); он продлил привилегию Австро-Венгерского Банка до 31 декабря 1917 г., так как именно в этом году истекал срок торгового договора между Австрией и Венгрией. Вопрос о восстановлении размена был попрежнему, но теперь уже (по крайней мере с австрийской стороны) вполне намеренно, оставлен в нерешенном виде, и зато на Банк возложена обязанность поддерживать устойчивость валюты посредством девизной политики. Таким образом, к закреплению создавшегося в 1896—1909 годах положения австро-венгерский валюты был сделан еще один дальнейший шаг.

III

Опыт Австро-Венгрии в области поддержания устойчивости ее валюты оказал большое влияние на практику и теорию денежного дела. Рассматривая это влияние, мы должны провести различие между, с одной стороны, непосредственным воздействием примера девизной политики Австро-Венгерского Банка на валютную политику стран, в которых производился размен бумажных знаков на золото, а с другой—более общим и более глубоким влиянием, которое имела вся денежная политика Австро-Венгрии (а также Индии) на учение о наилучшей организации устойчивой валюты, а вместе с тем—по крайней мере отчасти—и на практику некоторых послевоенных денежных реформ.²

Широко распространившаяся к концу XIX столетия во всем мире золотая валюта поставила перед принявшими ее странами острые проблемы. Проведя у себя денежную реформу, эти страны должны были позаботиться об обеспечении условий прилива золота в страну и отлива его из нее, так как только таким образом достигается главная цель введения золотой

¹ 1043 der Beilagen, стр. 23—27; Sten. Prot., стр. 4544, 4550, 4570, 4597—8.

² На обзоре послевоенной практики девизной политики мы не останавливаемся, так как это тема, требующая особого исследования. Влияние австро-венгерского образца на другие страны видно из того, что в Германии одно время работала особая комиссия по изучению политики Австро-Венгерского Банка.

валюты—ее относительная устойчивость. Но вместе с тем возникала перед ними и другая, на первый взгляд трудно примиримая с первой, задача—удержать золото в стране, чтобы валюта не потеряла своего золотого фундамента. Если при введении золотой валюты необходимо создать возможность отливов золота в тех случаях, когда курс иностранных векселей достигает верхней золотой точки, то, с другой стороны, приходится принимать меры для предотвращения того, что такой отлив явится слишком сильным или приобретет постоянный характер. Принимавшаяся в качестве средства для достижения этой цели учетная политика оказывалась для менее мощных в хозяйственном отношении стран довольно тяжелым бременем. Если Англия, опиравшаяся на свою торговую супрематию, на свою развитую кредитную систему и на существование в Лондоне открытого золотого рынка, была вынуждена мириться с изменчивым и иногда очень высоким учетным процентом, то другие страны могли уравнивать положение только при помощи еще более высоких ставок последнего. Недаром, когда Австро-Венгрия вводила у себя золотую валюту, и один из ее специалистов по этому вопросу (Остерзетцер) пожелал узнать мнение об этом магнатов лондонской фондовой биржи, полученный им ответ вылился в следующую лаконическую форму: «Золотая валюта в Австрии? Если вы сможете постоянно держать свой учетный процент на один пункт выше лондонского и берлинского, то дело пойдет». Таков был общий закон, и странам, установившим у себя золотую валюту, пришлось с ним считаться. Необходимость воздействовать на движения золота изменением процента вела к частым подъемам и острым колебаниям процентной ставки. Такие изменения последней вызывались исключительно потребностью защитить золотой запас страны и могли вовсе не соответствовать положению внутреннего кредитного рынка; между тем на последнем такие колебания процента отзывались очень тяжело, часто вызывая общее вздорожание кредита, от которого жестоко страдала хозяйственная деятельность. Во многих странах это положение вызывало большую тревогу, в критические моменты обострявшуюся до резких протестов против учетной политики банков. Некоторым средством смягчения ее последствий было накопление больших запасов золота в эмиссионном банке, но этого средства было недостаточно; большинству стран приходилось прибегать к разным способам прямого ограничения выдач золота—к требованию приплат за него (премия), к выдаче только изношенных монет, ко всяким репрессиям против лиц, требовавших золото для вывоза; однако, такого рода средства компрометтировали валюту и в конце концов могли увеличить амплитуду колебаний ее курса, а вместе с тем приносили и опасность обращения этого курса в хронически неблагоприятный. В этом-то положении центральных эмиссионных банков и явился увлекательным пример центрального кредитного учреждения Австро-Венгрии, который показал выпускавшим разменные билеты банкам, как можно посредством девизной политики, без обращения к повышению процента, предотвращать частое возвращение вексельных курсов к уровню, влекущему за собою отлив золота.

В России в предвоенные годы Министерством Финансов (Иностранным отделением Кредитной Канцелярии) и Государственным Банком велась девизная политика, которая имела тройное значение: она устраняла

необходимость пересылать золото за границу, ограничивала колебания курса пределами, еще более узкими, чем те, которые указывались золотыми точками, и ограничивала колебания учетного процента Государственного Банка. Говоря об этой девизной политике, министр финансов указывал на стремление «упрочить независимость нашего внутреннего оборота от случайного вздорожания денег на кредитном рынке» (объяснительная записка к росписи на 1913 год). Особенно большое значение такой политики для России объяснялось тем, что в ней вексельные курсы имели тенденцию ежегодно, даже при самых нормальных условиях, особенно сильно колебаться; причинами этого были: с одной стороны—сельскохозяйственный характер русского экспорта, а с другой—большая задолженность России за границей, обусловливавшие крупные размеры производимых нами ежегодно за границу платежей. Осенью, когда происходили реализация урожая и вывоз хлеба, на русском денежном рынке сильно увеличивалось количество девиз, на иностранных же рынках предложение русских девиз сокращалось; тогда курс девиз и иностранных валют в России обнаруживал тенденцию к падению, курс русского рубля за границей—к повышению. Между тем платежи за границу, связанные с оплатой долгов, с расходами путешественников, с оплатой импорта и пр., производились в течение целого года, а так как русский экспорт носил по преимуществу сезонный характер, то в другие (кроме осени) части года спрос на девизы превышал их предложение, курс девиз в России поднимался, и курс рубля за границей понижался. Министерство Финансов и Государственный Банк принимали меры для того, чтобы сделать предложение девиз в течение года равномерным. Для этого они приобретали на бирже и у банков тратты, выписанные экспортерами на заграничных покупателей, или чеки на иностранные банки, инкассировавшие такие тратты в том случае, если русский банк вместо продажи последних в России пересылал их за границу, и заносившие эти суммы на текущий счет русского банка. Следующие по траттам и чекам суммы в иностранной валюте записывались на счета Министерства Финансов и Государственного Банка в иностранных банках и в иностранных отделениях русских банков; эти текущие счета являлись заграничным фондом Министерства Финансов и Государственного Банка, считавшимся так наз. «золотом за границей»; фонд этот на 1 января 1914 г. достигал суммы в 594 млн. руб. (431 млн. руб.—во Франции, 103 млн. руб.—в Германии, 46 млн. рублей—в Англии, 8 млн. рублей—в Голландии, 6 млн. руб.—в прочих странах). Крупные размеры этого фонда позволяли постоянно снабжать русский денежный рынок достаточным количеством чеков на заграничные банки и таким образом держать в равновесии валютные курсы. В результате урожаев 1909 и 1910 г.г. расчетный баланс в течение трех лет сводился со значительными превышениями в нашу пользу; Министерство Финансов и Государственный Банк использовали это благоприятное положение для того, чтобы своевременно приобрести значительные суммы иностранной валюты, и предоставляли затем эти суммы русскому денежному рынку для ограждения интересов русской валюты; в последние перед войною, неблагоприятные для валюты годы—1912 и 1913—они систематически продавали большее количество валюты, чем покупали. Политика эта сопровождалась постоянным успехом; только с весны 1914 года

борьба с ухудшением курса стала представлять непреодолимые трудности, так как с этого времени на курсе рубля стало отражаться приближение мировой войны.¹

В Германии общие условия хозяйственного развития страны имели тенденцию еще с 90-х годов прошлого столетия поднимать учетный процент; борьба за золото и условия эмиссионной организации чрезвычайно обостряли и усиливали действие этой тенденции. Особенно сильно сказалось это в начале XX века (в 1906 г. процент Рейхсбанка достигал 7, в 1907 г. — 7½%). Это вызвало горячие жалобы торговцев и промышленников на дисконтную политику Рейхсбанка (промышленники стали впервые прислушиваться к агитации биметаллистов). Был поставлен на обсуждение ряд вопросов, разрешение которых могло бы облегчить возникшие перед Рейхсбанком и народным хозяйством Германии трудности; таковы были вопросы об увеличении размеров золотого запаса Рейхсбанка, а в связи с этим — о выпуске банковых билетов мелких купюр, которые должны были оттеснить в Банк золото из обращения (германское обращение еще с 1873 года энергично насыщалось золотом), об организации денежного обращения и эмиссии, наконец, о различных средствах охраны устойчивости валюты. Среди этих средств, как мы знаем, Рейхсбанк еще с 1876 года применял девизную политику, но выше уже указано, что он вел последнюю до конца 90-х годов в скромных размерах. Лишь когда обнаружилась коллизия между его назначением охранять валюту и обязанностью удовлетворять внутренний потребность в кредите, и когда выяснился успех девизной политики Австро-Венгерского Банка, Рейхсбанк начал развивать свои девизные операции: средний за год запас девиз его в 1898 г. составлял лишь 4,9 млн. мар., а в 1908 г. он уже достигал 19 млн. м. С того же времени Рейхсбанк сделал первую попытку связать свою девизную политику с учетной; в некоторых случаях Банку удавалось удерживать свой процент от повышения продажей значительного количества девиз; как пример, можно взять 1899 год, когда Банк воздержался от повышения процента с 6 до 7%, несмотря на тяжелое положение рынка, и 1907 год, когда Банк продавал девизы в начале года, пока процент стоял на 7%, и стал закупать девизы, как только процент опустился.²

28 ноября 1907 года аграрий и биметаллист граф Каниц внес в рейхстаг интерpellацию о дисконтной политике Банка, утверждая, что промышленная деятельность не является причиною вздорожания денег, и что кризис вызван не перепроизводством, а недостатком в деньгах; одним из препятствий к достаточному снабжению рынка деньгами является, по мнению

¹ См. объяснит. записки к росписям на 1911, 1912 и 1913 г.г.; издание Особенной Канцелярии по кредитной части — Русский денежный рынок 1905—1911 г.г. (картограммы и диаграммы); В. Мукосеев, Русский денежный рынок, Спб. 1914 (Оттиск из сборника «Русские биржевые ценности»), стр. 49—53. См. также представление Министерства Финансов в Гос. Думу от 28 сент. 1910 г. по проекту новых штатов Кред. канцелярии.

² См. отчеты Рейхсбанка; Steller, Die Wendung in der deutschen Geld- und Bankfrage, Köln a. R., 1908; ero же Nationale Bankpolitik, Berlin, 1907; Ruppel, Kleine Reichsbanknoten, Leipzig, 1908; Feiler, Die Probleme der Bankenquete, 1908; Goldschmidt, Die Devisenpolitik der Reichsbank (Die Bank, 1908, 1).

интерпеллянта, дисконтная политика Рейхсбанка, который в целях охраны золотой валюты вынужден держать свой процент на высоком уровне. В ответ на этот запрос министр внутренних дел Ветман-Гольберг возвестил рейхстагу, что правительство организует анкету по выдвинутым жизнью вопросам банковской и денежной политики, и что реформы, необходимость которых будет выяснена, последуют в скором времени, однако под условием удержания золотой валюты.

1 мая 1908 г. заседания анкетной комиссии были открыты; комиссия выслушала ряд экспертов (показания их тогда не были опубликованы), и затем участники ее подвергли внимательному и подробному обсуждению ряд вопросов, относящихся к указанной выше проблеме. Так были рассмотрены вопросы—о возможном воздействии на дисконтную политику повышения основного капитала Рейхсбанка, о необходимости в тех же целях расширить границы свободного от налога контингента эмиссии, о способах привлечения золота из-за границы и средствах борьбы с отливом золота из страны, о привлечении золота из обращения и т. д. После печальных опытов недавнего прошлого большинство членов комиссии отнеслось очень неблагоприятно к дисконтной политике центрального банка: находили, что взвинчивание процента вызывает только кратковременный прилив золота, так как привлекает в страну капиталы лишь для краткосрочного помещения, а в том случае, когда чужая страна действительно нуждается в золоте (как Америка в 1907 году), повышение процента и совсем недействительно; так как спекулянт может платить гораздо более высокий процент, чем солидный деловой человек, то повышение процента, будучи часто недействительным против отлива золота, тяжело обременяет внутреннюю промышленность и торговлю. С другой стороны, свобода применения дисконтной политики в борьбе против отлива золота стесняется зависимостью процента от положения внутреннего рынка (указывали, что за последнее время из 26 случаев изменения процента только в шести—изменения не зависели совершенно от внутреннего положения).¹

Разумеется, все сознавали, что повышений процента нельзя избежать, но большинство находило, что их можно, по крайней мере, смягчить применением вспомогательных средств валютной политики. Некоторые из этих средств (политика премий) были, однако, большинством отвергнуты; зато девизную политику почти все считали особенно пригодным средством для достижения указанной цели, особенно при соединении ее с изменениями учетного процента. Впрочем, девизной политике не придавалось особенно большого значения (кроме одного оратора, видевшего важную сторону ее в том, что она создает обилие Рейхсбанка с денежным и товарным рынками): она считалась лишь вспомогательным средством, не имеющим постоянного влияния на прилив золота; ее влияние столь же кратковременно, как и действие повышений учетного процента; но главным достоинством ее считали то, что применение девизной политики, несомненно, смягчит колебания процента (два участника анкеты высказались даже против девизной политики; один из них находил, что она создает льготы иностранным

¹ Bankenquete 1908, Sten. Bericht, стр. 56, 60, 62, 66, 70. Впрочем, некоторые отмечали достоинства дисконтной политики (стр. 73, 106, 144—145).

векселям перед внутренними; другой думал, что перед закупкою девиз следует предпочесть приобретение золота). Соответственно отсутствию особого увлечения, меры к развитию девизной политики не предполагались особенно широкими: некоторые, ссылаясь на то, что девизная политика и теперь уже применяется Банком с успехом, рекомендовали удовлетвориться существующим; другие ограничивались указанием, что запас девиз в Рейхсбанке должен быть повышен; часто повторялось указание, что девизная политика должна быть осторожной, и что в ее развитии надо соблюдать меру. К этой осторожности побуждали членов комиссии прежде всего соображения о судьбе запаса девиз во время войны (надо помнить, что значительное количество приобретаемых центральными банками девиз составляют английские); впрочем, раздавались и голоса, утверждавшие, что в случае войны английские векселя могут быть использованы в нейтральных государствах, и что, с другой стороны, Англия попадет в подобное же положение, так как в ней много немецких векселей. Во всяком случае соображения осторожности заставили большинство участников анкеты отвергнуть австро-венгерский прием зачисления девиз в металлическое покрытие банковых билетов.¹

Анкета 1908 года не привела к каким-либо решительным переменам в банковской и денежной политике Германии (новелла 1 июня 1909 г. внесла затем некоторые изменения в устав Рейхсбанка, но изменения эти были невелики); фактически она лишь утвердила те тенденции в этой политике, которые намечены были и до анкеты; в числе этих подтвержденных анкетой тенденций денежно-банковой политики находилось и стремление Рейхсбанка расширять его девизные операции с целью смягчения резких колебаний учетного процента.

Учетный процент Французского Банка в свое время пережил бурные периоды. Особенно остро вопрос о нем стал в 60-х годах; правда, дело шло тогда не о влиянии валютной политики Банка на его учетный процент, и самая связь французского рынка с иностранными считалась большей частью второстепенным моментом: главным образом подчеркивалась недостаточная вооруженность Французского Банка для удовлетворения нужд промышленности и ошибки его политики. Жалобы на последнюю и вызванное ими возбуждение были так велики, что для обследования вопроса была организована специальная правительственная анкета (1865 г.), собравшая огромный материал.² С этих пор мы видим Французский Банк постоянно озабоченным тем, чтобы сохранить неизменность и низкий уровень своего процента. Усвоив себе мнение, скоро ставшее во Франции общепринятым и сводившееся к тому, что «лучшею гарантией устойчивости и умеренности учетного процента» являются крупные размеры металлического запаса, Французский Банк еще с середины 60-х годов начал приобретать золото—вначале с большими приплатами; ряд благоприятных обстоятельств—богатство Франции, ее активный платежный баланс, привычка ее населения пользоваться банковыми билетами—содействовали затем тому, что рост

¹ Там же, стр. 55, 62, 70, 71, 74, 79, 85—86, 97, 99, 101, 114, 127, 143.

² Enquête sur les principes et les faits généraux qui régissent la circulation, 1867. Протоколы заседаний анкетной комиссии и ее материалы занимают шесть томов ин кварто.

металлического и в том числе золотого запаса Французского Банка стал совершаться в усиленном размере. В 1913 году его металлический запас составлял 4,1 миллиарда франков, из которых 3,5 миллиарда представляли собою золото; это был второй по величине золотой запас среди всех эмиссионных банков мира (он уступал только запасу золота в Русском Государственном Банке). Спокойный темп экономической жизни довоенной Франции, свободная организация эмиссии Французского Банка и ограничения, которые ставились последним приему векселей к учету, также в сильной степени содействовали тому, что его учетный процент, уже начиная с семидесятых годов, отличался большою устойчивостью: очень часто он не изменялся ни разу в течение года и даже оставался неизменным по несколько лет под ряд (его средний за год уровень в 90-х годах составлял от 2 до 2,8%, в первом десятилетии XX века—от 3 до 3½%). Такая устойчивость процента, несмотря на указанные выше благоприятные условия, требовала, однако, в качестве предпосылки, применения наряду с дисконтною политикою какого-либо иного средства защиты металлического запаса от крупных отливов золота за границу.

Такое средство Французский Банк нашел в системе премий на золото. Необходимым условием для применения этой системы является существование биметаллизма или, по крайней мере, хромающей золотой валюты. Во Франции, по закону, банковые билеты могли размениваться Банком не только на золото, но и на серебро, так как серебряные монеты в 5 франков имели там полную платежную силу. Французский Банк пользовался этим постановлением в тех целях, чтобы, не обременяя внутреннюю торговлю и промышленность поднятием учетного процента, затруднить арбитражерам и спекулянтам вывоз золота за границу: если к нему обращались с требованием разменять его билеты, и он имел при этом основания догадываться о намерении предъявителя билетов вывезти золото, он предлагал этому предъявителю следующий выбор: или получить металлическую сумму билетов в серебряных монетах, или удовлетвориться получением золотых монет на сумму, несколько меньшую, чем номинальная ценность предъявленных к размену билетов. Таким образом, из подлежащей выдаче суммы золота делался некоторый вычет, составлявший премию за золото (размер премии был, разумеется, невисок; премия в 8 про-милле являлась исключительной по высоте). Политика эта применялась Банком в течение ряда лет и, действительно, позволяла ему освободить его дисконтную политику от слишком сильного воздействия со стороны внешнего рынка. Однако, недостатки этой политики должны были с течением времени резко сказаться: совершенно ясно, что размен эмиссионным банком своих собственных билетов не по полной их ценности, а с известным вычетом, должен означать обесценение этих билетов, признанное самим Банком, и, следовательно, золотой лаж; поэтому такой вычет должен отражаться на вексельных курсах, изменяя их к невыгоде страны, применяющей премию. Еще более серьезным было то обстоятельство, что премия защищала лишь золотой запас Банка и таким образом отводила спрос на золото к обращению, в котором во Франции находилось много золота; помимо того, что арбитражеры извлекали при этом из обращения наиболее полновесные золотые монеты, уменьшение золота в обращении вело за собою стремление населения

пополнить пробел в обращении востребованием золота из Банка, и, следовательно, золотая наличность последнего все-таки уменьшалась; соображение о бессилии премий в деле защиты золотого запаса страны сыграло главную роль в решении Банка отказаться от этой системы (1897 г.).¹ Как указано выше, процент Французского Банка с тех пор несколько поднялся. Хотя он все же оставался самым низким и самым устойчивым процентом в Европе, было слишком ясно, что если вместо отвергнутой системы премий Банк не будет применять другого средства, способного защитить его учетный процент от воздействий со стороны внешнего рынка, это положение не удастся сохранить долго. Но по отношению к девизной политике во Франции существовало много предубеждений: еще во время анкеты 1865 года высказывалось опасение, что эта политика отвлечет средства от кредитования внутренней хозяйственной деятельности; и в последующее время политика воздействия на курс валюты путем девизных операций отвергалась французами вследствие связанного с нею риска и вследствие трудности достать запас солидных иностранных векселей.² Французский Банк думал найти иное средство защиты своей валюты от колебаний, а своего золотого запаса—от уменьшения, и искал это средство в попытках предотвращения потрясений на иностранных рынках, от которых могли исходить толчки для международных валютных замешательств.

Так как устойчивости процента Французского Банка угрожала главным образом опасность извне, этот Банк пришел к тому выводу, что он может предотвратить распространение кризиса, снабдив борющиеся с этим кризисом иностранные кредитные учреждения нужным запасом золота; так как наибольшую опасность для Европы представляли собою затруднения на лондонском рынке, то здесь речь шла о золотых ссудах Английскому Банку. В виде исключения Французский Банк давал такие ссуды последнему и в прежние времена (например, в 1839 и в 1890 г.г.), но к развитию этой практики он перешел лишь после оставления системы премий. В своих отчетах за 1906 и 1907 годы он прямо говорил, что эта политика помогла ему сохранить для Франции устойчивый процент.³

Эти действия Французского Банка возбудили очень много ожиданий. Их приветствовали как новый способ охраны золотого запаса страны и поддержания вексельных курсов на паритете, притом способ, гораздо более успешный, чем другие средства достижения тех же целей.⁴ Другие шли еще дальше и видели в новой политике Французского Банка первый шаг к совершенному преобразованию валютной политики центральных эмиссионных банков в смысле создания солидарной деятельности последних

¹ Последнее утверждение основано на сведениях, полученных нами лично во Французском Банке. В остальном см. критику системы премий у Helfferich'a (*Zur Erneuerung des deutschen Bankgesetzes*, Leipzig, 1899, стр. 121 и сл.) и в статьях Rosendorff'a (*«Deutsche Wirtschaftszeitung»*, 1908) и Koch'a (*«Deutsche Revue»*, 1906).

² См. Enquête, том I, стр. 431 и 442; все торговые палаты, кроме двух (IV, стр. 518 и 845), высказались против девизной политики; далее см. P. Loubet, *La Banque de France et l'escompte*.

³ *Compte rendu des opérations pendant l'année 1907*, стр. 5—8.

⁴ Patron, *La Banque de France et le crédit*, стр. 157; см. также отчет самого Банка за 1907 г., стр. 38—39.

по защите их золотых запасов и паритета валют.¹ Сторонники новой политики Французского Банка считали ее дающей лучшие результаты, чем девизная политика; правда, и политика Французского Банка вела к образованию портфеля иностранных девиз, под которые давалась ссуда, но указывали, что этот портфель имел здесь не то значение, как у банков Бельгийского, Австро-Венгерского и Германского: он не являлся здесь средством постоянного воздействия на курсы, но представлял собою лишь временное явление, именно естественное последствие принятых Банком перед этим мер для смягчения кризиса на иностранном рынке.²

Однако, опыт следующих годов (1908, 1909 и сл.) показал, что запас девиз в руках Французского Банка перестал быть следствием исключительных событий и стал обычным явлением (максимум этого запаса составлял в 1907 г. 81,8 млн., в 1908 г.—81,8 млн., в 1909 г.—55,7 млн., в 1910 г.—59,5 млн. фр.), и что Банк сделал новый шаг в сторону развития девизной политики: он стал приобретать девизы с прямою целью сделать курсы более устойчивыми. Вообще нужно сказать, что политика борьбы с неустойчивостью процента исключительно ссудами иностранным банкам доступна только эмиссионным банкам с чрезвычайно крупным золотым запасом и притом лишь банкам тех стран, у которых валюта испытывает неблагоприятные колебания курса относительно редко.³

Обращаясь к Англии довоенного времени, мы находим в ней то же положение: и здесь обнаружилась коллизия между стремлением сохранить дешевый кредит для внутренних промышленности и торговли и необходимою защитой золотых запасов от чрезмерных требований, поступавших извне. Но вследствие оригинальной организации английской кредитной системы там это явление сложилось совершенно своеобразно. В Англии речь шла не только о том, чтобы смягчить чрезмерные колебания учетного процента центрального банка, вызванные необходимостью бороться с отливом золота. Этот вопрос стоял даже на втором плане, и объяснялось это тем, что Английский Банк далеко не являлся таким первенствующим источником кредита в своей стране, как другие центральные эмиссионные банки в своих. Вопрос о сохранении дешевизны кредита совпадал в Англии с вопросом об удержании всей существующей в этой стране организации банковского дела, так как эта организация, как указывал еще Бэджот, наилучшим образом гарантирует дешевизну кредита для внутренней торгово-промышленной деятельности. Между тем именно эта самая организация имела последствием слабую защищенность Англии в валютно-политическом отношении: стремление к удешевлению кредита привело здесь к бессилию Английского Банка в борьбе против внешних воздействий на лондонский рынок.

¹ Ansiaux, *Solidarité monétaire internationale* («Revue écon. intern.», 1910, 15—20 oct.).

² Patron, стр. 163, Snyckers, *La Banque de France et la Reichsbank*, стр. 163.

³ См. отчеты Банка за 1908 и 1909 годы, а также J. Favre, *La Banque de France et le portefeuille étranger* (*La France écon. et financière*, 1906). Цифры были нам любезно сообщены во Французском Банке.

В спокойное время официальный процент Английского Банка был почти совершенно лишен значения для рынка, и этот Банк не пользовался на рынке почти никаким влиянием. Благодаря большим суммам, сконцентрированным в депозитных банках, рыночный процент в Англии постоянно стремился к очень низким ставкам. Официальный же процент Английского Банка был относительно высок и крайне изменчив. Часто поднимать ставку своего процента до сравнительно высокого уровня Английскому Банку приходилось по следующим двум причинам: свободные средства депозитных банков, так наз. «резервы» их, обеспечивающие их обязательства по вкладам, вносятся ими в Английский Банк в качестве депозитов, и, следовательно, все обязательства этих банков перед их вкладчиками, вообще слабо обеспеченные, в конце концов опираются на тот наличный запас, которым Английский Банк обеспечивает свои собственные обязательства; между тем этот наличный запас Английского Банка был недостаточно велик, во-первых, вследствие небольших размеров его золотого запаса и, во-вторых, вследствие разделения Банка на два департамента, благодаря которому для обеспечения обязательств Банка имела значение лишь часть его золотого запаса (именно та часть, которая обеспечивает банковые билеты, находящиеся в его коммерческом департаменте). В результате этого, обязательства банков всей страны, достигавшие 900 млн. ф. ст., опирались на золотой запас в 23—25 млн. ф. ст. Сознание налагаемой этим на Банк ответственности и заставляло Банк бдительно охранять от уменьшения свой золотой запас частым изменением учетной ставки.

Благодаря этому в нормальное время между Английским Банком и денежным рынком не было связи, и Банку нельзя было думать о регулировании кредитных отношений в стране и движений золота в ней. Поэтому различные потрясения обрушивались на Банк без подготовки, внезапно, и когда, вследствие наступивших на рынке стеснений, Банк получал возможность оказывать на рынок влияние, часто оказывалось уже слишком поздно. Так, в 1906 и 1907 гг., когда американцы востребовали золото из Англии, Банк спасся от сильного сокращения своего золотого запаса, угрожавшего крушением всей английской кредитной системы, лишь займом золота во Франции. Процент Банк поднялся в это время до 7%, но по миновании кризиса Банк, хотя и понизил ставку до $2\frac{1}{2}\%$ (весной 1908 г.), все же не мог угнаться за рынком: его ставка была опять высока для рынка (банкиры давали дисконтерам ссуды из 1%, а рыночный учетный процент составлял $1\frac{3}{16}\%$), и связь рынка с Банком снова порвалась.

Таким образом, учетный процент Английского Банка был слишком неустойчив и высок, чтобы во-время оказать сжимающее воздействие на рынок и помешать иностранцам приобрести на этом рынке большие требования на английское золото. Вследствие этого отлив золота наступал при неподготовленности рынка, и всегда существовала опасность, что доверие на рынке может совершенно рушиться: тогда все банки должны будут подумать об удовлетворении своих обязательств, а при известном уже нам слабом обеспечении последних это грозило и Английскому Банку и всей кредитной системе страны сильными потрясениями.

После 1906—1907 г. в Англии выдвигались проекты разных реформ (увеличение золотого запаса Английского Банка, увеличение «резервов»

депозитных банков), но реформы эти тогда остались неосуществленными. Англичане в мирное время не очень беспокоились наступлением отливов золота: они знали, что существование свободного золотого рынка в Лондоне обеспечивало английской валюте доверие иностранцев («психологический резерв»), и ушедшее золото благодаря этому также легко должно было вернуться. Чтобы не компрометтировать идеи этого свободного золотого рынка, они поэтому отказывались от воздействия на движения золота чем-либо иным, кроме классического средства изменений учетного процента. Поэтому также и Английский Банк принципиально отвергал применение девизной политики, хотя она, несомненно, могла бы ему сильно помочь, смягчив колебания и повышения учетного процента и таким образом сгладив указанный выше разрыв между ним и денежным рынком, и хотя ведение ее ему настоятельно рекомендовалось компетентными лицами. Банк усматривал принципиальную разницу между базированием устойчивости валюты на стихийных движениях золота, которые—по идее—так же стихийно (как мы это видели в учении Гошена) находят себе противодействие в механически возникающем изменении процента—с одной стороны и «рациональным» созданием такой устойчивой валюты при помощи девизной политики—с другой, и считал английскую валюту более обеспеченной существованием первой системы.¹

Во всяком случае, сильного воздействия австро-венгерской валютной практики на политику довоенных эмиссионных банков, хотя бы и не всех, никак нельзя отрицать. Может быть, еще более решительное влияние оказал пример Австро-Венгрии, а также Индии, на господствующие представления о наилучшей организации денежной системы; влияние это выразилось не только в известного рода теоретических учениях, но и в соответствующих практических проектах, в проведении (уже до войны) некоторых отдельных мер в области денежного обращения и, наконец, в послевоенных денежных реформах. Мы вовсе не имеем в виду сказать, что указанные практические мероприятия и реформы были продиктованы теоретическими соображениями о необходимости подражать австро-венгерской денежной системе; конечно, они вызывались потребностями жизни и являлись во многих отношениях вынужденными; мы хотим только указать на то, что как на характере этих мероприятий, так и на представлении об их соответствии требованиям наилучшей денежной политики, несомненно, сказалось влияние австро-венгерского образца.

В течение продолжительного времени господствовал взгляд, что для существования в стране золотой валюты, достоинство которой признавалось в ее устойчивости, необходимо насыщение оборота золотыми монетами, которые удовлетворяют распространившуюся во второй половине XIX века потребность в достаточно крупных средствах платежа. Но практика существования устойчивой валюты (не только в Австро-Венгрии, но частью

¹ См. Withers, *The meaning of money*, London, 1909, особ. стр. 210, 239 и 284—290; Jaffé, *цит. соч.*, особ. стр. 120—122, 186, 256, 330; Palgrave, *Bank rate and money market*, London, 1903, стр. VII, 84, 218 и др.; Shuster, *The Bank of England and the State*, 1906, стр. 26—28; Hulftegger, *Die Bank von England*, Zürich, 1915, стр. 193 и след., и журнальную литературу.

и в других странах) показала, что этой цели с таким же успехом служат билеты, разменные на золото, и этим открытием воспользовались некоторые страны для усиления золотых запасов своих банков путем замены находившихся в обращении золотых монет суррогатами денег, именно мелкими купюрами банковых или кредитных билетов (Россия—с 1904 г., Германия—с 1906 г.). Золотая валюта с разменом билетов, но без золотого обращения (или почти без него) стала с этих пор все более и более осуществляющеюся в жизни организацией денежной системы передовых стран мира. Мало этого: скоро обрисовалась возможность успешного исполнения той же роли главных средств обращения просто кредитными знаками, формально даже неразмненными на золото, но все же обладающими устойчивою ценностью (как в смысле внешневалютного курса, так и в смысле покупательной силы внутри страны). В признании возможности этого и сказалось целиком влияние новых опытов в области денежной системы и валютной политики, прежде всего опыта австро-венгерского. Это породило идею о новой организации денежной системы, которая на первый взгляд не является уже в строгом смысле слова золотой валютой, так как здесь не имеется формального прикрепления ценности главных средств обращения к цене золота (за отсутствием размена на золото). Стали говорить о «валюте золотых девиз» (*Golddevisenwährung*), о валюте «с золотым ядром» (*Goldkernwährung*), «с золотыми краями» (*Goldrandwährung*), «с золотым курсом» (*Gold Exchange Standard*); характерными чертами ее являются отсутствие золотого обращения, неразмненность (по крайней мере—в обычном смысле) обращающихся в стране кредитно-денежных знаков (напр., бумажных), сосредоточение золотого запаса страны в центральном банке, укрепляющее силу последнего в области валютной политики, и, наконец, регулирование курса кредитно-денежных знаков путем девизной политики.¹

Существующее с давних пор в области денежных теорий номиналистическое течение нашло в австро-венгерском опыте новую опору: как сказано выше, именно наблюдение над австрийскими условиями дало толчок Кнаппу для создания его «государственной теории денег». В области практических программ и советов сам Кнапп, однако, проявил известную осторожность; свои выводы о том, что золотая валюта есть лишь исторический пережиток, и что ценность денег внутри страны определяется государством, а для поддержания курса валюты в международных отношениях достаточно «экзотромического» управления, он применил непосредственно только к Австрии, рекомендуя ей не восстанавливать размена своих билетов. Последователи его пошли значительно дальше: они прямо заявляли, что австрийская денежная система является наиболее прогрессивной, и предсказывали, что развитие денежных систем других стран пойдет по тому же пути.²

¹ Machlup (*Die Goldkernwährung*, Halberstadt, 1925, стр. 7), считающий существенным признаком «валюты с золотым ядром» лишь отсутствие золотого обращения, дает понятию этой валюты более узкое содержание, чем то, которое в это понятие обычно вкладывается. Искусственно и проводимое Schäfer'ом (*Klassische Valutastabilisierungen*, Hamburg, 1922) различие между «валютой золотых девиз», при которой золотой запас находится за границей, и «валютой с золотым ядром», при которой этот запас—внутри страны.

² Bendixen, *Das Wesen des Geldes*, Leipzig, 1908. Стр. 42—43.

Мировая война поставила ту же проблему в еще гораздо большем масштабе. Она совершенно изменила денежные системы целого ряда государств. Накопление больших золотых запасов в банках, к которому приступил ряд стран уже во второй половине XIX столетия, и которое приняло особенно энергичный характер в первом десятилетии текущего века, имело целью доставить денежной системе возможность без особого риска для существования золотой валюты переносить всякие внезапные испытания. Предвидение, несомненно, шло здесь и настолько далеко, что охватывало тот случай, когда придется временно отказаться от золотой валюты, чтобы при этом сохранить возможность перенести это трудное положение возможно легче и поскорее вернуться вновь к золотой основе обращения. Такой случай должен был наступить во время всеобщей войны, призрак которой стоял перед европейскими государствами, начиная с 1870 г. Когда мировая война действительно разразилась, размен кредитно-бумажных знаков на золото в воюющих странах был прекращен (в одних—и фактически и формально, в других—только фактически), и в них установилась бумажная валюта. Вместе с тем были приняты усиленные меры для дальнейшего увеличения золотых запасов банков, как базиса валютной и кредитной политики во время войны и как средства упорядочить денежное дело после нее. Золото таким образом сосредоточивалось в центральных резервуарах, а обращение воевавших стран приняло бумажно-денежный характер, при чем деньги в большей или меньшей степени обесценивались как во внешних сношениях, так и внутри страны, а тот металл, который еще оставался в обращении нестянутым в центральные банки, оттеснялся за границу.

С другой стороны, нейтральные страны переживали все последствия золотой инфляции вследствие наплыва золота из стран воевавших. Притекавшее в нейтральные страны золото не могло доставить им увеличения предметов потребления: вывоз из главных производящих стран, вовлеченных в войну, был до крайности сжат и военными обстоятельствами и искусственно-принятыми мерами. При этих условиях наплыв золота вел только к лихорадочному росту цен и к вздорожанию жизни. Тогда (в начале 1916 г.) три скандинавские государства, друг за другом, провели мероприятия, остановившие свободную чеканку золотых монет и освободившие центральные банки от обязанности покупать золото. Таким образом произошел еще небывалый до сих пор случай: страны, имевшие золотую валюту во всей ее полноте, пострадали от неустойчивой ценности денег и вынуждены были перейти к валюте «свободной».

Соединение всех этих явлений—установления в ряде стран бумажно-денежного обращения, роста золотых запасов, колебаний золотых валют и отталкивания золота некоторыми странами—давало повод ожидать каких-то крупных изменений в господствовавших принципах денежной организации. Многие стали думать, что золото сыграло уже свою роль и постепенно начинает лишаться своего мирового господства; что приближается момент «развенчания золота»: указывая на скандинавские страны и забывая при этом (как остроумно сказал один экономист) известный рассказ об арабе, презрительно отбросившим найденный им мешок с золотом в пустыне, они находили, что металл этот не обеспечивает уже

устойчивости валюты и даже перестает быть объектом того ненасытного влечения, о котором говорил еще Гораций (*auri sacra fames*): человечество начинает протестовать против золотого кумира.

Круг порожденных этими явлениями идей должен был найти чрезвычайно благоприятную для себя почву в тех из воевавших стран, которым пришлось зайти очень далеко по пути бумажно-денежной инфляции, особенно если им при этом пришлось растерять свой золотой запас. Именно в таком положении находилась, между прочим, Германия, золотой запас которой со 151,6 млн. ф. ст. в декабре 1913 года упал до 54,6 млн. к июлю 1920 г., а со второй половины 1921 года был обречен на дальнейшее уменьшение вследствие уплат военного вознаграждения победителям. Чувствовалось, что прежнее положение валюты нельзя восстановить в ближайшем будущем, и это создавало весьма благоприятные условия для того, чтобы сделать из необходимости добродетель: золотая валюта, как стали указывать некоторые, не должна быть восстановлена не потому, что восстановить ее трудно, а потому, что это есть худшая валюта. Агитация Гейна, Дальберга, Лифмана, Бендиксена¹ вновь воскресила номиналистические идеи о возможности полной рационализации денежного дела. Вновь было выдвинуто учение, что государство и должно и может вести «политику ценности денег», и что в этой области оно, если его руки совершенно свободны, достигнет больших результатов, чем в том случае, когда оно ограничит свою задачу простым прикреплением ценности своих денег к цене металла; далее—что можно создать деньги, которые свободны от всяких колебаний курса и покупательной силы как раз потому, что их материал не имеет никакой цены. Некоторые из новаторов шли так далеко, что рисовали себе уже полное «свержение золота с престола» во всем мире (кроме, впрочем, Англии, которой тогда останется только, подобно царю Мидасу, умирать от голода на мешках с золотом). Но это было еще делом будущего, пока же рекомендовалось руководиться опытом Австро-Венгрии и установить «валюту с золотым ядром»: внешний курс валюты должен был поддерживаться средствами девизной политики, а во внутреннем обращении устойчивость ценности бумажных денег должна была охраняться «разумною», опирающейся на «строго-научные» основания политикой правительства, сообразующего выпуск денег с потребностями обращения.

С какой бы стороны ни подходили упомянутые новаторы ко всем этим теориям и программам, нельзя не заметить, что именно девизная политика играла роль того заключительного средства, которое окончательно эмансипирует денежную политику государства от ее подчиненности стихийному элементу. Так и понимают некоторые, в особенности Кнапп: для него воздействие государства на вексельные курсы, «экзодромическая политика», представляется последним звеном, которым замыкается цепь государственных мер, определяющих характер и ценность денег: урегулировав последние внутри страны своими предписаниями, государство путем

¹ Heyn, Unser Geldwesen nach dem Kriege, Stuttgart, 1916, и др. работы того же автора; Dalberg, Die Enthronung des Goldes, Stuttgart, 1916; Bendixen, Die Währungspolitik und Geldtheorie, München und Leipzig, 1916; Liefmann, Geld und Gold, Stuttgart und Berlin, 1916.

экзодромической политики приводит в согласие с этими постановлениями и ценность своих денег в международных отношениях.

Нельзя, однако, забывать, что и возможность ведения девизной политики и ее эффективность заключены в известные, притом довольно жесткие, пределы. Что касается до возможности ведения этой политики, то, как совершенно очевидно, она зависит от нахождения достаточного запаса девиз (и вообще иностранной валюты) в распоряжении центрального банка. Поэтому пределы для указанной возможности устанавливаются состоянием расчетного баланса страны: если бы срочные обязательства страны постоянно превышали ее ежегодные требования к чужим странам, то иностранные вексельные курсы стояли бы так высоко, что прежде всего не было бы возможности закупить достаточный для воздействия на них запас девиз. Поэтому первым и необходимым условием успешности девизной политики (и даже, как сказано, самой возможности ее ведения) является средняя активность расчетного баланса; такая активность, как мы видели, достигалась и в Австро-Венгрии, хотя и искусственными мерами. С другой стороны, на практике вопрос об уравнивании спроса на девизы с их предложением и о достижении таким образом паритета представляет большие трудности: продажа девиз на сумму во много миллионов может оказать весьма слабое действие на курсы или даже остаться совсем без последствий в зависимости от размера спроса на девизы и от других действующих на рынке факторов; поэтому успех девизной политики не может, конечно, считаться гарантированным, и этому мы также можем найти примеры в истории девизной политики Австро-Венгерского Банка, напр., в 1907 г. и, как увидим, в 1911—1912 г.г.

Есть еще одно необходимое условие успешности девизной политики, отсутствие которого ставит также пределы ее эффективности; условие это, которое хорошо сознавалось вышеупомянутыми новаторами в области денежной теории и практики, состоит в необходимости того, чтобы денежное обращение внутри страны по своим размерам более или менее близко соответствовало потребностям внутреннего товарооборота. Девизная, и вообще экзодромическая, политика регулирует внешневалютный курс денег; это имеет громадное значение во всех тех случаях, когда угроза устойчивости валюты исходит из области международных платежных отношений, хотя, как сказано выше, и в этом случае успешность этой политики имеет свои пределы. Но политика эта обречена на неудачу в случае беспрестанного падения покупательной силы денег внутри страны в результате инфляции, так как это падение покупательной силы денег увлекает за собою в конце концов и внешне-валютные курсы. В периоды инфляции, поэтому, приходится сводить задачи регулирующего воздействия государства самое большее к тем скромным задачам, которые преследовались, напр., агентами русского министерства финансов при их интервенционной политике по охране курса русского рубля на внешних рынках во время мировой войны: тогда интервенционные меры каждого дня преследовали только цель поддержания того курса, до которого рубль упал накануне. В этом-то пункте и заключаются значительные трудности, так как для избежания инфляции нужно поддерживать вышеупомянутое соответствие денежного обращения с товарооборотом, а для достижения этой цели, при отсутствии размена, не имеется никаких точных критериев: все ссылки на «разумные»

и «строгих-научных» принципы эмиссионной политики представляют собою,— как справедливо указал Диль,¹—лишь одни слова без конкретного содержания. Конечно, может вестись известная эмиссионная политика, стремящаяся приспособить выпуск знаков к потребностям обращения, но политика эта неизбежно должна сопровождаться промахами в ту или другую сторону; если такой промах в сторону расширения эмиссии достигнет значительных размеров, может получиться инфляция, которая поставит и девизной политике трудные задачи; мы уже не говорим обо всех тех случаях, когда чрезвычайные обстоятельства, напр., война, доводят инфляцию до крупных размеров.

Австро-Венгерский Банк достигал приспособления эмиссии к потребностям обращения путем ведения эмиссионной и кредитной политики разменивающего банка. Именно в этом отношении и выдвигается все значение размена банковых билетов на золото, который поддерживает устойчивую ценность денег двояким образом—путем прямого прикрепления ценности бумажного знака к цене металла, во-первых, и путем регулирования количества бумажных знаков в обращении, во-вторых; первое имеет значение для каждого данного момента, второе предотвращает возможность потрясения покупательной силы денег в будущем. Теоретики, писавшие об успехе девизной политики Австро-Венгерского Банка, забывали, что, по крайней мере с 1901 года, политика эта имела постоянную опору в фактической разменности банковых билетов этого Банка на золото; все указания на то, что Банк совершил чудеса, поддерживая устойчивый курс неразменных билетов, имели в виду лишь их легальную неразменность и недостаточно принимали во внимание, что в течение большей части периода успехов этой политики билеты фактически были разменными. Указывают, что билеты эти получали дизайню каждый раз, как размен билетов временно приостанавливался, напр., во время кризиса 1907 года.² То обстоятельство, что в наиболее блестящем примере успешности девизной политики она все-таки нуждалась в известной опоре, и притом именно в опоре, состоящей в разменности билетов, конечно, также ограничивает значение этой политики. Однако, не следует преувеличивать это обстоятельство и утверждать, как Палии, что и в Австро-Венгрии девизная политика была лишь «техническим вспомогательным средством для ограничения колебаний валюты более узкими границами, чем те, которые даются золотыми точками».³ Отсутствие обязательного размена лишает валюту важного психологического базиса; в этих условиях колебания ее курса могут подорвать доверие к ней, компрометтировать ее, и из случайного понижения ее курса легко может возникнуть постоянное и поэтому вызывающее или хронический отлив золота, или особенно легко здесь осуществимую приостановку фактического размена; валюта потеряет свой устойчивый характер. Поэтому девизная политика Австро-Венгерского Банка была не простым «вспомогательным» средством, но главным средством охраны валюты Австро-Венгрии и лишь имела опору в фактическом размене.

¹ K. Diehl. Unser Geldwesen nach dem Kriege (Conrad's Jahrbücher, 1916 г., Dezember, стр. 731).

² Palyi, Der Streit um die Staatliche Theorie des Geldes, München und Leipzig, 1922, стр. 48.

³ Там же.

Таким образом, успешность девизной политики требует наличности некоторых предпосылок: отсутствие больших политических потрясений, отсутствие прогрессирующего расстройств экономической жизни страны, достижение хотя бы искусственными средствами активности расчетного баланса, порядок в государственных финансах, прекращение роста бумажных знаков в обращении, накопление достаточного запаса золота и иностранной валюты—все это делает возможным проводить названную политику в жизнь. Следовательно, эффективность ее имеет свои пределы. Тем менее можно ожидать, что «валюта с золотым ядром», или «с золотым курсом» (без разменности кредитных средств обращения), может вполне устранить из мира золотую валюту. При поддержании курса валюты путем девизной политики регулирующая власть действует не прямо, но косвенно, становясь в положение стороны в экономических сделках, в обмене своих денег на иностранную валюту и обратно. Его успех в этой области означает достижение прочного соотношения между его валютой и наиболее устойчивыми валютами других стран, так как приравнение его денег к другим колеблющимся валютам даст ему еще очень мало. Но в таком случае успешность девизной политики знаменует собою не что иное, как то, что ценность бумажной или вообще склонной к колебаниям курса валюты ставится в связь с ценностью таких валют, которые в свою очередь прикреплены к цене металла (золота), и достигается это путем поддержания размена кредитных (бумажных, серебряных) средств обращения на иностранную валюту, прикрепленную к золоту. Относительно Австро-Венгерского Банка в свое время прямо указывалось, что, ведя девизную политику, и он разменивает свои билеты на золото, только не на то золото, которое находится в его руках (если оставим в стороне факультативный размен его билетов на такое золото), а на золото, находящееся за границей.¹

Именно это обстоятельство дает одно из оснований для критики всей системы денежного обращения, построенной на широком применении девизной политики. В германской печати указывалось, что если Германский Рейхсбанк или Австро-Венгерский Банк постоянно держали большие запасы девиз, чтобы выступать на девизном рынке в качестве регуляторов курса и быть в состоянии поддерживать паритет туземных средств платежа, состоявших большею частью из бумажек или серебряных и разменных монет, с золотом, то это сводилось к тому, что средне-европейская публика ссужала некоторую часть своего металлического обращения англичанам под низкие проценты. Понятно поэтому (говорили критики этой системы), что Англия испытывает от этого удовольствие—тем большее, чем в большем размере другие страны переходят к тому, чтобы их внутреннее обращение совершалось при помощи одних кредитных средств платежа, лишь бы только в международных расчетах со странами, требующими золота, т.-е. в первую очередь именно с Англией, употреблялся этот металл; при этих условиях

¹ Mises, The foreign exchange policy of A.-H. Bank («The Econ. Journal», 1909, June, стр. 207, 208). Мизес находит, что все отличие австро-венгерской системы от других состоит лишь в монополизации вывоза золота Австро-Венгерским Банком (так как девизы он раньше купил за золото). Machlup (цит. соч., стр. 7 и 146) совершенно правильно считает «валюту с золотым ядром» только видом золотой валюты.

Англия укрепляет свое монопольное положение в качестве мирового рынка капиталов и денег и расширяет выгодные для нее кредитные связи. Таким образом оказывается, что столь излюбленное в последнее время «изгнание золота» из обращения приводит к увеличенной зависимости ряда стран от богатых держав, которые в соответственно большей мере получают в свое распоряжение наличные средства и мудро остерегаются обосновать и у себя денежное обращение на одних кредитных знаках.¹

В самом деле, если мы оставим в стороне все слишком далеко идущие проекты интернациональных соглашений о регулировании курсов валют, которые в сколько-нибудь значительном масштабе и на сколько-нибудь продолжительный срок нигде не удалось осуществить, поддержание какой-либо страной валюты с золотым ядром (или с золотым курсом) предполагает существование в другой стране действительной золотой валюты; девизы этой последней страны дадут подходящий материал для ведения первую страной успешной «экзотропической» политики. Несомненно, эта система представляет собою некоторые выгоды для страны, имеющей полную золотую валюту:² мировая роль ее векселя получает еще более прочный базис, и к ее денежному рынку привлекаются средства, употребляемые другими странами на девизную политику. Но действительно ли девизная политика лишена выгоды и для стран, которые ведут ее в интересах своей валюты?

Обычно указываемые недостатки девизной политики сводятся к следующему: во-первых, она имеет невыгодные стороны для самого эмиссионного банка, который несет в этом случае риск на курсе, и, кроме того, не может ориентироваться в платежеспособности иностранных вексельных должников; во-вторых, девизная политика отвлекает часть средств от внутреннего денежного рынка; в-третьих, ведение этой политики не исключает значительных колебаний курсов валюты. Совершенно ясно, что среди этих недостатков только один последний имеет существенное значение. Вряд ли можно придавать особенно большое значение трудности для крупных эмиссионных кредитных учреждений выбирать векселя тех перво-классных иностранных должников, которые при девизной политике обычно только и имеются в виду; с другой стороны, значительные прибыли, получаемые эмиссионными банками на операциях с девизами, ясно свидетельствуют о преувеличенности всех утверждений, относящихся к невыгодным сторонам девизной политики для банков; недаром операции этого рода ведутся и коммерческими банками.³ Если в отдельных случаях ведение этой политики и требует от эмиссионного банка некоторых пожертвований,

¹ См. рецензию Schwarzwald'a на книгу Кейнса об индийской валюте (Kongrad's Jahrbücher, 1914, I, стр. 835).

² Впрочем, в запасе девиз, принадлежавших Австро-Венгерскому Банку, собственно английские девизы не играли преобладающей роли: в среднем за 1908—1913 г.г. 64,85% этого запаса состояло из девиз в марках и только 35,7% — из девиз в фунтах стерл.

³ Об Австро-Венгерском Банке говорят, что в целях монополизации девизной операции он должен был оказывать давление на постоянно конкурировавшие с ним в этой области коммерческие банки угрозой недопущения их к переучету. Вышеупомянутая (относительная) монополизация, конечно, не должна смешиваться с принудительной монополизацией девизных операций, как она проводилась, напр., во время мировой войны.

то это с одной стороны более чем уравновешивается общою прибыльностью этих операций, а с другой—является неизбежным в виду того, что каждый центральный эмиссионный банк получает свои привилегии в обмен на обязательство выполнять известные функции в общественных интересах. Мы видели выше, что мнение Кнаппа, будто Австро-Венгерский Банк вел свою валютную политику с прямым ущербом для себя, является ошибкою, но нами доказывалось также и то, что вступление Банка на путь этой политики не было простым расширением круга его коммерческих операций, но вытекало из обязанностей его общественного служения, получивших для него в значительной степени принудительный характер. Что касается до отвлечения девизиною политикой средств от внутреннего денежного рынка (такое возражение против помещения центрального банком средств в девизы выдвигалось и в Австрии), то вопрос этот не может обсуждаться, конечно, без принятия во внимание всего народно-хозяйственного значения девизной политики, доставляющей между прочим тому же внутреннему рынку устойчивость валюты без необходимости часто прибегать к взвинчиванию учетного процента. С этой точки зрения решение о значении девизной политики для внутреннего рынка требует сопоставления всех приносимых ею выгод с размерами тех средств, которые она требует. Между тем размеры этих вовлекаемых в девизную политику средств банка не так велики. Нельзя представлять себе, что в том случае, когда перед ведущим девизную политику эмиссионным банком стоит задача борьбы с отклонением курса валюты от паритета, разрешение всей этой задачи полностью ложится только на его плечи. За исключением некоторых особенно неблагоприятных случаев, эмиссионному банку достаточно дать толчок движению курса девиз в обратном направлении, а в дальнейшем он уже встречает известную поддержку со стороны внутреннего рынка; так, если эмиссионному банку путем закупки девиз на бирже удалось сообщить опускавшемуся иностранному вексельному курсу обратное движение, у него появляются «попутчики» (Mitläufer), так как перспектива подъема курса девиз привлекает к их покупке посторонних, прежде всего коммерческие банки; точно так же и в противоположном случае,—когда путем реализации некоторого количества девиз эмиссионный банк добился смены повышательного движения вексельных курсов движением понижательным, у него обычно (при отсутствии особо неблагоприятных обстоятельств) появляются такие же «попутчики», побуждаемые к реализации их девизных запасов опасением потерпеть значительные потери при дальнейшем понижении курса девиз. Это несколько ограничивает потребность ведущего девизную политику эмиссионного банка в большом запасе иностранной валюты. К сожалению, отчеты Австро-Венгерского Банка не позволяют нам дать точные сведения о размерах его девизного запаса. Уже с последних годов XIX столетия в металлическое покрытие его билетов зачислялись девизы на 60 млн. крон (до 1903 г. немного меньше); остальной запас девиз Банка входил в балансах в статью «другие активы», которая в среднем за 1902—1913 г.г. составляла (на конец года) 116 млн. крон, при чем, конечно, устав Банка (ст. 84, абз. 3) разрешал зачисление этих девиз, наравне с внутренними краткосрочными векселями, в банковое покрытие его билетов; в виду выгоды, доставлявшихся девизиною политикою Банка народному хозяйству,

помещение 100—150 млн. крон в деvisaх не представляет собою большого лишения для внутреннего рынка.

Вопрос сводится, следовательно, к обсуждению того, в какой степени успешна девизная политика, и в какой степени предотвращает она колебания курса валюты. В довоенной практике Австро-Венгерского Банка вопрос этот был резко поставлен событиями 1910—1913 г.г. Как мы знаем, уже в 1910 г. международный денежный рынок и международный рынок золота находились в напряженном состоянии. В течение этого года Австро-Венгерский Банк должен был не только вести широкие операции с деvisaми (обороты девизной операции достигли в 1910 г. 2,607 млн. крон), но и отдавать крупные суммы золота за границу, особенно в Германию (золотой запас его в течение этого года уменьшился на 33,4 млн. кр.). Несомненно только благодаря этому Банк удержал колебание курса валюты в известных пределах: в начале 1910 г. средний курс трех важнейших иностранных векселей превышал паритет на 0,2%; этот пункт был достигнут вексельными курсами еще раз во второй трети марта, а в остальное время курс этот держался уже ближе к паритету; даже осенью, когда иностранные рынки были в очень напряженном состоянии, иностранные векселя поднялись только на 0,15% (несколько более) выше паритета, а затем снова стали падать. Воздействие регулирующей руки Банка с достаточной ясностью показывается тем, что средний курс после повторных подъемов и падений несколько раз в течение года возвращался именно к паритету (в апреле, июле, два раза в августе и в декабре). Гораздо острее оказался валютный кризис осени 1911 г. Когда, под влиянием столкновения из-за Марокко, Франция востребовала из других стран свои помещенные за границей капиталы и дала этим толчок подобным же требованиям со стороны других стран-кредиторов (напр., Германии), Австро-Венгрия пострадала от этого в первую очередь. Курс парижского векселя в Вене с самого начала сентября стал быстро подниматься и к концу месяца превысил паритет уже на 0,95%; лондонский вексель в то же время поднялся более, чем на 0,7% выше пари, германский—на 0,4%, а в среднем обесценение австро-венгерской валюты достигло в конце сентября 0,7%, достигнув пункта, еще не достигавшегося этой валютой с 1900 года. Австро-Венгерский Банк вступил в решительную борьбу с обесценением кроны и отдал крупные суммы в иностранных деvisaх (всего около 100 млн. крон), но почти совершенно безрезультатно: обесценение продолжалось, несмотря на отчуждение деvиз (обороты Банка с деvisaми достигли 2,983 млн. крон). Подъем курса иностранных векселей повел в конце концов к сильному отливу золота из Банка (его золотой запас за год уменьшился на 28,6 млн. крон). В 1912 году валютное положение Австро-Венгрии было немногим лучше, чем в предшествовавшем году: вздорожание денег на международном рынке началось уже в феврале, и тогда же последовал отлив золота в Германию (к 31 марта его запас уменьшился еще на 27 млн.). В последней трети марта обесценение валюты достигло 0,45%; вообще в течение всего 1912 г. средний курс иностранных векселей ни разу не опускался до паритета. Положение на международном рынке стало несколько более близким к нормальному только в сентябре; соответственно этому и обесценение австро-венгерской валюты, выросшее в июне до 0,5, к сентябрю уменьшилось до 0,2%.

Но балканская война положила конец этому улучшению: к концу сентября иностранные векселя в Вене стояли лишь на 0,3% выше паритета, но в октябре повышение их курса пошло так стремительно, что в первую треть декабря австро-венгерская валюта вновь обесценилась на 0,7%; это было вполне понятно, так как под влиянием войны иностранцы извлекали деньги из монархии, а требования самой Австро-Венгрии к балканским государствам оставались непокрытыми. В виду недостатка девиз, Банку вновь пришлось отдавать крупные суммы золота (к концу 1912 года золотой запас Банка уменьшился до 1,209 млн. крон, т.-е. за год на 85 млн. крон); при этом, как нам известно, пришлось значительно повысить и учетный процент (15 ноября—до 6%). В 1913 году колебания были уже не так значительны и только временно и на короткий срок превосходили 0,5%; золотой запас увеличился за год на 31 млн. крон; учетный процент был понижен; обороты с девизами достигали в 1912 г. 2,602 млн., в 1913 г.—2,983 млн. крон; запас девиз в Банке значительно сократился (к концу 1908 г. «иные активы» достигали суммы в 159 млн. крон, в последующие годы эта статья сокращалась и к концу 1913 г. достигла 86 млн.). Но с апреля 1914 г. повышение движения иностранных вексельных курсов вновь возобновилось; австро-венгерские бумаги непрерывно приливали из-за границы; стало чувствоваться приближение мировой войны.¹

Обесценение австро-венгерской валюты в 1911 г. произвело как в монархии, так и за границей сильное впечатление. Можно даже говорить о наступлении некоторого разочарования в успешности девизной политики. Сторонники размена открыто заговорили о «фиаско, которое потерпела девизная политика»,² и увидели в событиях 1911 года осуществление своих предсказаний. Тогда же вышла книга Фельнера, который указывал, что, при неблагоприятном расчетном балансе монархии, в ней всегда будет меньше векселей на чужие страны, чем в последних—векселей на Австро-Венгрию; поэтому при обострении положения с валютой запас девиз в Австро-Венгерском Банке скоро истощится, и ему придется отдавать золото, а для защиты последнего прибегнуть к повышению процента.³ Предсказания Фельнера получили подтверждение в самый год выхода его книги, и за границей, где еще недавно успех девизной политики Австро-Венгерского Банка наделал такой большой шум, теперь стали относиться к вопросу об этой политике более осторожно. Появились указания на то, что результативность девизной политики находится в тесной зависимости от экономического положения страны: эта политика сопровождается большим успехом в тех странах, торговые отношения которых еще слабо развиты, соприкосновение с иностранными денежными рынками не особенно тесно, и потому рынок иностранных векселей невелик (а, следовательно, легко поддается регулированию), и в которых центральный банк, не вынужденный считаться

¹ См. отчеты Банка за соответствующие годы (и приложения к ним, показывающие колебания курса девиз), а также цит. статью Dub'a и цит. книгу Popovics'a.

² Mises, Das vierte Privilegium («Ztschr. für Volksw. usw.», 1912, V, стр. 616).

³ Fellner, Die Währungsreform in Ungarn, Wien, 1911, стр. 238 и 244—246.

с большою внутренней потребностью в кредите, может обращать значительную часть своих средств на девизные операции; в таком положении находятся Австро-Венгрия и Россия, но ни в каком случае, напр., не Германия.¹ Настоятельно заговорили о необходимости для Австро-Венгрии ввести обязательный для Банка размен его билетов: эту идею защищал в 1911 г. Фельнер, в 1912 г.—Мизес и даже заместитель управляющего Австро-Венгерским Банком Грубер («Neue Freie Presse»). Член дирекции Германского Рейхсбанка Лумм, прежде, под влиянием примера Австро-Венгрии, особенно рекомендовавший Рейхсбанку ведение девизной политики, теперь, ссылаясь именно на события 1911 года, высказывал сомнение в том, чтобы девизная политика могла дать валюте ту устойчивость, которая дается ей разменом билетов.²

В настоящее время, при свете последующей истории, совершенно ясна вся преувеличенность выдвигавшейся этими наблюдателями после событий 1911—1912 годов односторонне-пессимистической оценки результатов девизной политики и ее значения. Обусловленное экономическими причинами напряжение международного рынка в 1910—1913 г.г. само по себе могло потребовать от эмиссионных банков лишь несколько большей активности в их валютно-политических мерах, в том числе и в области операций с девизами, но, конечно, не оно вызвало в эти годы острые затруднения в поддержании устойчивого курса некоторых валют, в том числе и валюты австро-венгерской. Фактором, обострившим положение, явились тогда не чисто-экономические, но политические события, весь тот ряд международных столкновений,—итало-турецкая война, конфликт из-за Марокко, две следовавших друг за другом войны на Балканах,—который ведь в сущности являлся не чем иным, как отдаленными раскатами надвигавшейся мировой грозы. Международные хозяйственные отношения начинали терять свое равновесие и приходили в состояние нервных колебаний в этой насыщенной электричеством атмосфере, а в таких условиях тонкое орудие девизной политики не могло действовать с прежним успехом. Дело было вовсе не в том, что в существе девизной политики лежит допущение некоторых колебаний курса валюты в отличие от системы «прибивания гвоздем» валюты к определенному фиксированному курсу, так как и эта последняя система, как указано выше, оказывается действительной лишь при условии известных благоприятных предпосылок, а в обстановке политических потрясений, и эта система, как показал пример Мексики в 1914 г., терпит крушение. Дело было даже и не в том, что в Австро-Венгрии не было налицо обязательного размена банковых билетов на золото: Россия, в которой такой обязательный размен в эти годы существовал, поддерживала в 1912 и 1913 г.г. устойчивость своей валюты лишь при посредстве систематического превышения продаж девиз над их покупками, а с весны 1914 года и она, несмотря на существование размена, вынуждена была допустить постоянное понижение своего внешне-валютного курса, которое с началом войны обратилось затем в резкое падение. Не валютно-технические условия,

¹ L u m m, Mesures complémentaires de la politique d'escompte (Revue écon. internationale, 1912, 15—20 Juillet, стр. 95—96).

² Там же, стр. 97.

а международная обстановка вызвала меньшую успешность девизной политики Австро-Венгерского Банка в 1911 и 1912 годах по сравнению с предшествовавшими годами.¹

С этой стороны, не следует и преувеличивать эту неуспешность девизной политики, это «фиаско» ее в указанные годы: если мы возьмем средние за год отклонения курса иностранных векселей в Вене от паритета, то убедимся, что даже в особенно тяжелом 1911 году эти отклонения были не больше, чем обычные отклонения предшествовавших лет, и даже ниже, чем в 1907 г.: в самом деле, в среднем за год средний курс трех важнейших девиз в 1907 г. стоял на 0,255% выше паритета, в 1908 г.—на 0,015 выше его, в 1909 г.—на 0,060 ниже паритета, в 1910 г.—на 0,056 выше и в 1911 г.—на 0,017 ниже паритета. Даже в особенно неблагоприятные месяцы 1911 г. (сентябрь и октябрь) средние месячные отклонения составляли 0,371 и 0,460 выше паритета, т.-е. были вполне допустимыми и для разменивающих стран; только отклонение в конце сентября (0,7%) явилось несколько ненормальным. К 1913 году с ненормальным положением валюты удалось справиться, и в этом не без основания видели результат,—как выражается Мориц Дуб,—«необыкновенно ловкой» политики Австро-Венгерского Банка.

Некоторая резкость в суждениях о результатах австро-венгерской девизной политики в 1911 и 1912 г.г. представляла собою, несомненно, известную реакцию против преувеличенного шума, созданного вокруг этой политики Кнаппом и его сторонниками. Несомненно, в учениях школы Кнаппа игнорируются вышеуказанные пределы успешности девизной политики и те условия, которые сделали эффективной специально деятельность Австро-Венгерского Банка в этой области; с этим были в известной степени связаны парадоксальные, опиравшиеся на австро-венгерский опыт теоретические взгляды и чрезмерная широта связанных с ними практических программ. Но если оставить в стороне односторонние теории и слишком далеко идущие проекты, все же приходится констатировать, на основании опыта не одной Австро-Венгрии, но и ряда других стран, что девизная политика, при наличии некоторых благоприятных, но вовсе не исключительно благоприятных условий, служит лучшим средством охраны устойчивости валюты без отягощения условий кредитования народного хозяйства внутри страны; если нельзя сказать, что это средство является постоянно действительным и могущим выдержать все испытания, то ведь это же можно сказать, в несколько большей или несколько меньшей степени, и обо всех других средствах, служащих той же цели. Наибольшую эффективностью обладает девизная политика тогда, когда она сочетается с разменом бумажных средств обращения на золото, хотя бы факультативным; тогда она служит для ограничения колебаний курса валюты пределами более близкими друг к другу, чем золотые точки, и позволяет при этом

¹ Совершенно ясна неубедительность ссылки на опасность войны, как возражения против девизной политики: эта опасность велика только в случае мировой войны, когда вообще никакие валютно-политические меры не являются гарантией устойчивости валюты. Следует заметить, что нежелание ставить валютную организацию в полную зависимость от хозяйственного положения чужих стран заставляет некоторых рекомендовать поддержание банками, ведущими девизную политику без размена билетов на золото, значительного запаса наличного металла.

сохранять известную устойчивость официального учетного процента. Но существование размена на золото, хотя бы и факультативного, не представляет собою необходимого условия успешности операций с девидами в деле охраны устойчивости валюты: и в самой Австро-Венгрии факультативный размен банковских билетов на золото производился с августа 1901 года, между тем как девизная политика велась Банком этой страны уже с 1896 г. и в промежуток времени между 1896 и 1901 годом имела свои триумфы. Можно сказать лишь то, что при отсутствии размена на золото, вернее — при полной замене размена на внутренние золотые монеты разменом на иностранную валюту, — валютная политика эмиссионного банка окажется в несколько менее благоприятном положении, чем то, в котором находилась валютная политика Австро-Венгерского Банка в 1901—1913 г.¹

¹ Проф. А. А. Соколов в своей книге «Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России» (1920 г., стр. 39, прим.) сопоставляет между собою два места из первого издания моей книги, которые могут быть поняты как две различные оценки результатов девизной политики Австро-Венгерского Банка. В действительности, первая из этих оценок — констатирование полной успешности этой политики — относится к периоду 1896—1909 г.г. и к произведенному тогда этою политикой впечатлению, вторая же (в конце книги) характеризует общее значение девизной политики в сфере денежной теории и денежной политики и, стало быть, принимает во внимание пределы ее успешности. Моя вина состоит в том, что в первом издании я недостаточно выпукло разграничил обе эти точки зрения.

ГЛАВА VI

Последние годы Австро-Венгерского Банка

Кто-то сравнивал центральный эмиссионный банк крупной страны с Атлантом, держащим на своих плечах целый мир сложных финансово-экономических отношений. Именно таким мощным учреждением является Австро-Венгерский Банк непосредственно перед началом мировой войны. При акционерном капитале в 210 млн. и резервном фонде в 32 млн. баланс его превышал 3 млрд. крон. Балансовые остатки учетной операции (учет векселей, варрантов и иных ценных бумаг) начинали доходить до миллиарда, по ссудной под залог ценных бумаг превышали 300 млн., по вкладам на текущий счет составляли 188 млн., ипотечная операция достигала 300 млн. крон¹. Обороты по учетной операции за 12 лет—с 1900 по 1912 год—поднялись с 2,8 млрд. до 8,4 млрд. крон, по ссудной—с 0,3 млрд. до 1 млрд. крон; обороты по текущим счетам за 5 лет—с 1908 по 1912 год—выросли с 67 млрд. до 98 млрд. крон. Чтобы оценить роль и значение кредитной деятельности Австро-Венгерского Банка, необходимо вспомнить, что он являлся опорой и позвоночным столбом сильно развитой системы кредитных учреждений, имевшей влияние далеко за пределами дуэдинной монархии. Вена была финансовым центром Австро-Венгрии, а отчасти даже и всей юго-восточной Европы (Балканский полуостров); в ней сосредоточивалось руководство крупными денежными операциями, имевшими целью удовлетворение хозяйственных потребностей страны; через нее шли сношения с международным финансовым миром; в ней, наконец, концентрировались взаимные безденежные расчеты всей страны, находившие в значительной степени свою последнюю опору в Австро-Венгерском Банке. Девять крупнейших венских коммерческих банков, имевших сеть филиалов по всей монархии, играли очень важную роль в производительной деятельности последней; недостаток внутренних капиталов повел к тому, что эти опиравшиеся частью и на иностранный капитал банки приобрели большое значение в деле питания средствами австрийской промышленности; степень развития их иррегулярных операций, связь этих банков с промышленностью и контроль их над нею были еще более значительными, чем даже в Германии; ликвидность банков была меньше обычной, и вследствие этого потребность опереться в нужном случае на центральный банк была достаточно велика. Между тем баланс этих девяти банков вырос с 2,1 млрд. крон в 1900 г. до

¹ На 31 декабря 1913 г. баланс Банка равнялся 3.313,5 млн. руб.

5,9 млрд. в 1913 г., их текущие счета, вклады и займы—с 0,9 до 3,6 млрд., а их учетно-судные операции—с 1,1 до 3,4 млрд. крон. Помимо этого в дунайской монархии имелось еще большое количество более мелких акционерных банков, особенно в Венгрии, где мелкие акционерные банки заменяли отсутствовавшие в этой стране сберегательные кассы (в конце 1911 года в Венгрии было 1.809 акционерных банков). В области земельного кредита ипотечное отделение Австро-Венгерского Банка являлось главным кредитным учреждением страны. При всем этом коммерческое положение Банка можно было считать блестящим: чистая прибыль его поднялась с 16,5 млн. в 1900 г. до 40 млн. в 1912 г.; дивиденд акционеров в 1900 г. составлял 5,69% на акционерный капитал, в 1912 г.—8,57%, в 1913 г.—9,22%. Увеличивался и доход, дававшийся им государству: доля прибыли Банка, поступавшая государству, составила в 1900 г. 3,5 млн., в 1912 г.—18,2 млн. крон.

Как опора валюты и регулятор денежного обращения, Австро-Венгерский Банк играл определяющую роль, опираясь на довольно крупный золотой запас. Этот запас, правда, уступал запасам некоторых других европейских стран, а запасам Русского и Французского Банков уступал даже значительно: по данным Лиги Наций, собственно золотой запас Русского Государственного Банка в конце 1913 г. составлял 786,1 млн. долларов, Французского—678,7 млн. долл., Германского—277,7 млн. долл. и Австро-Венгерского—257,5 млн. долларов. Кроме того, в последние годы перед войною, под влиянием указанных нами в предшествовавшей главе неблагоприятных обстоятельств, в развитии золотого запаса Банка проявились нежелательные тенденции, особенно при сопоставлении его с возрастающей суммой билетов в обращении: золотое покрытие банковых билетов достигло своего наивысшего пункта в сентябре 1909 г. (71,6%), а затем оно сильно упало, спустившись к концу 1912 г. до 45,1%; в течение следующего года оно, впрочем, несколько повысилось и перед самой войной, если оставить в стороне сезонные колебания суммы билетов в обращении, составляло около 50%. Официально, в уставе говорилось, впрочем, не о золоте, а о металлическом покрытии;¹ металлический запас Банка составлял 31 декабря 1913 года—1.562 млн. крон (а перед самой войной, по последнему опубликованному тогда балансу Банка от 23 июля 1914 г.,—1.589 млн. крон), и, таким образом, при обращавшихся на то же число 1913 г.—2.493,6 млн. крон банкнот, металлическое покрытие достигало 62%. Этот металлический запас (1.562,5 млн.) состоял из трех частей: собственно золото (золотые монеты валюты крон, а также оцененные по 3278 крон за килограмм чистого золота золотые слитки и золотые

¹ Избыток находившихся в обращении банковых билетов над суммой этого металлического покрытия (а также все обязательства Банка, подлежащие оплате по требованию) должен был иметь банковое покрытие, которое, по уставу, должно было состоять из учтенных векселей и ценных бумаг, заложенных в Банке драгоценных металлов, ценных бумаг и векселей, принадлежавших Банку ценных бумаг и купонов и, наконец, иностранной валюты.

иностранные и торговые монеты) составляло 1.241.0 млн. крон, образуя, таким образом, подавляющую часть металлического запаса; вторую часть последнего составляли золотые девизы (сюда входили не только золотые иностранные векселя, но в некоторой доле и иностранные банкноты) на 60 млн., а третью—серебряная и разменная монета на 261,5 млн. крон. Запас иностранной валюты, находившейся в распоряжении Банка, конечно, значительно превосходил только что упомянутые 60 млн. крон; в балансе на 31 декабря 1913 г. сумма заграничных коммерческих векселей (включаящая и неизвестную долю иностранных банкнот) показана не в 60, а в 84 млн. крон; но счета Банка в заграничных банках не показывались в балансах его отдельной статьей, и поэтому, как нам известно, нужно считать, что в статью «другие активы» входит значительная сумма иностранной валюты (в виде ли векселей, банкнот, или счетов в заграничных банках). В самом начале войны (31 июля 1914 г.) общий запас золота и иностранной валюты в Банке составлял 1.269,9 млн. крон, при чем из этой суммы 1.094,9 млн. выпадало на золото металлического запаса, 54,8 млн. крон—на зачисленные в этот запас девизы (и банкноты), 119,2 млн. крон—на счета Банка у заграничных фирм и 0,8 млн. крон—на девизы (и иностранные банкноты), не зачисленные в металлический запас; но на этих суммах уже несколько отразилось влияние первых дней войны. Таков был металлический и валютный фонд банка; на него опиралась не только устойчивость валюты, но и громадная часть денежного обращения: в последнее пятилетие перед войною денежное обращение Австро-Венгрии составляло в среднем за год 2.500—2.600 млн. крон, при чем из этой суммы на долю банковых билетов приходилось 2.300 млн., между тем как находившаяся в обращении сумма золотых, серебряных и иных металлических монет вместе исчисляется только в 200—300 млн. крон.¹

Уже за несколько лет до войны было совершенно ясно, что, несмотря на гораздо большую упорядоченность австро-венгерского государственного хозяйства по сравнению с прошлым, привлечение этого мощного кредитного учреждения к обслуживанию нужд военного хозяйства в случае крупного европейского столкновения является неизбежным. Печальные опыты прошлого заставляли, однако, заботиться при этом о возможно более осторожном образе действий, избегающем ненужного расстройтва как самого Банка, так и всей денежной организации страны; существование надежды на возможность сохранить таким образом приобретения последних десятилетий легко объясняется тем, что никто не предвидел длительности наступившей вслед за тем мировой войны. После аннексии Боснии и Герцеговины (1908 г.) в Австро-Венгрии был выработан план финансовой мобилизации, при чем в основу

¹ Последняя цифра, исключая тесзаурированные и обращенные на промышленное употребление монеты, приблизительно; ее дает J. van Walré de Bordes (The Austrian Crown, London, 1924, стр. 37—38). А. Ророvics (цит. соч., стр. 39) не приводит данных о фактическом обращении металлических монет перед войной. К вышеизложенному, кроме двух только что названных книг и балансов Банка, см. League of Nations, Memorandum on Central Banks, 1924 г., стр. 75—81.

этого плана было положено соображение о необходимости по возможности падить существующую организацию валюты и эмиссионного банка, что прежде всего означало отказ от выпуска государственных бумажных денег. При частичной мобилизации решено было обратиться на военные нужды наличность государственных касс, податные источники и выручку от займов, но при общей мобилизации, поскольку окажется невозможным использовать нормальным образом государственный кредит, признано неизбежным обращение к Австро-Венгерскому Банку. Балканская война 1912 года заставила конкретизировать план финансовой мобилизации еще далее. Так как было выяснено, что ни на иностранный, ни на внутренний денежные рынки рассчитывать особенно не приходилось, центр тяжести предполагаемых мероприятий положен был в обращении к эмиссионному банку, при чем было установлено, что это обращение должно последовать только после исчерпания всех других доступных источников, лишь в случае крайней необходимости и по возможности без изменения организации Банка, при чем по наступлении нормальных условий должно возможно скорее возвратиться к статус-кво. Потребность в средствах для военных расходов на 3 месяца была определена в 21½ млрд. крон, из которых 800 млн. крон,—сумма, необходимая для расходов в течение 8 дней,—должны были быть почерпнуты из наличности государственных касс и путем выпуска текущего долга, а остальные 1.700 млн. могли быть получены лишь из Австро-Венгерского Банка. Банк поставил вопрос о том, как же предполагается действовать по истечении трех месяцев, но тогда думали, что к этому времени война уже будет закончена. На этом и было решено остановиться.

Но 9 апреля 1913 года управляющий Банком обратился к обоим министрам финансов с письмом, в котором обращал их внимание на недостаточную подготовленность Банка к обслуживанию военных потребностей, если последние примут большой масштаб. В этом письме управляющий указывал на понижение золотого запаса за предшествовавшие 3½ года с 1442 до 1264 млн. крон и на повышение банкнотного обращения к концу 1912 г. до небывалой раньше цифры в 2.815 млн. крон, в результате чего наступило сильное понижение золотого покрытия билетов (с 71,9 до 45,1%). Так как эмиссионные возможности в рамках устава составляли в 1911 году 1,5 млрд. крон, а в 1912 году—уже только 912 млн., то, по мнению управляющего, еще до мобилизации придется приостановить действие банкового акта, что сразу нанесет сильный удар всей организации денежного обращения в дунайской монархии. В заключение управляющий, ссылаясь на мероприятия России по накоплению наличности государственного казначейства и увеличению золотого запаса Государственного Банка, предлагал использовать время мира для принятия некоторых подготовительных к войне финансовых мер, в особенности по усилению наличности государственных касс, в то же время всячески избегая ухудшать положение Банка.¹

Меры исправления существовавшего тогда положения, действительно, были приняты; в частности золотой запас Банка с 1.209 млн. в конце

¹ См. Porovics, цит. соч., стр. 32—41.

1912 года поднялся к 23 июля 1914 года до 1.238 млн. крон. Но серьезных улучшений в положении достигнуть было нельзя, так как срок для подготовки оказался слишком коротким. Когда, в ночь с 25 на 26 июля 1914 г., был издан приказ о мобилизации восьми корпусов, на покрытие расходов этой частичной мобилизации, а затем и первых военных действий, было употреблено, во-первых, снятие счетов правительств в эмиссионном банке и реализация векселей государственных должников,—вместе 165,7 млн. крон,—и затем получение ссуды у кредитных учреждений: именно, оба министерства финансов обратились к консорциумам банков в Австрии и Венгрии за ссудой под обеспечение обязательств казначейства; номинальные суммы заложённых обязательств составляли в Австрии 600 и в Венгрии 340 млн., а полученные ссуды (в размере 75%)—510 и 271,5 млн. крон; обязательства были перезаложены обоими консорциумами в Австро-Венгерском Банке, который также выдал под них ссуду в размере 75% номинала; так создалась первая военная ссуда Банка правительствам, так наз. «консорциальная» ссуда. По указанию самого Банка, его управляющие органы с самого начала войны признали свою первую обязанностью всеми находящимися во власти Банка средствами помогать общим государствам монархии, самое существование которых было поставлено войною под угрозу. Между тем на положении Банка уже первое известие о разрыве мирных сношений отозвалось очень тяжело. Согласно вышесказанному, при обсуждении плана финансовой мобилизации имелось в виду по возможности сохранить существовавшую организацию валюты; поэтому и после объявления частичной мобилизации армии хотели продолжать политику Банка по поддержанию паритета валюты. Но сообщение о мобилизации вызвало сразу крайнее напряжение и беспокойство на рынке и повышение иностранных вексельных курсов; Банку пришлось одновременно отправлять за границу золото для приобретения иностранной валюты и реализовать на внутреннем рынке дивизы из своего запаса. Учетный процент был немедленно поднят с 4 до 5%. Между тем на рынке начиналась паника: банкам пришлось считаться с востребованиями вкладов (суммы с текущих счетов стали сниматься и в Австро-Венгерском Банке); мобилизованные, нуждаясь в наличных средствах, обращались к сберегательным кассам и банкам; наконец, в средствах нуждались и те, кто закупал дивизы и валюту; отсюда—сразу наступивший чрезвычайный подъем активных операций Банка и суммы его билетов в обращении. В первую неделю июля запас золота и зачисленных в металлический запас дивиз сократился на 148 млн. крон, обращение банкнот поднялось на 932,6 млн., вексельный портфель Банка поднялся на 868,2 млн. крон, ломбард—на 223,6 млн. 30 июля была объявлена общая мобилизация армии. К этому времени острая потребность народного хозяйства в наличных средствах начала насыщаться благодаря широкому кредитованию, открытому Банком; объявление моратория содействовало успокоению паники; учетный процент Банка был поднят с 5 до 6%. Самым важным был вопрос о получении денежных средств для мобилизации и ведения войны; естественно, что в эти первые недели, при

расстроеном и напряженном состоянии рынка, таких средств можно было искать лишь в эмиссионном банке. К этому времени из других источников (наличность касс, реализация требований к должникам и ссуда консорциумов) государство имело в руках 807,5 млн.; между тем потребность в средствах на первые 3 месяца войны определялась, как мы знаем, в 2½ миллиарда; необходимо было обратиться к Австро-Венгерскому Банку.

Но прежде всего пришлось, в отступление от предположенного в 1908—1912 года образа действий, внести решительные изменения в положение Банка и организацию валюты и денежного обращения: масштаб, принятый войною, и проведение общей мобилизации заставили отказаться от всех оптимистических надежд и предположений. 14 августа правительства, путем неопубликованного распоряжения, приостановили действие ряда постановлений устава: прежде всего статьи 55, по которой Банк мог вступать в операции с правительствами лишь постольку, поскольку с этим не было связано предоставление кредита; затем были сняты с Банка обязанность поддерживать паритет валюты, обязанность покрывать билеты на две пятых металлом, обязанность уплачивать налог на эмиссию и, наконец, в отличие от других воевавших стран, даже обязанность публиковать четыре раза в месяц свои балансы (а в конце 1914 года Банк был освобожден и от обязанности публиковать годовой отчет, годовой баланс и счет прибылей и убытков); вместе с тем было отменено контингентирование выпуска билетов в 20 и 10 крон и дано Банку право выпуска еще более мелких купюр—в 2 и 1 крону. Смысл большинства этих постановлений, устранявших препятствия для обслуживания эмиссией Банка военных потребностей, совершенно ясен; что касается прекращения публикации сведений о состоянии Банка, то эта мера, по указанию бывшего в то время управляющим Банка А. Поповича, была вызвана опасением сделать общеизвестным недостаточную вооруженность Банка запасом валюты, а также и убеждением, что война будет недолгой.

В течение первого года войны (август 1914 г.—июль 1915 г.) средства для ведения войны, поскольку они происходили из кредитных источников, получались Австро-Венгрией в преобладающей части от эмиссионного банка. Для этого были заключены с банком последовательно три соглашения. По первому из них—соглашению 14 августа 1914 года—банк выдал правительствам ломбардную ссуду в два миллиарда крон под залог подлежавших погашению через 5 лет 5%-х обязательств казначейства (ссуда выдана в 75% номинала) с оплатою одним процентом в год; когда выручка от этой ссуды начала истощаться, было заключено новое соглашение—7 октября 1914 года—о новой ссуде в два миллиарда, но уже в форме учета соло-векселей министерства финансов; будучи представляемы в Банк по мере потребности в средствах, векселя эти имели разные сроки, начиная с 1918 по 1927 год; соло-векселя эти учитывались Банком также из одного процента в год; выручки от этой ссуды хватило правительствам на военные расходы до конца апреля 1915 года, и 12 апреля 1915 года было заключено новое соглашение о ссуде в 800 миллионов, носившей тот же характер, как предыдущая.

В течение второго года войны были использованы более разнообразные способы кредитного получения средств на военные расходы; прямые ссуды из Банка стали играть в числе этих средств меньшую роль, но зато кредит в Австро-Венгерском Банке был использован для финансирования войны косвенным путем. С одной стороны, оба правительства перешли к учету обязательств казначейства в коммерческих банках, а последние, в свою очередь, переучитывали их в банке центральном. С другой стороны, еще в течение первого полугодия войны оба правительства приступили к выпуску военных займов, значение которых для покрытия военных расходов во втором году войны значительно увеличилось (по расчетам Федерна, приблизительно 40% военного долга за первый год войны выпало на ссуды из Австро-Венгерского Банка, между тем как во втором году последние дали уже только 10% военного долга). Всего Австрией в течение войны было выпущено 8 займов,—три первых—5%-е со сроками в 1920, 1925 и 1930 г.г., пять последних—5½%-е с сорокалетним сроком,—в общем номинальную ценностью на 35,1 миллиарда крон с выручкой от них в 32,9 миллиарда; Венгрией—целых 17 займов разнообразных видов (из которых четыре не предлагались к общественной подписке, но были размещены в банках), номиналом в 18,9 миллиардов и с действительным поступлением в 17,9 миллиардов крон. Финансирование этих кредитных операций в значительной степени упало также на Австро-Венгерский Банк, выдававший под облигации этих займов ссуды на льготных условиях в размере 75% их номинальной ценности, что он продолжал делать до конца войны, хотя с течением времени курс этих облигаций так упал, что на фондовой бирже они продавались по 60 за 100.

Из этого не следует, что война финансировалась в Австро-Венгрии одним центральным банком; вся кредитная система была привлечена к выполнению этой задачи, что и в дунайской монархии было облегчено характерными для периода мировой войны явлениями—возрастанием вкладов в банках в результате роста эмиссии и накопления военных прибылей, а также сокращением роли коммерческого кредита (торговый вексель исчезал из обращения параллельно с распродажей товарных запасов и распространением платежей наличностью). Коммерческие банки помещали свои средства в военные займы, производили крупные взносы в казну в счет будущих выпусков этих займов и, наконец, давали большие кредиты работавшим на оборону промышленным предприятиям, продукция которых не оплачивалась казною своевременно.

Однако, уже в конце первого года войны правительства приняли меры для того, чтобы обеспечить себе беспрепятственное получение и прямых ссуд в Банке. Они стремились при этом избавиться от того неудобства, которое состояло в необходимости каждый раз вступать в переговоры и в особое соглашение с Банком; с другой стороны, и Банк чувствовал необходимость пойти в этом отношении навстречу желаниям правительств, так как против него постоянно выдвигались две угрозы—выпуск государственных бумажных денег, во-первых, и взятие государством, и даже специально военным ведомством, Банка в свои руки, во-вторых. В результате этого уже в конце первого года войны было

заключено соглашение, открывшее собою ряд прямых ссуд Банка правительствам; это было соглашение 1-го июля 1915 года, в котором правительства, торжественно отказавшись от выпуска государственных бумажных денег, договорились с Банком о дальнейшем предоставлении им ссуд на военные нужды без указания их общей цифровой границы. С этого числа до конца войны Банком была представлена правительствам, под обеспечение государственными долговыми свидетельствами (Schuldscheine), 21 такая ссуда, каждая в 1.500 млн. крон, с оплатою в 1 и в $\frac{1}{2}\%$ в год. Как сказано выше, в течение второго и даже третьего года войны этим источником правительства пользовались еще с умеренностью, но с четвертого года, когда затянувшаяся и обратившаяся в неудачную война вновь затруднила реализацию общих займов, и когда покупательная сила денег значительно понизилась, такие ссуды из Банка стали получаться часто. Именно, в конце первого года войны (15 июля 1915 г.) была получена одна такая ссуда, в течение второго и в течение третьего года—по три ссуды, в четвертом году—девять ссуд и осенью 1918 г. (август—сентябрь)—еще пять ссуд. Но в течение последнего года войны правительства, испуганные растущей инфляцией, стали искать способов использовать услуги Банка для покрытия военных расходов без обращения к эмиссии: в марте 1918 г., по особому соглашению, Банк приступил к выпуску $3\frac{1}{2}$ и $4\frac{1}{2}\%$ кассовых билетов (Kassenscheine) с трехмесячным и шестимесячным сроком, при чем передавал вслед за этим выручку от их реализации в ссуду государству.

Таким образом, к концу войны (26 октября 1918 года) возник следующий долг обоих правительств Австро-Венгерскому Банку (в млн. крон):

	Долг ав- стрийского правитель- ства	Долг венгерского правитель- ства	Вместе
по консорциальной ссуде . . .	510,0	297,5	807,5
по ломбардной ссуде	1.272,0	728,0	2.000,0
по соло-векселям	1.780,8	1.019,2	2.800,0
по долговым свидетельствам .	19.634,0	6.798,0	26.432,0
по кассовым билетам	1.862,9	1.066,2	2.929,1
В С Е Г О	25.059,7	9.908,9	34.968,6

Оказывая таким образом постоянную поддержку правительствам в деле несения военных расходов, Австро-Венгерский Банк, как уже было указано, должен был еще в период частичной мобилизации притти на помощь к народному хозяйству, потрясенному объявлением войны. Успокоению наступившей тогда паники содействовало установление (31 июля) моратория, но, как раз именно потому, что действительность денежных требований была приостановлена, понадобилось обеспечить более широкое удовлетворение центральным банком требований о кредите под залог известных ценностей. 20 августа 1914 г. круг допускаемых к залогу в банке акций промышленных и транспортных предприятий был расширен. Скоро вслед за этим пришлось принять более широкие меры по удовлетворению потребности народного хозяйства в

средствах: неизбежное возрастание издержек производства, а также наступившая вскоре после начала войны остановка сбыта во многих (особенно экспортирующих) отраслях промышленности выдвигали необходимость в поддержании промышленных предприятий кредитом, которое позволило бы им работать без перебоев. Так как не находили возможным возлагать все это кредитование на центральный банк, была создана специальная (20 сентября 1914 г.). Ссудная касса (Darlehnskasse), выдававшая ссуды под залог товаров на складах и ценных бумаг. Однако, деятельность этой кассы должна была вести к расширению эмиссии банкнот, так как операции ее производились следующим образом: утвердив данному клиенту ссуду, касса вносила в Австро-Венгерский Банк на соответствующую сумму выпускавшиеся ею беспроцентные крупно-купюрные кассовые билеты, в обмен на которые Банк выдавал получателю ссуды сумму последней своими банковскими билетами.

Впрочем, и расширение круга принимаемых к залогоу бумаг, и открытие деятельности Ссудной кассы не привели к большому развитию соответствовавших операций Банка: как сказано выше, помимо военных потребностей, народное хозяйство во время войны имело малую нужду в кредите, и коммерческое кредитование сокращалось, эмиссия же привела к обилию средств на рынке (рыночный процент в годы войны колебался между 1,5 и 3,8). Несмотря на то, что Австро-Венгерский Банк, поднявший 2 августа 1914 г. свою учетную ставку до 8%, уже 29 октября опустил ее до 5½%, а 11 апреля 1915 г.—до 5% (уровня, на котором она осталась до конца войны), расширения его чисто коммерческих операций не последовало. Наоборот: уже в октябре 1914 г. крупные венские банки начали выкупать у Банка переучтенные в нем векселя и заложенные ценные бумаги, а скоро последовали за ними также австрийские провинциальные и венгерские банки. С чисто-коммерческим кредитованием дело обстояло тихо до конца войны; расширение ссудной операции Банка объяснялось главным образом упомянутым выше залогом облигаций военных займов.

Среди активов Банка, как увидим далее, на первое место стали ссуды правительствам; с 1916 г. требования Банка к последним уже с избытком покрывают сумму банкнот в обращении. Так как золото и серебро скоро исчезли из обращения (и даже мелкие разменные монеты из никкеля пришлось с 1916 г. восполнять выпуском железных монет), билеты Австро-Венгерского Банка составляли во время войны уже почти единственное средство обращения в монархии; рост количества их, находившегося в обращении в среднем за соответствующий месяц, а также индекс этого роста (по отношению к среднему довоенному обращению в 2.500 млн. крон) видны из следующей таблицы:

Г О Д Ы	Билетов в обращении (млн. крон)	Индекс увеличения
июль 1914	2.405,3	0,99
декабрь 1914	4.970,1	1,99
декабрь 1915	7.011,2	2,80
декабрь 1916	10.781,9	4,31
декабрь 1917	18.009,2	7,20
октябрь 1918	30.155,0	12,06

Таким образом, к концу войны денежное обращение в Австро-Венгрии выросло с двух с половиною до тридцати с лишком миллиардов крон, т.е. более, чем в двенадцать раз. В отличие от центральных эмиссионных банков других воевавших стран, Австро-Венгерскому Банку не было надобности в освобождении его государственною властью от обязанности разменивать его билеты на металл, так как билеты его и до войны не подлежали обязательному размену; речь могла идти лишь о фактическом прекращении факультативного размена, которое, разумеется, и совершилось в самом начале войны. Таким образом, рост количества банкнот означал рост бумажно-денежного обращения, которое сопровождалось обесценением денег. Падение покупательной силы денег по отношению к товарам особенно быстро пошло с 1916 года, когда оно стало обгонять рост количества денег в обращении; по индексу стоимости жизни (так наз. индекс паритетной комиссии, без включения в него квартирной платы), приняв цены июля 1914 г. за единицу, получим для января 1915 года цены в 1,34, 1916 г.—2,78, 1917 г.—6,59, 1918 г.—8,31 и для октября 1918 г.—16,40.

Но внешне-валютный курс кроны упал во время войны в гораздо меньшей степени, чем ее покупательная сила внутри страны, что легко объясняется условиями военного времени в блокированной стране, где, при ограниченной возможности ввоза иностранных товаров, спрос на иностранную валюту не может расти так сильно, как спрос на товары внутри страны. Между тем как внутри страны ко времени окончания военных действий покупательная сила кроны уже немногим превосходила 6% довоенной, курс кроны на цюрихской бирже стоял еще на 36% паритета, а в исчислении на курс доллара на венской бирже составлял даже еще несколько более высокий процент (при паритете в 4,9 крон, доллар котируется в Вене в октябре 1918 г. в 11 с лишком крон). Помимо указанной выше причины—сжатия спроса на иностранную валюту—этому содействовали и меры валютной политики, направленные к поддержанию курса.

Как нам известно, в период выработки плана финансовой мобилизации предполагалось, что в случае наступления войны (размеров и продолжительности которой не предвидели) политика Австро-Венгерского Банка по поддержанию паритета валюты должна продолжаться; но 14 августа 1914 г., когда выяснились размеры международного столкновения, эта обязанность была с Банка снята. Напуганный теми крупными требованиями золота и девиз, с которыми Банку пришлось считаться в конце июля и начале августа, генеральный совет еще 5 августа 1914 года постановил, что золото и иностранные платежные средства будут вперед отдаваться из запасов Банка только для потребностей военного ведомства, для обслуживания государственного долга, для снабжения населения предметами необходимости и, наконец, для оплаты заграничной задолженности банков (поскольку это необходимо в интересах общественного кредита). Этим распоряжением Банк прекратил ведение девизной политики и на продолжительный период (до 1916 г.) устранился с рынка иностранной валюты.

К этой мере Банк был вынужден относительно (для потребностей такой крупной войны) слабостью своего золотого и девизного запаса. В продолжение периода военных действий положение его в этом отношении не улучшилось, но, наоборот, значительно ухудшилось. Этот результат был вызван постоянно в течение военных лет пассивностью австро-венгерского расчетного баланса; как мы знаем, баланс этот и всегда отличался тенденцией к пассивности, в военное же время пассивное сальдо торгового баланса значительно увеличилось, поступления же, прежде позволявшие сальдировать платежный баланс, прекратились. Правда, для оплаты возникавших отсюда заграничных требований иностранную валюту оба правительства двуединой монархии проводили кредитные операции за границей (постоянно—в Германии, а в последние годы войны—и в нейтральных странах), но операции эти не имели достаточной системы и, кроме того, оказались явно недостаточными, так что Австро-Венгерский Банк, на котором лежала обязанность обслуживать выросшие потребности главным образом военного командования в иностранной валюте, должен был отдавать для ее приобретения золото из своего запаса. Это повело к чрезвычайно сильному уменьшению золотого запаса Банка: с 1,094,9 млн. на 31 июля 1914 года он за три года—к 30 июня 1917 г.—упал до 252,6 млн. крон, и только на последнее время войны его размер удалось стабилизировать и даже несколько повысить (31 октября 1918 г.—267,7 млн. крон). За границей, в том числе и у нас, было распространено представление, что такое сильное сокращение золотого запаса Австро-Венгерского Банка в такой короткий срок может быть объяснено только принудительной передачей большей части этого запаса Германскому Рейхсбанку. Однако, в настоящее время мы имеем свидетельство столь компетентного лица, как бывший управляющий Австро-Венгерского Банка, показывающее, что в действительности дело было не так: золото Банка было истрачено по преимуществу на рынках нейтральных стран, на которых закупались часто даже и германские девизы.¹

Сильно сокращался по временам и запас стоявших в распоряжении Банка девиз и других видов иностранной валюты: так, уже к концу первого года войны запас девиз, зачисляемых в металлическое покрытие, упал с 60 млн. до 5,1 млн. крон; к концу 1916 года весь запас Банка в золоте и иностранной валюте опустился с 1.269,9 млн. крон (на 31 июля 1914 года) до 458,1 млн. крон; а в конце войны он составлял 640,0 млн. крон. Впрочем, иногда этот запас поднимался почти до прежних размеров (так, 31 марта 1918 года он составил 1,210,1 млн. крон, если, впрочем, при сравнении с прежним запасом мы не примем во внимание уже значительное к тому времени обесценение марки): объясняется это уже упомянутыми выше и указанными нами далее кредитными операциями, особенно в Германии, доставлявшими и Банку некоторый запас иностранной валюты.

Растущие затруднения на валютном рынке заставили к 1916 г. и Австро-Венгрию (как и другие воевавшие государства) подумать об

¹ Porovics, цит. соч., стр. 125.

упорядочении снабжения валютой тех, кто в ней нуждается; вместе с тем и Австро-Венгерский Банк оказался вынужденным оставить сохранявшееся им в последние месяцы 1914 и в течение всего 1915 года выжидательное положение и снова вступить в некоторые сношения с общим девизным рынком. Для сосредоточения предложения иностранной валюты и спроса на нее, для регулирования условий ее приобретения и надзора над ее использованием в начале 1916 года было добровольно создано банками Центральное Валютное Бюро (Devisenzentrale), подчиненное управлению Австро-Венгерского Банка; этому Бюро его участниками должна была сдаваться иностранная валюта, и из него же должны были удовлетворяться, после рассмотрения целей, на которые испрашивалась валюта, требования на последнюю, при чем для ее покупки и продажи ежедневно устанавливался официальный курс.

Результаты деятельности Бюро первоначально оказались благоприятными для курсов кроны, но еще в 1916 году обнаружились недостатки его организации: его участники сдавали ему валюту весьма неохотно, требования на валюту предъявлялись к нему со всех сторон и для разных различных потребностей, и устанавливаемый им курс начал, наконец, сильно расходиться с рыночным курсом валюты. Дурные последствия этого обрушились прежде всего на Австро-Венгерский Банк, которому пришлось удовлетворять превышение спроса над предложением из своего запаса. Правда, уже до создания Бюро правительствами были приняты меры для пополнения девизных запасов Банка: с 1 января 1916 года лицензии на вывоз стали даваться лишь при условии согласия экспортера на сдачу экспортной валюты Австро-Венгерскому Банку; кроме того, в марте и июне 1916 года Банк предпринял шаги для пополнения своих валютных запасов путем кредитных операций (в Голландии). Но результаты всего этого оказались скромными, и понадобился целый ряд мер по усилению строгости регулирования валютных сделок: 23 декабря 1916 года Валютному Бюро был придан характер официального учреждения, и вместе с этим были более точно регламентированы обязанности его участников (в том числе и по сдаче валюты); 12 марта 1917 года подвергся ряду ограничений ввоз товаров в Австро-Венгрию, что должно было отразиться на спросе на валюту; наконец, 18 июня 1918 года были подчинены контролю всякие расчетные отношения с чужими странами. Контроль над осуществлением этих мероприятий значительно облегчался слабостью международных сношений во время войны и существованием военной цензуры, и за ними следует признать некоторую роль в деле поддержания внешне-валютного курса кроны в этих исключительных условиях. Вместе с тем, благодаря прекращению острого несоответствия между спросом на валюту и ее предложением в Валютном Бюро и благодаря продолжавшимся кредитным операциям за границей, запас девиз и валюты в Австро-Венгерском Банке с начала 1917 года стал более значительным и устойчивым, чем до конца 1916 г. (так, 31 декабря 1917 года девиз в металлическом запасе было снова 60 млн. крон, прочих девиз—85,1 млн. крон, счетов за границей—631,2 млн. крон); лишь прекращение германских кредитов во втором полугодии 1918 года снова

опустошило этот запас (31 октября цифры по трем только-что указанным статьям было: 17,7 млн., 13,9 млн. и 340,5 млн. крон).

Состояние (в млн. крон) главнейших статей баланса Банка во время войны и размер требований его к правительствам по военным ссудам можно видеть из следующей таблицы (нужно иметь в виду, что часть учтенных в последней колонке ссуд правительствам входит также и в две соседние колонки, так как проходила, как нам известно, в виде учета векселей и ломбардной ссуды):

На 31 декабря.	Золотой запас	Девизы мет. запаса	Билеты в обращении	Тек. счета и др. кратк. обяз.	Учет векс., варрангов и пр.	Ссуды под залог	Военный долг прави- тельства
1913 г.	1.241	60	2.494	188	926	311	—
1914 г.	1.055	14	5.137	1.427	2.053	3.395	3.915
1915 г.	685	60	7.162	273	2.977	3.293	6.150
1916 г.	290	6	10.880	425	2.857	3.425	10.907
1917 г.	265	60	18.440	1.958	2.822	3.429	19.305
26 октября 1918 года . .	268	17	30 680	2.849	2.813	4.095	34.969 ¹

Выход Австро-Венгрии из войны решился в конце октября 1918 г., когда чешскою революцией начался процесс распада прежней монархии на отдельные самостоятельные государства. Выделение отдельных областей из прежнего целого, первоначально происходившее стихийно, а в скором времени закрепленное и слегка преобразованное сен-жерменским и трианонским договорами, совершилось в значительной степени за счет и к ущербу руководивших частей прежней монархии—Венгрии и в особенности Австрии. Истощенные войною и блокадою области, отпав от прежних центров, поспешили при помощи всех возможных военно-политических и финансово-экономических мероприятий отгородиться от своих недавних сюзеренов, чтобы сберечь для своего населения наличные запасы продовольствия и производственного сырья. Чрезвычайно тяжелым оказалось положение обеих столиц, в особенности Вены, для которой наступивший вслед за окончанием войны 1919 год оказался годом голода и глубокой нищеты: главным конторам Австро-Венгерского

¹ По поводу этой таблицы нужно заметить, что статья учета, чем ближе к концу войны, тем больше включает в себя государственные векселя (коммерческих векселей в портфеле Банка было в конце 1914 г. 862 млн., 1915 г.—177 млн., 1916 г.—57 млн., 1917 г.—22 млн. крон); колебания статьи текущих счетов на последние числа последовательных годов случайно более резки, чем если бы взять для сравнения другие даты.

Основной работой по деятельности Банка во время войны является указанная книга Popovics'a (Das Geldwesen im Kriege, 1925), затем статьи Federn'a—Oesterreich-Ungarns Geld- und Kreditwesen im Kriege, («Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 43 Band, 2 Heft, 1916), и Die Kreditpolitik der Wiener Banken (в сборнике Geldentwertung und Stabilisierung in Oesterreich, herausgeg. von J. Bunzel, München und Leipzig, 1925, стр. 56—57); много сведений и цифр у Walré de Bordes (The Austrian Crown, London, 1924). См. также Layton and Rist, The economic situation in Austria, Geneva, 1925.

Банка, находившимся в обеих столицах, пришлось, таким образом, стоять особенно близко ко всем трагическим переживаниям населения побежденной страны.

Ближайшие вслед за окончанием военных действий четырнадцать месяцев легально являются последним временем деятельности Австро-Венгерского Банка, так как формально он прекратил свои операции 31 декабря 1919 года. На деле процесс политического распада бывшей монархии очень скоро отразился и на судьбе Банка, которому также (уже с начала 1919 года) пришлось считаться с таким же распадом своего организма: административные и иные связи учреждений его, находившихся в некоторых отделившихся частях прежнего дуалистического государства (в Чехо-Словакии, одно время в Венгрии), с другими его учреждениями, особенно с Веней, были разорваны; единство Банка даже в течение этого короткого периода фактически терпело значительные нарушения. В Югославии ряд мероприятий в конце 1918 и в начале 1919 г. сначала ограничил, а затем и совсем прекратил деятельность филиалов Банка; в Чехо-Словакии 6 марта 1919 г. функции эмиссионного банка были перенесены на новое государственное банковое учреждение, и ему были переданы филиалы Банка; в Польше 23 апреля того же года на таких же началах Банк был заменен Ссудной Кассой; в Италии и Румынии филиалы Банка были закрыты. Таким образом, беспрепятственно функционировал Банк только в Австрии и Венгрии. Не менее резкому распаду подверглось единство его эмиссионной организации вследствие начавшегося в странах-наследницах еще с начала 1919 года штемпелевания обращавшихся на их территориях билетов Австро-Венгерского Банка с целью обращения их в национальные деньги. Тем не менее в течение двух последних месяцев 1918 и в течение 1919 года Австро-Венгерский Банк формально еще существовал и действовал на прежних основаниях.

Коммерческая деятельность Банка за этот период была ничтожной — по указанной выше причине — вследствие глубокого расстройтва, внесенного еще войною в кредитно-денежное обращение монархии. Годовой отчет Банка за 1918 г. говорил: «Запасы коммерческих векселей незначительны, так как расплаты по торговым сделкам производились почти исключительно наличностью с начала войны»; в 1919 году поступление коммерческих векселей в Банк было еще меньше. Та широкая поддержка, которую Банк оказал кредитно-денежному рынку (главным образом в Вене) тотчас по окончании войны, состояла не в поддержании производительной деятельности путем учета векселей, а в широком кредитовании публики под облигации военных займов, кредитовании, имевшем, конечно, потребительное значение: сильное обеспечение кроны и падение доверия к государственному хозяйству заставили население усиленно обращаться к Банку с требованием ссуд под залог указанных облигаций. Ссуды такого рода выпали в особенности на два последних месяца 1918 года — ноябрь и декабрь, т. е. на время, непосредственно следовавшее за окончанием военных действий: в течение этих двух месяцев сумма таких ссуд населению по балансовым остаткам увеличилась на 4,2 миллиарда крон (в один день 7 ноября 1918 г.

ссуд под военные займы было выдано на 609 млн. крон); в 1919 году эта операция была уже гораздо более скромной, особенно если принять во внимание сильное падение кроны (за 1919 г. сумма этих ссуд по балансовым остаткам выросла уже только на 697 млн. крон).¹

Наряду с таким обслуживанием потребностей держателей военных займов Австро-Венгерский Банк продолжал оказывать денежную поддержку тем двум правительствам, с которыми был связан до распада дуалистической монархии, т.-е. правительствам австрийскому и венгерскому. Прежде всего, и после заключения мира, как в течение войны, Банк продолжал выдавать этим правительствам прямые ссуды под долговые обязательства (*Schuldscheine*) обоих государств; как мы уже знаем, начало ряду таких ссуд во время войны было положено соглашением 15 июля 1915 года, а к моменту окончания военных действий таких ссуд было выдано правительствам на 26,432 млн. крон; на 31 декабря 1918 г. долг правительств Банку по таким прямым ссудам числился уже в 31,070 млн., а 31 декабря 1919 года — в 32,954 млн. крон, так что надо считать выданными Банком по этой статье в ноябре и декабре 1918 г. 4,638 млн., а в 1919 г. — 1,884 млн. крон. Другой статьей, по которой в последние месяцы 1918 года Банк продолжал кредитовать правительства, были установленные мартовским соглашением 1918 г. ссуды под процентные кассовые билеты: как указано выше, Банк должен был реализовать эти кассовые билеты выпуском их в обращение, а вырученные в результате их реализации суммы передавать в ссуду правительствам; к концу войны, как нам известно, ссуд правительствам в результате реализации этих билетов было выдано Банком на 2.929 млн., но Банк продолжал реализовывать кассовые билеты и далее, передавая выручку в ссуду правительствам; таким образом, 31 декабря 1918 года ссуды правительствам по кассовым билетам достигли уже 7.418,3 млн. крон, так что за два месяца этих ссуд было выдано на 4.489,2 млн. Ссуды эти, по существу своему краткосрочные (кассовые билеты подлежали погашению в трех- и шестимесячный срок) не были, однако, выплачены правительствами обратно (кроме небольшой части), так что Банку пришлось в 1919 году погашать находившиеся в руках публики кассовые билеты за счет расширения своей эмиссии (следовательно, цель всей операции — задержка инфляционного потока — не была достигнута); поэтому в конце 1919 года кассовых билетов в обращении осталось уже только на 837,2 млн., но долг правительств по этой статье фигурировал в отчетах Банка почти в прежнем размере (7.037,6 млн. крон).

Таким образом, в последние месяцы 1918 г. Банк продолжал кредитовать правительства в тех же формах, какие применялись и перед окончанием войны. Полное изменение всего политического и экономического положения к 1919 г. заставило применить и иные формы кредитования: именно, в этом году правительства опять вернулись к

¹ Это видно из того, что, по отчетам Банка, ссуды под ценные бумаги на 26 октября 1918 г. составляли 4,0 млрд., на 31 декабря 1918 г. — 8,3 млрд., на 31 декабря 1919 г. — 9,0 млрд., между тем как ссуда правительству под ценные бумаги на все три даты оставалась неизменною — в 2,8 млрд. крон.

учету в Банке векселей австрийского и венгерского казначейства, после чего запас этих векселей в портфеле Банка, составлявший в конце 1918 г. 2.800 млн. (сумма правительственных соло-векселей, учтенных Банком в 1914 и 1915 г.г.), вырос к концу 1919 г. до 10.149 млн. крон (впрочем, из этой последней суммы нам не удалось выделить векселя коммерческие, сумма которых, однако, незначительна); кроме того, в течение 1919 года была выдана Банком краткосрочная ссуда Венгрии в размере 3.135 млн. крон. Таким образом, всего за два последние месяца 1918 г. и в течение 1919 года Банком было выдано в ссуду австрийскому и венгерскому правительствам еще 21,5 млрд. крон. Состояние правительственного долга Банку за это время изменилось следующим образом (в млн. крон):

	26 окт. 1918 г.	31 дек. 1918 г.	31 дек. 1919 г.
Консорциальн. и ломбардн. ссуды	2808	2808	2808
Учет векселей казнач.	2800	2800	10149
Специальные ссуды правительствам	26432	31070	32954
Ссуды по кассовым билетам	2929	7418	7038
Краткосрочная ссуда Венгрии	—	—	3135
	34969	44096	56084 ¹

Совершенно ясно, что все эти крупные выдачи (кроме ссудно-кассовых билетов в 1918 г.) могли совершаться лишь при помощи продолжения процесса инфляции. Действительно, за рассматриваемые нами четырнадцать месяцев эмиссия банковых билетов шла возрастающим темпом: на 26 октября 1918 г. билетов Банка в обращении имелось на 30.680 млн. крон, на 31 декабря 1918 г. — уже на 35.789 млн. крон, а 31 декабря 1919 г. — на 54.465 млн. крон. Покрытие билетов Банка за период войны и инфляции чрезвычайно ухудшилось, как видно из следующего сравнения. В 1913 году (31 декабря) билетов Банка в обращении было 2.494 млн., а других обязательств, подлежащих оплате по требованию, было у Банка на 188 млн. Эта сумма (2.681 млн.) была покрыта на 1.502,5 млн. металлическим запасом, на 85 млн. — иностранными векселями и банкнотами, на 926 млн. — коммерческим портфелем и на 311 млн. — ссудами (не правительству) под ценные бумаги (все покрытие — 2.824 млн. крон).

¹ Вальрэ-де-Борд (The Austrian Crown, стр. 53) приводит одну цифру, способную вызвать недоразумение; в таблице, показывающей состояние Австро-Венгерского Банка, он приводит следующие цифры «прямых ссуд правительствам»: на 26 окт. 1918 г. — 26.432 млн., на 31 декабря того же года — 31.070 млн., а на 31 декабря 1919 г. — 42.289 млн. Расхождение этой последней цифры с приведенною нами в тексте объясняется тем, что Вальрэ-де-Борд прибавил для 1919 г. к сумме специальных ссуд (32.954 млн.) еще 9.355 млн. полученных таким образом: взята ссуда по кассовым билетам (7 038 млн.) и ссуда Венгрии (3.135 млн.), и вычтена отсюда сумма кассовых билетов, оставшихся еще в обращении (837 млн.). Расчет этот основан на той мысли, что лишь по мере погашения Банком кассовых билетов ссуды, выданные им правительствам в результате реализации этих билетов, обрачались в действительный долг правительства Банку. Толкование это следует признать неправильным; оно было порождено тем, что только с 1919 г., по мере извлечения кассовых билетов, Банк стал зачислять этот долг в покрытие своих банковых билетов.

В конце 1919 г. обращение билетов составляло 54.465 млн., другие подлежащие оплате по требованию обязательства—7.905,6 млн., всего 62.370,2: из этой суммы должно вычесть находившиеся в Банке беспроцентные билеты ссудной кассы и венгерские государственные билеты (вместе—502,7 млн.), так что остается 61.867,5 млн. крон. Покрытие этой суммы состояло уже только на 279,7 млн. крон металлическим запасом и на 7,9 млн.—иностранными векселями и банкнотами (со времени окончания войны до конца 1919 г. золотой запас Банка сократился на 45 млн., а запас иностранной валюты—на 9 млн. крон), остальную часть покрытия (в общем достигавшего 62.275,4 млн.) составляли ссуды населению (главным образом под облигации военных займов) на 6.238,3 млн. и долг правительств—на 56.084 млн. крон.

Установить обесценение этих денежных знаков, общая сумма которых на всей территории бывшей Австро-Венгрии выросла по сравнению с довоенным временем в 21,8 раз, невозможно, так как уже с начала 1919 года вся эта денежная масса начала дифференцироваться по политическому признаку, и отдельные части ее начали разделять судьбу валют тех стран, наследниц б. монархии, с денежной системой которых эти части объединились. Стремясь к размежеванию валют, эти государства с начала 1919 г. друг за другом приступили к штемпелеванию обращавшихся на их территории билетов Австро-Венгерского Банка с целью обратить их в национальные денежные знаки; сеп-жерменский и трианонский договоры сделали это штемпелевание обязательным для всех унаследовавших территорию бывшей монархии государств; впрочем, часть держателей билетов уклонилась от штемпелевания, да и сам Австро-Венгерский Банк продолжал после этого выпускать как штемпелеванные (для Австрии), так и нештемпелеванные (для иностранцев) билеты, так что в денежном обращении наблюдался полный хаос. Если припомнить, что большинство стран-наследниц (Чехо-Словакия, Польша, Румыния, Югославия, Италия), отнесенное к государствам-победителям, в своем денежном обращении оторвалось от связей с судьбами австро-венгерской валюты, и что в Венгрии эта связь была на время прервана социальной революцией, можно считать особенно показательным для судьбы банковых билетов состояние денежного обращения в республике Австрии, тем более, что именно с этой страной была особенно тесно связана тогда и деятельность Австро-Венгерского Банка. В Австрийской республике после войны создалось крайне тяжелое положение: последствия военного поражения, голод, общее отсутствие товаров, рост инфляции, недоверие к валюте, выражавшееся в «бегстве от кроны», привели к сильному обесценению денег: падение покупательной силы кроны за этот период видно из того, что индекс стоимости жизни поднялся между серединой октября 1918 г. и серединой января 1920 года с 16,40 до 49,22 (принимая цены июля 1914 г. за единицу): падение внешне-валютного курса кроны шло все более быстрым темпом: в конце войны доллар котиrowался в Вене в 11 крон, а в январе 1920 г. эта котировка составила уже 271,43 кр. (паритет—4,95 кроны). Установленная во время войны строгая регламентация валютных сделок не была в это время отменена, но фактически все

больше теряла значение и силу, и упорное падение курса австрийской кроны лишь по временам и ненадолго задерживалось случайными интервенциями (с которыми, повидимому, и связано некоторое сокращение золотого и валютного запасов Банка в послевоенный период.).

Состояние Австро-Венгерского Банка к концу его деятельности было следующим (в млн. крон):

	Золотой запас.	Девизы мет. запаса.	Бил. в обраше- нии	Тек. сч. и др. кр. сроч. обр.	Учет вексел., варран- тов и пр.	Ссуды под залог
26 окт. 1918 г. . .	268	17	30680	2849	2813	4095
31 дек. » » . . .	261	23	35589	7141	2883	8349
31 дек. 1919 г. . .	223	8	54465	7906	10150	9046

В этой таблице колонка, озаглавленная «учет векселей и проч.», представляет собою почти только одни казначейские векселя (для 1918 г. казначейских векселей в портфеле имелось на 2.800 млн. кр., и лишь остальную сумму представляют собою векселя коммерческие; в 1919 году коммерческих векселей уже почти не было); в колонку «ссуды под залог» во всех трех строках входят ссуды правительству на 2.808, так что ссуды населению составляли 31 декабря 1918 года 5.541,5 млн. крон, 31 декабря 1919 г.—6.328,3 млн. крон. В таблицу не включен остальной долг правительств, составлявший, следовательно (кроме долга по казначейским векселям и по консорциальной и ломбардной ссуде), 31 декабря 1918 г.—38.488 млн. крон, а 31 декабря 1919 г.—43.126 млн. крон.

1919 год был последним годом деятельности Австро-Венгерского Банка как такового. В течение этого года был решен вопрос о его ликвидации, при чем ни постановка этого вопроса, ни последующее его разрешение совершенно не соответствовали всему тому, что проектировалось в этой области в годы, предшествовавшие поражению центральных держав в мировой войне. Нам уже известно, что, по взгляду самого Банка, изложенному в работах его генерального секретаря Месензеффи, вышедших в девяностых годах XIX века, все имущество Банка и его акционеров должно было считаться состоявшим в золоте; мотивировалось это тем, что золотой запас Банка возник из тех металлических взносов по акциям, которые в разное время были сделаны акционерами, и тем, что в случае ликвидации Банка, после оплаты всех его билетов и обязательств, в его распоряжении останется золотой запас, превышающий счета Банка по его имущественным статьям.¹ Однако в уставе Австро-Венгерского Банка этот принцип не нашел себе выражения; по ст. 107 устава, в том случае, если правительства захотят взять в свои руки все составляющее предмет привилегии дело Банка, та сумма, которую они должны будут уплатить акционерному обществу, подлежит внесению «в валюте, установленной законом 2 августа 1892 года»; по поводу включения этой статьи в устав 1899 года

¹ Брошюры Mesensseffy—Das Vermögen der öst.-ung. Bank (1897 г.) и Bericht über den Goldbesitz (1897) и издание Банка Die Agioreserve (1898); см. выше стр. 181—182.

генеральный совет Банка указывал акционерам, что, хотя все имущество Банка и состоит в золоте, Банк не выговорил себе уплаты этим металлом, «желая выразить недвусмысленным образом свое доверие к удачному исходу валютной реформы». ¹ Тогда было лишь постановлено, что если общество будет распушено, то генеральный совет должен прекратить операции, реализовать все требования, обратить в деньги все движимое и недвижимое имущество Банка и исполнить все его обязательства; остающиеся суммы подлежат разделу между акционерами.

Когда во время войны возрастающая инфляция стала угрожать обесценением денег, управлявшие Банком органы сочли необходимым обусловить дальнейшую выдачу ссуд правительствам таким соглашением, которое по возможности защитило бы имущество банковского общества против опасностей, представляемых этим обесценением. Вследствие этого при заключении 7 октября 1914 года соглашения об учете казначейских соло-векселей, в соглашение это включена была статья, по которой, если оба правительства воспользуются своим правом взять банковское дело в свои руки, то и суммы в 1520 крон на акцию и приходящаяся акционерам доля в резервном фонде должны быть выплачены по выбору правительств или в действительном золоте, или в эквиваленте золота (по расчету 0,304878 грамма чистого золота за крону). Это вполне соответствовало проводившимся уже с девяностых годов взглядам Банка на ценность его имущества, и бывший управляющий Банка недавно защищал указанное соглашение следующим образом: «Не следует при этом упускать из виду, что в случае истечения банковской привилегии, если дело Банка не было бы взято правительствами в свои руки, и поэтому наступила бы нормальная ликвидация банковского общества, по вычете обязательств осталось бы чистое имущество, по всей вероятности равное акционерному капиталу и очень значительной части резервного фонда, и это чистое имущество, насколько человек мог тогда предвидеть, должно было остаться состоящим в действительном золоте. Конечно, в то время, когда заключалось это соглашение, никто не мог думать о такой ликвидации, которая предписывается сен-жерменским и трианонским договорами, и которая посредством назначения всех активов на удовлетворение требований держателей банковых билетов отпускает акционеров ни с чем». ²

Следовательно, по представлению, существовавшему в мирное время и в начале войны, ликвидация Банка должна была осуществиться путем реализации всех требований Банка (в том числе и требований его к правительствам); так как это чрезвычайно понизило бы сумму

¹ Motivenbericht zu den vereinbarten Aenderungen der Statuten etc. 1898, стр. 13. При взятии правительствами Банка в свои руки (ипотечное отделение оставалось банковому обществу), акционеры должны были получить по 1520 крон на акцию; кроме того, им должны были быть уплачены нераспределенный еще дивиденд и приходящаяся на каждую акцию доля резервного фонда (за покрытием потерь, которые к тому времени окажутся).

² Porovics, цит. соч., стр. 63. Привилегия Банка истекла 31 декабря 1917 г.; законами 27 дек. 1917 г. она была продлена временно до конца 1919 года.

билетов в обращении, то за оплату всех обязательств Банка его имущество тогда, действительно, должно было остаться золотым. Первый удар этому проекту нанесло расточение золотого запаса Банка во время войны, второй был нанесен военным поражением и распадом монархии. Подписанный 10 сентября 1919 года сен-жерменский мирный договор объявил Австро-Венгерский Банк подлежащим ликвидации, при чем условия этой ликвидации были установлены 206 статьей этого и 189 статьей трианонского договора. Характерными чертами относящихся сюда постановлений договоров являются, во-первых, признание современной Австрийской республики и современной Венгрии единственными юридическими преемниками (а, следовательно, и единственными носителями обязательств) бывшей дунайской монархии и, во-вторых, игнорирование частного и акционерного характера Австро-Венгерского Банка. Предписав государствам, унаследовавшим территорию Австро-Венгрии, произвести в течение известного срока штемпелевание обращающихся в их областях билетов Австро-Венгерского Банка, затем заменить их собственными денежными знаками и сдать извлеченные из обращения билеты названного Банка в репарационную комиссию, статья 206 постановляет затем, что ликвидация Австро-Венгерского Банка должна считаться начавшеюся уже с 11 сентября 1919 года и должна производиться комиссарами, назначаемыми репарационной комиссией; комиссары эти должны, при ликвидации, соблюдать устав Банка и вообще имеющие отношение к ведению Банка предписания, но без нарушения постановлений 206 статьи договора. Выпущенные Банком после 27 октября 1918 года билеты считаются, по этой статье, покрытыми только вложенными в Банк для их покрытия долговыми обязательствами прежних или настоящих австрийского и венгерского правительств; держатели этих билетов не имеют никакого права на остальные активы Банка. Держатели же тех билетов Банка, которые выпущены последним до 27 октября 1918 года включительно, поскольку эти билеты, по той же статье, соответствуют условиям для допущения к ликвидации, имеют одинаковое право на все активы Банка, при чем составною частью этих активов не признаются выпущенные прежними и настоящими австрийским и венгерским правительствами и внесенные ими в Банк для покрытия разных выпусков банковых билетов документы (titres); документы эти, т.-е. всякого рода долговые обязательства австрийского и венгерского правительств, переданные Банку правительствами в обеспечение ссуд до конца войны, частью подлежат уничтожению, частью же употребляются для покрытия тех билетов Австро-Венгерского Банка, которые обращались за пределами прежней Австро-Венгерской монархии. Ликвидация происходит следующим образом: правительства государств, унаследовавших австро-венгерскую территорию, передают, как сказано выше, извлеченные ими из обращения билеты Австро-Венгерского Банка репарационной комиссии; эта комиссия выдает указанным правительствам удостоверения (сертификаты) относительно суммы переданных ей билетов, и каждое из этих правительств представляет свое удостоверение ведущим ликвидацию Банка комиссарам для реализации тех прав на активы Банка, которые выпадают на долю представленных этим

правительством билетов. Следовательно, ликвидация, по этому плану, не начинается реализацией всех требований Австро-Венгерского Банка: из активов Банка выделяются требования его к правительствам современных Австрии и Венгрии и та доля переданных до конца войны обязательств австрийского и венгерского правительств, которая обеспечивает находившиеся за границей билеты; остальная часть государственных обязательств аннулируется, а прочие активы Банка подлежат разделу между государствами-наследниками по критерию, заключающемуся в сумме представленных каждым из этих государств банковых билетов. Таким образом, требованиям держателей выпущенных до окончания войны билетов, достигавшим в общей сумме тридцати с лишком миллиардов крон, противостояли лишь немногие статьи актива Австро-Венгерского Банка—металлический запас его (279,7 млн. крон) иностранные векселя (7,9 млн. крон), неправительственные ценные бумаги (6,7 млн. крон) и некоторая часть так наз. «прочих активов». ¹ На практике почти единственной ликвидной статьей баланса Банка являлся его металлический запас, который в первую очередь и подлежал разделу между представившими банковые билеты правительствами; на долю акционеров Банка, действительно, не оставалось ничего.

31 декабря 1919 года Австро-Венгерский Банк прекратил большую часть своих операций, а с 1 января 1920 г. он был разделен на три части—находящийся в ликвидации Банк, австрийский отдел Австро-Венгерского Банка и венгерский отдел Австро-Венгерского Банка; часть активов и обязательств Банка была последовательно передана австрийскому и венгерскому отделам, которые стали продолжать текущие операции для соответствующих стран и явились, таким образом, временными центрально-эмиссионными учреждениями послевоенных Австрии и Венгрии (но не других стран, наследовавших территорию бывшей монархии). Номинально являясь остатками Австро-Венгерского Банка, оба названных отдела носили уже характер, резко отличавший их от этого кредитного учреждения. Австрийский отдел Австро-Венгерского Банка фактически находился под сильным влиянием правительства (юридически отношения были неопределенными); до осени 1922 года он продолжал вести инфляционную политику, широко кредитую государство, а с 1921 года—и другую клиентелу (кредитование последней лишь содействовало накоплению иностранной валюты и товарных запасов, характерному для переживавшегося тогда Австрией «бегства от денег»). После проведенной осенью 1922 г. в Австрийской республике стабилизации кроны это временное кредитное учреждение должно было уступить место правильно организованному эмиссионному учреждению; с 1 января 1923 г. взамен закрытого австрийского отдела Австро-Венгерского Банка открыл свои действия новый акционерный Австрийский Национальный Банк. Что касается до венгерского отдела Австро-Венгерского Банка, то это учреждение, после полуторагодовой деятельности,

¹ Цифры, конечно, не сопоставимы, так как кроны металлического запаса в преобладающей части золотые, иностранные векселя оценены по паритету, а прочие статьи баланса исчисляются на бумажные кроны.

ознаменованной также широким обслуживанием нужд правительства, было замечено (с 1 августа 1921 года) «королевским венгерским государственным эмиссионным учреждением».

Предписанное сен-жерменским (и трианонским) договором назначение ликвидаторов Австро-Венгерского Банка, однако, отсрочилось, так как руководящие органы этого Банка вступили в переговоры с победителями, стараясь смягчить постановления, наносившие ущерб интересам акционеров и интересам Австрии и Венгрии. Ликвидаторам, назначенным только в августе 1920 года, пришлось считаться с целым рядом связанных с их задачей сложных вопросов, для разрешения которых им четыре раза (в январе и мае 1921 г., в феврале 1922 г. и в феврале 1924 г.) пришлось созывать конференцию представителей государств, унаследовавших территорию бывшей монархии.¹

На третьей из этих конференций (соглашением 14 марта 1922 г.) был установлен, наконец, общий план ликвидации, который вслед за этим—главным образом в течение 1923 г.—после ряда предварительных работ был проведен в жизнь. В основу этого плана была положена та мысль, что государства, унаследовавшие территорию монархии, берут в свои руки коммерческие активы и пассивы Австро-Венгерского Банка, численные в австро-венгерских (следовательно, фактически, бумажных) кронах, оставляя, таким образом, вне этой передачи требования Банка по его ссудам австрийскому и венгерскому правительствам, все его требования и долги, выраженные в золоте и иностранных валютах, а также все счета, так или иначе связанные с его эмиссионной деятельностью; кроме того, передача эта не распространилась на все коммерческие активы и пассивы, ликвидируемые в процессе текущих операций (таких было большинство), а также и на ликвидированную таким же образом большую часть ипотечных ссуд. Осуществление этого плана состояло в том, что ликвидаторами была инкассирована большая часть его несвязанных с выпуском билетов долгов (так были ликвидированы все требования и долги, числившиеся в иностранных валютах), были аннулированы требования Банка к австрийскому и венгерскому правительствам и, наконец, распределены между государствами-наследниками коммерческие операции, выраженные в австро-венгерских кронах, за исключением тех операций, которые уже были ликвидированы (государства-наследники поручили дальнейшее ведение распределенных операций своим национальным банкам); между этими же государствами были распределены и помещения и обязательства пенсионного фонда, а также часть ипотечных ссуд. С другой стороны, мартовское соглашение 1922 г. приняло некоторые меры и для удовлетворения акционеров Банка, которые сен-жерменским и трианонским договорами были совершенно обойдены: этим акционерам была предоставлена часть недвижимостей Банка (на Банковой улице в Вене и в австрийских его филиалах), а также банковская типография с ее оборудованием. Это

¹ То обстоятельство, что дело ликвидации так затянулось, породило ходившую в Вене острогу, что, когда будет назначен страшный суд, его придется отложить, так как ликвидация Австро-Венгерского Банка и к тому моменту не будет закончена.

имущество, проданное затем акционерами новому Национальному Банку, принесло им 42,5 млрд. бумажных крон, а вместе с их долей в австрийском отделе Австро-Венгерского Банка (эта доля была односторонне определена австрийским правительством)—55,3 млрд., т.-е. 368.666 крон на акцию. Так как реализация прав акционеров происходила во второй половине 1923 года, полученная акционерами сумма составила, по тогдашнему курсу, 25 золотых крон на акцию (вместо требовавшихся ими 1.520 золотых крон), да и эта уступка была им дана лишь на условии отказа от дальнейших притязаний к ликвидационной комиссии.

Главную частью ликвидационной работы являлось, однако, удовлетворение требований держателей билетов Австро-Венгерского Банка, т.-е. фактически тех государств, которые собрали эти билеты на своих территориях и представили их репарационной комиссии; именно для оплаты этих требований ликвидаторы, в процессе своей работы, всячески охраняли золотой запас Банка от употребления на другие цели: ликвидация иных обязательств Банка проводилась главным образом при помощи реализации авуаров Банка в иностранной валюте, его серебряной наличности и иных активов. Прежде всего подлежали удовлетворению требования тех держателей банковских билетов, которые пребывали за границами бывшей монархии. Активы Банка, остающиеся за удовлетворением этих и других упомянутых выше обязательств (фактически речь шла о золотом запасе), подлежали разделу между унаследовавшими территорию Австро-Венгрии государствами пропорционально суммам находившихся в их обладании билетов Банка, выпущенных до конца войны (до 27 октября 1918 г.). Для этого был сделан расчет обращения (к этому моменту) банковых билетов в каждой из унаследовавших территорию монархии стран; если окажется, что какая-либо из этих стран представит репарационной комиссии большую сумму билетов, чем приходится на ее долю по указанному расчету, то излишек банковых билетов считается выпущенным после 27 октября 1918 года. В удовлетворение тех требований, которые возникают из обладания этими последними (выпущенными после 27 октября 1918 г.) билетами, Австрия и Венгрия (в равных долях) уступают из своих долей золотого запаса 5 миллионов крон, которые и распределяются между прочими участвующими в дележе странами пропорционально их требованиям.

На практике раздел активов Банка (главным образом—золотого запаса) происходил следующим образом. К моменту, считавшемуся днем начала ликвидации, т.-е. к 10 сентября 1919 г., золотой запас Австро-Венгерского Банка составлял 259,1 млн. золотых крон, но из этой суммы еще до начала ликвидаторами их работы было израсходовано Банком 46,8 млн. крон на погашение голландского кредита и некоторые другие операции, и 3,5 млн. было отложено для обеспечения одного судебного требования к Банку; из остальной суммы 14 миллионов было употреблено на удовлетворение требований иностранных держателей банковых билетов. Таким образом, должно было остаться около 194,8 млн. крон золотого запаса; почти весь этот запас (именно 173,4 млн. зол. крон) был распределен между участвовавшими в дележе

государствами еще в начале 1921 г. и в начале 1922 г.—в порядке авансов в счет их частей в активе Банка (кроме золота в виде авансов были распределены еще некоторые авуары Банка и его недвижимости).

Счета ликвидации (кроме некоторых, оставшихся в отсроченном состоянии) были закрыты 31 июля 1924 г., когда избыток активов над пассивами определен в 210,5 млн. зол. крон (в том числе и внесенные австрийским и венгерским правительствами 5 млн. крон золотом). Этот активный сальдо подлежал разделу между государствами-участниками соответственно указанному выше критерию (обращение билетов); распределение и зачет авансов произошли следующим образом:

	Доля, при- ходившаяся каждому го- сударству (согласно критерию)	Полученный аванс		Оставал. получить	
		Весь аванс	В т. ч. золотом	В общих активах	Распреде- ление 5 млн. кр. золотом
Австрии	28,9	25,2	19,7	1,2	—
Венгрии	28,9	25,2	19,7	1,2	—
Чехо-Словакии	43,7	44,3	35,9	— ¹	2,1
Италии	18,1	17,8	17,2	0,2	0,5
Румынии	44,1	43,5	41,0	0,5	1,3
Югославии	30,9	30,2	27,3	0,6	0,7
Польше	15,5	15,1	12,4	0,3	0,3
ВСЕГО	210,1	201,6	173,4	4,0	5,0 ²

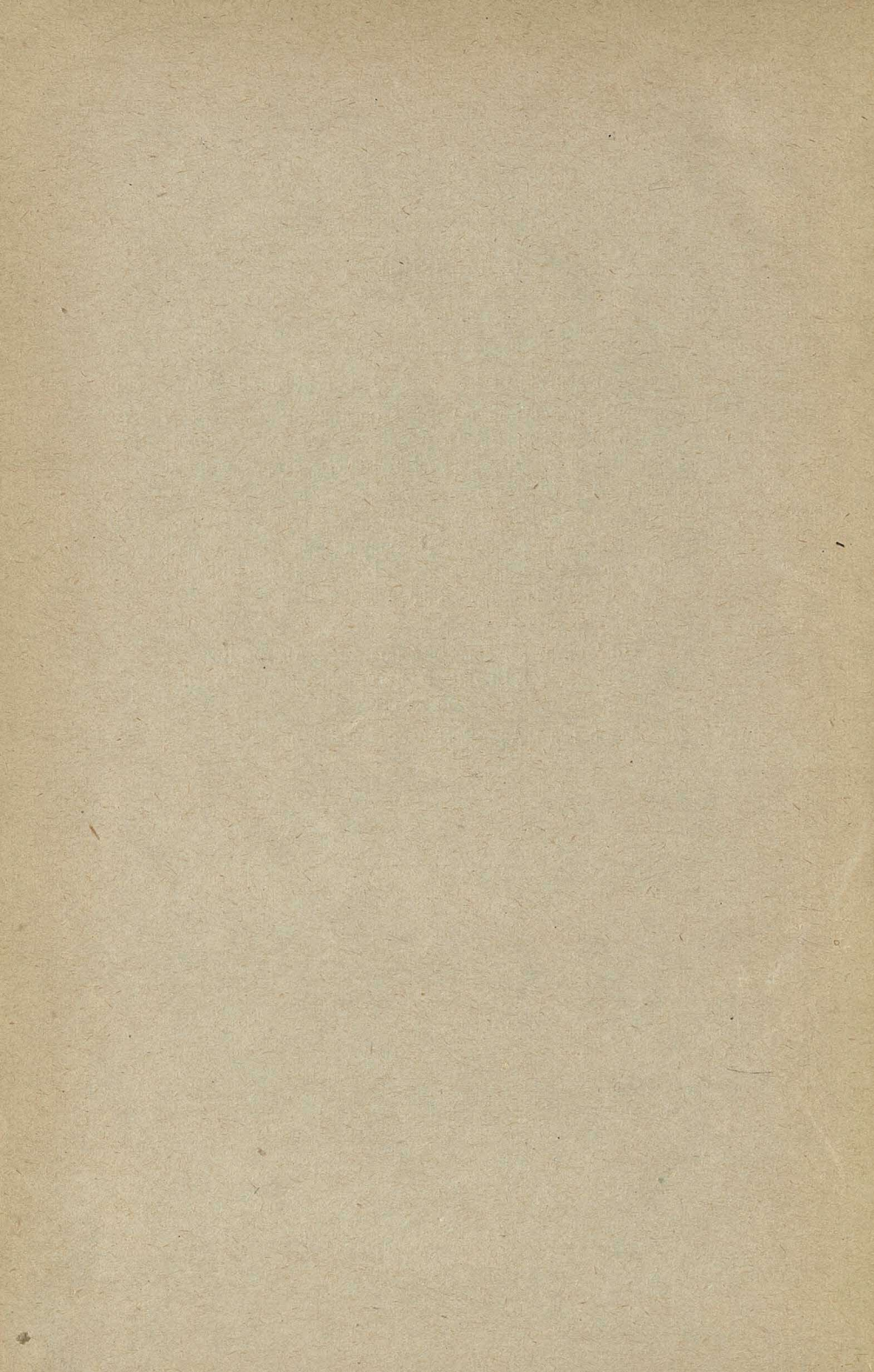
Так закончил свое существование Австро-Венгерский Банк. 27 июля 1923 года состоялось последнее общее собрание его акционеров.

¹ Чехо-Словакия должна была возвратить ликвидационной массе полученный ею излишек аванса.

² R. Kerschagl. Die Währungstrennung, Wien, 1920, особ. стр. 47, и сл.; League of Nations, Memorandum on Central Banks, Geneva, 1924, стр. 75—76 и сл.; Dierschke und Müller, Die Notenbanken der Welt, Berlin, 1926, I Band, стр. 359—362. Весь ход ликвидации подробно изложен в обширной (720 стр.) работе ее участника A. Zeuseanu, La liquidation de la Banque d'Autriche-Hongrie, Vienne, 1924, которою мы главным образом и пользовались.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Центральный банк домартовской Австрии	5
Глава II. Борьба с денежным расстройством и реформа Банка	38
Глава III. Вопросы банковской формы и организации	75
I. Банк и Венгрия. II. Кредитно-эмиссионная политика Банка в 60-х и 70-х годах. III. Прения в рейхсрате в 1887 году.	
Глава IV. Валютная реформа и задачи Банка	140
I. Валютная реформа. II. Обсуждение задач Банка в период реформы. III. Политика Банка в 1892/1895 г.г. IV. Дальнейшее обсуждение задач Банка.	
Глава V. Девизная политика	192
I. Дисконтная и девизная политика Австро-Венгерского Банка. II. Вопрос о восстановлении размена. III. Значение девизной политики.	
Глава VI. Последние годы Австро-Венгерского Банка	265

1821

Цена 4 руб.

ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКФС СССР

Москва—Центр, Пушечная (б. Софийка), № 10.

Книжный магазин: Кузнецкий мост, дом 7/9.

2022530737